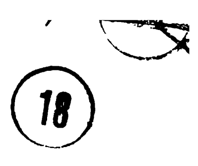
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1975

Настоящий том ежегодника «Этимология» объединяет новейшие исследования советских и зарубежных лингвистов в области этимологии. Большая часть статей посвящена проблемам славянской и русской этимологии.

Э $\frac{70101\text{-}041}{042\,(02)\text{-}75}$ 375-75

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

НЕСКОЛЬКО ДРЕВНИХ ЛАТИНСКО-СЛАВЯНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

В предлагаемой работе анализируются некоторые факты этимологии, словообразования, сочетания слов и морфем, объединяющие латинский и славянский. Связь между латинским и славянским принято рассматривать в общем ряду родственных связей древних индоевропейских диалектов между собой. Насколько известно, никто не ставил вопрос о преимущественном или исключительном характере древних языковых отношений латинского и славянского. По-видимому, считается, что материал для этого отсутствует. В известной книге В. Порцига [1] раздел «Италийские языки и славянский», занимает одну-две страницы (из словообразования и лексики там приведены соответствия лат. *ōstium*: слав. *ustьje*, названное «сходным явлением», лат. mortuus: слав. *mьrtvъ*, новообразование, толкуемое автором как влияние западных индоевропейских языков на славянский, далее — лат. *hospes*, *hospitis*: слав. *gospodь*, культурный термин лат. *secūris*: слав. *sekyra*, лат. *cāseus*: слав. *kvasъ*). Очевидно, что поверхностный перечень Порцига далёк от полноты и не может служить достаточным основанием для тех или иных суждений по названному вопросу [2].

Сама методика исследования латинско-славянских связей разработана ещё недостаточно (примером может служить статья Я. Сафаревича об италийско-славянских языковых связях [3], где лексический материал рассматривается по грамматическим категориям, что вряд ли можно считать удачной исследовательской процедурой, поскольку при этом неизбежно упускается из виду лексико-семантическая специфика слов и групп слов).

Нас здесь интересуют в первую очередь исключительные или преимущественные связи латинского и славянского в лексике, носящие древний характер. При этом не всегда легко провести

---

[1] В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 197 и сл.

[2] Попутно отметим следующее небезынтересное высказывание автора: «Особых соответствий, связывающих италийские языки с балтийским, нет» (В. Порциг. Указ. соч., стр. 199) .

[3] J. Safarewicz. «Rocznik slawistyczny», t. XXIII, cz. 1, 1964.

различие между общим архаизмом и общей инновацией. В ряде случаев этот вопрос остается открытым. Показательной для общих языковых переживаний обычно считается только общая инновация, а не общий архаизм, однако в этом видна определенная недооценка у с л о в и й сохранения общего архаизма; этими условиями тоже могли быть совместность языковых переживаний, языковой контакт. Весьма поучительно в типологическом отношении сослаться при этом на так называемую «теорию холодильника», Kühlschranktheorie В. Кипарского, выдвинутую этим ученым для объяснения оборота nominativus cum infinitivo в русском языке типа *земля пахать*, *печка топить*, *душа спасать* [4]. Кипарский пришел к заключению, что корни этой конструкции уходят в глубокую древность как в финноугорском, так и в индоевропейском, но в то время как в большинстве индоевропейских, славянских языков именительный падеж при инфинитиве был заменен винительным прямого объекта, русские (преимущественно северновеликорусские) диалекты лучше сохранили старый оборот под влиянием сходного оборота в соседних или субстратных финских языках. Существенно, что сохранение общего — или в данном случае сходного — архаизма оказалось возможным именно вследствие языкового контакта, иначе говоря — о б щ и й а р х а и з м с в и д е т е л ь с т в у е т о я з ы к о в ы х к о н т а к т а х.

Таким образом, не считая необходимым проводить навязчивое разграничение между общей инновацией и общим архаизмом, подчас затруднительное при решении вопросов большой древности, мы, естественно, отдаем себе отчет в бесспорной важности выявления общих новообразований. Из выдвигавшихся нами ранее латинско-славянских лексико-словообразовательных параллелей к совместным инновациям могут быть отнесены следующие: слав. **gъrnidlo* 'горнило, вместилище печи' (русск.-ц.-слав. *гърнило*) — нар.-лат. **furniculum* (откуда, напр., соврем. франц. *fournil* 'пекарня', 'прачечная') [5]; слав. **gъrnьcь* 'глиняный сосуд, горшок' — лат. *fornix*, вин. п. *fornicem* 'свод, арка' [6]; слав. **dъvigo* (словин. *dvjīgə* 'ярмо для двух волов') — лат. *bīgae* ж. р. мн. ч. 'двойная упряжка' < **du̯ii̯ugai̯* [7]. Сюда примыкает предложенная нами в самое последнее время преимущественно латинско-славянская (с участием осетинского) параллель слав. **mystlь* 'мелкий зверек, белка-летяга' (ср. реликт *мыслию по древу* в «Слове о полку Игореве»,

---

[4] V. K i p a r s k y. Gibt es ein finnougrisches Substrat im Slavischen? «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», ser. B, t. 153, 4. Helsinki, 1969, стр. 19 (там же остальная литература).

[5] О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, стр. 196.

[6] Там же, стр. 197.

[7] О. Н. Т р у б а ч е в. Заметки по лехитской этимологии. «Исследования по польскому языку». М., 1969, стр. 305.

русск. диал., псковск., *мысь* 'белка') — лат. *mūstēla* 'ласка' [8], общая инновация или, может быть, общий архаизм, если учитывать реликтовый характер элемента **tel-/*-tl-* < и.-е. **tel-* 'носить(ся)' в обоих образованиях [9].

Интересные примеры старых словообразовательно-лексических параллелизмов латинского и славянского дал В. Н. Топоров: слав. **domosěd-* — лат. *domisēda*, слав. **vele-l'ub-* — лат. **uolub-* (откуда *uoluptas*) [10].

Мы представляем себе латинско-славянские лексические соответствия или параллелизмы как словообразовательно-разветвленные. Раньше уже приходилось называть примеры такого рода, когда параллелизм, многократный по своей природе, охватывает производящую основу (слав. **gъrnъ* — лат. *furnus*) и производное или производные (соответственно: **gъrnьcь*, **gъrnidlo* — *fornicem*, **furniculum*). Как видим, архаизмы и инновации могут образовывать сложные переплетения, и именно эта сложность придает получаемой картине или фрагменту языковых отношений как бы привкус реальности, которого нас лишает более ригористическое решение проблемы (или архаизм или инновация...). Словообразовательная инновация может вырастать на базе общего архаизма в буквальном смысле, ср. производные от общей индоевропейской праформы с суффиксами **-tl-*, *-k-*, которые являются отнюдь не банальными инновациями (отсюда слав. **gъrnidlo*, **gъrnьcь*, лат. **furniculum*, *fornix*, о которых — выше). Далее, словопроизводная инновация способна содействовать консервации, сохранению также архаической производящей основы, в иных случаях она сигнализирует древнее наличие последней косвенно. Ср. слав. **košь* (ст.-слав. кошь κόφινος), **koslь* (русск. *коше́ль*) — лат. *quālus* (**quas-lo-*) 'плетеная корзина', уменьшительное *quasillus* 'корзиночка' (в литературе по этимологии обычно почему-то игнорируется эта специальная общность *-l-* производного, охватывающая латинский и славянский). В последнем случае латинская производная форма лишь косвенно указывает на древнее наличие непроизводного архаизма **quas-*, тогда как славянский богаче, в нем сохранился и архаизм без *-l-* и производная инновация на *-l-*.

В связи с основной темой настоящей статьи мы хотели бы обратить внимание на интересный славянский оборот **věno dati*. Основной наш материал, документирующий это словосочетание, происходит из русскоцерковнославянских и древнерусских текстов:

---

8 О. Н. Трубачев. Ещё раз мыслию по древу. «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков». М., 1974.

9 В. И. Абаев (В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 28, 80, 130—131) сравнил лат. *mūstela* и осет. *mystulæg* 'ласка', но толковал оба слова, в отличие от нас, как деминутивы.

10 В. Н. Топоров. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. «Этимология. 1972». М., 1974. — См. его же статью о слав. *istъ* — лат. *iste*: КСИС 25, 1958, стр. 80 и сл.

аще ли инꙋ поиметь себѣ и потребныа и ризы и вѣно ея дасть еи... Исх. XXI. 7—11; здесь *вѣно дати* значит 'дать приданое'[11]. Довольно богатый дополнительный материал, иллюстрирующий это словоупотребление, приводит «Словарь древнерусского языка XI—XIV веков» под редакцией Р. И. Аванесова (вып. I, рукопись, Институт русского языка АН СССР) и особенно — картотека этого Словаря, хранящаяся в Институте: вѣно даꙗти за нѧ по силѣ имѣныꙗ ихъ. Рязанская кормчая 1284 г., л. 278 в—г; мужь оубогъ сы все вѣно даті долъженъ ѥсть. Рязанская кормчая 1284 г., л. 285а; ... и вѣно прежебрачныи даръ даꙗти за нѧ. по мѣрѣ имѣныꙗ ихъ. Кормчая Варсонофиевская, конец XIV в., л. 273а. Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV веков, содержащая исчерпывающую выборку примеров с *вѣно* из Рязанской кормчей, Кормчей Варсонофиевской и Мерила Праведного, насчитывает также немало других выражений, которые — прямо или косвенно — восходят к инфинитивному обороту *вѣно дати (вѣно даꙗти)*: не дадыи вѣна, даномоу за ню вѣну, жена, не давъшиꙗ вѣна, оць вѣно даꙗ. Ближайшим преобразованием конструкции *вѣно дати* являются предложные обороты *въ вѣно дати*, *за вѣно дати*: ... дасть ѝ Фараось въ вѣно дщери своеи. Иис. Нав. XVI. 10[12]; и оженися Владимиръ царицею Анною и дастъ Корсунь царема за вѣно ... Рогожский летописец, 15. XV век; тоть городъ ... въ вѣно данъ королевнѣ ... Польские дела III, 803. 1571 г.[13] Картотека Древнерусского словаря XI—XVII веков, кстати сказать, кроме производного *вѣноданый*, *приданый*, ἐπίπροικος, προικῷος, *dotatus*, *dotalis* из Лексикона треязычного Ф. Поликарпова 1704 года, дает только преобразованные обороты с предлогами *въ вѣно*, *за вѣно* (вдасть, данъ, дати): тѣмже и въ вѣно да ѥи Римь καὶ ἐν τοῖς προικίοις ἐδωρήσατο αὐτῇ τὴν Ῥώμην. Откровение Мефодия Патарского I. XII—XIII вв. И уже как откровенная порча этих преобразованных приставочных конструкций предстают случаи вроде: дасть ѝ фараонъ въ завѣино дщери своеи (ἐν φερνῇ). Иис. Нав. XVI. 10[14]; дасть ѝ фараѡ въ смѣино дщери своѥи ... Иис. Нав. XVI. 10[15].

Основной оборот *вѣно дати* всегда оставался ясным и прозрачным по составу, что следует из наличия синонимичных конструкций с заменой глагола: аще му^ж приѥмъ вѣно въсхоце^т /ѥже по ѡбычаю вѣно створити / своѥи ѡбрученіці хотѧщи / за нь поити ... Рязанская кормчая 1284 г., л. 276 л. (Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV веков). Примерно о том же свидетельствует соотносительная с *вѣно дати* конструкция взѧти вѣно в той же кормчей, употребленная о жене, которая желает

---

[11] Срезневский I, стб. 486—487.
[12] Там же.
[13] Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. I. М., 1974.
[14] Срезневский I, стб. 904.
[15] Срезневский III, стб. 450.

развестись с мужем, будучи оскорблена несправедливым обвинением в прелюбодеянии.

Прозрачность оборота *вѣно дати*, иллюзия почти полной свободы сочетания слов в нем оборачивается роковым образом для исследователя в том смысле, что лексикографы почти без исключения проходили мимо этого факта языка (словаря и фразеологии), интуитивно опуская его, видимо, по мотивам принадлежности к подвижной стихии речи. Мы полагаем, что эта иллюзия обманчива и что перед нами — древнейшая правовая конструкция — формула. Молчание словарей русского языка на этот счет есть лишь лексикографический дефект. Так, например, если ни словарь Даля, ни «Словарь русских народных говоров» (ни другие доступные нам русские словари) не приводят выражения *вено дать*, оно, тем не менее, достоверно известно в русских народных говорах. Южновеликорусский говор деревни Голяковка Мглинского района Брянской области знает *вено дать* ʻдать приданое за невестойʼ: за ёю такóе вéна багáтае дáли [16].

Значение ʻдать приданоеʼ было, таким образом, господствующим у этого оборота, судя по приведенным примерам из древнерусско-церковнославянских памятников и далее — вплоть до современных русских народных диалектов. Но оно не единственное и даже не самое древнее, если взглянуть на это словосочетание из более далекой временной перспективы. Кроме внешних данных, к которым мы обратимся ниже, есть прямые свидетельства об этом и в древнерусском: и то вьсе д а с и в ѣ н о гн҃оу моѥмоу лусимахоу. . .[17] Здесь *вѣно* — не «прежебрачный дар», ʻприданоеʼ, каковым оно выступает в сочетании с глаголом *дати* обычно в древнерусских кормчих книгах; оно значит в данном случае ʻплата, выкупʼ [18], откуда *вѣно дати* — ʻуплатить, дать выкуп, выкупитьʼ.

Некоторое количество соответствий может быть приведено из словарей других славянских языков: польск. *dać wiano*, ср. пример из «Идиллий» польского поэта Зиморовича, приводимый как словарем Линде, так и Варшавским словарем: Za wieńcem dają wiano [19]. Два примера оборота *dać wiano*, точнее — преобразованного *dać na wiano* ʻдать (на) приданоеʼ приводит из польских народных говоров Я. Карлович [20]: Nie frasuj sie dziewcyno, dam sto złotych na

---

[16] Этой информацией я обязан И. Ф. Протченко, уроженцу этих мест. Кстати, «Словарь русских народных говоров» (гл. ред. Ф. П. Филин, вып. 4. Л., 1969, стр. 114) указывает *вéно* ʻприданоеʼ из курских, рязанских говоров, а производное *вéнница* ʻневеста ʼ с приданымʼ — из брянских говоров, т. е. главным образом южновеликорусских, и только один пример — из бывшей Нижегородской губернии (Ардатов).

[17] Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, стр. 240 (л. 137 а—б).

[18] С р е з н е в с к и й I, стб. 486—487.

[19] L i n d e [изд. I] VI, стр. 180; Варшавский словарь VII, стр. 534.

[20] J. K a r ł o w i c z. Słownik gwar polskich VI, стр. 99.

wino. Da na bogate wiano (krowy). Довольно хорошо был, по-видимому, представлен оборот *věno dáti* в значении 'дать приданое' в старочешских правовых и летописных текстах, ср.: věno dáti nevěstě. Хроника Далимила; dal za věno zeti svému. Там же[21].

Сведениями о распространении этого оборота в южнославянских языках мы не располагаем. Конечно, на основании недостатка сведений или упомянутой выше неполноты словарей еще нельзя заключать прямо об отсутствии оборота **věno dati* в соответствующих языках вообще. Неслучайно, однако, с другой стороны, как раз в южнославянских языках крайне слабо представлено само имя **věno*: указывают на болг. стар., диал. вéно́ 'выкуп за невесту', 'приданое' и на следы производного ст.-слав. вѣнити 'продавать' в македонских солунских говорах[22]. Далее, **věno* сохранилось, как явствует из предыдущего, в восточнославянских языках (во всяком случае в русском и украинском), из западнославянских особенно выделяется чешский, где это гнездо более всего развито и где до сих пор представлены слова *věno* 'приданое', *věnovati* 'дарить', 'жертвовать', 'посвящать' и оборот *dáti věnem* 'дать в приданое'. Тем не менее, мы не преследуем цели выяснения географии оборота **věno dati* в славянских языках. Для нас здесь важно другое — то, что имеющиеся данные говорят о бесспорной праславянской древности оборота **věno dati*.

На эту констатацию мы можем опереться, чтобы перейти теперь к внешнему сравнению с лат. *uēnum dare* 'продавать'. Сближение и идентификация слав. **věno dati* и лат. *uēnum dare*, *uēnum dō* настолько очевидны, что кажется странным, если они не были предложены до сих пор. Мы выдвигаем это тождество и пытаемся ниже обосновать его, поскольку оно не встретилось в известной нам литературе, между тем как важность его и необходимость не нуждаются в особых доказательствах[23]. Латинское

---

21 Jungmann V, стр. 69; Kott IV, стр. 622—623.

22 К. Мирчев. Един мним западнославянизъм в старобългарските паметници. «Slavia occidentalis» 12, 1933, стр. 135; Георгиев [и др.]. Български етимологичен речник. Свезка II. София, 1963, стр. 134; А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 219.

23 Уже после того как настоящая статья была написана и представлена в качестве доклада на конференции по индоевропейскому языкознанию в Институте славяноведения и балканистики АН СССР — 12—14 декабря 1972 г., В. Н. Топоров любезно предоставил мне возможность ознакомиться с рукописью его работы о праслав. **věno*, **věniti*, где излагается весьма близкая точка зрения. В частности, праславянское выражение **věno dati* возводится к индоевропейскому фразеологизму типа **u̯ĕsn-/*u̯ŏsn-dō-*. Заслугой В. Н. Топорова является то, что он указывает на продолжения этого оборота, помимо славянского и латинского (см. выше), также еще в греч. (гомер.) ὦνον ἔδωκε, др.-инд. *vasnam dadāti*. Правда, тем самым фактически как бы ослабляется наш тезис об исключительности славянско-латинского соответствия **věno dati* — *uēnum dare*, однако сочетание этого соответствия с параллелизмом **věniti* — *uēnum īre*, *uēnīre* (см. о нем ниже) все-таки замечательно. В. Н. Топоров в названной работе обратил внимание и на связи слав. **věniti* с лат. *uēnum eo*,

выражение *uēnum dare*, рано свернутое в одно слово *venundare*, *vendere* (признак значительной идиоматизации), состоит из имени *uēnum* 'продажа', которое иногда толкуют как винительный от незасвидетельствованного **uēnus*[24], и глагола *dare* 'дать'. Словосочетание это своеобразно, можно сказать, — иррационально с точки зрения латинского словоупотребления, ибо оно значит 'давать продажу'. На это обратил внимание Бенвенист, специально занимавшийся латинской и родственной индоевропейской лексикой купли-продажи: «эта тесная связь, установившаяся между *uēnum* и *dare* принадлежит к числу наиболее своеобразных фактов: понятие 'продать' определяется в латинском как 'дать определенным образом', с уточнением *uēnum*»[25]. Бенвенист не только не вспоминает о слав. **věno dati*, но вообще исходит из молчаливого убеждения, что славянский не знал соответствия лат. *uēnum*. Например, лат. *uēnum* он возводит к и.-е. **wes-* 'покупать', которое, по его мнению, охватывает хеттский, индо-иранский, греческий, латинский, армянский, тогда как в славянском, балтийском, греческом, кельтском и индо-иранском представлено в этом значении и.-е. **k^w r-*[26]. Бенвенист в данном случае стоит на той же позиции, что и другие этимологи-латинисты (ср. Вальде — Гофман), считающие, что между слав. **věno* и лат. *uēnum* нет родства. Мы теперь склоняемся к мысли, что из двух основных индоевропейских этимологий слав. **věno* наиболее вероятно именно сближение с латинским словом, а конкурирующее сближение слав. **věno* с греч. ἕδνον 'приданое' (и далее — др.-в.-нем. *widomo*, нем. *Wittum* 'приданое')[27] должно быть все-таки оставлено и отнесено к разряду случайных сходств типа лат. *deus*: греч. θεός. Дело здесь не в фонетических трудностях, потому что фонетически **věno* объяснимо из **u̯ednom* с ранним упрощением сочетания *dn* в славянском, и, наоборот, с определенными фонетическими препятствиями приходится считаться этимологии **věno*: *uēnum*, потому что славянский, в отличие от латинского, не знает заместительного удлинения типа **u̯esn-* > **u̯ēn-*, кроме того, *-s-* в этой позиции не должно было ни перейти в *-x-*, ни выпасть, вопреки А. И. Соболевскому[28]. Един-

uēnīre 'продаваться', но он рассматривает их в общем ряду с греч. ὠνέομαι, др.-инд. *vasnayati*, хетт. *uššanii̯a-*, глаголов близкой семантики, производных на *-i̯e-/-i̯o-* от имени **u̯ĕsn-/*u̯ŏsn-*. Интересно отметить совпадение наших взглядов с В. Н. Топоровым о слав. **věniti* как первоначальном сложении (о составе сложения см. далее).

24 Walde — Hofmann II, стр. 753—754.

25 É. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. Économie, parenté, société. Paris, 1969, стр. 125.

26 Там же, стр. 127.

27 Так см. Walde — Hofmann, там же; О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 144 (с литературой); F. Froehde. Zur lateinischen Lautlehre. — BB XVI, 1890, стр. 212; Machek², стр. 683; G. Shevelov. A prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 194.

28 А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. — ИОРЯС XXVII, 1924, стр. 327.

ственный выход — принять вместе с Брюкнером[29] для славянского праформу *$\underset{\smile}{u}$ē-no-m, без -s-, которое было в вариантной праформе *$\underset{\smile}{u}$es-no-m латинского и некоторых других родственных названий. В остальном же обе этимологии слав. *vĕno почти одинаково солидны и имеют сильные стороны, аргументы за и против кажутся уже исчерпанными, так что остается или смириться с особой трудностью этимологической дилеммы *vĕno, как сделал Фасмер[30], или предпринимать комбинации из обеих этимологий[31], если по-прежнему все внимание сосредоточивать на одном слове, игнорируя контекст. Но яркий и устойчивый контекст употребления лат. *uēnum* — с одной стороны — и тождественный устойчивый контекст слав. *vĕno* — с другой стороны — показывают нам ошибочность устоявшейся изолирующей трактовки славянского слова.

Как мы видели, этимологические словари упоминают латинское и славянское слова рядом друг с другом нередко только затем, чтобы отвергнуть их родство. В тождестве словосочетаний uēnum dare — *vĕno dati* мы видим контекстное подтверждение этимологического тождества *uēnum* = **vĕno*. Этимология славянского слова должна исходить из факта наличия этого древнего, видимо, дославянского, индоевропейского контекста-формулы. Не соответствующие упомянутому общему латинско-славянскому контексту этимологии должны быть отвергнуты, а уже одно это резкое о г р а н и ч е н и е в ы б о р а э т и м о л о г и ч е с к о г о р е ш е н и я для слав. **vĕno* нельзя не считать прогрессом. Сравнение контекстов *uēnum dare* — **vĕno dati* обоюдно плодотворно. Чем оно полезно для славянского слова, мы показали. Но оно поучительно и для латинского. Латинское словосочетание сильно идиоматизировано (ср. его эволюцию в сторону цельного слова *vendere*), бóльшая свобода сочетания слав. **vĕno dati* говорит о его архаизме. То, что в латинском уже парадоксально со стороны смысла и нуждается в семантической реконструкции (ср. выше Бенвенист — о значении *uēnum dare* 'давать продажу'), в славянском еще хранит первоначальную ясность: **vĕno dati* 'давать плату'. Установившаяся традиция рассматривать латинский как более архаическую индоевропейскую ветвь в области древней индоевропейской терминологии и фразеологии подлежит пересмотру и проверке на конкретном материале и в ряде случаев этой проверки не выдерживает. Латинский насчитывает немало примеров перестройки более древнего состояния, сохраняемого другими языками. В качестве примера, также одновременно интересного для реконструкции древней индоевропейской лексики и фразеологии, упомяну две различных реализации семантической модели 'ухо склонить/приклонить', т. е. 'слу-

---

[29] B r ü c k n e r 610—611.
[30] Ф а с м е р I, 291.
[31] Ю. В. О т к у п щ и к о в. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 243—244.

шать': 1) древняя — и.-е. *k̂l-ou̯s- в славянском, балтийском, германском и некоторых других (примеры известны); 2) видимо, более новая — *ou̯s-k̂l- в лат. *aus-cul-to*[32].

Древняя глагольная лексика (и фразеология), связанная со слав. **věno*, не ограничивается вышеупомянутым **věno dati*, поскольку есть еще глагол **věniti*, откуда прежде всего — др.-русск., русск.-ц.-слав. *вѣнити* 'продавать', ср. известную евангельскую цитату: не два ли оуто врабꙑ на ссарии вѣнима ѥста? Мф. X. 29[33]. Впрочем, в церковнославянских текстах имеются явные следы иного, медиального употребления этого глагола, неверно толкуемые или совсем не толкуемые в словарях. Например: вѣномъ да ю вѣнить собѣ женѣ. Исх. XXII. 16 (XIV в.). Это место приводится в словаре Срезневского[34] на то же значение 'продавать, vendere, πωλεῖν', что и предшествующий пример. А между тем ясно, что здесь речь идет об обязанности выкупить веном, ср. более полную цитату из Рязанской кормчей 1284 г., л. 260 г, приводимую «Словарем древнерусского языка XI—XIV веков» (вып. I): аще прѣльстить кто двцю неѡбрученоу и спить с нею вѣномъ да вѣнить ю собѣ жену. Формульность изречения (ср. figura etymologica *вѣномъ вѣнити*) говорит также о его древности. Некоторая неопределенность, широта значения, наблюдаемая у глагола *вѣнити*, может быть отнесена отчасти за счет древнего значения лексической основы **věn-*, относившегося и к купле и к продаже, отчасти же — за счет морфологических моментов. Последние выражаются в упомянутой медиальности оборота *вѣномъ да ю вѣнить собѣ женѣ* 'пусть он выкупит веном ее себе в жёны' и на редкость напоминают греч. ὠνέομαι (**u̯osn-ei̯-o-mai̯*) 'приобретать (за деньги), покупать' с той разницей, что медиальность греческого глагола выражена морфологически, а в славянском от нее остались лишь следы в семантике. Внешне *вѣнити* — это глагол на *-iti*. Глаголы на *-iti* ассоциируются обычно в славянском с каузативным и отыменным значением, хотя справедливо признается, что это скорее вторичная функция глаголов на *-iti*. Непервоначальность каузативного значения у глаголов на *-iti*, значительно бóльшая древность у них иных значений, например итеративного, подтверждается указаниями прочих индоевропейских языков[35], в частности балтийских. Как говорит Вайян, «можно заметить, что вся эта маленькая группа каузативов на *-iti* не имеет соответствий в балтийском и кажется новой

---

[32] Из этого следует, что мы не согласны с однословной реконструкцией и.-е. **kleu-* 'слышать' у В. М. Иллич-Свитыча (В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 18).

[33] Срезневский I, стб. 486—487.

[34] Там же.

[35] K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1904, стр. 535—536.

в славянском» [36]. Не случайно, например, литовский для выражения каузативности прибегает к морфологическим инновациям, вводя форманты *-dyti*, *-inti*, и если славянский глагол на *-iti* формально тождествен литовскому на *-yti*, то почти регулярно они расходятся по значению: славянскому каузативу противостоит литовское итеративное или смежное значение, полное тождество отмечается лишь для славянских итеративов.

Вернёмся к своему славянскому примеру. Церковнославянское *вѣнити* в притче Христа о воробьях выступает как каузатив-деноминатив 'продавать что', в примере *вѣномъ да ю вѣнить собѣ* — в остаточном медиальном значении 'купить себе', и это значение было древнейшим из двух. Вопрос о структуре и образовании слав. **vĕn-iti* — это частный вопрос из проблемы формирования славянских глаголов на *-iti* и индоевропейских с формантом *-ei̯-*. Скорее всего, у этого глагольного форманта был ряд источников, и мы не собираемся говорить здесь обо всех. Однако предположительная предыстория одного из таких глаголов — **vĕniti* в том смысле, в каком мы ее себе представляем, может как будто содействовать прояснению некоторых моментов, касающихся всего типа глаголов.

Мы имеем в виду еще одно латинско-славянское соответствие или параллелизм, который предлагаем как гипотезу: слав. **vĕniti* — лат. *uēnum īre*. Это глагольное словосочетание, также рано свернутое в один глагол лат. *uēneō*, *uēnīre*, значит 'продаваться, быть проданным', и его толкуют как страдательный коррелят к упоминавшемуся выше *uēnum dō*, *uēnum dare* [37]. В чем сущность параллелизма слав. **vĕn-iti* — лат. *uēnum īre*, *uēnīre* и в чем состоит его значение для истории славянского слова? Из сказанного выше, как нам кажется, следует, что семантическая реконструкция слав. **vĕniti* показывает как бы ретроспективное нарастание у него страдательного значения (от более позднего активного через промежуточное медиальное). Это страдательное значение налицо у лат. *uēnum īre* 'продаваться'. Если взглянуть на эти же отношения с точки зрения лексической семантики, то можно говорить о ретроспективном нарастании лексического значения 'идти'. Иначе говоря, в начале эволюции стояло значение 'идти', и это касается не только лат. *uēneō*, *uēnīre*, для которого это очевидный факт, но и слав. **vĕn-iti*, для которого это значение лишь реконструируется (здесь бо́льшая архаичность — на стороне латинского). Реконструируемое с помощью лат. *uēnum īre* значение слав. **vĕn-iti* лучше характеризовать не в терминах развитых залоговых отношений,

---

[36] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe. Paris, 1966, стр. 417. Ср.: E. Frenkelis. Baltų kalbos. Vertė S. Karaliūnas. Vilnius, 1969, стр. 79, 80 (считает литовский глагольный формант *-inti* древним); Chr. S. *Stang*. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsö, 1966, стр. 326.

[37] É. Benveniste. Указ. соч., стр. 125, 134; Ernout — Meillet s. v. *uenus*, *-m*.

а в плане лексической семантики: что-то вроде современного *идти на продажу*[38].

Нижеследующее латинско-славянское сближение отлично семантически. Но его объединяет с рассмотренными такая общая любопытная черта как наглядный переход от словосочетания к слову — сложению или — ретроспективно, в плане реконструкции — столь занимающий в последнее время исследователей-индоевропеистов переход от слова к древнему тексту. Если выше речь шла о правовой терминологии, то теперь мы обратимся к одному из названий окружающей природы: слав. **pola voda* — лат. *palūs / palūdis*. Праславянскую форму мы реконструируем на основании русск. *по́лая вода́* (также *полово́дье*, *полово́дица*) 'вешний поем по вскрытии рек, разлив по ледоплаве' [39]. Наши данные по собственно русской истории выражения близки, так сказать, к нулю: например, нам неизвестны древнерусские свидетельства употребления слов *полая вода*, *половодье*, неизвестны, впрочем, и разыскания по истории этих выражений. Кажется, что перед нами еще один случай, когда прозрачность и внешне свободный характер славянского словосочетания как бы усыпляют бдительность исследователя, вызывая у него иллюзии чего-то местного и позднего. Архаизмы ищут преимущественно среди редких и темных языковых явлений, не замечая порой архаизма самых распространенных слов и прозрачных словосочетаний. Повседневность и поздняя письменная фиксация сделали свое дело и в случае со словами *половодье*, *полая вода*. Иногда касались этимологии основы *пол-*, *поло-* [40], но никому не приходило в голову задаться вопросом о древности всего выражения *полая вода* (*половодье*).

Внешним оправданием такой практики служила, по-видимому, ясная взаимосвязь основ. Не задерживаясь поэтому на самой связи, переходили к компонентам (или компоненту, потому что с компонентом *вода*, *-водье* все было ясно) и дальнейшую этимологизацию проводили уже изолированно. Однако недооценка или попросту игнорирование характера связи между компонентами *пол-* и *вод-* предопределило неудачу этимологий компонента *пол-*, хотя нельзя сказать, что он не пользовался вниманием этимологов. Изолирующий этимологический подход лишал исследователей возможности сделать исчерпывающие выводы даже в наивы-

---

[38] Предлагаемое здесь, таким образом, объяснение глагольного форманта слав. *-iti*, и.-е. *-ei̯-*, которое сводится к этимологическому отождествлению последнего с полнозначной глагольной основой слав. *iti*, и.-е. **ei̯-* 'идти', находит некоторую аналогию в толковании глагольных *-n-* формантов из первоначального глагола со значением 'идти делать нечто' (см. А. Б. Долгопольский. Ностратические этимологии и происхождение глагольных формантов. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 237 и сл.).

[39] Даль² III, стр. 266.

[40] См. Фасмер III, стр. 312—313 (полово́дье; водопо́лье).

годнейшей для этого ситуации. Так случилось с Эндзелином, который ближе других подошел к истинному решению и уже дал разрабатываемое нами сближение половодье — лат. *palūs*[41], но его совершенно не интересовал второй компонент латинского слова. Кстати сказать, ему не удалась и этимология первого компонента обоих слов, так как сближение русск. *поло-водье* у Эндзелина с лтш. *pali*, *paļi* 'наводнение', лит. *am̃palas* 'наледь, вода на льду' нужно признать неудачным. Эти балтийские имена тесно связаны с активным в балтийских языках глаголом лит. *pìlti* 'лить, сыпать', лтш. *pilt*, *pilêt* 'капать', являются собственно балтийским продуктом этого глагольного гнезда. Уже это показывает мнимый характер близости лтш. *pali* и русск. *половодье*, несмотря на близость их значений. В славянском не было ничего похожего на балтийское глагольно-именное гнездо лит. *pìlti* и родственных. Родство изолированного слав. **pьlnъ* 'полный': лит. *pìlnas* не меняет дела и едва ли может служить для нас основанием предполагать соответствующий праславянский глагол, не говоря уж о производном имени с корневым вокализмом -о-. *Половодье*, конечно, не связано с русск. *полный*, вопреки Френкелю[42]. Если говорить сначала о русских и славянских родственных связях слова *половодье*, то можно указать только на русск. *полый*, исключив предварительно упомянутую балтийскую лексику (лит. *pìlti*, *am̃palas*) также из родственных связей последнего.

Что касается семантической реконструкции слав. **pola voda*, то это будет не «полная вода» (что отдавало бы народной этимологией), а 'широкая вода'. На этом кончаются возможности собственно славянской этимологии и можно перейти к латинскому соответствию. Сближение слав. **pola voda* и лат. *palūs* программирует выбор этимологии латинского слова, но упрек в произвольном предпочтении одной этимологии всем остальным здесь был бы неуместен, потому что только это сближение удовлетворительно объясняет все слово полностью, удовлетворяя одновременно прочим критериям. Прежде всего со стороны значения лат. *palūs* — это название стоячей воды, болота, лужи. Семантическое родство со слав. **pola voda*, русск. *полая вода* более чем очевидно, потому что при половодье бросается в глаза широкий простор воды, а не ее течение (оно может в зависимости от условий даже отсутствовать, и полая вода при этом стоит). В связи с этим мы отклоняем умозрительные этимологии лат. *palus* от **pel-* 'течь', а также от другого **pel-* 'серый', далее — лит. *pélkė* 'болото'[43], и сближаем его в пределах родственного латинского материала исключительно с латинским наречием *palam* 'открыто', первоначально значившим, как полагают,

---

[41] J. Endzelin. Baltica.— KZ XLIV, 1911, стр. 65.
[42] Fraenkel I, стр. 592 (s. v. pìlti, с литературой).
[43] Walde — Hofmann II, стр. 243 (с подробной литературой).

'широко распространяясь' и, в свою очередь, убедительно сближенным в этимологической литературе с русск. *полый*[44]. Со стороны формы лат. *palūs*, род. п. *palūdis*, ж. р. — сложение с исходом на согласный древнего вида **pal-ūd-s*, **pal-ūdos*, во второй основе которого содержится индоевропейское название воды с вокализмом корня в ступени редукции[45].

Отношения пары *uēnum dare* — **vĕno dati* повторяются здесь в еще более яркой форме: слабая идиоматизация, свободное сочетание компонентов (*полая вода*, *половодье*, *водополье*) в славянском и сильная спайка компонентов, вплоть до забвения этимологии, — в латинском. Славянское словосочетание **pola voda* дает, таким образом, ключ к верной этимологии латинского слова. Сближение с латинским лишь наглядно показывает древность славянского сочетания слов. Лексическое значение этих форм и его реальный субстрат (низменный, плоский ландшафт, широкие разливы) могут заинтересовать историков как славянских, так и латинских древностей. Важность соответствия **pola voda* — **pal-ūd-s* в наших глазах нисколько не ниже от того обстоятельства, что это общий архаизм латинского и славянского. Было бы полезно исследовать условия и причины его сохранения именно в этих двух ветвях индоевропейского. Правда, оказывается, сходное словосочетание *palḫi-waatar* 'широкая вода' есть также в хеттском, на что мне указал В. Н. Топоров (устно), но этот факт заслуживает особого изучения.

В свое время нам приходилось обращать внимание на близость латинских отглагольных существительных на *-tio* (*-tionem*) и славянских отглагольных существительных на *-tьje*[46]. Эта латинско-славянская словообразовательно-морфологическая параллель выражается, в частности, еще и в том, что в славянском, как и в латинском, соответствующие отглагольные существительные оказываются образованными на базе страдательных причастий прошедшего времени (соотносительность и функциональная близость отглагольных существительных такого типа к славянским инфинитивам вроде ст.-слав. пропатиѥ: пропати оказывается вторичной, как вторичны и сами инфинитивы балто-славянского вида). К этим наблюдениям, сообщенным несколько лет назад и касавшимся сближений ст.-слав. при-ѩтиѥ 'приём': лат. *emptio* 'купля' и подобных,

---

[44] Там же, II, стр. 237.

[45] Несомненное для нас отнесение компонента *-ūd-* к названию воды принимается далеко не всеми, см. W a l d e — H o f m a n n II, стр. 243. Об индоевропейском названии воды см. Э. Б е н в е н и с т. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 44, 51; В. П о р ц и г. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 214; J. K u r y ł o w i c z. Indogermanische Grammatik. Bd. II. Akzent. Ablaut. Heidelberg, 1968, стр. 215 (о чередовании **ud-*/**u̯ed-*/**u̯od-* в названии воды).

[46] О. Н. Т р у б а ч е в. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты). «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 377—378.

сейчас могут быть добавлены черты дополнительного словообразовательно-морфологического сходства, интересные тем, что они базируются на той же самой производящей глагольной основе — претеритальном страдательном причастии на *-t-*.

В латинском, как и в славянском, существует такая словообразовательная категория, как прилагательные с суффиксом *-iv-* от причастий упомянутого типа. Здесь наблюдаются близкие образования, среди них нас особенно заинтересовали следующие: слав. **datiνъ* (русск.-цслав. *дативыи* 'способствующий, служащий': по истинѣ добры възвращению бо и спсению боудоуть разоумѣвающиимъ дативы. Ио. екз. Бог. 318 [47]) — лат. *datīvus* (*datīvum*, по сведениям словарей — начиная с Тацита, ср. *dātiō* ж. р. 'дарение' [48], позднее обычно *datīvus casus* 'дательный падеж'); слав. **-ętivъ* (русск.-цслав. *приѧтивыи* 'принимающий, способный принимать', Панд. Ант. XI в. л. 277 [49]) — лат. *ēmptīvus* (начиная с Павла Феста [50]); слав. **stativъ* (распространено в большинстве славянских языков, с легкими морфологическими отклонениями и как правило — субстантивированное, в значении 'ткацкий станок или его часть') — лат. *statīvus* 'стоячий, неподвижный', сюда же субстантивированное *statīva*, род. п. *-ōrum*, мн. ч. ср. р. 'военный стан, лагерь', 'остановка в пути, привал' [51]; слав. **sětivъ* (нам известно только субстантивированное русск. стар., диал. *сетиво* 'лукошко, корзина для посевного зерна', Мышкинский месяцеслов 1779 г.[52]) — лат. *sătīvus* '(о растениях) посевной, разводимый (т. е. культурный, как противоположность дикорастущим)'.

Как видим, здесь есть образования от достоверно праиндоевропейских глаголов **dō-* 'давать', **stā-*/**stə-* 'стоять', **sē-*/**sə-* 'сеять' (латинский обобщил краткие варианты обоих последних корней) [53], **em-*. В славянском эти образования немногочисленны, среди них имеются примеры старой субстантивации, что само по себе говорит о древности прилагательных. В латинском модель приобрела широкую вторичную продуктивность [54], однако для нас, естественно, представляют интерес лишь упомянутые старые производные, параллелизм которых к славянским формам не случаен.

---

[47] Срезневский I, стб. 634—635.
[48] Walde — Hofmann I, стр. 361.
[49] Срезневский II, стб. 1504.
[50] Walde — Hofmann I, стр. 400.
[51] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 123.
[52] Г. А. Богатова. Материалы по русской исторической лексикологии в «Губернских ведомостях». «Русский язык. Источники для его изучения». М., 1971, стр. 240.
[53] Ernout — Meillet³ II, стр. 1091.
[54] В этом можно убедиться, обратившись к обратному словарю латинского языка: O. Gradenwitz. Laterculi vocum latinarum. Leipzig, 1904, стр. 537—539 (где приводятся прилагательные на *-tivus*).

Вяч. Вс. Иванов

К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ПРАСЛАВ. **čelověkъ* 'ЧЕЛОВЕК'

Этимология праслав. **čelo-věkъ*, объясняющая первую часть этого сложного слова как соответствие греч. τέλος 'отряд', 'толпа' <*k^w*elo-s* (индоевропейское [1] обозначение родового объединения, откуда и праслав. **čeljadь*), а вторую часть — как соответствие лит. *vaĩkas* 'ребенок', признается в настоящее время многими исследователями [2]. Недавно данная В. В. Мартыновым критика этой этимологии не представляется убедительной, в частности, потому, что он исходит из недопустимости «непосредственного приравнивания» праславянской основы к литовской [3]. Однако это вполне совместимо с идеей архаического характера балтийских форм, поздним преобразованием которых можно считать славянские [4]: в данном славянском сложном слове в связанном виде сохраняется морфема, в литовском еще функционирующая в несвязанном виде. Также недостаточно обоснован с этимологической точки зрения и тезис В. В. Мартынова о том, что праслав. **čelo-*

---

[1] О дальнейших ностратических соответствиях с тем же значением см.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 362—363.

[2] См. обзор точек зрения в статье Е. Н. [avlová] об этом слове; V. Čapková, E. Havlová, F. Kopečný, A. Mátl, H. Plevačová. Etimologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové čislo. Brno, 1966, стр. 13—19.

[3] В. В. Мартынов. Славянские этимологические версии. «Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р. И. Аванесова». М., 1972, стр. 185. (Далее — В. В. Мартынов). К проблеме ареальных инноваций в названии человека ср.: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 241—242 (где следует иметь в виду и загадочное сходство начал греч. ἄνθ-ρωπος, мик. *atoroqo* и хет. *ant-uḫša-*).

[4] К постановке этого вопроса в общем виде ср. принятие той точки зрения, которая ранее была предложена В. Н. Топоровым и автором, в трудах: H. Birnbaum. Problems of typological and genetical linguistics viewed in a generative framework. The Hague—Paris, 1970, стр. 117; Он же. Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslavischen. — ZfslPh, XXXV, 1970, 1, стр. 18 (там же дальнейшие ссылки на новейшую литературу); Он же. O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej. «American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw. August 21—27, 1973», vol. 1, Linguistics and Poetics, ed. by L. Matejka. The Hague—Paris, 1973, стр. 50—51.

věkъ было противопоставлено форме **ludьje* по семантическому различительному признаку несобирательности [5]. Последнее слово находит наиболее точное этимологическое соответствие в балтийском и германском: для всех трех групп восстанавливается им. пад. мн. ч. **leudhei̯es* [6].

Реконструируемое на основании лит. *liáudis* и родственного лтш. *ļaudis* (в диалектах 'свои люди', ср. руск. *свои люди*) значение **leudho-* 'свободный земледелец, принадлежащий к своей замкнутой социальной группе' подтверждается явственно земледельческим характером архаических римских ритуалов типа Liberalia и слов других индоевропейских языков, родственных лат. *liber* 'свободный' от **leudh-* 'расти' [7]. Поэтому развитие более общего значения **ludьje* 'люди' и соотнесение этого слова с **člověkъ* могло осуществиться лишь на столь позднем этапе развития праславянского, который не может быть существен для выяснения первоначального значения последнего слова. Гипотеза о его исконном местоименном характере не подтверждается, а опровергается приводимой В. В. Мартыновым параллелью герм. **liuđi*: **manu*, так как второе слово приобрело значение неопределенно-личного местоимения в результате длительного процесса, находящего себе параллели в большем числе языков [8], ср. франц.

---

[5] В. В. Мартынов, стр. 187. Сходным образом К. Уоткинс предполагает для германского развитие значений 'масса', 'множество' > 'люди', но детали семантического развития от корня **leudh-* он признает неясными: C. Watkins. Indo-European Roots. «The American Heritage Dictionary of the English Language». Boston, 1971, стр. 1526.

[6] Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderüberstimumngen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1972, стр. 32, ср. стр. 74.

[7] E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européens. 1. Economie, parenté, societé. Paris, 1969, стр. 321—325. Для более раннего периода в соответствии с гипотезой Я. Вакернагеля (см. R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit, Wiesbaden, 1967; В. В. Иванов. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей. «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 69) можно думать о происхождении оппозиции 'свободный' : 'раб' (лат. *liber* : *seruus*) из 'земледелец' : 'скотовод' (ср. авест. *pasuš. hauruuō* 'сторожащий скот' при лат. *seruare pecus*).

[8] К. Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, стр. 44, 286.— Ср. об аналогичном развитии возвратных местоимений из слов со значением 'человек, тело' там же, стр. 271 (гольд. beje 'человек', маньчж. возвр. мест. beye с японским соответствием *mi* по Е. Д. Поливанову, шиллук *ré* 'человек', ср. ненецкие и другие параллели там же, стр. 269). К семантике ср. S. Kuno. Pronominalization, reflexivization, and direct discourse. «Linguistic Inquiry», vol. III, 1972, № 2. В. В. Мартынов, в другой связи цитирующий богатую фактами книгу К. Е. Майтинской, не обратил внимания на данную закономерность. В связи с проблемой древности местоименного значения у герм. **man-* ср. еще др.-исл. *mange* 'никто' < **mann-gi* при хет. *man-k(i)* > *manga* в отрицательной конструкции: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы. М., 1965, стр. 193, примеч. 37, где следует, однако, иметь в виду, что с ностратической точки зрения и.-е. **m/o/n-* 'муж' и *mo-* как вопросительное местоимение — перво-

on<*homme*, лик. *uwe* 'man, Mann', засвидетельствованное в сочетаниях с отрицанием *uwe neu* 'man nicht', *ne uwe* 'niemand', типологически сходных с англ. *nobody* 'никто', и, вероятно, родственное хет. *uu̯a-*, встречающемуся в качестве архаизма в древнехеттской песне в значении 'предок, старый человек, дед' [9]; в пользу такой интерпретации этих анатолийских слов говорит и истолкование лик. Б *uwe-dri* 'руководство' ('совет старейшин', 'собрание'?), лик. А *huwedri* как производного от той же основы. Заслугой В. В. Мартынова является то, что он указал на необходимость типологического подхода к этимологии слова 'человек' с учетом частой этимологической связи названия человека и неопределенно-личного местоимения (типа *ame* 'Mensch; Person; jemand; man; einer' в языке эве [10]). Но наиболее существенным при этом представляется то, что во всех достоверных случаях слово 'человек' вторично получает значение местоимения (ср. местоименный характер слова *человек* в ряде конструкций в современном русском языке), а не наоборот. Поэтому если зап.-слав. **-koli-věkъ*, выступающее в сложении с предшествующим местоимением (польск. *ktokolwiek* 'кто-либо, кто-нибудь', чеш. *kdokolivěk*, слвц. *ktokoľvek* 'кто-нибудь, кто бы ни') связано с **člověkъ* [11],

---

начально неодушевленного класса — восходят к разным корням: В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч., стр. 9 и 21. Кейперс предлагает сблизить с той же индоевропейской группой слов лат. *mānēs* 'духи предков, маны' и имя предков германцев *Mannus* по Тациту: A. H. Kuipers. The Squamish Language, The Hague, 1967, стр. 402, N 5.

9 В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. «To honor Roman Jakobson», The Hague, 1967 (к предложенному там же типологическому сопоставлению с хауса ср. также еще более разительное сходство с протоамериканско-индейским **uwā* 'человек': E. Matteson. Toward Proto Amerindian.— «Comparative Studies in Amerindian Languages». The Hague — Paris, 1972, стр. 68, N 522); C. Watkins. A Latin—Hittite etymology. — «Language», 45, 1969, N 2, стр. 241; F. Josephson. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite, Uppsala, 1972, стр. 318, прим. 6, где значение определяется сходно с двумя предшествовавшими работами, которые остались автору книги неизвестными.

10 В. В. Мартынов, стр. 187; К. Е. Майтинская. Указ. соч., стр. 256; D. Westermann. Wörterbuch der Ewe-Sprache. Berlin, 1954, стр. 482 (из примеров, приводимых в словаре, очевидна первичность значения 'человек'). — Пользуюсь случаем принести благодарность О. Н. Трубачеву, указавшему на роль этого вопроса для темы данной статьи.

Пример развития значения 'человек' из указательного местоименного обозначения конкретного денотата (типа пушкинского «Стоял Он», где Он — Петр) можно было бы видеть в новозаветном 'се человек', ср. (со ссылкой на А. А. Зализняка): Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Миф — имя — культура. «Труды по знаковым системам», VI. Тарту, 1973, стр. 285, примеч. 2 (имеется в виду, очевидно, арамейск. *hāhū* из *hā* 'вот' и *hū* 'он', откуда позднейшее ecce homo). Но в данном случае речь идет о развитии при переводе (а не внутри одного языка) при наличии сугубо определенного значения (а не неопределенного, как в других случаях).

11 В. В. Мартынов, стр. 187.

то и в этом случае по общей типологической закономерности следует предполагать развитие сочетания местоимения с архаическим суффиксом **-li-* [12] со словом, первоначально бывшим нарицательным именем, как и в параллельном нем. *jemand.* Как и в диахронической фонологической типологии, для реконструкции важно не просто наличие типологической связи двух значений ('человек' и 'кто-то'), а наличие направленного необратимого отношения во времени между этими значениями.

Для доказательства вероятности объяснения *-věkъ* в *člověkъ* из слова, родственного лит. *vaĩkas* 'ребенок', существенна типологическая универсальность подобных обозначений. Речь идет о семантической структуре, одним (чаще всего вторым по месту) компонентом которой является морфема со значением 'ребенок', 'маленький', а другим компонентом — либо общее обозначение племени или рода, либо конкретное указание на данное племя или на один половой класс (обычно мужской) внутри этого племени, или же, наконец, на одного представителя этого класса (мужчину). Такую внутреннюю форму имеют, в частности, 1) шумерские составные слова типа *dumu.nam.lú.ulù.*^{lu} (эквивалентное аккад. *mār a̯īlūti* 'сын человечества, сын человеческий'='человек'), иногда переводимое (буквально по смыслу частей, в шумерском и аккадском расположенных, однако, в обратном порядке по сравнению с немецким переводом) как 'Menschen-kind' (где *kind*=*dumu*, ср. этимологически, но не семантически близкое к разговорному немецкому слову англ. *man-kind*); 2) шумерские же конструкции типа *dumu lagaš*^{ki} 'сын Лагаша' в смысле 'жители Лагаша' [13], что соответствует аккад. *mâr Bâbili* 'сын Вавилона, вавилоняне' [14] и т. п.; 3) совпадающие с последним сложения типа *eβe-ví* 'человек (буквально: ребенок) народа эве'

---

[12] К существенным доказательствам архаического характера местоименных форм на *-li* ср. хеттское имя божества *Anzili-* < **ons-ili-* 'наш' при известном древнехеттском *Šiu-šmi-* 'наш бог' семантически связанном с первым именем. О других доказательствах архаизма местоименных форм на *-l-i-* в анатолийских языках, родственных славянским формам типа **toli*, **koli*, см. E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 67—68. Относительно хеттской богини Anzili- см. H. G. Güterbock. A view of Hittite literature. «Journal of the American Oriental Society», vol. 84, 1964, № 2, стр. 114 и след.; E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription. I partie. Mythologie anatolienne. «Revue hittite et asianique». t. XXIII, 1965, fasc. 77, стр. 135 и след.

[13] А. П. Рифтин. Из истории множественного числа. — «Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук», вып. 10, Л., 1946, стр. 38.

[14] F. Delitzsch. Assyrisches Wörterbuch. Leipzig, 1896 (2 изд. 1968), стр. 391. А. А. Зализняк любезно указал автору на распространенность таких обозначений в семитских языках. Ср., например *jšr'l wmzr'* (Дан. I, 1 и след.) и т. п. Разительным представляется сходство этих семитских оборотов с такими гомеровскими, как υἷες 'Αχαιῶν 'сыны Ахейцев'= 'Ахейцы', κοῦροι 'Αχαιῶν 'сыны Ахейцев', см. о значении последних

в языке эве [15]); 4) сложения со вторым элементом *по* 'ребенок' в айнском языке [16], имеющие индивидуализирующее значение (близкое к функции деиктического местоимения или артикля), что видно из противопоставления этих айнских словосложений в таких контекстах, как *тап-ан оккаї-по* 'сей мужчина' [17], *неа оккаjпо* 'тот юноша' [18], в отличие от обобщенного употребления слова *оккаjо* без *по* в таких контекстах, как *еанi неjакка оккаjо е-не куć е-поро-wа неjак* 'что ты тоже, как мужчина, подросши' [19], *оккаjо-не-hiке-hе* 'те, что мужчины', рядом с *меноко-не-hiке-hе* 'а женщины' [20] (где *меноко* — японское заимствование в айнском), ср. также сходное сочетание *нерок меноко утарă нерок оккаjо утарă* 'Те женщины и те мужчины'. . .[21]. Это противопоставление, являющееся в айнском живым, позволяет предполагать, что морфема со значением 'ребенок' могла служить для выделения индивидуального представителя (отдельного человека или мужчины) внутри всего множества, понимаемого без этого выделителя как

H. P. G a t e s. The Kinship Terminology of Homeric Greek. — Supplement to «International Journal of American Linguistics», vol. 37, N 4, October 1971, стр. 66 и 67, примеч. 28 и 30. В свете других данных (ср. E. M a s s o n. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec, Paris, 1967) можно было бы думать о калькировании семитских оборотов в древнегреческом.

15 D. W e s t e r m a n n. Указ. соч., стр. 720.

16 См. подробнее об этой морфеме в айнском и параллелях в других языках мира в статье автора: В. В. И в а н о в. Семантическая категория малости — величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира. «Проблемы африканского языкознания». М., 1972, стр. 79—80, 85, 87 и др. — Цитируемые далее материалы Невского еще не могли быть учтены в этой статье.

17 Н. А. Н е в с к и й. Айнский фольклор. М., 1972, стр. 49, строка 1.

18 Там же, стр. 64, строка 461.

19 Там же, стр. 79, строки 196—198. Ср. там же, стр. 143 и 145, типологически сходное *меноко а-не кусу* 'так как я женщина'. Ср. также формы *juп-по* (*оhаі*) 'О (мой) братец!', *hок-по оhаі* 'О, муженек мой' там же, стр. 126 и 128, строки 212—213 и 279—280, где сохраняется уменьшительное значение *по*.

20 Там же, стр. 83. Относительно возможности построения формы мн. ч. *меноко-по-по* 'дочери, женщины' по типу мн. ч. *оккаj-по-по* 'сыновья, мужчины', где *-по-по* — редуплицированное множественное число, см. соответствующие словарные статьи в книге: М. М. Д о б р о т в о р с к и й. Айнско-русский словарь. Казань, 1875, стр. 56, 169 (*меноко-по-по* 'молодая женщина' или 'женщины'), 221, а также стр. 9—10 Приложений к словарю (с особой пагинацией). Ср. такие типологические параллели, как объединение значений уменьшительности и множественности в кетском суффиксе *-г'эт*, видимо, родственном имени существительному *кэт'* 'дети' и т. п.: Е. А. К р е й н о в и ч. Медвежий праздник у кетов. «Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты». М., 1969, стр. 62. Другие примеры превращения имени существительного 'ребенок' в морфему уменьшительности и/или множественности отмечены в статье автора, названной выше, примеч. 16. Согласно любезному сообщению А. А. Холодовича, для языка айнских сахалинских текстов, изданных Б. Пилсудским, такие редуплицированные формы множественного числа нехарактерны.

21 Н. А. Н е в с к и й. Айнский фольклор, стр. 163, строки 109—110.

нерасчлененное целое (откуда и возможность родового или предикативного употребления в случаях, подобных цитированному выше: 'как мужчина'). Поскольку в большинстве приведенных типологических параллелей другой компонент чаще обозначает мужчин, чем людей вообще, можно было бы думать, что и для праславянского **čel-o-* исходным могло послужить значение типа греч. τέλος 'военный отряд'='множество мужчин' [22].

---

[22] Рассмотренный тип обозначений представлен под вероятным шумерским и аккадским влиянием не только в гомеровском греческом, но и в древнехеттском, где идеограмма *DUMU*^{MEŠ} ^{URU}*Ḫatti* 'сыновья (города=страны) Хатти' не только соответствует рассмотренному выше шум. *dumu Lagaš*^{ki}, акк. *mâr Bâbili*, но и проливает свет на происхождение (в древнееврейском, видимо, уже переосмысленных) оборотов типа 'сыновья Хета'='хетты' в книге «Бытие», 23, 3 и др., ср. также В. В. Иванов. Древнейшие культурные и языковые связи южнобалканского и малоазийского ареалов. «Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы». М., 1974, стр. 7; см. о сочетаниях типа *DUMU*^{MEŠ} ^{URU}*Ḫatti* в значении 'сыновья Хатти'='жители Хатти' в древнехеттском тексте завещания Хаттусилиса I (II 68, II 76): F. Sommer und A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I. (Labarna II). (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophischhistorische Abteilung, Neue Folge, Heft 16). München. 1938, стр. 57.

Автор признателен А. А. Зализняку, А. А. Королеву, О. Н. Трубачеву и А. А. Холодовичу за критические замечания и советы.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. III *

(**ročiti, *tъrbati, *(s)koměti* и **(s)koměz-, *lojiti I* и *II, *zanoviti* и **zanovetь*).

**ročiti*

В русских северных, сибирских и волжских говорах зафиксирован глагол *рочи́ть* в значении ʻзадеть, зацепить, привязать, закрепить, завернутьʼ, преимущественно в лексике судоходства: бичева *зарочила*, бичеву *зарочило*, бичевой *зарочило* ʻзацепило за что-либоʼ, *зарочить* снасть ʻзавернуть, закрепить на времяʼ, *отрочи́ть* ʻраскрепить, отдатьʼ [1]. Фасмер определил это слово как этимологически неясное [2]. В других славянских языках близких глаголов как будто не отмечено. В то же время нет оснований рассматривать этот глагол как заимствование. Поэтому представляется правомерным предположение, что русск. *рочи́ть* является реликтовым образованием, утратившим словообразовательные связи внутри славянских языков вследствие архаичности своей семантики. Конкретно: не продолжает ли *рочить* ʻцеплять, крепитьʼ древнюю индоевропейскую глагольную основу, принадлежавшую к гнезду и.-е. **rĕk-*?

Лексемы отдельных индоевропейских языков, относимые к и.-е. **rĕk-*, обнаруживают значения, распределенные по двум семантическим полям: ʻустраивать, располагать, производитьʼ и ʻговоритьʼ (сюда и ʻслово, речьʼ). Ср. др.-инд. *racayati* ʻизготовлять, составлять, сооружатьʼ, гот. *rahnjan* ʻсчитатьʼ, *ragin* ʻсовет, решениеʼ, *garēhsns* ʻпостановление, решениеʼ, слав. **rekti*, **rěčь*, **rokъ*, тох. A *rake*, B *reki* ʻсловоʼ [3]. Соотношение значений ʻустраиватьʼ и ʻговоритьʼ толкуется для и.-е. **rĕk-* в диахроническом плане аналогично **dhē-*, т. е. первичным признается значение ʻустраивать, располагатьʼ [4]. Наиболее ярко отражено оно в др.-инд. *racayati*, семантика которого описывается следующим образом: 1. ʻизготовлять, составлять, сооружать, приготовлять, производить, причинятьʼ; 2. ʻзакрыватьʼ; 3. ʻприносить, приделыватьʼ; 4. ʻприводить, застав-

---

* Первые две статьи этой серии см. в томах: «Этимология. 1971» (М., 1973) и «Этимология. 1972» (М., 1974).

1 Даль² IV, стр. 105—106. Ср. также: Подвысоцкий, стр. 49 (*зарочить*).

2 Фасмер III, стр. 509.

3 Pokorny I, стр. 863.

4 Там же.

лять кого-л. делать что-л'[5]. Представляется, что к др.-инд. *racayati* близко по значению и по структуре русск. диал. *рочи́ть*. Ср. 'зацепить, закрепить' (*рочи́ть*) и 'составлять, приделывать' (*racayati*). Соотношение структур *рочи́ть* и др.-инд. *racayati* тождественно соотношению слав. **slaviti* и др.-инд. *śrāvayati*. Если *рочи́ть* родственно др.-инд. *racayati* и восходит к гнезду и.-е. **rĕk-*, то оно предполагает праслав. **ročiti*.

Из славянских образований, относимых к и.-е. **rĕk-*, значение 'устраивать, располагать' прослеживается достаточно отчетливо лишь в **rokъ*, которое обозначало первоначально нечто установленное, определенное, откуда далее 'судьба' и 'срок', 'год'. Во многих славянских языках употребляются глаголы (чаще приставочные) с основой на *-iti*, однокоренные с **rokъ*; преобладающее их значение — 'устанавливать, определять время', например: с.-хорв. *ро̀чити* 'установить место и время встречи; послать', *ро̀чити се* 'договориться'[6], польск. *roczyć* устар. 'произносить решение, приговор; определять, устанавливать', диал. 'предназначать, приглашать'[7]. Можно думать, что подобные глаголы продолжают праславянскую глагольную основу **ročiti*, но их значения весьма отличны от русск. *рочи́ть*, обозначающего действие, относящееся к конкретным материальным предметам. Правда, семантическое развитие 'устраивать, располагать материальные предметы' → 'устанавливать срок, произносить решение' можно предполагать и в истории одной глагольной основы. Но более вероятным представляется более позднее образование глаголов типа с.-хорв. *ро̀чити*, польск. *roczyć* от существительного **rokъ*. В таком случае, наряду с праслав. **ročiti* I (>русск. *рочи́ть* 'зацепить'), продолжающим индоевропейский глагол, предполагается еще **ročiti* II как отыменное, собственно славянское образование.

**tьrbati*

Почти во всех славянских языках употребляются глаголы, которые позволяют предполагать существование в праславянском глагола **terbiti* со значением 'чистить, полоть, вырубать, корчевать' (ст.-слав. трѣбити, чеш. *tříbiti*, русск. *теребить* и т. д.). Индоевропейские источники его прозрачны: это корень **ter-* (ср. слав. **terti*) с расширением *-b-* (ср. греч. τρίβω)[8]. Недостаточно ясно образование **terbiti* на собственно славянской почве. Структурные особенности этого глагола — корневой вокализм в ступени **e* при инфинитивной основе на *-i-* — заставляют предполагать отыменное образование, от **terbъ* или **terba*. Славянский глагол, от которого

---

[5] O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. 5. Theil. St. Petersburg, 1884, стр. 160.
[6] RJA 59, стр. 74.
[7] Варшавский словарь V, стр. 544.
[8] Pokorny I, стр. 1071.

было образовано это имя, считается при этом утраченным[9]. Представляется возможным, однако, сохранение следов этого глагола и даже самого глагола по отдельным славянским диалектам.

Прежде всего, интересна вариантность корневого вокализма в имени на *-ežь*, производном от **terbiti*: почти на всей славянской территории представлены рефлексы **terbežь* с корневым вокализмом в ступени **e*, тождественным вокализму глагола **terbiti* (болг. устар., диал. *требе́ж*, польск. *trzebież*, словен. *trêbež*, с.-хорв. *trebežina* 'выкорчеванный участок'), но в ихтиманском диалекте зафиксировано *тръбе́ш* 'выкорчеванный лес'[10], предполагающее корневой вокализм в ступени редукции, т. е. **tьrbežь* или **tъrbežь*. Исследование вариантности корневого вокализма в славянских отглагольных именах убеждает, что источником ее часто является аналогическое влияние на отглагольное имя со стороны отличной по вокализму родственной глагольной основы. То же можно предположить и в случае болг. *тръбе́ш*: праслав. **terbežь*, образованное от **terbiti*, подверглось преобразованию по аналогии с глаголом, близким по значению и имевшим вокализм в ступени редукции. Такой вокализм характеризовал в праславянском некоторые основы настоящего времени на *-o-/-e-* и инфинитивные основы на *-ě-* и на *-a-* (при основе настоящего времени на *-o-/-e-* или *-je-*, которая обычно имеет полную огласовку, ср. **bьrati* — **berǫ*, **pьsati* — **pišǫ*).

Учитывая предполагаемые формальные характеристики искомого глагола (ступень редукции в корне, возможная основа на *-ati*), нельзя не обратить внимания на польск. диал. *przyciorbać się* 'медленно прийти, притащиться'[11] и словен. *tŕbati* 'идти, труси́ть'[12], *natŕbati se* 'собираться в кучу'[13], *trban* 'немного отесанное бревно; дурак'[14], *otrbáven* 'невкусный, грубый; неловкий'[15]. Польский глагол, кажется, не привлекал еще внимания этимологов. Фонетический облик корня позволяет возвести его к праслав. **tьrb-*, при условии допущения нерегулярного изменения *'e* > *'o* (в сочетании *'er* < *ir* < *ьr*). Словенский глагол *tŕbati* безусловно допускает реконструкцию **tьrbati*, но для словенской группы слов уже существует одно этимологическое истолкование: Ф. Безлай считает ее родственной ст.-слав. оустрьбнѫти, оустрьбѣти и возводит к и.-е. **sterbh-* 'затвердевать, цепенеть', допуская подвижность начального *s*[16]. Формальных возражений эта этимология не вызывает, однако семантические ха-

---

[9] Machek[2], стр. 657—658.
[10] Максим Сл. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III. София, 1967, стр. 180.
[11] Варшавский словарь V, стр. 272.
[12] Pleteršnik II, стр. 683.
[13] K. Štrekelj. Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. — «Letopis Matice Slovenske» Ljubljana, 1894, стр. 27.
[14] Pleteršnik II, стр. 683.
[15] Там же, стр. 872.
[16] F. Bezlaj. Einige Slovenische und Baltische lexische Parallelen. «Linguistica» VIII/I, 1966—1968, стр. 73.

рактеристики рассматриваемой словенской группы (ср. особенно *tŕbati* 'трусить', а также приведенное Безлаем *trbosáti* 'хлопать дверью, трясти дверь' и *trbósniti* 'грубо ударить'[17]) не настолько совпадают с семантикой слав. **stьrb-* 'цепенеть, крепнуть', чтобы исключить возможность другого истолкования.

При рассмотрении семантических отношений польск. *przyciorbać się* 'притащиться', словен. *tŕbati* 'трусить', *natŕbati se* 'собираться в кучу', *trbosáti* 'хлопать дверью, трясти дверь', *trban* 'немного отесанное бревно', *otrbáven* 'невкусный, грубый; неловкий' в плане их предполагаемого родства с **terbiti*, в качестве наиболее вероятного исходного значения для реконструируемого праслав. **tьrbati* должно быть принято 'драть, рвать, рубить'. Из этого значения хорошо объясняются словен. *trban* 'немного отесанное бревно', *natŕbati se* 'собираться в кучу' (из *'надрать, нарвать'), *trbosáti* 'трясти дверь'. Далее всего от предполагаемой первичной семантики 'драть, рвать, рубить' отстоит как будто значение глаголов, являющихся прямыми продолжениями **tьrbati*: польск. *przyciorbać się* 'притащиться', словен. *tŕbati* 'трусить'. Однако это расстояние перекрывается хорошо известной в славянской лексике моделью семантического развития 'драть, рвать' → '(быстро) двигаться, бежать, идти'. Что касается словен. *otrbáven* 'невкусный, грубый; неловкий' и приведенного Безлаем *tŕbast* 'неуклюжий, неловкий', то их значения могут быть связаны с 'драть, рвать' через промежуточную ступень 'драный, шершавый, корявый'.

Возможно, к **tьrbati* восходит также словен. диал. горен. *tarbati* 'кое-как что-либо делать'[18].

Словообразовательные и диахронические отношения реконструируемого праслав. **tьrbati* и праслав. **terbiti* представляются следующим образом. До развития в корне глагола **tьrbati* ступени редукции, когда основа имела вид **terbati*, от этой основы инфинитива или от соответствующей основы настоящего времени (ср. модель **bьrati* — **berǫ*) было образовано бессуффиксальное имя существительное **terba* или **terbъ* (ср. словен. *tréb* 'выкорчеванный и подготовленный к посеву участок'[19]). Это имя послужило производящей основой для глагола **terbiti*, а от последнего было образовано имя **terbežь*. Отношения **tьrbati* и **terbiti* тождественны отношениям внутри близкой по значению пары **dьrbati* (чеш. *drbati*, словен. *drbácati*) — **dьrbiti* (русск. *дербить*). Как и в последнем случае, основы **tьrbati* и **terbiti* сохранились по славянским языкам неодинаково. При общеславянском распространении **terbiti* в терминологическом значении 'вырубать, корчевать', основа **tьrbati* развила вторичное значение 'идти, та-

---

17 Pleteršnik II, стр. 683.
18 Там же, стр. 656.
19 R. Badjura. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953, стр. 269.

щиться, трусить' и, перейдя в сферу экспрессивной лексики, была утрачена большинством славянских языков. О ее первичном значении 'драть, рубить' свидетельствуют производные типа словен. *trban* 'немного отесанное бревно', о более широком распространении в древности — ее влияние на **terbežь*, обусловившее появление варианта **tьrbežь* в болгарских говорах, где сама основа **tьrbati* уже не сохранилась.

К рассмотренным выше польск. *przyciorbać się* 'медленно прийти, притащиться' и словен. *tŕbati* 'идти, трусить', послужившим обоснованием реконструкции праслав. **tьrbati*, очевидно близки чеш. диал. *tarabiti se* 'напрягаться, стараться' [20], *dotarabiti se* 'дойти, дотащиться куда-либо' [21], *tarabit* 'нести с трудом' [22]. Можно предположить, что чешские глаголы продолжают родственную итеративную основу **torbiti*. Однако закономерным ее рефлексом должно было бы быть чеш. **trabiti*. Вокализм реального *tarabiti* объяснить трудно. Возможно, он связан с какими-то звукоподражательными или ритмическими ассоциациями.

Наконец, к реконструированному праслав. **tьrbati*, вероятно, восходят (как отглагольные имена) русск. подмоск. *тербь* 'связка льна' [23] и *па́терба* 'страдание, мука, хлопоты, тормошение' [24]. Смягчение *р'* в яросл. *па́терьба* 'ссора, брань, крик' [25] может быть вторичным.

**(s) komětі* и **(s)koměz-*

Наличие в славянских языках наряду с образованиями типа русск. *щемить*, словен. *ščemẹ́ti* 'болеть', содержащими начальное праслав. **šč*, родственных лексем типа словен. *čmêti*, *čəméti*, *čämati* кашуб. *čamic są* и соответствия в других индоевропейских языках (др.-в.-нем. *hemmen*, лит. *kamuoti*, лтш. *kamuot*) позволяют предполагать факультативность начального *s* в славянских формах [26], т. е. отражение здесь *s*-mobile. Однако структура многих слов, восходящих как будто к формам без *s* такова, что равно возможна мысль об упрощении здесь начальной группы *šč*: именно так Миклошич объяснил начальное *č* в словен. *čmêti* [27].

Вопрос о характере начального *s* в этом славянском корне решается в пользу *s*-mobile благодаря обнаружению вариантности *sk/k* в формах с полной огласовкой корня. Один из случаев вариантности представлен в глагольной основе на *-ěti*: словенскому

---

[20] PSJČ VI, стр. 42.
[21] Jungmann I, стр. 448.
[22] Machek², стр. 636. Махек считает эти глаголы родственными слвц. *teperit'* 'тяжело тащить', укр. *тепорити* и лтш. *steberēt* 'ковылять'.
[23] Иванова. Подмоск., стр. 508.
[24] Даль² III, стр. 24.
[25] Мельниченко, стр. 141.
[26] Berneker I, стр. 167.
[27] Miklosich, стр. 38.

skomẹti, *-îm* ‘тосковать, грустить’ [28] точно соответствует по структуре основы инфинитива и значению русск. диал. ряз. *каме́ть*, *-е́ю* ‘томиться при долгом ожидании чего-л., а также во время бессонницы или в процессе однообразной и продолжительной работы; находиться где-л. в течение длительного времени, торчать’ [29]. Очевидно, можно реконструировать праслав. **(s) komětі*. Соответствующей основой настоящего времени должна была быть *i*-основа, сохраненная в словенском. Русская основа на *-е́ю* является следствием аналогического выравнивания по основе инфинитива (ср. такое же развитие в случае *болеть — болит — болеет*). Возможность в данном этимологическом гнезде значения ‘тосковать, томиться в ожидании чего-л.; находиться где-л. в течение длительного времени’ подтверждается словен. *čemẹti* ‘неподвижно, тихо сидеть; неподвижно, отрешенно смотреть; находиться в полудреме’ [30].

Второй случай вариантности *sk/k* можно предполагать в основе на *-ěz-*. В чешских валашских и ляшских говорах встречается глагол *oskomízat se* ‘медлить, колебаться’, *obskomízat* ‘глазеть’. Восточночешский вариант *oskomrza* ‘неприятный, постылый человек, с которым не хочется говорить’ побудил Махека, признав эту группу этимологически неясной, одновременно предположить возможность образования всех этих глаголов от *mrzeti*: *ob* + *sko* (усилительный префикс) + *mrzati* [31]. Но форма *oskomrza* скорее всего наиболее поздняя и обязана своим появлением контаминации утратившего этимологическую прозрачность глагола *oskomízat (se)* с *mrzeti*. Значения же ‘медлить, колебаться’ и ‘глазеть’ позволяют рассматривать чеш. *oskomízat (se)* как образование, принадлежащее к гнезду праслав. **(š)čьmětі — *(s)komětі*: ср. значения приведенных выше русск. диал. ряз. *каме́ть* ‘находиться где-л. в течение длительного времени’ и словен. *čemẹti* ‘неподвижно сидеть, смотреть’.

К чеш. *oskomízat (se)* материально близко русское диалектное образование, зафиксированное в тех же рязанских говорах, что и *каме́ть*, — прилагательное *скаме́зливый* ‘разборчивый в еде, привередливый’: пръсука́ вз’ала́ — како́й *скам’е́з’л’ивай*, плохо йис’т’. . .[32]. Это значение может быть понято как производное от ‘томиться, неподвижно сидеть, медлить’: ‘медлительный’ → ‘не жадный на еду’ → ‘привередливый’. Русск. *скаме́зливый*, как и чеш. *oskomízat (se)*, подверглось какой-то контаминации, в результате которой появились варианты *скабе́жливый*, *скабе́зливый* [33].

В соответствие с чеш. *oskomízat (se)* и русск. *скаме́зливый*,

---

[28] P l e t e r š n i k II, стр. 492.
[29] Деулинский словарь, стр. 217. На ряз. *каме́ть* мое внимание обратил составитель и редактор словаря И. А. Оссовецкий.
[30] Slovar slovenskega knjižnega jezika. Kn. I. Ljubljana, 1970, стр. 287.
[31] M a c̆ h̆ e k², стр. 419.
[32] Деулинский словарь, стр. 516.
[33] Там же, стр. 515.

имеющими начальное *s*, в украинских говорах обнаруживается та же основа без начального *s* — это мелитоп. *комизйцця* 'упираться, упорно не желать чего-л.' [34], значение которого представляется достаточно близким и к чеш. *oskomízat (se)* 'медлить, колебаться', и к русск. *скамёзливый* 'привередливый'. Все эти три формы позволяют реконструировать праславянскую основу **(s)komězь-* (менее вероятно **(s)komez-*), входящую в гнездо производных от корня **(š)čem-/*(s)kom-*. Структура этой основы недостаточно ясна: **(s)kom-ěz-* или **(s)kom-ě-z-*, т. е. производное от глагольной основы **(s)komě-*? Элемент *-(ě)z-* может быть сопоставлен с материально близкими структурными элементами славянских глаголов **gomъzati* и **lobъzati*. Возможно, речь идет об экспрессивном образовании, вторичном по отношению к **(s)koměti*.

**lojiti I и II*

Многим славянским языкам известны глаголы с основой на *-iti*, производные от существительного **lojь* 'жир' (в свою очередь образованного от глагола **liti*): это, например, польск. *łoić* 'намазывать жиром', с.-хорв. *ло̀јити* 'мазать салом, засаливать'. Вероятно, можно реконструировать для праславянского языка отыменное **lojiti*. Однако в некоторых славянских языках представлены глаголы и отглагольные имена, которые, предполагая ту же исходную форму **lojiti*, в то же время имеют существенно отличные значения. Речь идет прежде всего о болг. диал. родоп. *ло̀йам съ, ло̀йнъ съ* 'стараться, чтобы не ударили при игре в мяч; избегать тяжелой работы' [35], троян. *л'ѐъмъ съ* 'качаться, двигаться без определенной цели' [36]. Если смягчение *л'* в последнем из приведенных глаголов вторично, то его структура тождественна родоп. *ло̀йам съ*. Наличие глагольных основ на *-a-* и *-nǫ-* с корневым вокализмом **o* (именно таковы *ло̀йам съ, ло̀йнъ съ*) в славянских языках часто свидетельствует об утрате основы на *-i-*, производными от которой являются первые две. И в данном случае можно предполагать утрату основы **лойа*, восходящей к праслав. **lojiti*, только с иным, нежели рассмотренное выше **lojiti*, значением. Если глагол со значением 'мазать жиром' обозначить **lojiti* I, то болгарские глаголы позволяют реконструировать **lojiti* II 'двигаться, бегать, избегать'. От подобной основы могло быть образовано существительное польск. *łojło* 'бродяга' [37], что подтверждает правомерность реконструкции **lojiti* II как праславянской основы.

---

[34] О. Курило. Матеріяли до української діялектології та фольклористики. Київ, 1928, стр. 28.
[35] Тодор Стойчев. Родопски речник. — БД кн. V. София, 1970, стр. 184—5.
[36] Стоян Ковачев. Троянски говор. — БД кн. IV. София, 1968, стр. 212.
[37] Варшавский словарь II, стр. 811.

**lojiti* I как отыменное (от **lojь*) образование связано опосредованно с глаголом **liti*. Каковы генетические связи **lojiti* II? Можно думать, что этот глагол принадлежит к тому же гнезду, но связан с **liti* непосредственно. В чешском разговорном языке отмечено *slíti se* 'уклониться от выполнения какой-либо обязанности; не прийти куда-либо' [38]. Развитие на базе значения 'лить' значения 'уклоняться' (='уходить') не является исключительным: ср. близкое явление в русском языке — *мыть* и *смыться* 'исчезнуть, быстро и незаметно удалиться, уйти' [39]. С этим вторичным значением слав. **liti* — 'уклониться' (чеш. *slíti se*) — и сопоставимо значение реконструированного выше **lojiti* II 'двигаться, бегать, избегать'. Семантическая близость и материальное сходство позволяют выдвинуть гипотезу о развитии у **liti* еще на праславянской почве значения 'быстро двигаться, идти' и образовании от **liti* соответствующего итератива **lojiti* (II) со значением 'двигаться, бегать, избегать'.

**(za)noviti (sę)* и **zanovetь*

В словацкой лексике совершенно обособленное положение занимает группа с основой *zanov-*: *zanovit' sa* 'ожесточиться, закоренеть', *zanovitý* 'упрямый, упорный', *zanovec* и *zanovit* 'упрямец' [40], *zanovovati* 'ожесточаться', *zanovitost'* 'очерствелость, упрямство' [41]. Махек упомянул эту группу в первом издании своего словаря и определил ее как неясную [42].

Этимологическое истолкование словацких лексем становится более реальным с привлечением материально близких сербохорватских образований: диал. далм. *за̏новиjет*, зап. *за̏новйт* ж. 'помеха или скука' [43], литер. *за̏новет* ж. 'назойливость, надоедливая болтовня' [44], *zanovijètati* 'болтать; болтая, утомлять' (значение корня близко к 'слабеть, изнемогать') [45]. Анализируя сербскую группу (помимо перечисленных образований, еще далм. *nȍvēt* м. 'изгиб, поворот': put na *novet* = na *zanovet*, а также *novetati*), Скок пришел к заключению, что древней формой глагола было *zanovetati* (а *zanovijetati* у Караджича — псевдоекавизм), с суффиксальным *-etati*, обычным для глаголов звукоподражательного происхождения. С другой стороны, *novetati* Скок характеризовал как отыменное, от *novet*. Признав происхождение всей группы неясным, Скок высказал две гипотезы: «возможно, от *nov* или от и.-е. корня **nāu-/*nəu-/*nū-* 'мучить до изнеможения'» [46]. Сопоставление и объ-

---

[38] PSJČ V, стр. 370.
[39] Ушаков IV, стб. 314.
[40] Kálal, стр. 837.
[41] Kott V, стр. 174.
[42] Machek[1], стр. 582.
[43] Караџић, стр. 194; Iveković-Broz II, стр. 798.
[44] И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 210.
[45] Iveković-Broz II, стр. 798, ср. также Караџић, стр. 194.
[46] Skok II, стр. 527 (статья *nȍvēt*).

единение сербохорватской и словацкой групп слов дает семантические основания для того, чтобы признать наиболее правдоподобной вторую версию, а именно — принадлежность рассматриваемых слов к гнезду и.-е. **nāu-/*nəu-/*nū-*.

Сравнение значений сербохорватской группы: ʻпомеха или скукаʼ, ʻназойливость, утомительная болтовняʼ, ʻболтая, утомлятьʼ и ʻизгиб, поворотʼ — со значениями словацкой группы: ʻожесточиться, закоренетьʼ, ʻупрямыйʼ — позволяет считать значение ʻизгиб, поворотʼ (дороги) более поздним; возможно, это вторичная конкретизация более общего значения ʻпомеха, утомительная задержка, маетаʼ. Тогда комплекс значений ʻпомеха, назойливость, утомительная болтовняʼ, ʻутомлятьʼ, ʻожесточиться, закоренетьʼ, ʻупрямыйʼ связывает анализируемую словацко-сербско-хорватскую группу с семантическим полем глаголов и прилагательных, которые обнаруживают сочетание значений ʻослабеть, устать, застыть, умеретьʼ и ʻупрямиться, упрямыйʼ. Такова, например, семантика групп русск. *колéть* ʻцепенеть, коченеть, за (об, у)мирать, черстветь от жару, холоду, непогоды, скорбнуть; мереть, дóхнуть, издыхатьʼ [47] и ряз. *каля́ный* ʻтвердый, негнущийся, жесткий; упрямый, несговорчивыйʼ, *каля́ниться* ʻупрямитьсяʼ [48]; ряз. *опрямéть* ʻзастыть в неподвижности (о человеке или частях его тела)ʼ [49] и *упрямый*, *упрямиться*. В обоих приведенных случаях этимологически первичным является значение ʻзастыть, оцепенетьʼ (в первом случае — как производное от ʻкол, дубинаʼ, во втором — от ʻпрямой, негибкийʼ). Такое же направление развития, очевидно, вероятно и для рассматриваемой группы с основой (*za*)*nov-*, а в таком случае обосновано ее отнесение к этимологическому гнезду и.-е. **nāu-/*nəu-/*nū-*, которое обозначало «медленную смерть в результате старости, утомления, истощения, мучения и т. п. причин. . .» [50], ср. в частности лит. *nõvyti* ʻмучить, изводить, томитьʼ.

Славянские образования, относимые к гнезду и.-е. **nāu-/*nəu-/*nū-*, имеют корневое *a* (**naviti* ʻутомлятьʼ, **navь* ʻмертвец, душа умершегоʼ) или *y* (**nyti* ʻизнывать, тосковатьʼ), т. е. отражают долгий индоевропейский вокализм. Если основа (*za*)*nov-*, представленная в словацком и сербохорватском, принадлежит к этому гнезду, то ее *o* восходит к и.-е. **ə*, т. е. отражает ступень редукции (из других индоевропейских образований ступень редукции предполагается в гот. *nauþs* ʻнужда, принуждениеʼ, др.-исл. *nauđ*. *nauđr* ʻпринуждение, нужда, необходимостьʼ [51]).

Каковы словообразовательные и диахронические отношения в группе слов с корнем *nov-*? Представленная в современных славян-

---

[47] Д а л ь² II, стр. 145.
[48] Деулинский словарь, стр. 216—217.
[49] Там же, стр. 372.
[50] Значение корня **nāu-* дано по работе: В. Н. Т о п о р о в. Индоевропейский корень *$ə_2$en-/*$ə_2$n-* в балтийском и славянском. — LP VIII, 1960, стр. 209.
[51] P o k o r n y I, стр. 756.

ских языках группа лексем включает глаголы с основами на *-iti* (слвц. *zanovit' sa*), *-ovati* (слвц. *zanovovati*) и *-etati* (с.-хорв. *zanovetati*), существительные на *-ec* (<*-ьсь, слвц. *zanovec*), *-it* (слвц. *zanovit*), *-et* м. и ж. р. (<*-etъ и *-etь? ср. с.-хорв. *nòvēt* м., *zȁnovēt* ж.), прилагательное на *-it-* (слвц. *zanovitý*, с производным от него существительным *zanovitost'*). Явно вторичными являются среди них глаголы на *-ovati* и *-etati* (последний — как следствие поздней аналогии с глаголами звукоподражательного происхождения, после утраты этимологического значения имени *zanovet*), а также существительное на *-it* (вероятно, субстантивация прилагательного). Остаются глагол на *-iti*, прилагательное на *-it-* и существительные на *-ec* и *-et*. Прилагательные на *-it-* и существительные на *-ec* образуются и от глаголов на *-iti*, и от имен. Поскольку речь идет об основах с приставочным *za-* (не пространственного значения), более вероятно отглагольное образование от *zanoviti*. Из сербохорватских имен на *-et* мужского и женского рода более древней является, вероятно, форма женского рода: *-et* м. р. характеризует обычно названия явлений, воспринимаемых органами чувств (типа **lepetъ*, **trepetъ*) и в данном случае может быть связано с поздним значением имени ('болтовня'). Если прав Скок, настаивавший на первичности *e* в суффиксе *-et* сербохорватских форм, то с.-хорв. *zȁnovēt* предполагает праславянский суффикс *-etь. Но *-etь* — «вторичный» суффикс [52]. Следовательно, с глаголом *zanoviti* это имя может быть связано лишь опосредованно.

Таким образом, среди славянских образований с корнем *nov-* наиболее древними являются, вероятно, глагол слвц. *zanovit' sa* и существительное с.-хорв. *zȁnovēt*. Представляется возможной реконструкция и для праславянского состояния глагола *(*za*)*noviti* (*sę*) 'утомить(ся), оцепенеть' и существительного **zanovetь* 'усталость, мука'.

Наряду с рассмотренными лексемами, составители словарей словацкого и сербохорватского языков отмечают, часто в тех же словарных статьях, названия растений с тождественной основой. Представлены они и в других славянских языках. Махек собрал их в отдельной статье, *janovec*, Скок включил в статью *nòvēt*. Вот их более или менее полный перечень: с.-хорв. *зȁновиjет* Cytisus 'ракитник' [53], слвц. *zanovít'* 'дорикниум; люцерна; донник' [54], *zanovit* Melilothum 'донник' [55], слвц., чеш. *zanovec* Galega officinalis 'галега лекарственная, козлятник' [56] (а также *janovec* Sarothamnus 'бобровник', со множеством старочешских вариантных форм: *janovít*, *janobít*, *janofít*, *janosít*, *janosiet* [57]), болг. диал.

---

[52] F. M i k l o s i c h. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II B., Wien, 1875, с р. 189—190.
[53] К а р а џ и ћ, стр. 194.
[54] K á l a l, стр. 837.
[55] K o t t V, стр. 174.
[56] Там же. M a c h e k², стр. 216 (*janovec*).
[57] M a c h e k², стр. 216 (*janovec*).

зановец 'растение, из которого делают метлы' [58], русск. диал. *зиновать, зиновник* Cytisus biflorus 'ракитник' [59], укр. *зáновать* Lotus corniculatus 'лядвенец' [60] (близкие польские лексемы Махек определяет как заимствования из чешского). Близость этих названий к описанной группе с корнем *nov-* очевидна: это сходство и начала слова (префикса), и возможного корня, и суффиксов (*-et*, *-it*, *-at'*, *-ec*). Поскольку названия растений встречаются не только в словацком и сербохорватском языках (где употребляются глагол *zanovit' sa* и имя *zȁnovēt*), но и в других славянских языках (болгарском, чешском, русском, украинском), можно думать, что не влияние этих глагола и имени определило начальное *za-* в названиях растений (ср. и болг. *зановец*, и укр. *зановать*), так что форма названия с начальным *za-* является древней. Но не менее древней может быть и форма с начальным *ja-*, представленная в чешском: вариантность *zanov-*: *janov-* напоминает функциональное тождество праславянских образований с префиксами **za-* и **a-*, отмеченное в парах **zapadь*: **apadь* [61], **zaduxa*: **aduxa*, **zavorъ*: **avorъ* [62]. Анализ суффиксальной части названий растений обнаруживает тождество их суффиксального оформления в каждом языке с суффиксами именно тех существительных с корнем *nov-*, которые представлены в данном языке: ср. слвц. *zanovit*, *zanovit'* 'донник', *zanovec* 'козлятник' — *zanovit*, *zanovec* 'упрямец'; с.-хорв. *зȁновиjет* 'ракитник' — *зȁновиjет* 'помеха, скука'. Это тождество позволяет предполагать родство, дополненное длительным взаимовлиянием в истории отдельных языков. Таким образом, можно реконструировать вариантные названия растения **zanovьcь*: **janovьcь*: **zanovetь*: **janovetь* (или **zanovitь*: **janovitь*, с последующим преобразованием по языкам).

Реальную мотивацию названия растений восстановить трудно. В большинстве случаев оно используется для обозначения растений семейства мотыльковых (донник, козлятник, ракитник, бобровник, люцерна, лядвенец). Многие из этих растений ядовиты: например, ядовиты дорикниум и многие виды ракитника; некоторые виды галеги лекарственной (козлятника) ядовиты для скота; донник плохо поедается неприученным скотом вследствие содержания кумарина; в некоторых случаях оказывается ядовитым для скота лядвенец; настой донника (применяемый в народной медицине) в больших дозах ядовит для человека. Возможно, эти признаки и объясняют образование названия соответствующих растений с корнем **nov-*, обозначавшим оцепенение, усталость, утомление (а может быть, и смерть — ср. родственное **nav-*).

---

[58] М. Младенов. Из лексиката в Кюстендилско. — БД VI, стр. 142.
[59] Даль² I, стр. 431 (в статье *дереза*).
[60] Гринченко II, стр. 73 (в словаре опечатка: Sotus).
[61] Berneker I, стр. 441.
[62] О. Н. Трубачев. Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *a-*. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1971, стр. 269, 271—272.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ III

Слав. **-moliti.*

Слав. **-moliti*, имеющее своим продолжением некоторые южнославянские образования (ср. словен. *molíti* 'протянуть (руку)', с.-хорв. *izmȍliti* 'показаться, появиться' и др.), относится к числу не совсем ясных лексем. Известны два объяснения этого слова. Из них наименее убедительным представляется сближение с греч. μάλα 'очень', лат. *melior* 'лучше', в основе которого лежит мысль, что глагольные формы типа ст.-слав. *izmŭlěti* отражают вокализм сравнительной степени **mŭl-*. Ненадежность и спорность такой этимологии хотя бы в том, что закономерной для старославянского следует признать глагольную форму с корневым ь, а не ъ, о чем речь будет ниже[1]. Более распространенное и наиболее приемлемое объяснение основано на сопоставлении слав. **-moliti* с греч. μολεῖν 'идти', алб. *mal* 'берег', лтш. *mala* 'край, берег', лит. *lýg-mala* 'возвышение на краю'[2].

Новую этимологию предложил Махек[3]. Он нашел для слав. **-moliti* соответствия в лужицких языках: ср. в.-луж. *pomaleć so*, н.-луж. *pomalaś se* 'бесстыдно обнажаться, раскрываться'. Предполагая для славянских лексем основное значение 'открываться, обнажаться', Махек высказывается за сближение с др.-ирл. *lomm*, *lom* с производными *lom(m)ar* 'голый', *lommocht* 'совершенно голый', *lommaraim* 'делать голым, лущить, сдирать'. Для ирл. *lomm* восстанавливается корень **lup-smo-* или **lub(h)-smo-* из и.-е. **leup-* 'чистить, лущить'. Слав. **-moliti*, таким образом, включается в этимологическое гнездо с и.-е. корнем **leup-*, но для него предполагается метатеза: *l-m* > *m-l*.

Отмечая проблематичность предложенных Махеком фонетических переходов, мы отдаем предпочтение традиционному истолкованию: слав. **-moliti* — греч. μολεῖν 'идти' из и.-е. **mel-* 'выступать, появляться, возвышаться'.

---

[1] A. Vaillant. Le vocalisme des comparatifs slaves. — RÉS IX, 1929, стр. 6—7.

[2] Berneker II, стр. 74; Pokorny I, стр. 721—722; Fraenkel, стр. 400—401.

[3] V. Machek. Zur Frage der slaw.-kelt. Beziehungen. — «Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Spławiński». Warszawa, 1963, стр. 118—119.

Наше обращение к слав. *-*moliti* продиктовано необходимостью внести некоторые уточнения в характеристику данного этимологического гнезда. Представляемый славянскими языками лексический материал позволяет более четко определить состав и структуру этого гнезда родственных слов, выявить их отношения на основе правил чередования, реконструировать исходный тип генетических отношений.

Наиболее полное представление о слав. *-*moliti* дает сербохорватский язык, где эта основа существует в живом активном употреблении с полным набором чередований. Особенность функционирования этой основы в том, что она известна только в сочетании с различными приставками. Для примера укажем образования с приставкой *iz-*: *izmòliti*, *izmolîm* 'из места более или менее закрытого заставить выйти, показаться, появиться' с XV в., ср. Iz vode glavu *izmolio*[4]. Словарь отмечает также глагол с приставкой *po-*: *pomóliti*, *pòmolîm* сов. в. 'вытянуть откуда-нибудь, чтобы было видно' с отглагольным именем *pȍmôl*, *pȍmola* 'место, где что-либо появляется', *pòmolak*, *pòmôlka* 'обнаружение, появление' только у Вука с примером из народной песни, ср. Kad su bili Mletku *na pomolku*[5]. Можно еще указать на образование с приставкой *na-*: *namòliti se*, *nàmolîm se* сов. в. 'появиться, показаться', ср. Livadu je magla pritisnula, iz magle se junak *namolio*[6]. В известном смысле показателем древности этой основы служит образование с архаичной приставкой *ko-*: *komoliti* 'выступать', отмеченное у одного автора из Задара в XVII в.[7]

Эти приставочные глаголы совершенного вида образуют видовую пару с глаголами на *-ati*, которые характеризует удлинение корневого гласного. Ср. *izmálati* 'показываться, появляться', *pomáļati* то же и др.[8] Все эти формы позднего происхождения отмечаются словарями в наше время.

Сербохорватский представляет эту основу с вокализмом, отражающим продление ступени редукции. Простой глагол *mílati se*, *mîlâm se* со значением 'немного показываться, выступать из-за чего-либо' отмечен Вуком в Герцеговине и приводится в описании рождественского обряда. Два человека берут пирог, поворачивают его, и один другого спрашивает: «*Milam li si*?», т. е. «Показываюсь ли я из-за пирога?» Ему отвечают: «*Milaš malo*». Тогда первый говорит: «Sad malo, a do godine ni malo», т. е. уродится так много хлеба, и так велик будет пирог, что совсем ничего не покажется из-за пирога[9]. Этот глагол отмечен в сочетании с приставками *po-*, *pro-*, *iz-*[10].

---

[4] RJA IV, 14, стр. 250.
[5] RJA X, 45, стр. 707—709.
[6] RJA VII, 32, стр. 460.
[7] RJA V, 19, стр. 246.
[8] RJA IV, 13, стр. 230; RJA X, 45, стр. 651.
[9] RJA VI, 28, стр. 667.
[10] RJA X, 45, стр. 680; RJA XII, 52, стр. 356; RJA IV, 14, стр. 241.

Как видно из приведенного материала, сербохорватский представляет рассматриваемую основу с чередованием *mil-*, *mol-*; *mal-*; наиболее общим для нее следует признать значение 'выступать, показываться из-за чего-либо'.

В указанном ряду чередующихся основ недостающее звено, а именно основу **mъl-* со ступенью редукции в корне, возможно, отражают некоторые церковнославянские примеры. В словаре Миклошича в статье на измолити 'eminere' приводится причастная форма в примере из Хроники Георгия Амартола: козни высокыꙗ измълащи выше церкви лакотъ [11]. В качестве заглавного слова Миклошич дает инфинитив измолѣти 'eminere, ἐξέχεσθαι' для имперфектной формы глагола с редуцированным в корне: того дѣлꙗ измълѣахѫ (в другом месте измълеꙗхоу) изнизѫ. Засвидетельствованные формы причастия наст. вр. измълащи и имперфекта измълѣахѫ дают основание для реконструкции гл. **jьzmьlěti*, *-mьlją* с редуцированным *ь* в корне. Редуцированный ъ по ошибке оказался в прич. измълащи, что подтверждает и рассмотренное выше с.-хорв. *mílati*. Правила глагольного формообразования дают основание полагать, что в словаре Миклошича для обеих форм следовало бы поставить в качестве заглавного слова один инфинитив измьлѣти.

Из рассмотренного материала следует, что изучаемое этимологическое гнездо включает основы следующей структуры: **mьl-*, **mil-*, **mol-*, **mal-*. Аналогичные отношения образуют глагольные основы так называемого IV класса типа **zьrěti*, **zirati*, **zoriti*; **vьrěti*, **virati*, **voriti* и др. На возможность подобной структуры в свое время указал Потебня в связи с укр. **милати, милала* 'виднелась' [12].

Несколько другие словообразовательные связи представляет основа **-mol-* в словенском, где она оформляется по образцу отыменных глаголов с показателем *-ěti* / *-iti*, ср. *molíti* 'протянуть, держать протянутым', например *roko m. komu*, и *molẹ́ti*, *-im* 'возвышаться, выступать' [13]. В словаре Плетершника находим еще *pomolíti*, *-ím* 'вытянуть, высунуть', например *jezik p.*, *pomoliti se* 'обнаружиться, появиться, показаться' и производное от него имя *pomól*, *móla* 'выступ', 'балкон', 'острие', *pomólek* 'небольшое возвышение' [14].

Как видим, отдельные славянские языки сохраняют следы развитого этимологического гнезда с полным набором ступеней чередований. Все основы, связанные четкими аблаутными отношениями, характеризует исключительно приставочное употребление. Эту особенность структуры следует иметь в виду при определении основного значения 'выступать, показываться, возвышаться', которое, видимо явилось результатом видоизменения

---

[11] Miklosich LP, стр. 248.

[12] А. А. Потебня. Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок. — РФВ XIV, 1885, стр. 23—24.

[13] Pleteršnik I, стр. 599—600.

[14] Pleteršnik II, стр. 142—143

первичного значения, некогда выражавшегося простой основой. Для соответствующих образований в греческом и латинском восстанавливается исходное значение 'идти': ср. греч. μέλλω 'идти', лат. *mōliōr* 'идти, двигаться' [15].

Это дает основание думать, что в индоевропейскую эпоху основу **mel-* характеризовало значение 'идти, ступать', которое в дальнейшем при сочетании этой основы с различными приставками подверглось изменениям.

Исходя из особенностей структуры и семантики данного этимологического гнезда, можно, правда, в осторожной форме высказать предположение о принадлежности к нему двух изолированных лексем, отмеченных в болгарских диалектах, а именно: *замила̀вка* 'колышек, с помощью которого наставляют палку' и *замиля̀вок* 'небольшая недожатая часть нивы' (Банско) [16]. Внутреннюю форму этих образований составляет признак, который может быть определен как 'нечто выделяющееся, возвышающееся'.

Можно думать, что этимологическое гнездо с корнем **mel-* распалось еще на раннем этапе развития праславянского. Возможно, причина, обусловившая забвение внутренней формы, разрушение этимологических связей, заключается в частичном совпадении структурных отношений основ, характеризующих данное гнездо и группу родственных лексем с и.-е. корнем **mel-* 'молоть'. Наибольшая близость этих этимологических гнезд наблюдается в тех частях, которые представляют лексемы с продлением ступени редукции в корне. Славянские языки сохраняют следы основы **mil-*, чередующейся с **mel-* 'молоть': ср. ц.-слав. измилати 'molere' [17], болг. диал. *одмӣлам* 'работать быстро и результативно', 'быстро двигаться' [18], а также словен. *mȋl* ж. р. 'мергельная почва', *mȋlka* 'речной песок' [19] и сербохорватское название горы *Míla* [20]. Этимологическое гнездо с корнем **mel-* 'молоть', связанное с выражением жизненно важных понятий, не могло не повлиять на устранение, вытеснение омонимичных менее продуктивных основ.

Скок допускал, что с.-хорв. *milati* сложилось не без влияния основы *miljeti*, *milí* < *gmiljeti* 'ползать', 'кишеть' [21], родственной словен. *gomlẹ́ti*, *gomoleti* 'кишеть, рябить; мерцать'. Но это допущение, как нам кажется, носит необязательный характер, так как сербохорватский — единственный из славянских языков, который

---

[15] O. Szemerényi. Greek μέλλω. A Historical and Comparative Study. — AJPh LXXII, 4, 1951, стр. 346—348.
[16] БЕР VIII, стр. 598.
[17] Miklosich LP, стр. 248.
[18] Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, стр. 94, 100.
[19] Pleteršnik I, стр. 581.
[20] RJA VI, 28, стр. 664.
[21] Skok II, стр. 452.

сохранил в живом активном употреблении весь ряд глагольных основ со значением 'выступать, показываться'.

В статье на *moliti* Скок также обращает внимание на семантически близкий глагол *pomūlīt* (*se*), *-ûljim* в значении 'высунуть, выдвинуть' (Космет). Это сопоставление остается необъясненным, хотя в специальном обосновании нуждается корневой вокализм. В том ряду чередований, который характеризует слав. **-moliti*, а именно *ь*, *i*, *o*, *a*, трудно понять появление огласовки *u*. Можно думать, что с.-хорв. *pomūlīt* (*se*) не родственно слав. **moliti*. Но в связи с этим небезынтересно отметить, что близкую основу сохраняют болгарские диалекты: ср. болг. севлиев. *му̀л'ъ съ* гл. несв. 'внезапно высовывать голову', *уму̀л'ъм съ* гл. несв., *уму̀л'ъ съ* гл. св. 'внезапно появляться'[22], софийск. *замул'дсвам се* 'закрываться так, чтобы видны были только одни глаза', *изму̀л'увам* 'высовывать голову из-под одеяла'[23]. Болгарские основы считаются заимствованием греч. μωλλῶ или μυλλαίνω (аор. μουλώσω 'прятаться от страха')[24]. На этом основании можно думать, что в сербохорватском и болгарском основа с корнем *mul-* сложилась на базе заимствования.

Рассмотренный выше материал приводит к выводу о возможности и правомерности реконструкции для праславянского особого этимологического гнезда, представляемого основами **-mьlěti*, **-milati*, **-moliti* в значении 'выступать, показываться из-за ч.-л.'

Праслав. **drьmati*

Основу **drьm-* сохраняют южнославянские языки, а из западных чешский и словацкий в трех значениях: 1. 'трясти, трепать', 2. 'бежать мелким шагом, семенить' и 3. 'болтать'. Продолжением ее признаются словен. *dŕmati* 'трясти'[25], с.-хорв. *dȑmati*, *dȑmâm* 'quassare, трясти, потряхивать' с XVII в.[26], слвц. *drmat'* 'дергать, теребить, трясти'[27], а также производные образования, представляющие расширение глагольной основы формантами *-l-*, *-t-* и др.: ср. болг. *дръ̀мела* 'бить к.-л.' (Ботевград)[28], макед. *дрмоли* гл. несв. 'пошатывать, теребить, потряхивать'[29], чеш. *drmoliti* 'мять, давить, дробить'[30], *drmolit'* 'семенить, передвигаться мелкими шажками',

---

[22] Н. П. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 30, 46.
[23] З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. — БД I, стр. 248, 250.
[24] М. Филипова-Байрова. Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969, стр. 91.
[25] Pleteršnik I, стр. 173.
[26] RJA II, 8, стр. 784.
[27] SSJ I, стр. 334.
[28] БЕР, стр. 436.
[29] И—С, стр. 102.
[30] Kott I, стр. 310.

'болтать', 'тереть'[31], слвц. *drmolit'* 'бормотать, болтать'[32], 'семенить', 'раздавливать, дробить'[33], *drmotat'* 'теребить, дергать'[34]. Сюда же следует отнести и болг. *дрьмы* 'лохмотья'[35].

Бернекер рассматривает простые основы, не осложненные формантами, и реконструирует для них праформу **dьrmati*. Внутри славянских языков отражением той же основы, но с другой ступенью чередования признается словен. *drámiti* < **dorm-* 'разбудить' и *drâmpati* 'грубо трясти'. Индоевропейские связи остаются неясными[36].

Оставляя пока в стороне вопрос о правомерности устанавливаемой Бернекером внутриславянской зависимости и предложенной реконструкции, обратимся к рассмотрению изолированных славянских лексем, которые так или иначе могут быть соотнесены с рассмотренными выше образованиями. Но предварительно заметим, что значения, характеризующие слав. **drъmati*, подчиняются некоторой иерархии. Опираясь на известные многим языкам семантические переходы 'драть' → 'удирать, бежать' и 'чесать kämmen' → 'чесать языком, болтать', можно выделить в качестве основного значение 'трясти, дробить, теребить'. Можно думать, что на основе этого значения в отдельных славянских языках сложились значения 'бежать' и 'болтать'.

Правила чередования и семантика как будто бы позволяют связать слав. **drъmati* с рассеянными по славянским языкам лексемами, для которых восстанавливается корень **drem-* с разными расширителями. Среди основ с этим корнем укажем словен. *drę̂msati*, *drę̂mšati* 'толкать, трясти, встряхивать'[37], чеш. *dremlit* 'рвать, срывать', 'топать ногами'[38] и, возможно, укр. *дременýти* 'быстро побежать, уйти'[39]. Все эти образования в несколько видоизмененном виде отражают, видимо, основу **dremati*, по отношению к которой каузативом может рассматриваться словен. *dromiti* 'заставить испугаться', ср. človeka strah *dromi*; глагольное имя *drom* 'страх, испуг'[40]. Возможность взаимосвязи значений 'бежать' и 'бояться' обосновывается в одной из работ Ондруша[41].

Другим продолжением основы **drom-*, возможно, является русск. диал. *дромоза* 'гомоза', *дромозúть* 'болтать, трещать'[42].

---

31 F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 68.
32 SSJ I, стр. 331
33 M. Kálal. Slovenský slovník z literatury aj nářečí. Banská Bystrica, 1924, стр. 115.
34 SSJ I, стр. 331.
35 Геров I, стр. 373.
36 Berneker I, стр. 255.
37 Pleteršnik I, стр. 169.
38 F. Kott. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. «Archiv pro lexikografii a dialektologii»; číslo 8. Praha, 1910, стр. 18.
39 Гринченко I, стр. 442.
40 Pleteršnik I, стр. 176.
41 Š. Ondruš. K etymologickému výkladu indoeurópskych pomenovaní strachu. «Jazykovedný časopis» X. Bratislava, 1959, стр. 7—20.
42 Деулинский словарь, стр. 153.

Отражением основы с продлением ступени редукции может быть болг. *дрим* 'пыль', которое «Болгарский этимологический словарь» толкует очень неясно как результат смешения двух лексем *дим* и *прах* [43].

Правила аблаута, связывающие перечисленные лексемы, как нам кажется, требуют видоизменения реконструкции, предложенной Бернекером, а именно изменения последовательности сонорного и редуцированного: не **dьrmati*, а **drьmati*.

Таким образом, славянские языки представляют основы с корнями **drьm-*, **drim-*, **drem-*, **drom-* и, возможно, **dram-*, если принять, что словен. *dramati*, *drampati* принадлежит этому этимологическому гнезду. Последнее остается проблематичным, потому что структура словенских лексем и их значение допускает истолкование в рамках этимологического гнезда с корнем *drěm(ati)*.

Как одно из возможных доказательств правомерности предложенных связей может быть использовано сопоставление со структурно тождественной синонимичной группой лексем, объединяемых корнем **drьp-*. Этимологическое гнездо с корнем **drьp-* характеризует тот же набор значений и те же типы аблаутных отношений. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры: **drьpati*: с.-хорв. *др̏пати, др̏пâм,* 'рвать, lacero' [44], чеш. *drpač*' нес. в. 'лущить, сдирать', 'ходить мелкими шажками' [45], болг. *дóрпам* се 'сильно чесаться' [46]; **dripa*: болг. *дри̏па* 'лохмотья, ветошь' [47]; **drep-*, **drepati*: русск. диал. *дрéпать* 'идти медленной расслабленной походкой' [48], возможно, польск. *dreptać* 'семенить' [49]; **drop-*, **dropiti*: с.-хорв. *дрȍпити* 'селиться (не обращая внимания на чистоту)' [50], болг. *дрȍпав* 'ободранный' [51], чеш. *dropkat* 'бежать (о детях)' [52]; **drapati:* польск. *drapać* 'скрести ч.-н. острым' и др. [53]

Не случайно Махек в статье на *dreptiti* объединяет и рассматривает как равноценные лексемы с корнями **drьb-* и **drьm-* [54]. Связи на индоевропейском уровне трактуются неопределенно. Предложенное в свое время Вудом сближение с.-хорв. *dȑmati* с ср.-в.-нем. *tremen* 'шататься, vacillare', дат. *trimle* 'катить, падать', др.-англ. *trem*, *trym* 'удар ногой', др.-инд. *drámati* 'бежит' [55]

---

43 БЕР, стр. 427.
44 Караџић, стр. 147.
45 A. Lamprecht. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963, стр. 34.
46 БЕР, стр. 464.
47 БЕР, стр. 428.
48 Деулинский словарь, стр. 152.
49 Sławski (I, стр. 163) относит к числу звукоподражательных образований.
50 Караџић, стр. 147.
51 БЕР, стр. 431.
52 F. Kott. Dodatky k Bartošovu dialektickému slovníku moravskému, стр. 19.
53 Sławski I, стр. 161.
54 Machek¹, стр. 95.
55 F. A. Wood. Etymologische Miszellen. — KZ XLV, 1913, стр. 62.

в словаре Покорного признается сомнительным [56]. Покорный предполагает для некоторых славянских лексем с корнем **drъm-* смешение со звукоподражательным корнем **der-der-*.

Учитывая структурный и семантический параллелизм, а также общее направление семантического развития обеих групп родственных слов, можно допустить истолкование всех этих основ в рамках этимологического гнезда с корнем **der-* 'драть' в ступени **dre-*, расширенной элементами *-m* и *-p*. В таком случае и индоевропейские соответствия, установленные Вудом и приводимые Покорным под корнем **drem-*, структурно также могут рассматриваться как результат преобразования и.-е. **der-* 'драть'.

С.-хорв. *róziti se*

В словаре Югославской Академии находим глагол *róziti se*, *rôzîm se* в значении 'кичиться' (р-н Лики), *rozati*, *-am* 'делать складки, сборки, морщить', ср. Oh olico, koji *rozaš* haļine tvoje na razlike načine [57]. Этот же глагол представлен и в сочетании с приставкой *na-*: *nàrózati*, *nàrôzâm* (*se*) 'морщить(ся)' (Вук, Попович), в Далмации значит 'хорошо что-либо вырезать на дереве', ср. Pokloniću ti dvi čaše *narozane*. Jedna je strana (t. j. lopara) ispisana, *narozana*. Последнее значение, как нам кажется, проливает свет на внутреннюю форму этой основы. В словаре Шулека отмечено пассивное причастие от этого глагола *narozan* в соответствии с лат. *rugosus* 'морщинистый', итал. *crespo*, а также указан гл. *nаróziti se*, *nàrôzîm se* 'украситься, нарядиться (о девушке и женщине)' (р-н Лики) с пометой «неясно» [58]. Соответствующие образования в других славянских языках как будто бы не прослеживаются.

Значения, характеризующие с.-хорв. *róziti se*, так или иначе соприкасаются с обозначением того действия, которое передается глаголом *резать*. Это наводит на мысль о возможном этимологическом родстве сербского слова с глаголами **rězati* — **raziti*. Исходный и.-е. глагол имел долгий гласный в корне, что следует из наиболее близких соответствий: ср. лит. *rė̃žti*, *rė̃žiu* 'резать, царапать, проводить борозду', *rė̃žis* м. р. 'надрез, царапина, рубец, полоса пашни', греч. ῥήγνυμι 'ломаю, разрываю' [59]. Отношение глаголов **rězati* — **raziti* аналогично тем отношениям, которые образуют еще две пары глаголов: **lězti* — **laziti* и **sędǫ*, **sědjǫ* — **saditi* [60].

Вайан предполагал, что в гл. **lězti* долгота вторична, она восходит к древнему перфекту. В соответствии с первичным и.-е. корнем

56 P o k o r n y I, стр. 204—205.
57 RJA XIV, 59, стр. 193—194.
58 RJA VII, 33, стр. 593.
59 Ф а с м е р, III, стр. 461.
60 J. K u r y ł o w i c z. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 297.

**leg'h-* сложилась основа с вокализмом *o*: ср. чеш. диал. *loziti* 'лазить', с.-хорв. *loziti se* 'цепляться, взбираться (о горохе)' [61].

В случае **rězati* — **raziti* допустимо предположение об утрате основ с первоначально кратким вокализмом *e—o*. С.-хорв. *roziti se*, а также, возможно, болг. *роз* 'сук' [62] отражают в известном ряду чередований промежуточную ступень, утраченную другими языками. Польск. *rznąć* как будто бы представляет ступень редукции (**rъznǫti*), аналогичную той, которую сохраняет *-brъdomъ* [63].

Праслав. **lěviti*

В этимологической литературе установлено, что праслав. *lěviti* < < и.-е. **lēu-* имеет своим продолжением в славянских языках укр. *лiвити* 'слабеть, уменьшаться', чеш. *leviti* 'облегчить, умерить', словен, *lẹ́viti se* 'сбрасывать с себя кожу, линять'. Другие ступени чередования представляют основы **luna*, **luta*, ср. русск. *луна* 'смерть' и словен. *luta* 'остатки', и **lov-*, ср. ц.-слав. ꙗъловьнъ ἤρεμος и чеш. *povlovný* 'тихий, медленный'. Ближайшие соответствия находят в балтийских и германских языках [64].

На основе этого этимологического гнезда могут быть осмыслены некоторые славянские диалектизмы, почерпнутые из диалектных материалов, опубликованных в недавнее время. Новые диалектные данные (в первую очередь карпатские и болгарские) расширяют и углубляют наше представление об этой группе родственных слов.

До сих пор следы праслав. **lěviti* как будто бы не находили в болгарском языке. Материалы по болгарским диалектам представляют лексемы, которые легко истолковать как продолжение этой основы. Такой лексемой является болг. родоп. *излѐ́в'ам са* 'становиться плохим, дурным', 'обманываться' [65]. Небезынтересна в этой связи словообразовательная параллель, связывающая словен. *lêvka* ж. р. 'плоды и овощи, не замеченные во время сбора урожая и собираемые после' [66] и болг. *лѐфкъ* ж. р. 'сорняк, бурьян, растущий на влажной земле' [67].

---

61 Ж. Ж. Варбот. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 57.
62 Геров V, стр. 84.
63 A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave. — MSL XIV, 4, 1907, стр. 387.
64 Berneker I, стр. 722; Pokorny I, стр. 682—683; Фасмер II, стр. 533; Machek[1], стр. 265; F. Bezlaj. Eseji, стр. 125.
65 Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 171.
66 Pleteršnik I, стр. 515.
67 Т. Бояджиев. Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко. — БД V, стр. 233.

В карпатских диалектах находим не только *лівити*, но и прил. *лівкий* (буковин.), обозначающее мягкую, плохо скрученную пряжу [68].

И наконец, русские и украинские диалекты содержат глагольные лексемы, которые как будто бы допускают сопоставление с рассмотренными выше образованиями. Это — русск. диал. *половѣть* 'выдыхать, терять запах или крепость' [69] и укр. буков. *ловйтиса, -ся* в значении 'скисать, делаться густым (о молоке)', 'отстаиваться (о молоке)' [70]. Их объединяет общий семантический признак 'слабеть, терять силу', вокализм основы точно соответствует лит. *lavónas* 'труп' [71].

---

68 О. Курило. Матеріяли до української діялектології та фольклористики. Київ, 1928, стр. 89.
69 Опыт, стр. 168.
70 В. А. Прокопенко. Областной словарь буковинских говоров. «Карпатская диалектология и ономастика», М., 1972, стр. 438; І. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів україньских говорів Буковини. 1959, стр. 81.
71 Pokorny I, стр. 682—683.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. III *

Русск. *нéжель, жáлеть* 'преть', слвц. *želiet'*, польск. *żeliwo*.

В Словаре Даля фиксируется (со знаком вопроса) любопытное тульское слово, не имеющее этимологии, *нéжель*, ж., означающее прошлогоднюю траву на корню, не выжженную осенью или весной палом [1]. Структура синонимов, с помощью которых Даль определяет значение данного слова, — *нéжарь* и *нéгарь*, членящихся на отрицательную частицу *не-* и отглагольную основу (*-жарь* к *жарить*, *жарь*; *-гарь* к *гореть*, *гарь*), наталкивает на мысль о том, что *нéжель* может иметь подобное же строение: *не-*+глагольная основа *-жель*, очевидно, в значении 'жечь, тлеть', которая должна быть реконструирована как **žel-* или, учитывая заударный характер гласного, как **žal-* (в последнем случае *нéжель* < **нéжаль*).

Интересно, что в русском существует и соответствующий глагол с корнем *жал- жáлеть* 'преть', происхождение которого также не выяснено (в этимологических словарях он вообще не представлен). Глагол отмечен И. Наумовым и толкуется им следующим образом: «При приготовлении солода, когда рожь пустит росток, по прошествии двух суток, она сгребается в кучу, где, по техническому выражению солодовников, *жáлеет,* т. е. упревает и бродит [2]. Слово представлено и в Словаре русских народных говоров с пометой «симбирское»: *жáлеть* 'при приготовлении солода — нагреваться и бродить (о зерне)' [3]. Следовательно, речь идет о внутреннем нагревании и упревании, ср. синонимичное употребление глагола *гореть* в значении 'преть или гнить от самонагревания': сырое зерно *горит* [4]. Итак, на базе русского материала мы должны реконструировать лексему **žalěti* 'гореть, преть', праславянский характер которой подтверждается наличием соответствий в западнославянских языках: польск. *żalić się* 'тлеть, гореть без огня', возможно, *żalik*

---

* Статьи I и II под этим же названием помещены в «Этимологии. 1972» (М., 1974) и «Общеславянском лингвистическом атласе 1972» (М., 1974).

1 Даль² II, стр. 518.

2 И. Ф. Наумов. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. — Сб. ОРЯС т. XI, № 6. СПб., 1847, стр. 11.

3 Филин 9, стр. 63.

4 Сл. Ср. Урала I, стр. 122.

'урна с прахом (пеплом) умершего' (=*popielnica*), *żalnik*, *żalisko*, *żale* 'дохристианские захоронения сожженных покойников' [5], кашуб. *žaleć* 'раскалять, жечь' [6], словин. *žãlěc* 'жечь, палить, накалять' [7], н.-луж. *žžãlăc* 'раскалять, разжигать', *vážãlăc* 'догорать', *žalny* 'пылающий' [8].

С. Б. Бернштейн со ссылкой на Г. Ильинского пишет о возможности родства др.-польск. *žal* 'горение', кашуб. *žaleć* 'тлеть' с польским *zgliszcze* 'пепелище', русскими *головешка, головня, галка* 'летящая по ветру головня' и восстанавливает на их основе слав. корень **gol-*: **gōl-*: **gēl-*: **gъl-* в значении 'гореть, пылать, тлеть' [9]. Несмотря на спорный характер некоторых примеров (*zgliszcze*, *головня*), для которых допустима и иная этимологическая трактовка, сам факт существования в славянском указанного корня нужно признать несомненным, свидетельством чему служат, в частности, приведенные выше русские и западнославянские лексемы с корнем **žal-* (< **gēl-*).

Данные слова следует рассматривать в качестве славянских континуант и.-е. корня **ĝhel-* 'блестеть, сиять; желтый, зеленый, голубой, серый' в его велярном варианте **gel-* на ступени продления корневого вокализма — **gēl-*. Возможность существования в славянском не только палатального **ĝhel-*, но и велярного **gel-*, допускалась некоторыми исследователями, в том числе и Покорным [10], однако приведенные нами русские и западнославянские лексемы с корнем **žal-*, восходящие именно к велярному варианту (**gel-*) до сих пор не вошли в этимологический обиход.

Значения славянских слов ('тлеть, накалять, жечь') чрезвычайно близки семантике и.-е. слов, включаемых Покорным в состав гнезда **ĝhel-* (**gel-*), которые демонстрируют не только значение 'блестеть, блеск', но и непосредственно с ним связанные — 'жечь, гореть, накалять', 'жар, раскаленные угли': ср. др.-в.-нем. *gluoen* 'brennen' ('жечь, гореть, пылать'), *gluot*, *glœ̄d* 'жар, накал, раскаленные угли', др.-исл. *glōd* 'жар; каление, накал', англосакс. *glœ̄d* 'жар, накал; пыл, пламя' [11].

К указанной группе славянских слов, видимо, следует присоединять еще польск. диал. *żalawy* 'истлевший, прогнивший' [12], а также чеш. диал. (валаш.) *želivé* (*dřevo*) 'трухлявое, гнилое (дерево)' и, вероятно, слвц. *želiet'* в выражении (rastlina) *poželela* 'преждевременно созрела, недостаточно развившись', которые Махек трактует иначе, рассматривая их как заимствования из нем. *schal* 'водянистый,

---

[5] Варшавский словарь VIII, стр. 687.
[6] Ramułt, стр. 275.
[7] Lorentz. Slovinz. Wb. II, стр. 14.
[8] Мука II, стр. 1434, 1138.
[9] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, стр. 15.
[10] Pokorny I, стр. 429—434.
[11] Там же.
[12] Варшавский словарь VIII, стр. 687.

пустой'[13]. Два последних слова должны восходить к *žel- (< *gel-), что касается семантики, то связь значений 'гореть, жечь' — 'преть' — 'тлеть' очевидна: в частности, русск. гл. *тлеть* значит одновременно и 'тихо гореть' и 'гнить, преть'.

И еще одно слово может быть объединено с рассмотренными выше — это польск. *żeliwo* 'чугун'[14]. Названия чугуна, в отличие от наименования железа, общего для всех славянских языков, различны и являются поздними образованиями. Этот факт отражает историческую реальность — относительно недавнее внедрение процесса выплавки чугуна сравнительно с известным с древнейших времен процессом получения железа. Предполагают, что первоначально железные изделия получали путем обработки отдельных красноватых глыб первородного железа. Позже железо стали получать в закрытых горнах, куда засыпали руду и уголь, поджигая последний, и по истечении определенного времени, разбив опоку, обнаруживали довольно плотную, еще не остывшую железную крицу, которую затем перековывали. И только много позднее, когда стали пытаться интенсифицировать процесс, стремясь ускорить весь цикл, впервые неожиданно получили побочный продукт — расплавленное вещество, вытекающее из горна — чугун. Поначалу его рассматривали только как нежелательный побочный продукт, идущий в отходы, и лишь через какое-то время застывшие чугунные чушки стали использовать для дальнейшей переплавки — и чугун стал находить широкое применение. Известно, что первые печи, специально приспособленные для получения чугуна, появились уже в XIII в.[15] Отсюда и поздние названия чугуна, различающиеся по языкам: русск. *чугун* (заимствование), с.-хорв. *ту̏ч*, польск. *żelazo lane*, *lite żelazo*, чеш. *litina* и т. д. Как показывают чешские и польские слова, одним из характерных признаков чугуна является его расплавленное, жидкое состояние, ср. еще нем. *Guß* 'чугун' — к *gießen* 'лить'. Все это, думается, дает основание связывать польск. *żeliwo* 'чугун' с соответствующим глаголом в значении 'плавить', собственно 'накалять, растоплять огнем' (см. у Даля: *плавить* 'растоплять огнем, делать жидким'[16]).

Показательно, что суффикс *-ivo* типично отглагольный, образующий имена со значением результата действия или объекта (вещества), подвергающегося действию, выраженному производящим глаголом: ср. русск. *варить* → *вариво*, *месить* → *месиво* и т. д.

Итак, континуанты и.-е. корня *gel-—*žal- (<*gēl-) и *žel- (<*gel-) в основном значении — 'тлеть, гореть без огня' обнару-

---

13 Machek[1] стр. 593.
14 Польско-русский словарь под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1955, стр. 768.
15 Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1893, т. IX, стр. 271.
16 Даль[2] III, стр. 116.

живаются не только в польском и кашубском, но и в словинском, нижнелужицком и словацком, а также в русском, т. е. нужно говорить об их распространении в севернославянской области.

С.-хорв. *гвд̏рило*

Сербское диалектное *гвд̀рило* приводится в Этимологическом словаре Скока без этимологического комментария [17]. Лексема редкая, она фиксируется Загребским и Белградским словарями без указания значения и лишь в составе одного и того же примера: Жене носе. . . и фесови. Но фесови су већи од ђевојачких. За њих се направи *гворило* — обод — налик на сито, па се на то фес натуче, около се завије шамијом, а озго се мете округла крпа платна [18]. Как видно из контекста, гворило — это обруч («обод»), надевающийся под феску. С помощью такой детали женский головной убор становился выше, объемнее, чем девичий, в котором обруч не использовался.

Из состава существительного *гворило* можно вычленить предметно-орудийный суффикс *-ло* ($<$**-dlo*), который присоединяется лишь к глагольной основе. Следовательно, и в данном случае необходимо реконструировать производящий глагол ***гворити*, по-видимому, отыменной, образованный от ***гвор*. Итак: ***гвор* → ***гворити* → *гворило*, ср. аналогичный словообразовательный ряд, например, в русском: *зуб* → *зубити* → *зубило*. Подобным же образом и с.-хорв. сущ. *брдило*, мн. *брдила* 'набилки ткацкого станка' [19] ('во что вставляется бердо') закономерно предполагает существование отыменного глагола *бр̏дити* (который и отмечается Белградским словарем в значении 'продевать нитки в бердо при тканье' [20]) $<$ *брдо* 'деталь ткацкого станка — гребень для прибивания нитей утка к основе' [21]. Очевидно, сущ. *гворило* означало 'предмет, с помощью которого женский головной убор получался более объемным', собственно — 'выгибало, выпирало', а производящий глагол ***гворити* значил 'выгибать, делать выпуклым'.

Что касается возможности существования в прошлом в сербохорватском языке имени ***гвор* в значении 'что-либо выпуклое, выгнутое, округлое', то она подтверждается и еще одним косвенным свидетельством — наличием старого прилагательного *гворчати*, по данным составителей Загребского словаря, встречающегося всего один раз в тексте XVI в.: Тај ми мед не чини чемером горчати, мој злати јединi прстенче *гворчати* [22]. Авторы словаря

---

[17] S k o k I, стр. 642.
[18] RJA III, стр. 521; PCA III, стр. 226.
[19] RJA I, стр. 618.
[20] PCA II, стр. 136.
[21] RJA I, стр. 618—619.
[22] RJA III, стр. 521.

считают слово неясным и помещают его без указания значения. Из приведенного контекста явствует, что прилаг. *creoрчати* относится к сущ. *прстенче*, зват. форме от *прстена́к*, *-е́нка* 'перстенек'. Так как в древности перстень, в отличие от кольца, обязательно имел камень (или щиточек), то и в данном случае естественно думать, что речь идет о колечке с камнем, и, следовательно, *гворчати* значит 'с камешком, с шишечкой, выпуклый'. Прилаг. *гворчати* могло быть образовано либо от **гвор*+суф. *-чат-*, либо от **гворак* (**гворац*)+суф. *-ат-*. Ср. др.-русск.-ц.-слав. *гворатый* гвоздь (видимо, о гвозде с выпуклой шляпкой, в отличие от гвоздя — клинышка) и *гворъ* 'пузырь, опухоль', а также *гворъкъ* ('нарост на дереве'?) и *гворьць* 'пузырь' [23].

Реконструируемая нами с.-хорв. лексема ***гвор* 'шишечка, что-либо выпуклое' традиционно считалась принадлежностью лишь русск.-ц.-слав. текстов, где отмечалась со значением 'пузырь, шишка, опухоль'. Однако в последнее время Ф. Безлай обнаружил ее и в словенском, восстановив на основе диалектных *gor* 'куча навоза' (<**gvor*), а также *gorjača* (*garjača*, *grjača*) 'суковатая палка' и *garjavica*, *garjavka* (<**gvor-*/**gvar-*) [24]. Кроме того, сущ. *гвор* наличествует и в украинских говорах в значении 'клинья в штанах' [25], а составители Болгарского этимологического словаря фиксируют *гворъ* 'водяной пузырь', определяя его как староболгарское [26]. См. еще указание Срезневского на употребление слова *гворъ* в древнерусском (не ц.-слав.!) памятнике — Переяславской летописи: И ꙗки *гворъ* в ногавици створше образъ килы имоуще [27]. Все эти факты позволяют сделать вывод о том, что лексема *гворъ* не являлась исключительной принадлежностью др.-русск.-ц.-славянских текстов, а существовала в живом употреблении в целом ряде славянских языков (др.-сербском, др.-русском (?), др.-болгарском (?), словенском, украинском), подтверждением чему служат, с одной стороны, ее столь различающиеся значения — 'водяной пузырь', 'опухоль', 'нарост на дереве; сук', 'куча навоза', 'клин в штанах' (которые, однако, вполне сводимы к единому общему — 'что-либо округлое и выпуклое'), а, с другой, — серия производных образований, также свидетельствующих о ее былой активности — *гворатый*, *гворьць*, *гворъкъ* (др.-русск.-ц.-слав.), *гворчати*, *гворило* (др.-серб. и серб. диал.), *gorjača* (словен.) и др.

Что касается этимологических связей данной лексемы, то их на славянском уровне правильно указал еще Потебня, объединявший *гворъ* с с.-хорв. *гу̏ра* 'горб' и русским *гиря*.[28] Данное сопоставление,

---

[23] Срезневский I, стб. 512.
[24] Fr. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, стр. 137.
[25] Гринченко I, стр. 278.
[26] БЕР III, стр. 234.
[27] Срезневский, там же.
[28] А. Потебня. Этимологические заметки 6. — РФВ 3, 1880, стр. 164.

несмотря на сомнения Фасмера[29], кажется нам справедливым. В последнее время об этом писала Л. Куркина, ею же были верно отмечены и дальнейшие этимологические связи данных слов, объединяемых в одну семью под формами *gur-: *gyr-: *gvor- и возводимых к и.-е. *gēu- с расширителем -r-.[30] К этой лексической группе следует присоединять и еще ряд слов: с.-хорв. диал. *гйра* 'сучковатое полено, которое трудно расколоть' и *гйрина* 'большой чурбан, большое полено' [31] (оба — к *gyr-), а также, видимо, русск. диал. (тул.) (приводимое Далем со знаком вопроса) *сжуриться* 'съежиться, сморщиться' [32] (< и.-е. *gēu-r-) (ср. его семантический аналог в сербохорватском — *гӳрити се* 'съеживаться, скорчиться' [33] (< и.-е. *gōu-r-).

С.-хорв. диал. *дȁгаљ*

С.-хорв. диал. *дȁгаљ*, р. п. *дȁгља*, м. 'маст из кости' (='мазь, приготовленная из костей', 'кост(я)ное масло'?) приводится составителями Загребского словаря как слово неясного происхождения, которое всё же сравнивается ими с русск. диал. (псков.) *дегло* 'молока у рыб' [34]. Это сопоставление кажется нам чисто случайным, однако П. Скок также цитирует его, не добавляя ничего нового [35].

Выяснению этимологической природы данной лексемы помогает подробное описание способа получения указанной мази, помещенное в Белградском словаре: Кад се разне кости у нарочитој земљаној посуди на јакој ватри сагоре, добија се екстрат који се зове *дагаљ* и који служи за мазање кола' [36] (=Когда различные кости сжигаются в специальном глиняном сосуде на сильном огне, получается экстракт — *дагаљ*, служащий для смазки колес). Указание на то, что данную мазь получают путем сжигания костей на сильном огне в специальном сосуде, а также — на способ употребления ее (для смазывания колес) наталкивают на мысль о близости данной реалии к дегтю: и костную мазь (костяное масло) и деготь получают путем сухой перегонки (сжигания в определенном сосуде на огне) только в первом случае — костей, а во втором бересты, дерева, торфа и некоторых других органических веществ; костная мазь и деготь сходны и внешне (консистенция, вязкость, темный цвет, запах) и по способу примене-

[29] Фасмер I, стр. 399.
[30] Л. В. Куркина. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -u. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 66—67.
[31] РСА III, стр. 269.
[32] Даль² IV, стр. 180.
[33] RJA III, стр. 503—504.
[34] RJA II, стр. 219.
[35] Skok I, стр. 371.
[36] РСА IV, стр. 15.

ния — для смазки колес. Показательно, что Энциклопедический словарь указывает, что объектом сухой перегонки служат не только береста, древесина, торф, уголь, но и именно кости [37].

Однако, кроме близости реалий, на наш взгляд, в данном случае существует еще и близость (родство) их наименований, которые, думается, нужно возводить к одному общему и.-е. корню *$dheg^{u}h$- 'brennen' (='жечь, гореть').

Что касается славянской лексемы **degъtь*, то в последнее время все более утверждается мнение о ее исконном характере [38] (в противоположность гипотезе о заимствовании ее из лит. *degùtas* [39]), в частности, недавно его поддержал Р. В. Кравчук, считающий одним из доказательств этого рано утратившееся ст.-чеш. *dehet* в значении 'определенная порода хвойных деревьев' [40]. Слав. **degъtь*, фиксируемое в русском, украинском, белорусском, польском, древнечешском, словацком (Славский указывает, ссылаясь на Янежича, и словен. книжн. *degét* [41]), восходит. как указано выше, к и.-е. корню *$dheg^{u}h$-. Однако данная ступень этого корня сохранилась без ассимиляции (таковую усматривают в **žegǫ* — из **gegǫ* < **degǫ* и — с другой ступенью вокализма — в **jьz-gaga*) не только в составе термина **degъtь*, но и в ряде других образований, восходящих к **deg*-: словенском *dẹ̑gniti* 'brennen, wärmen' (='жечь, гореть, греть'), возможно, ст.-чеш. *dehna* 'бес' [42], а также, по-видимому, в чешском *dehen* 'гниль, гнилость' [43] (семантическая связь '(тихо) гореть' и 'тлеть, гнить, распадаться' известна: ср. русск. *тлеть* 'гнить, разрушаться, преть' и 'гореть без пламени, под спудом', *преть* 'потеть; гнить, тлеть, от сырости, от тепла' и 'вариться огнем, жаром' [44]).

Особенно же для нас важны примеры, которые могут восходить к другой ступени того же и.-е. корня *$dheg^{u}h$- — к *$dh\bar{o}g^{u}h$- представленной у Покорного, к чему мы возводим и с.-хорв. *да̏гаљ*. Это, вероятно, чеш. *dahněti* (*dachněti*) 'гореть, тлеть' [45], а также (ассимилированное) **jьz-gaga* (к **dag*- < и.-е. **dōg*-).

Итак, с.-хорв. диал. *да̏гаљ* может быть реконструировано как старое праслав. образование **daglь* (к и.-е. *$dh\bar{o}g^{u}h$-), собственно 'сжигаемое, сожженное' (данная ступень корня *ō* представлена также в лат. *fōmes* 'трут, зажигалка'). Образования с -*l*-, восходя-

---

[37] Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь, т. XXIII. СПб., 1898, стр. 192—3.
[38] Pokorny I, стр. 241; Machek[1], стр. 83.
[39] Фасмер I, 493 (с литературой).
[40] Р. В. Кравчук. Из проблематики лингвистического изучения Карпат. «Тезисы докладов и сообщений к Симпозиуму по проблемам Карпатского языкознания (24—26 апреля 1973 г.)». М., 1973, стр. 30.
[41] Sławski I, стр. 194.
[42] Berneker I, стр. 182.
[43] Kott I, стр. 219.
[44] Даль[3] IV, стб. 773; III, стб. 1392.
[45] Machek[1], стр. 83; Pokorny I, стр. 241; Berneker I, стр. 182.

щие к корню *$dheg^{u}h$-, зафиксированы и в других и.-е. языках: лит. *dãglas*, *dẽglas* 'черпопегий', лтш. *daglis* 'трут', *daglas* 'пестрая собака', лат. *favilla* '(горячая) зола' и др.[46] Тот факт, что слова с корнем *$dheg^{u}h$- с основой на *-l-*, широко представлены в балтийских, а из славянских аналогичное образование отмечено только в сербохорватском, может вызвать подозрение, что *дȁгаљ* заимствовано из балтийского источника. Однако, так как в балтийских нет точного семантического эквивалента слову *дȁгаљ*, а также учитывая то обстоятельство, что, кажется, ничто не мешает рассматривать с.-хорв. и балт. слова как родственные, восходящие к разным ступеням корня *$dheg^{u}h$-, по-видимому, нет достаточных оснований для классификации с.-хорв. слова в качестве балтийского заимствования. Любопытно, что Френкель приводит еще один литовский пример *deglýčia* (*deglyčià*) 'Brennofen aus Ziegel, Kalk oder Teer' (наиболее близкий по значению сербохорватскому *дȁгаљ*), отмечая в его составе славянский суффикс [47].

С.-хорв. *гум-*

В Белградском словаре представлена целая серия диалектных и просторечных слов с общей формальной частью *гум-*, отсутствующих у В. Караджича, в Загребском лексиконе, Этимологическом словаре П. Скока и не имеющих этимологического решения. Это *гŷмавац* диал. 'пряжа, выпряденная неровно, с утолщениями', *гŷма* (*гŷмата*) нар. мед. 'вздутие (волдырь) на коже (костях, мышцах) в результате заболевания сифилисом', *гŷмаст* диал. 'с густой кроной (о дереве)', *гŷмац* диал. 'петух с густыми, длинными перьями на шее', *гумар* диал. 'кусты (побеги), выросшие вокруг пня (или корней) срубленного дерева' [48].

В четырех из указанных слов (при сопоставлении их с *гŷма*) можно вычленить суффиксы: *-ав-ац* (*гум-ав-ац*), *-аст* (*гум-аст*), *-ац* (*гум-ац*) и *-ар* (*гум-ар*), по отсечении которых остается корень *гум-*, соответственно в значениях — 'утолщение (в пряже)', '(густая) крона дерева', 'пышное оперение на шее у петуха', 'куст'. Как явствует из этого, рассматриваемые с.-хорв. слова объединяются не только общей формальной частью *гум-*, но и близостью значений, в конечном счете, сводимых к двум основным — 'ком, утолщение, шишка, волдырь', 'густая крона, куст', и поэтому могут классифицироваться как родственные. Ср. аналогичное семантическое сочетание 'ком' и 'куст' у слов общего происхождения: с.-хорв. *грŷмēн* 'ком, комок' и — с другой ступенью вокализма — с.-хорв. *гр̑м* 'куст, кустарник' [49].

---

[46] Pokorny I, стр. 241.
[47] Fraenkel 2, стр. 86.
[48] РСА III, стр. 751.
[49] Фасмер I, стр. 464.

К примерам с корнем *гум-* следует присоединять и сущ. *ȍгумак* 'кустик'[50], а также соответствующий деноминатив *задгумчити* 'закудрявиться, закуститься (о бороде)'[51] и топоним (в Боснии) *Огумача*[52]. Для составителей Загребского словаря происхождение слова *ȍгумак* было неясно. П. Скок приводит сопоставление данной лексемы с др.-инд. *gúlmas* 'куст', предложенное Маценауэром[53]. Мысль Маценауэра кажется нам правильной. В Словаре Покорного др.-инд. слово отнесено к и.-е. гнезду **gel-* 'сжимать, комкать; что-л. круглое, шарообразное', куда входят и многочисленные славянские образования (**golva*, **žьly*, *-ъve*, **gluda* и др.). В составе данного гнезда отмечаются лексемы с тем же расширителем *-m-*, который представлен и в с.-хорв. примерах: это чеш. *hlemýžď* 'улитка' (старое также 'черепаха'[54]), лтш. *gliemezis*, *gliems*, *glieme* 'улитка', лат. *glomus* 'ком; клубок', др.-ирл. *glomar* 'тормоз; дубинка, кляп', др.-греч. γίγ-γλυ-μος 'сустав, сгиб'[55] и, как мы уже указывали, др.-инд. *gúlmas*. С.-хорв. слова с корнем *гум-* могут быть реконструированы как **gъlm-* (или *glьm-*) со значениями 'утолщение, ком, волдырь, опухоль' и 'куст, пышная крона; густое оперение'.

Причем характерно, что др.-инд. слово так же, как и с.-хорв. примеры с корнем *гум-*, демонстрирует два основных значения 'опухоль (в подчревной области)' и 'куст'[56]. Что касается сущ. *ȍгумак*, то оно могло быть образовано префиксально-суффиксальным способом от ***гум* 'ком' или 'пень' аналогично тому, как образовано, например, русск. *о-пен-ок* (от *пень*), и тогда *о-гум-ак*, собственно — 'то, что выросло вокруг пня': ср. *гумар* 'кусты, выросшие вокруг пня или на корнях'.

Интересно, что в последнее время Ф. Безлай высказал мнение о возможной связи с данным корнем (**gel-*) еще ряда славянских слов также с расширителем *-m-*, возводимых им к краткой ступени **glьm-* (с.-хорв. *гỳмати* 'есть с жадностью, жрать') и **glәm-* (словен. *glométi* 'быть жадным; есть с жадностью') и др., которые он сопоставляет с балтийскими образованиями — лит. *glemóti* 'обнимать' и лтш. *glemzt* 'медленно есть'[57]. Нам, в свою очередь, хотелось бы поставить вопрос о вероятной связи с корнем **gel-* еще одного славянского слова с расширителем *-m-* — чешского диалектного *hlomouz* 'мозоль'[58] (<**glom-*), вероятно, из первоначального 'затвердение, шишка'. Кроме того, к рассматривае-

---

[50] RJA III, стр. 785.
[51] Jveković—Broz I, стр. 880.
[52] RJA. Указ. соч.
[53] Skok I, стр. 548.
[54] Machek[1], стр. 130.
[55] Pokorny I, стр. 357—364.
[56] Mayrhofer 5, стр. 341.
[57] Fr. Bezlaj. Na robu srbohrvatskega (in slovenskega) etimološkega slovarja. — Jezik in slovstvo, XVIII, 4, 1972—3, стр. 139.
[58] Machek[1], стр. 130.

мому гнезду следует относить, очевидно, и следующие с.-хорв. диал. слова с иной, чем у примеров с *гум-*, огласовкой корня: *гдлумаст* 'округлый' и *глу̏маст* 'с густой кроной (о дереве)' [59].

С.-хорв. *гу̏ка*

Данное слово приведено в Загребском словаре в двух основных значениях: 'шишка, волдырь (на теле,) нарост (на дереве)', и 'ком, груда, глыба' [60], в Белградском же лексиконе его семантика дана более подробно и расчлененно: 1. 'опухоль, отек, нарост на теле человека или животного' и 'нарост на заболевшем растении'; 2. 'опухоль, затвердение шейных желез (в результате заболевания туберкулезом лимфатических желез)'; 3. 'ком, груда, глыба, комочек, ка́тушек' и 'комок глины (для изготовления посуды)'; 4. 'запутанный клубок, узел, комок, что-л. скомканное, стиснутое' и 'узелок на нитке', ср. еще *зечја гука* 'твердый бугорок на задней стороне скокового сустава у зайца' [61].

Авторы Загребского словаря считали сущ. *гу̏ка* словом неясного происхождения. Скок сравнивал его с болг. *гъ̀лка* 'опухоль желез', мн. *глъ̀ки* 'свинка; гланды' и далее — с русск. *гуля, гулька* 'шишка', польск. *gula*, *gulka*, *gulba* то же, отмечая, однако, что и.-е. параллели не установлены [62].

Как видно из примеров, все значения данного с.-хорв. слова сводимы к одному основному — 'ком, шишка'. Что касается реконструкции предполагаемой праславянской формы для нашего примера, то она должна быть, по-видимому, **glьka* (или **gъlka*). Основанием для такой праформы служит, с одной стороны, старый топоним (1318 г.) *Глька* [63], а с другой — наличие в румынском слова *gîlcă* 'опухоль желез, опухшая миндалина' [64]. Что касается болгарского примера, приведенного у Скока, то составители Болгарского этимологического словаря толкуют его не как **gъl-*, а как **gal-*, сопоставляя с русским *галка* и др.[65], однако, на наш взгляд, все же не исключается возможность трактовки этого слова и как **gъl-*. Так или иначе, но с.-хорв. *гу̏ка*, очевидно, нужно возводить к и.-е. корню **gel-* 'сжимать, комкать; шар, ком', куда, в частности, восходят и рассмотренные в предыдущей заметке сербохорватские слова с корнем *гум-* (из **gъl-m-* или **glь-m-*) с близким значением 'шишка, опухоль'. Поэтому реконструкция сербохорватской лексемы *гу̏ка* в виде **guka* (далее — к **gēu-* 'гнуть') [66], по-видимому, менее реальна, как и предполагаемое для этого слова родство с украинским

---

[59] РСА III, стр. 453, 367.
[60] RJA III, стр. 496—7.
[61] РСА III, стр. 745.
[62] Skok I, стр. 631.
[63] RJA. Указ. соч.
[64] Skok. Указ. соч.
[65] БЕР IV, стр. 301.
[66] Sławski I, стр. 376.

гич 'стебли с листьями', польским *giczoł* 'голень' и другими, возводимыми к **gyč-* (затем также к **gēu-*)[67]. Интересно, что Покорный допускает двоякую трактовку ряда и.-е. слов (др.-инд. *gōla-ḥ* 'шар', *gōlā* 'мяч' и др.), с которыми обычно связывают приведенные у Скока (для сопоставления с с.-хорв. *гу̏ка*) славянские слова (русск. *гуля*, польск. *gula*): он пишет о возможной соотнесенности их не только с корнем **gēu-* 'гнуть', но и с **gel-* 'комкать, сжимать; шар'[68], т. е. с тем самым корнем, с которым мы связываем и сущ. *гу̏ка*. Косвенным свидетельством в пользу связи лексемы *гу̏ка* с и.-е. **gel-* может служить с.-хорв. *гљука* 'клубок'[69] (< '*шар'), очевидно, того же корня.

---

[67] Л. Куркина. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на *-u̯*. — «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 67.
[68] Pokorny I, стр. 393.
[69] RJA III, стр. 213.

В. А. Меркулова

УКРАИНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I

При анализе продолжения в славянских языках и.-е. *(*s*)*ker*- 'резать' с расширителем -*d*- обычно приводятся три образования: **skorda* 'борона', **skorditi* 'бороновать', **obskъrdъ* 'вид топора' (Так Бернекер, Покорный, Фасмер). Между тем, этот список может быть значительно дополнен, главным образом за счет украинского и белорусского диалектного материала, недавно введенного в научный обиход.

Так, например, в говорах Полесья у слова *скородá* отмечено не фиксировавшееся ранее значение 'всходы', *скорóдит'с'а* 'всходить' [1]. Здесь основа выступает в значении 'раздирать, прокалывать поверхность земли'. Ср. польск. «zboże spod śniegu się kole», праслав. **kъlъ* 'росток', связанное с глаголом **kolti* 'колоть', русск. диал. *рунó* 'всходы', соотносимое с глаголом **rъvati*.

Укр. *корóда* 'сильно сучковатое дерево' (гуцул.) [2], возможно, является вариантом слова **skorda* 'борона', так как древнейшим видом этого сельскохозяйственного орудия было именно сильно сучковатое дерево, которым разрыхляли землю после пахоты. Образец такой бороны представлен в Музее этнографии в Ленинграде. Ср. аналогию в укр. *драпáн'а* 'сучкувате дерево, на яке вішають на полі снопи' [3] и *драпáч* 'деревянная борона' [4].

Очень близкими к первоначальному значению корня 'резать' являются сербохорватские образования: *skrad* 'край, конец', *kradńji*, *skradńji*, *skradan* 'крайний' (в пространственном и временном смысле), см. еще словен. *skrâdnji*. Эти примеры из памятника XVII в. приводятся в Загребском словаре [5]. Те же лексемы и их производные широко представлены в топонимии Хорватии и Словении [6].

---

[1] Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 124.
[2] Гринченко II, стр. 286.
[3] Г. Г. Немченко. Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського району. (Дипломна робота). Ужгород, 1954, стр. 138.
[4] Выгонная. Указ. соч., стр. 100.
[5] RJA XV, стр. 307—308.
[6] F. Bezlaj. Slovenska vodna imena. II. Ljubljana, 1961, стр. 187.

В лужицких языках эта основа в той же огласовке отражена в названиях жабы: в.-луж. *krodawa*, н.-луж. *škrodawa*[7]. Это наименование включается в обширный ряд славянских названий жабы, образованных от и.-е. **sker-*, но с другими расширителями: укр. *короставка* 'жаба', *корóпа*, *коропавка*, *шкарапáн'а* 'жаба', словен. *krápavica* то же. Семантическая модель: 'резать, драть' → 'неровный, шероховатый' → 'жаба, как животное с шероховатой, бородавчатой кожей'.

На территории Украины и Белоруссии распространены образования **kordъkъjь*, **kordьlivъjь* 'больной, слабый', **korditi sę* 'болеть', 'ныть', 'артачиться, ерепениться'. Ср. укр. *корóдитися*, *-джýся* 'жаловаться на боль', 'недомогать', 'артачиться', *коро́дкий* 'больной, хилый, слабый', *корóдливий* 'чувствительный к боли'[8]; блр. *карадзíцьца* 'корчиться, ежиться, боясь боли', 'представляться бедным, скаредничать', *карадлíвый* 'боящийся всякой неприятности'[9]. Глагол **korditi sę* структурно моложе имени **kordъkъjь* (подобные отношения в паре **kortiti*—**kortъkъjь*). С точки зрения семантики ближайшей аналогией этому глаголу служит русск. диал. *скомúть*, *скомля́ть* 'иметь боль в какой-либо части тела', 'жаловаться на мнимую бедность, и тому подобное, не возбуждая сострадания', 'ныть, жаловаться на судьбу'[10]. Ср. такие параллели: «Цей віл *кородкий* на ноги: як горяна дорога, — верстов 20 пройшов, — уже й кульгає. . .» (дон.) и «Лошадь *скомит* што-то на заднюю ногу» (олон.).

Значения, связанные с описанием физиологического и психического состояния, как правило, вторичны. Индоевропейские корни с конкретным значением 'резать, бить, колоть' образуют эти производные значения двумя путями. С одной стороны, 'бить, колоть, резать' → 'раненый, увечный, искалеченный' и потому 'слабый, больной', с другой стороны, от значения 'резать' образуются производные, обозначающие бедность, нужду, недостаток в чем-либо, в том числе и в здоровье. Ср. многочисленные образования для обозначения физических недостатков, связанные с праслав. **kъrnati* 'резать', семантическая аналогия в укр. *улóмок* 'слабый, бессильный'[11], русск. диал. *скудать здоровьем*[12].

Производные от и.-е. **sker-d-* указывают на следующие значения: др.-исл. *skorta* 'недоставать, нехватать', *skort*, *skortr* 'недостаток, нужда'; наиболее близки по значению к славянским балтий-

---

[7] Muka I, стр. 647.
[8] Українсько-російський словник II, стр. 379; Гринченко II, стр. 286; В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів, вип. 1. Харків, 1960, стр. 50.
[9] Носович, стр. 229, Байкоў—Некрашэвіч, стр. 142.
[10] Опыт, стр. 205; Мельниченко, стр. 185.
[11] Гринченко IV, стр. 335.
[12] Опыт, стр. 206.

ские примеры: лит. *skuȓsti* ‘терпеть нужду’, ‘хиреть, чахнуть’, *skurdùs* ‘болезненный’ [13].

Польск. диал. *kródnieć* ‘заплетаться (о языке)’, ‘укорачиваться (о дне)’ может быть как фонетическим вариантом к *krótnieć* (так считает Славский) [14], так и производным, восходящим к и.-е. **(s)ker-d-*, ср. англ. *short*, др.-англ. *sceort* ‘короткий’.

Ступень корня **sker-d-* > слав. **ščerd-* отражена в русских диалектных образованиях. Это слово *щеpéда*, отмеченное в трех значениях: ‘репейник или собственно цепкие головки его; околоцветники лапушника, известные под именем репья, собак’ (яросл.) [15], ‘мелочь, лапша’ (вят.) [16], ‘угрюмый, вздорный, упрямый, ни с кем не уживающийся человек’ (влад.) [17]. Первое и третье значения естественно продолжают значение ‘резать, драть’ → ‘то, что задирается, зацепляется (о растении)’, ‘кто придирается, вздорный (о человеке)’. Во втором случае значение передано не совсем четко: ‘мелочь, мелкие предметы’ → ‘лапша, как мелко нарезанное тесто’ или же ‘резать’ → ‘нарезанное (лапша)’ → ‘мелочь’.

Нулевая ступень корня, наряду с **obskъrdъ*, отражена в таких формах, как русск. *вы́скорд*, *вы́скирд*, *выскордь* ‘вывороченное с корнем дерево’ (волог., новг., арх.) [18], производное от незасвидетельствованного глагола ***skъrdnǫti*, ***vyskъrdnǫti* ‘вырвать, выдрать’ [19]. (Здесь не исключено влияние синонимичных форм: *вы́скорь*, *вы́скидь*). Ср. еще олонецкое *закардéя* ‘неряха’ [20], которое Фасмер считает неясным [21]. Это отглагольное образование с типичным для северновеликорусских говоров суффиксом деятеля *-éя* от незафиксированной формы глагола. Предполагаемая семантическая модель: ‘драть, резать’ → ‘драный, рваный’ → ‘неряха’ (аналогии см. ниже).

Ступень корня **skred-* в славянских языках в основе инфинитива естественно совпала с другими производными от этого корня: *skred-ti*, *skret-ti*, *skreb-ti* дало **skresti*. Поэтому характер конечного согласного основы может быть определен только по основе настоящего времени и в отглагольных именах. См. *оскрéдок* ‘осколок, остаток чего-л.’ (ряз.) [22]; *вы́скредь* ж. ‘вывороченное с корнем дерево’ (волог., олон.), ‘осыпь на берегу, с которой сорвались

---

[13] Pokorny, стр. 941; Fraenkel, стр. 803.
[14] Sławski III, 2, стр. 152.
[15] Мельниченко, стр. 221.
[16] Д. К. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — Ж. Ст., год одиннадцатый, вып. I. СПб., 1901, стр. 95.
[17] Опыт, стр. 270; Фасмер IV, стр. 405.
[18] Даль³ I, стб. 767; Филин, вып. 6, стр. 21.
[19] Фасмер I, стр. 370—371.
[20] Куликовский, стр. 26.
[21] Фасмер II, стр. 75.
[22] Деулинский словарь, стр. 373.

деревья' (волог.)[23]. Возможно, сюда же *óхредь* об. сиб. (*óхрять* перм.) 'неопрятный человек'[24] и блр. *шкрэд* 'малы'[25].

С назализацией эта ступень корня отражена в слав. **xrędti*, **xręděti*, **xrędnǫti* 'болеть, чахнуть'. Эти формы, представленные в старославянском, польском, чешском и русском языках, уже Бернекером возводились к и.-е. **skrend-*[26].

И.-е. **skre-i-d-* нашло свое отражение в русск. *шкри́тка* 'угловатый черепок' (твер. осташ.)[27], возможно, из **skridъka*, блр. могил. *шкры̀да* 'неахайны чалавек'[28], наряду с *хры̀да* 'с раскрытой грудью, не застегнутый на пуговицы' (брян.)[29], *хри́да* 'человек грязный, мокрый' (орл., кур., калуж.)[30] (ср. *закардéя* 'неряха'). Число примеров, где славянское *x* соответствует *sk* в других индоевропейских языках, достаточно велико[31], но случаи наличия в славянском и *x* и *sk* в рамках одной и той же лексемы или близко родственных форм, заслуживают серьезного внимания. По-видимому, недостаточна здесь ссылка на экспрессивность. Действительно, в наименованиях болезней, физических и нравственных недостатков, присутствует оттенок экспрессивности (ср. *охредь*, *хрида* 'неряха', *хрядеть* 'болеть'), но наряду с ними мы видим формы с тем же значением, где нет изменения *sk* > *x*, см. приведенные выше *короди́тися*, *закардея*, *шкрыда*. Мало того, в целом ряде случаев *x* присутствует в словах, где мы не в праве говорить об экспрессивности, ср. с.-хорв. *hrîd* 'скала'[32]. Вероятнее всего, здесь речь может идти о фонетическом процессе, прошедшем не во всех позициях или достаточно непоследовательно.

Индоевропейский корень **meig-* выступает в двух основных значениях 'мерцать, мигать' и 'становиться темным'[33]. Слова, относящиеся ко второму значению, характеризуют как состояние погоды, так и состояние человека. В обобщенной форме эти значения могут быть сформулированы следующим образом: 'становиться пасмурной (о погоде)': 'туман', 'мелкий, моросящий дождь',

---

[23] Филин, вып. 6, стр. 22.
[24] Даль[3] II, стб. 2011.
[25] І. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілеўшчыны. Мінск, 1970, стр. 498.
[26] Berneker I, стр. 401; Фасмер IV, стр. 280.
[27] Опыт, стр. 266.
[28] Бялькевіч. Указ. соч., стр. 498.
[29] П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973, стр. 279.
[30] Даль[3] IV, стб. 1233. — Несколько иначе об этих формах см.: В. А. Меркулова. Народные названия болезней II. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 194.
[31] В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x* в праславянском. — ВЯ, 1961, № 4, стр. 93—98.
[32] К и.-е. **sker-* относит это слово Бернекер, иначе Скок (см. Skok I, стр. 687).
[33] Pokorny, стр. 712.

'облако, туча' и 'находиться в состоянии затемненного сознания (о человеке)': 'дремота, забытье', 'сон', 'обморок'. Эту семантическую связь на материале индоевропейских языков показал Бенвенист. Он приводит ирл. *néall* 'облако' и 'обморок', лит. *blandà* 'туманная погода' и 'сон', авест. *snaoδa* — 'облако' и соответствующее ему лит. *snáudžiu* 'сплю' [34]. К. Полянский находит аналогии в немецких диалектах: силезск. -голшт. *drisseln* 'моросить (о дожде)' и 'дремать', мекленб. *drusen* 'дремать', *drusig* 'пасмурный (о погоде)' [35]. Ср. еще русск. *мóрок* 'туча' (арх.), *мóрок*, *морока* 'туман' (яросл., печор., олон.), *пáморочный* 'пасмурный (о погоде)', укр. *мерча* 'мелкий частый дождь, мжа', блр. диал. *мырчáти* 'моросить (о дожде)' и русск. *обморок*, *пóморочь* 'потеря сознания', укр. *пáморок* 'непритомність' [36]; *хмара* 'облачность, предгрозовое состояние' и 'сонливость, бессилие' (прибалт.) [37].

Индоевропейский корень **meig-* широко представлен в славянских языках. Это праслав. **migati*, **mьgnǫti* 'быстро двигаться', 'двигать веками', 'мелькать', 'сверкать', **migъ* 'мгновение', 'короткое движение', **migъtěti* 'сверкать, мерцать', **mьžiti/mižiti* 'щуриться', 'дремать', 'моросить', **mьga* 'изморось, туман', **mьža* 'дремота, забытье', 'туман', **mьgla* 'малопрозрачный воздух' (я не привожу здесь многочисленных производных).

Ступень корня *-oi-* отражена лишь в старославянской итеративной форме глагола съмѣжити (очи) и в с.-хорв. вторичных формах *смежураватисе*, *намежуратисе* 'морщиться' (< 'хмуриться') [38]. С некоторыми оговорками эта ступень может быть реконструирована в названии ядовитых растений (Cicuta, Conium) **obměgъ* [39]; в этом случае значение должно быть аналогично значению слова **obmorkъ*.

В то же время в говорах украинского Полесья записано слово *памə̂г* м. 'туча' [40]. В этих говорах звук *ə̂* передает этимологическое *ě*. Ср. *невə̂хна*, *прə̂сны*, *пос'вə̂т* соответственно < **nevěsta*, **prěsnъjь*, **posvětъ*; поэтому мы вправе реконструировать слово как **paměgъ*. С другим ударением это слово отмечено у Гринченко *пáмеги*, *-гів* мн. 'облака' [41]. Помета указывает на говоры б. Волын

[34] E. Benveniste. — BSL, 38, Paris, 1937, стр. 281.
[35] Polański, вып. 3, стр. 364—365.
[36] Подвысоцкий, стр. 105; Мельниченко, стр. 113; Картотека Печорского областного словаря; Куликовский, стр. 56; Опыт, стр. 152; Даль³ III, стб. 709; Р. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 47; Даль³ III, стб. 709; П. П. Чучка. Українські говірки околиці Ужгорода. (Канд. дисс.). Ужгород, 1958, стр. 331.
[37] Говоры Прибалтики, стр. 336.
[38] И. П. Петлева. Праславянский слой лексики сербохорватского языка, II. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 31.
[39] Так, во всяком случае, Фасмер (III, стр. 138), иначе Махек (стр. 338).
[40] Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 87.
[41] Гринченко III, стр. 90. — Возможно, что не совсем точная запись отражает то же слово в укр. житом. *пáма* 'чорна не дощова хмара'

ской губ. Заударное *е*, по-видимому, говорит о местном рефлексе этимологического *ě*.

Перед нами очень архаичное образование со старым именным префиксом *pa-* (ср. аналогии *морок* — *пáморок*). Соответствий этой лексеме в других славянских языках нет. В то же время формальные и семантические соответствия обнаруживаются в германских, армянском и индо-иранских языках. Если в германских эта основа выступает в значении 'туман' (англ. *mist* < **mihsta*), то в индо-иранских она выступает с тем же самым значением 'облако, туча': др.-инд. *meghá-* 'облако', авест. *maeγa-* 'облако', перс, *mēγ* 'облако, туча', 'туман', осет. *mīğ/meğæ* 'облако, туча', 'туман'[42].

Фраза, записанная в Полесье: «Баште, пам́эг нат'агло́ на не́бо», перекликается с текстами Ригведы и Авесты: «āat maēγa us-fravå̄nti huyāiryå̄ āpō barəntiš yāhva... pərəϑu aipi vīyasāitīš avō urvaitīš (Yt. 8,40) («dann steigen die Wolken auf, die die... Wasser enthalten (die Wolken) in denen..., die sich... verbreiten»)[43].

(А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 40.

42 Mayrhofer, стр. 680—681; Абаев II, стр. 117; Pokorny, стр. 712; Фасмер II, стр. 587.

43 Bartholomae, стр. 1104—1105.

А. С. Львов

ТЮРКИЗМ ЛИ СТАРОСЛАВЯНСКОЕ ТЬЛО?

Г. Е. Корнилов в статье «О некоторых топонимах на территории Украины и Поволжья, связанных с названием камня» пишет: «В старославянском языке, как известно, было слово тьло 'каменный пол', происхождение которого до сих пор не служило предметом специального исследования. Между тем, это одно из немногих слов, дошедших до нас из языка ближайших предков современных чувашей — тюрков-булгар, часть которых под предводительством хана Аспаруха основала Дунайскую Болгарию. Именно от аспаруховых болгар это слово, видимо, вошло в славянскую речь, а затем — в первый литературный (письменный) славянский стандарт. С тьло поэтому прямо соотносятся современные чув. *čol*, *čul*, *t'ol*, *t's'ul* 'камень, каменный', которым в других тюркских языках соответствуют формы, близкие к *taš* и *tas*» [1].

Сравнение ст.-слав. тьло и чуваш. *čul*, *čol* показывает, что они расходятся:

1) в начальных *t* и *č*;

2) в гласном основы: в первом фиксируется гласный переднего ряда ь < ḭ, а во вторых — гласные заднего ряда: *u*, *o* < *ā*;

3) в конечных звуках: первое оканчивается на -о, являющееся показателем среднего рода, а второе — на *-l*;

4) имеются расхождения в семантике.

Остановимся на указанных расхождениях.

1. О происхождении чуваш. *čul*, *čol* существует два взгляда. Первый сводится к тому, что начальное *č* < **t*. Древнетюркское *tāš* было с долгим гласным, из которого в процессе утраты долготы мог возникнуть дифтонг, т. е. **tāl* > **t'ial* > **čal* > *čol*, *čul* [2]. Придерживаясь, надо полагать, этой точки зрения на происхождение **t* > *č*, М. Рясянен чув. *čul*, *čol* включает в группу слов, происшедших из **tāš* (< **tāl*) [3].

По В. Г. Егорову, «чуваш. *чул* тяготеет к монгольскому *чилагун* (письм.), *чулу*(*н*), бур.-монг. *чулун*, *шулун*, *чолу*, *шулу*; калм. термин *чолу* 'мельничный жернов'» [4].

---

[1] «Советское финно-угроведение», № 1, 1972, стр. 55.
[2] Л. С. Левитская. Заметки о чувашском консонантизме. «Филологический сборник. Уч. зап., вып. XXVIII». Чебоксары, 1965, стр. 40.
[3] Räsänen, стр. 446; ДТС, стр. 539.
[4] Егоров, стр. 326.

Как бы то ни было, но одно здесь бесспорно: переход **ti-* > *č* или усвоение монгольской формы *čol* булгарами могло произойти до IX в., в период, когда булгары жили в тесной взаимосвязи, которая стала теряться не позднее VI в. В противном случае изменение **ti-* > *č* явилось бы диалектным, и где-то могло остаться и произношение **t'ul*, **t'ol*, чего нет. Усвоение же монгольской формы могло произойти очень рано, по крайней мере, до IV в., когда фиксируется присутствие булгар уже на Северном Кавказе и Кубани или у Сиваша, где монголов не было.

Говоря иначе, едва ли подлежит сомнению утверждение, что на Балканский полуостров булгары принесли произношение **čal* или **čol*, а не **tāl*.

2. При заимствовании из других языков славяне не меняют гласный заднего ряда на гласный переднего ряда, тем более под ударением, если это не вызвано особым характером славянских звуков, поэтому отсутствуют какие-либо основания для сближения чув. *čol*, *čul* со ст.-слав. тьло; ср. скорпии, греч. σκορπίος; спvра, греч. σπεῖρα; льсть, гот. lists; мыто, др.-в.-н. mūta; тикъръ, др.-булг. *tĕkъr* 'зеркало' (переход ь > ъ вызван тем, что ст.-слав. к был только твердым звуком) и т. д.

3. Абсолютно не объяснима и форма среднего рода на -о в ст.-слав. тьло, если это слово восходит к тюркскому **tal*, **tol*. Тогда мы вправе были бы ожидать в старославянском не тьло, а **talъ* или **tolъ* — и только, больше никак.

4. Опираясь на данные книги О. В. Горшковой, Т. А. Хмелевской (Сборник упражнений по старославянскому языку. М., 1960): «тьло — 'каменный пол'», Г. Е. Корнилов, как видели, повторяет это определение значения ст.-слав. тьло.

Указанное определение значения ст.-слав. тьло О. В. Горшкова и Т. А. Хмелевская взяли у А. В. Старчевского[5], а у последнего оно появилось из неправильно понятого утверждения Ф. Миклошича: «asl. *tьlo*, *tьlja* pavimentum». Однако Ф. Миклошич[6] в своем старославянском словаре значение тло определяет ἔδαφος pavimentum[7]. Греч. ἔδαφος известно в значениях 'основание, дно, земля, почва'; лат. *pavio*, от которого образовано *pavimentum* — 'выравнивать, утаптывать, утрамбовывать'. Ни то, ни другое не дают оснований для определения ст.-слав. тьло 'каменный пол'.

В так называемых классических памятниках старославянской письменности слово тьло зафиксировано всего один раз в форме местного падежа мн. ч. в примере: почто иштемъ градъ стоаштиихъ на тьлѣхъ оставльше нынѣшании градъ ихъ·иже естъ разоуменъ[8].

---

[5] А. В. Старчевский. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Бердникову и И. С. Кочеткову. СПб., 1899, стр. 850.

[6] Miklosich, стр. 370.

[7] Miklosich LP, стр. 992.

[8] Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова, т. I. СПб., 1904, стр. 84.

На тлѣхъ является переводом греч. χαμαί 'на земле'[9]. Показательно, что в словенском языке и поныне *na tleh* означает 'на полу, на земле'[10].

Поскольку в приведенном примере противопоставляются градъ... на тлѣхъ и градъ... разоуменъ (последним словом переведено греч. ἐννοεῖν 'мысленный, постигаемый умом', 'желанный'[11], то приведенный пример означает: *зачем ищем город, стоящий на земле, оставив нынешний город, который постигаем умом* (желанный, т. е. имеется в виду 'город небесный, рай').

Корень слова *tъl-o* в Супр. зафиксирован еще один раз в прилагательном жтлъ, ср. акы въ л'дъı жтлѣ (стр. 522), который следует читать въ лдъи (= лдии) жтлѣ. Это то же, что и позднее *утлая ладья* 'лодка дырявая, со щелями, без дощатого настила дна'; ж-тл-ъ (ж — негативный префикс) = 'без тла', 'без настила основания, дна'.

Словом, нет никакого основания для толкования ст.-слав. тло 'каменный пол'. Такое толкование — явная ошибка.

Не ознакомившись с литературой вопроса, Г. Е. Корнилов заявляет, что ст.-слав. тло «до сих пор не служило предметом специального исследования» (стр. 65). Достаточно было заглянуть в Russisches etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера, чтобы убедиться в необоснованности указанного заявления. В этом словаре делаются ссылки на труды Х. Педерсена, Р. Траутманна, А. Мейе, Я. Эндзелина, Я. Зубатого и других, которые занимались исследованием общеславянского слова тло[12].

До сих пор ни у кого не возникало сомнения в том, что слово тло в славянских языках является индоевропейским наследием, и это слово в первичных значениях 'земля, грунт, основание' зафиксировано во всех славянских языках[13].

В подтверждение сказанного приведем несколько примеров: болг. и макед. *тланик* 'место, пространство между очагом и стеною', т. е. 'грунт, пол'[14]; с.-хорв. *tle, tala* 'der Boden, solum':

---

[9] Slovník jazyka staroslověnského, t. II. Praha, 1969, стр. 279; K. H. Meyer. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935, стр. 265.

[10] Kotnik, стр. 538.

[11] K. H. Meyer. Указ. соч., стр. 215.

[12] Vasmer, III, стр. 110.

[13] Miklosich, стр. 370; J. Zubatý. Slavische Etymologien. AfslPh, XVI, стр. 417 и сл. перепечатано: J. Zubatý. Studie a články, sv. I, č. 2. Praha, 1949, стр. 122; R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, стр. 445; Он же: Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 321; A. Meillet. Études, стр. 239; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 64; Brückner, стр. 571 (2 изд., 1 изд. — 1927 г.); Machek², стр. 645 (ср. Machek¹, стр. 536); L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955, стр. 318; Vasmer III, стр. 110, и другие.

[14] А. Дювернуа. Словарь болгарского языка. М., 1885—1887, стр. 2346; Речник на македонскиот јазик, III. Скопје, 1966, стр. 384.

pađe na tle. Pađe tama ođ neba đo tala, т. е. ʻпала мгла с неба до земли, почвыʼ; *leći na tle*[15] ʻлечь на землю, почвуʼ; словен. *tla* ʻполʼ (v sobi), ʻземля, почваʼ; močvirnata *tla* ʻболотная почваʼ[16]; чеш. *tla* ныне обычно в значении ʻпотолокʼ (переносно из значения ʻнастилʼ), ср. *Postel perinami až do tly vystlana*, однако известны: *stodola i s obilím až do tla shořela* ʻполностью, целикомʼ (правда, *do tla* считается книжным, заимствованным); но *tlo* vodní ʻгладь воднаяʼ — собственное[17]; слвц. известно больше в выражении *do tla*: (Dom) jej iste *do tla* zhori; но еще и ʻпотолокʼ[18]; польск. zniszczyć, zburzyć *do tła*; przykrył ściany cedrem *ode tła* aż do wierzchu[19]; русск. *тло* ʻдно, исподъ, основание, как плоскостьʼ; *тло* улья, *тло* коробьи (тамб.) ʻдно, донышкоʼ, а также: *изба сгорела до тла*; *хлеб до тла погнил*; ꙗко разгорѣсѧ пещь, бѣ бо *оутла*, и нача палати пламень оутлизнами (Лавр. лет. 1074 г.)[20]; укр. *тло*, *тла* ʻоснование, основаʼ. Налетіла сараньча і стяла *до тла*; нема і *тла* ʻнет ничегоʼ, т. е. даже основания; *утлий*, *вутлий*[21].

Ср. также лит. *tilės* ʻдосчатый настил на дне лодкиʼ, др.-прусск. *talus* ʻполʼ, лат. *tellus* ʻземляʼ, др.-инд. *talam* ʻплоскость, равнинаʼ и т. п.[22]

Вывод ясен: в отношении славянского слова *tьlo* не может быть и речи о его тюркском происхождении.

В лексике памятников старославянской письменности действительно имеются тюркизмы, большей частью с характерными чертами тюркобулгарского языка. Многие из числа этих тюркизмов учтены[23], возможно, часть еще не выявлена и не объяснена. Таким образом, в этой области предстоят дальнейшие разыскания.

---

15 Jvеković — Broz II, стр. 575; Караџић³, стр. 765; J. Jurančic. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955, стр. 979.

16 Kotnik, стр. 538.

17 Jungmann IV, стр. 596; Kott IV, стр. 98; PSJČ VI, стр. 152; Trávníček, стр. 1547.

18 SSJ IV, стр. 538; A, V. Isačenko. Slovensko-ruský prekladový slovník, diel II. Bratislava, 1957, стр. 476.

19 Linde, cz. III, vol. V, стр. 626; Варшавский словарь VII, стр. 65; Słownik języka polskiego, t. IX. Warszawa, 1967, стр. 152.

20 Даль⁴ IV, стб. 772; Опыт, стр. 267; Срезневский III, стб. 1078 и сл., стб. 1322.

21 Гринченко IV, стр. 268 и 364; Українсько-російський словник. Київ, 1964, стр. 950.

22 Примеры из других славянских языков, а также индоевропейские соответствия см. в литературе, приведенной в примечании *13*.

23 А. С. Львов. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). «Славянское языкознание». М., 1973, стр. 211—227.

В. В. Усачева

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ. II*
(семейство Cyprinidae)

Дополнение к списку сокращений

Берг 1906 — Л. С. Берг. Рыболовство в бассейне Волги выше Саратова. СПб., 1906.

Бессараба — И. В. Бессараба. Материалы для этнографии Херсонской области. — Сб. ОРЯС, т. 94, № 4. Пг., 1916.

Бялькевіч — I. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Врх. ГД — I. Верхратский. Про говор долівский. — ЗНТШ, т. XXXV—XXXVI. Львів, 1900.

Грбић — С. М. Грбић. Српски народни обичаји из Среза Бољевачког. — Обичаји народа српскога, кн. II, Београд, 1909.

Гриценко 1969 — И. Д. Гриценко. Промысловый словарь русских рыбаков дельты Дуная. Уч. Зап. Кишинев. ун-та, т. 109, 1969.

Гриценко 1970 — И. Д. Гриценко. Промысловый словарь русских рыбаков дельты Дуная. Уч. Зап. Кишинев. ун-та, т. 114, 1970.

Иванова — А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Китипов — П. Китипов. Речник на говора на с. Енина, Казанлъшко. Българска диалектология, кн. 5. София, 1970.

Клепикова — Г. П. Клепикова. К характеристике системы ударения одного переходного гуцульско-покутского говора. — КСИС, т. 41. М., 1964.

Лекс. 1731 — Вейсманнов. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

Лекс. 1762 — Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита. СПб., 1762.

Максимов — Н. Максимов. Морское рыболовство в Болгарии. — Материалы к познанию русского рыболовства, т. III, вып. 1. СПб., 1914.

Маринов 1894 — Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ т. X. София, 1894.

Москаленко — А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

Наумов — И. Ф. Наумов. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. — Сб. ОРЯС, т. XI, № 6. СПб., 1874.

Нордстет — И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводом словарь. СПб., 1780—1782.

Поликарпов — Лексикон треязычный, сиреч речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

---

* Начало см.: «Этимология, 1971». М., 1973.

Попова 1970 — Н. Е. Попова. О некоторых терминах рыболовства в языке деловых документов XVII—начала XVIII вв. — Исследования по лексикологии и словообразованию. Красноярск, 1970.
ПР — Промысловые рыбы СССР. М., 1949.
РЧП — Рыболовство в Чудском и Псковском озерах и в Балтийском море. СПб., 1860.
Смирн. и Логин. — М. И. Смирнов и П. И. Логинов. Из этнографических записей по Переславль-Залесскому уезду. Доклады Переславль-Залесского Научно-просветит. об-ва, вып. 11. Переславль-Залесский, 1923.
Сцяцко — П. Сцяцко. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1970.
Тиханов — П. Н. Тиханов. Брянский говор. — Сб. ОРЯС, т. 76, № 4. СПб., 1904.
Çabej — E. Çabej. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. II. Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore, v. XV, N 1. Tiranë, 1961.
DLKŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.
Jaskowski — J. Jaskowski. Materiały do znajomości ichtiofauny Warty i jej dopływów. — Fragmenta faunistica, t. IX, № 23, 1962.
VRČS — Velký rusko-český slovník, I—VI. Praha, 1952—1964.

Плотва Rutilus rutilus L.

avdotka блр. *авдотка* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 464).
babadžan макед. *бабацан* 'мелкая дойранская плотва R. rutilus dojrpanensis до 12—14 см' (Апостол. и др. 34), *bubudžan* то же (оз. Дойран — Hirtz 303: под *platika dojranska*).
babka русск. *babca bjela* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 181).
baboška см. babuška
babuška русск. *бабóшка* (Вилково — Гриценко 1969), *babuşca* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 181); укр. *бабошка* (низовья р. Дунай — М. и К. 82); болг. *бабушка* (Моров 41, РБР, Коев и др. 65; черномор. лиманы — Максимов 12), *маришка* ∾ 'плотва R. rutilus mariza Dren.' (р. Марица — Дрен.63), *bábuška* (Wak. 49).
Ср. болг. *бабýшка* 'вид речна риба' (Корово, Велинград — Стойчев); макед. *бабушка* 'vrsta male trbušaste ribe u Bregalnici' (PMJ); рум. *babuşcă*, *babuşcă albă* (дельта р. Дунай, Галац — Antipa 181, Vasiliu 227).
bel' см. belica
belaja ryba см. ryba
belica русск. *бель* (псков. — ПОС: «мелкая плотва»; р. Свияга — Рузский 36);
русск. *bieliţa* (дельта р. Дунай — Antipa 181); чеш. *bělice* (Ferianc 31, Šimek 1959, 71: «lid.»); с.-хорв. *bjelica* (Свиница — Hirtz), ∾ *crvenpera*, ∾ *crvenperka* (Hirtz), *белица црвенпера* (РСХКНJ); словен. *bẹlíca* (Горишко — Pleteršnik); болг. *белица* (Моров 41);
с.-хорв. *bijelka kladarica* (Фаркашевац, р. Чесма — Hirtz 163: под *kladarica*); ср. польск. *b'yuka* 'jakaś ryba' (10—15 cm długa), biała, jadalna' (Ополе — Zaręba);

укр. *beluha* (в. т. р. Буг, Вел. Мосты на р. Рата — Now. 50), *bielucha* (р. Верещица п. р. Серет — Now. 67), *biłucha* (Делятин, Снятин, р. Прут — Now. 85); польск. *bielucha* (SW: «gwar.»); ср. русск. *бéленькая* 'небольшая рыбка, похожая на плотву' (Васильевка в дельте р. Дунай — Гриценко, 1969); польск. *białucha* 'rodzaj ryby' (Кельце, Люблин, Любартов — Lubicz), *białucha*, *biełucha* 'gatunek ryby' (Karł. SGP, SW: «gwar.»).

belka см. belica

beloperka с.-хорв. *bjelòperka* (RJA), *beloperka* (Крагуевац — Hirtz), *белòперка* (РСХКНJ); макед. *белоперка* (PMJ).

Ср. болг. *белопèрка* 'риба с бели перки' (РСБКЕ, БТР); русск. *белокрылка*, *белокрылочка* 'эпитет рыбы в народных песнях и сказках' (смол. — Добр.).

bel'uxa см. belica

berozovka блр. *берóзовка* 'мелкая плотва' (Олтуш, Луково, Здитово — Крив. 166).

bi(o)bla см. obla

biblica см. obla

biblina см. obla

bobyrec русск. *бобырец* (оз. Ильмень — Герд СА 29).

bočica укр. *бочиця* (Закарпат. обл. — Влад. 45).

bodolika см. bodorika

bodorika с.-хорв. *bodolika* (Осиек — Hirtz), *bodorika* (Осиек, рр. Босут, Студва в Славонии — Hirtz);

с.-хорв. *bodorka* (Белград, Земун, Габела, Герцеговина — Hirtz), *kesega* ∾ (Вировим, Бошняк — Hirtz), *бȍдōрка* (р. Дрина — РСХКНJ), *podorka* (Нештин, Чепин — Hirtz), *potorka* (Осиек — Hirtz); ср. с.-хорв. *bodorka* 'ńeka riba' (RJA);

с.-хорв. *bodovoljka* (Шаренград — Hirtz), *budovoljka* (Вуковар на Дунае — Hirtz).

bodorka см. bodorika

bo(u)dovoljka см. bodorika

bublica см. obla

bubudźan см. babadžan

caranka русск. *ţărankă* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 181).

Ср. рум. *ţărankă* (дельта р. Дунай, Галац, Туртукан — Antipa 181, Vasiliu 227); алб. *cironkë* 'уклейка', н.-греч. τσίρος то же (Çabej 95).

cerveniса н.-луж. *cerẃenica* (Мука: «dial.»), *cerẃeńca* (Мука: «alt. u. dial.»);

н.-луж. *cerẃenicka* 'маленькая плотва' (Мука: «dem. v. *cerẃenica*»).

cervenicka см. cerveniса

cika словин. *cjika* (Stelmachowska 55), *ћîkă* 'eine Art Plötz' (Lor. SW).

crlenoperica см. červenoperka

crlenperka см. červenoperka

crvenokica см. čerlenoočica
crven(o)perka см. červenoperka
čabak см. čebak
čaroška русск. *чарошка* (урал. — Михеева КД).
čebačiška см. čebak
čebačišče см. čebak
čebačok см. čebak
čebačuška см. čebak
čebak русск. *чабáк* (Сарапул — СРНГ), *чабак* 'сибирская плотва R. rutilus lacustris (Pall.)' (Сибирь — Васн. 15), *чебáк* (Сарапул, Пермь, Тюмень, Омск, Тобол, Томск, Сред. Прииртышье — СРНГ, колым. — Бог. 155, перм. — Клыков), *чебак* (вост. склон Урала — Кес. 1877, 252; реки и озера Среднего Урала — Саб. РСУ 68; зауральские озера в пределах бывш. Перм. губ. — Саб. 566; зауральские и приуральские озера — Кучин РУК 64, Кучин РЗПО 35; озёра Иткуль, Синарское, Окункуль, Черкаскуль, Лебяжье, Карасье, Чусовские, Алабуга — Саб. ЗО 10; «местное, собственно башкирское название плотвы»; р. Ирбит — Булыч. 34; р. Исеть — Чернышев 158; оз. Аргази — Аленицын 18; Зауралье и Башкир. АССР — Цех. 82; Уфалейские озера — Троицкая 38; Сибирь, Кокчетавские озера — Берг 499, 500; Убинское оз. — Пушкина 463), 'крупная плотва' (водоемы Уфалейск., Кыштым., Кунашак., Чебаркульск., Челябин., Миасс. р-нов — Ревн. 214), 'мелкая плотва до 1—2 лет' (рр. Обь, Мал. Обь, Лозьва, Тавда, Тура и др. реки обь-иртышского басс. — Ревн. 214);

русск. *чебачи́шка* (Томск. обл. — СРНГ, ср. т. р. Обь — СРГБО: «уничижит. к чебак»), *чебачишка* (Сред. Прииртышье — СРНГ: «экспр. к чебак», водоемы Уфалейск., Кыштым., Кунашак., Чебаркульск., Челябин., Миасс. р-нов — Ревн. 214: «мелкая плотва»);

русск. *чебачи́шша* (Барабинск — СРНГ);

русск. *чебачóк* (Барабинск, Сред. Прииртышье — СРНГ: «экспр.»; ср. т. р. Обь — СРГБО: «уменьшит.-ласкат.»), *чебачок* 'мелкая плотва' (озера Иткуль, Синарское, Окункуль, Черкаскуль, Лебяжье, Карасье, Чусовские, Алабуга — Саб. ЗО 10);

русск. *чебачýшка* (Хакассия — СРНГ).

Ср. татар. *čâbâk* 'сорога-рыба' (Петров 91).

čerlenoočica укр. *черленобчиця* (сев.-вост. Угорщина, Лишаки — Врх. НЗн. 27); с.-хорв. *crvenokica* (Хорватия — Hirtz 71: под *crnooka*);

слвц. *červenoočka* (Тренчин — Ferianc 30: «vzniklo akiste prekladom z nemčiny»); в.-луж. *čeŕwjene wóčko* (Pfuhl 1061: под *čeŕwjeny*).

červenoočka см. čerlenoočica
červenoperka с.-хорв. *crvenperka*, *crljenperka* (Хорватия — Hirtz), *crvènperka* (RJA), *crvenoperka* (Сисак — Hirtz), *kesega crven-*

perka (Дони Михоляц, Шашинцы — Hirtz); болг. *червеноперка* (Моров 41); макед. *црвеноперка* 1) 'дойранская плотва R. rutilus dojranensis Kar.', 2) '2-летняя плотва длиной 14—20 см' (рр. Вардар, Црна, Струма, оз. Дойран — Апостол. и др. 32, 34); ср. макед. *црвенпéрка* 'вид риба, спрема бојата' (Струмичко — Пеев 213);

с.-хорв. *crljenoperica* (Хорватия — Hirtz).

črmnook см. črmnooka

črmnooka словен. *črmnoо̑k* (Бохинь — Pleteršnik);

словен. *črmnoо̜ka* (Pleteršnik, SSKJ: «zastar.»), *črmnooka* (Bajec III, 110), *črnoóka* (Pleteršnik).

Ср. словен. *črmnook* 'neka riba' (Бохинь — Bajec III, 110).

črmnovka словен. *čŕmnovka*, *čŕnovka* (SSKJ: «zastar.»), *črnovka* (Pleteršnik).

črnooka см. črmnooka

črnovka см. črmnovka

ćesika с.-хорв. *ćesika* (Горажде на р. Дрина — Hirtz).

dęte польск. *dęte* мн. ч. 'крупная плотва' (р. Пилица — Mis. 21).

dn'anka блр. *дн'áнка* 'мелкая плотва' (Антонов — Крив. 167).

dun'ka укр. *дýнка*, *дýнька* (Жел.); польск. *dunka* (в. т. р. Сан — Now. 43,50), *duńka* (р. Ослава п. р. Сан — Now. 49).

gariga см. gar'uga

gar'uga русск. *гарига* (псков., новг. — Герд ПФНР 33);

русск. *гáрюга* 'мелкая плотва' (бывш. Осташ. у. Твер. губ. — Опыт: «особый род маленькой плотвы, имеющей весною и летом чрезвычайно горький вкус»), *гарюга* то же (бывш. Новгород. губ. — Саб. 566; оз. Пестово Новгород. обл. — Гримм 1899, 204), *горю́га* (твер. — Даль[2]: «...род плотвички»), *горюга* 'молодая плотва до 6—8 см' (оз. Ильмень, р. Волхов — Домр. и Правд. 39);

русск. *гарюшка* (новг. — Герд ПФНР 33);

русск. *гáрьва* 'мелкая плотва' (Псков.-Чуд. оз. — Герд ПФНР 33), *гарьвá* то же (Горки, Шартова, Раскопель на Псков. оз. — Кузн. РС), *гарьва* 'самая мелкая плотва' (Псков — Зол., Кес. 1864, 115, Загор. 350), *горьвá* то же (Горки, Шартова, Раскопель — Кузн. РС; Псков — Клыков), *горьва* то же (Псков — Зол., Саб. 566);

русск. *гарви́на* 'мелкая плотва' (Псков.-Чуд. оз. — Герд ПФНР 33);

русск. *гáрвинка*, *горви́нка* 'мелкая плотва' (Межа на Псков. оз. — Кузн. РС);

русск. *гарвýшка* 'мелкая плотва' (Псков.-Чуд. оз. — Герд ПФНР 33).

Ср. русск. *гарюга* 'всякая мелкая рыба' (оз. Селигер — Озерецковский 1817, 176), фин. *harjus*, лопар. *harre* (Шёгрен 148).

gar'uška см. gar'uga

ga(o)r'va см. gar'uga

garvina см. gar'uga
garvinka см. gar'uga
garvuška см. gar'uga
gera кашуб. *gera* (Жарновецкое Приозерье — Sychta).
!golovan русск. *голован* (оз. Ильмень, р. Волхов — Герд СА 28).
gor'avka русск. *горя́вка* 'мелкая плотва' (псков. — Макс. 115; Межа, Шартова, Самолва — Кузн. РС), *горявка* то же (Псков — Зол.).
gor'kavka русск. *горька́вка* 'мелкая плотва' (псков. — Опыт, Даль[2]: «... род плотвички», Макс. 115, Клыков; Межа, Шартова, Самолва — Кузн. РС);

русск. *горьку́ша* 'мелкая плотва' (псков. — Макс. 115, Клыков; Межа, Шартова, Самолва — Кузн. РС), *горькуша́* (псков. — Даль [2]).

Ср. русск. *горьку́ша* 'род мелкой рыбы, похожей на плотву' (бывш. Вышневолоц. у. Твер. губ. — Опыт).
gor'kuša см. gor'kavka
!gustera русск. *густера́* (н. т. р. Волга — Клыков); укр. *густиря́* (Литвиновка Днепропетр. р-на — МБ 54); словин. *gu̇scu̇o̯ră* (Lor. SW), *gũšč̦øră* (Слупск — Mosz. KLS I, 63).
hadroga словен. *hadroga* (Ferianc 31).
jabryn' блр. *я́брын'* 'крупная плотва' (Олтуш, Луково, Здитово — Крив. 174).
jebroz' блр. *е́броз'* 'мелкая плотва' (Власовцы — Крив. 167).
jelec кашуб. *i̯ωlec* (Lor. PW), *jolce* мн. ч. (Gulg. 74).
kesega bodorka см. bodorika
kesega crvenperka см. červenoperka
kladarica с.-хорв. *kladarica* (Клокочевац, Вел. Зденцы — Hirtz);

с.-хорв. *kladnača* (Сисак — Hirtz), *kladnjača* (рр. Уна, Босна; Ясеновац, Стара Градишка, Костайница, Окучани, Ускоке — Hirtz); ср. с.-хорв. *kladńača* 'vrsta ribe' (Ясеновац — RJA);

с.-хорв. *klàdnjaš* (рр. Орлява, Сава, Мрсуня — Hirtz).
kladn(n')ača см. kladarica
kladn'aš см. kladarica
klejka см. oklejka
klen в.-луж. *klen* (Pfuhl 1075); слвц. *klen* (р. Турец, Поважье, Ружомберок — Ferianc 30), *kleń* (рр. Турец, Орава, — Ferianc 30).
klinyč слвц. *klinyč* (Ferianc 30); ср. русск. *клин*, *кли́нье* 'крупная большая рыба, чаще всего в применении к плотве' (Талабск — Кузн. РС).
klocara с.-хорв. *klocarŭ* (Дони Михоляц — Hirtz).
kn'az' русск. *князь*, *князек* 'более интенсивно окрашенные особи плотвы' (Плещеево оз. — Бор. 124, Клыков).
kn'az'ok см. kn'az'
korol'ok русск. *королек* 'особая разность плотвы с красной чешуей' (Вышний Волочек — Зол., Саб. 559).
koravka блр. *кора́ўка* 'крупная плотва' (Злодин — Крив. 173).

kožen'ovki польск. *korzeniówki* мн. ч. 'крупная плотва' (р. Пилица — Mis. 21).

korорес укр. *білий коропець* (Львов — Majew. II, 440).

kraputka с.-хорв. *kraputka*, *kraputica* (Hirtz).

kraputica см. kraputka

krasnoglazka русск. *красногла́зка* (новг., бывш. Боров., Мещов. уу. Калуж. губ. — СРНГ), *красноглазка* (рр. Сура, Мокша, Хопер в пределах бывш. Пенз. губ. — Магн. 15; р. Лена — Берг 499); блр. *красноглазка* (р. Зап. Двина и басс. р. Неман — Терл. 232); польск. *krasnogłazka* (SW: «gwar.»).

Ср. нем. *Rotauge* 'плотва' (Vogt u. Hofer 429).

krasnop'ora см. krasnop'orka

krasnop'orka русск. *красноп́ерка* (влад., ворон., донск. — СРНГ; донск. — Сол. 35), *красноперка* (Кес. 1870, 266: «неправильно»); укр. *краснопірка* (Нік.); блр. *красноперка* (р. Зап. Двина и басс. р. Неман — Терл. 232);

польск. *krasnopiora* (XVIII в. — Majew. II, 440).

Ср. русск. *краснопёрка* 'рыба с красным пером' (Трубчев. р-н Брян. обл., Романов. р-н Ростов. обл. — СРНГ); нем. *Rotflosser*, *Rotfeder* 'плотва' (Vogt u. Hofer 429).

krasnoplazka польск. *krasnopłazka* (SW: «gwar., krasny + płaz»).

krvoperka с.-хорв. *krvoperka* (Джаково в Славонии — RJA).

kubar' блр. *кубарь* (бывш. Гродней. губ. — Кес. 1877, 252, Саб. 566).

ḳurar макед. *kurar* 'мелкая дойранская плотва R. rutilus dojranensis Kar.' (оз. Дойран — Hirtz 303: под *platika dojranska*).

listopadka русск. *листопадка* 'плотва, идущая на нерест в конце сентября' (р. Святуха и Кефтенецкая губа на Онеж. оз. — Покр. 60).

marfuxa русск. *марфу́ха* (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ).

maškodan макед. *машкодан* '3-летняя плотва R. rutilus dojranensis Kar. 20-30 см' (Апостол. и др. 34).

meženʼ русск. *межень, меженка* 'некрупные особи плотвы' (Плещеево оз. — Бор. 125).

meženka см. meženʼ

mrguda с.-хорв. *mrguda* (Митровица, Мачва на р. Сава — Hirtz).

mul'ka укр. *mulka* (Подолия — Majew. II, 440).

Ср. *му́лька* 'мелкая рыба' (Гринченко).

obla русск. *би́бля* (юж. — Даль [2]), *бобла* (р. Волхов. оз. Ильмень—Герд и др. 30, Зол., Варп. РИВ 54, оз. Ильмень— Берг 493), *вобла* 'каспийский подвид плотвы R. rutilus caspicus' (Даль [2], н. т. р. Волга, Астрахань — Сол. 48; Касп. море — Саб. 566, Гримм 1896, 114, Берг 515; Астрахань — Кес. 1870, 266; р. Терек — Кузн. ТРП 43; Арал. море — Берг 505, 507), *wobla* (р. Терек — Pall. ZRA 319), *о́бла* 'обыкновенная плотва' (р. Пинега — Герд ДД), *обла* (Даль [2] I, стр. 135: под *бу́блица*; Астрахань — Кес. 1870, 266), *obla* (р. Волга— Pall. ZRA 319); укр. *бі́бла* (Ш. и Т. 95), *би́бла* (р. Днепр — Кес. 1864, 155), *бі́бла* (Нік. 41, М. и К. 82), *бі́бля* (Жел., Ш

и Т. 95), *бобла* (Берг 493); польск. *obla* (Majew. II, 440, Wyg. 458), *wobla*-(Majew, II, 440), *wobła* 'каспийский подвид плотвы R. rutilus caspicus' (SDor);

блр. *обл'áк* 'мелкая плотва' (Голубица, Боложевичи — Крив. 170);

русск., укр. *облина, библина* (р. Днепр — Аксак. 182);

русск. *бúблица, бýблица* (юж. — Даль[2]), *воблица* (Даль[2] I, стр. 135: под *бýблица*), *облица* (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 243); укр. *бíблиця* (Жел., Ш. и Т. 95), *бíблиця* (Зап. Украина — Писк., Majew. II. 440; н. т. р. Припять — Ляш. 57; ср. т. рек Днепр, Припять, Десна — Завiст. 12), *бúблица* (Клыков), *библúца* (Берг 493), *библица* (р. Днепр — Аксак. 182; Днепров. лиман, Херсон — Кес. 1860, 71, 78), *бýблиця* (Жел., Гринченко), *бублиця* (Зап. Украина — Писк.), *óблиця* (Жел., Ш. и Т. 95), *облиця* (Majew. II, 440); блр. *бýблица* 'крупная плотва' (Антонов — Крив. 166), *вóблица* 'мелкая плотва' (Конотоп, Дерновичи — Крив. 167), *воблица* (рр. Днепр, Сож — Жуков РБ 157);

русск. *облýха* (Стар. Русса — Герд ДД, оз. Ильмень — Клыков), *облуха* (р. Волхов, оз. Ильмень — Зол., Варп. РИВ 54, Берг 493).

Ср. русск. *вóбла* 'соленая вяленая рыба, которую привозят с Волги' (вят. — Васнецов); укр. *бíбля, бíблиця* 'род рыбы' (Киев — Гринченко); блр. *oblák* 'название рыбы' (Вост. Полесье — Mosz. PW 19); польск. *oblica* (1705 г. — Hedemann 166: «... szczuk 40, oblic 1000, uklei 2000 i molu ośminy»).

oblica см. obla

oblina см. obla

obluxa см. obla

oklejka русск. *оклéйка* (р. Онега — Куликовский); блр. *клéjка* (Здитово, Спорово — Крив. 168).

ol'xovka блр. *ольховка* (рр. Днепр, Сож — Жуков РБ 157: «редко», р. Неман — Жуков, 1958, 57: «крупная и средняя плотва, которая нерестится, ... когда появляются первые листочки на ольхе»).

paraška польск. *paraszka* (SW: «gwar.»).

parenyk укр. *parennyk* (р. Прут при впадении р. Черемош — Now. 86, 90).

pl'aca польск. *placa* (спорадически на Мазурах — М.-К. 14: «из нем. Plötze»).

plasički польск. *płasiczki* мн. ч. (Венгой Решельск. пов. — М.-К. 14).

plaskun см. ploskuša

plaščki польск. *płaszczki* мн. ч. (Бредынек Решельск. пов., Мронгово — М.-К. 14).

platica см. plot'

platika см. plot'

platnica см. plot'

plecička см. plet

plet польск. *płet*, *płeta* (р. Скава п. п. р. Висла, р. Скавица — Now. 30);

укр. *плетúця* (Жел., Гринченко), *płetycia biła* (Гуцульщина — Shuch. 30);

польск. *plecicka* (Кельце — Karł. SGP IV, стр. 139: под *płocica*), *pleciczka* (Karł. SGP);

польск. *płetka* (р. Скава п. п. р. Висла. р. Скавица — Now. 30), *pu̯etka* (Лопенна на сев. Великой Польши — Tomasz. 167)

pleta см. plet

pletica см. plet

pletka см. plet

ločec см. plot'

pločoka польск. *płócioka* (SW: «gwar.»).

plodica с.-хорв. *plodica* (Живике, Стара Градишка — Hirtz).

ploskaja ryba см. ryba

ploskogub укр. *плоскóгуб* (Народичи Овруч. р-на Житомир. обл. — Лысенко СЖ 42).

ploskuša русск. *плоскýша* (юж. — Даль[2]); русск. *плоскушка* (побережье Черного моря — Кес. 1860, 241); укр. *плоскушка* (Majew. II, 440);

блр. *пласкýха* (Ровнополье Смилович. р-на — Шат.);

польск *płaskuny* мн. ч. (Бутрыны Ольшт. пов., Миколайки Мронгов. пов., Вел. Конопки, Гавлик Гижиц. пов., Огрудек Элцкого пов. — М.-К. 14).

ploskuška см. ploskuša

ploščica русск. *площица* (Кес. 1877, 252); укр. *площúця* (Жел.), *площиця* (Коломыя — Majew. II, 440); блр. *площица* (бывш. Гроднен. губ. — Зол., Саб. 566); н.-луж. *płośica* (Мука).

Ср. с.-хорв. *ploščica* 'neka riba' (RJA).

plota см. plot'

plotčavočka см. plot'

plotčica см. plot'

plotčička см. plot'

plot' русск. *плоть* (бывш. Смолен. губ. — Добр.: «собир.»; средняя Россия — PCP 67; Аксак. 182, Кес. 1864, 115), *плоць* (бывш. Смолен. губ. — Добр.); укр. *плоть* (Жел.); блр. *плоть* (бывш. Швенчен., Вилен., Тракайск. уу. Вилен. губ., бывш. Гроднен. у. Гроднен. губ. — Зограф 99), *плоць* (Носович: «собир.: тольки одна *плоць* ловицца»); польск. *płoć* (Linde, SW, SDor; Августов. пов. — М.-К. 13: «pu̯oć to juš jek duža, a jek mau̯e take, to pu̯otka»; Доротово Ольштын. пов., Лайс, Гардыны Нидзиц. пов., Франково, Малиново Оструд. пов., Розенталь, Скарлин, Маженчице Любав. пов. — М.-К. 14; р. Скава, Вислока п. п. р. Висла; Неполомице, Тарнов, р. Сан с притоками Вислок, Любачовка; Перемышль, Ярослав, Высоцк, Жешов, Фрыштак, Кросно — Now. 30, 33, 36, 41, 44, 45, 46, 47), ∾ *czerwonooka* (Wał. 45), ∾ *krwawooka* (Wał.

PFiz. 290), ∾ *sina* (Wał. BW 547, Wał. PFiz. 290, Wyg. 458: «м. н.»), ∾ *właściwa* (Wał. BW 547, Wał. 45), *płocie* мн. ч. (Радомско на р. Варта — Dek. 1963, 106; Ленчиц. пов. — Dek. 1964, 87);

польск. *płota* (Rostaf. 397; 1472 г. — Brückner); ср. с.-хорв. *plota* 'neka riječna riba' (Чаплин в Герцеговине — RJA);

русск. *плотча́вочка* (Изменка на Псков. оз. — Кузн. PC);

словин. *płòtčəca* (Lor. PW: «dem. zu *płotka*»), *plùǫtčică* (Lor. SW);

словин. *płòtčəčka* (Lor. PW: «dem. zu *płòtčəca*»), *plùǫtčìčkă* (Lor. SW);

польск. *płociec* (Linde, SW: «przestarz.»);

русск. *плоти́ца* (Рос. Цел., ССРЛЯ, Ладва Прионеж. р-на Карел. АССР, Кудяево Новоржев. р-на Псков. обл., р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ: «уменьш.»; Водлозеро, новг., псков. — Герд. ДД; бывш. Ельнин. у. Смолен. губ. — Добр. 606; Кашин, Ченцы — Смирнов), *плоти́ча* (Шеброво Белозер. р-на Волог. обл. — СРНГ), *плотица* (фиксир. в памятниках письмен. с XV в. — Герд. ДД; Кн. Обонеж. пятины 1496 г., Кн. Шелон. пятины — Кочин; Писц. кн. Обонеж. пятины — Виноградов 214, 216; Кн. прих.-расх. Волоколам. мон. 1588—1589 гг., Кн. расх. Свирск. мон. 1615—1631 гг., Кн. расх. Иверск. мон. 1656 г. — Порохова 177; Лекс. 1731; Беломор. р-н Карел. АССР — Воронова 1967, 46; р. Сясь, озера Уклеино, Валдайское, Вселуг, Стерж, Селигер, н. т. р. Волхов, Ленинград., Калинин., Орлов. обл., рр. Сосна, Любовша — Герд ИГЗ 195; бывш. Олон. губ. — Георг. 13; Онеж. оз. — Пушк. 34; р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 39; бывш. Смолен. губ. — Ермолов 728; по всей Волге — Кес. 1870, 266; сев. берег Черного моря — Кес. 1860, 241; на водоемах Камского басс. — Ревн. 214), *наросна́ плот'и́ца* 'плотва периода икрометания' (Беломор. р-н Карел. АССР — Воронова 1967, 46); укр. плотицꙑ (XVII в. — Тимч. КІС), *плоти́ца* (Заставн. р-н Черновиц. обл. — Прокоп.; Берг 493), *плоти́ця* (Коломыя, Тернополь — Majew. II, 440; Жел., Гринченко, Ш. и Т. 95, УРС), *плоти́ц'а* (р. Пеня Закарпат. обл. — КДА), *плотиця* (Черниговщина — М. и К. 82; Закарпат. обл. — Кол. 23, М. и К. 82), *плотыця* (Херсон. обл. — Бессараба 553), *płotyci* (р. Сивка — Barta 8, Галич, Станислав, Каменный Брод, р. Днестр, басс. р. Серет, р. Тужанка — Now. 60, 69, 71), ∾ *prawdywa* (Галич — Barta RD 60), *płotycia* (в. т. р. Днестр, р. Рыбница — Now. 1881, 10, 11; р. Прут под Черновцами — Jawor. 41, Now. 84; реки Хащовка, Стрый с притоками Ильничек, Яблонька; Сивка в Калуш. пов., Ломница с притоком Черляна; Ворона п. р. Быстрица Надворнянская, л. п. р. Днестр Серет с притоками Нестровка, Стрыпа, Мшанец; р. Прут близ Коломыи, р. Черемош под Кутами; Борыня, Турка, Микулинцы, Тернополь, Струссов, Мышковичи, Чарторый, Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка — Now. 63, 64, 65, 71, 73, 74, 76, 77, 78, 82, 90; Галич, Станислав, Солотвин — Łom. 51), ∾ *biała* (в. т. р. Буг, Сасов, Золочев — Now. 51), ∾ *ochabna* (Dzied. 81), *płytycia*

(р. Черемош от д. Устерики до г. Куты, рр. Черный и Белый Черемош — Now. 90, 96); блр. *плотíца* (Олтуш, Луково — Крив. 171), *плотíц'а* 'крупная плотва' (Луково — КПЭ), *плотица* (р. Зап. Двина — Сап. 226, Жуков РБ 157; р. Неман — Жуков 1958, 45); польск. *płocica* (Rostaf. 397, Linde, SW, SDor; мазур. — Benecke 136; вост. часть Мазуров, Мазовше — М.-К. 14; Верх. Силезия — Karł.SGP; Заклинчин на р. Дунаец; Ярослав на р. Сан; в. т. р. Буг, Верхобужье, Буск, Добротвор, рр. Стырь, Стрыпа, Збруч — Now. 36, 44, 47, 51, 57, 62), ∾ *z czerwonym oczkiem* (Rostaf. 397), *płutycia* (Дуньковцы на р. Сан — Now. 44); кашуб. *płocéca* (Ramułt); в.-луж. *płoćica* (Pfuhl, Jakubaš); чеш. *plotice* (PSJČ, SSJČ, Frič 29, Dyk 217), ∾ *obecná* (Hrabě i Oliva 73: «и. т.»); слвц. *plotica* (SSJ, Ferianc 31, Palko 37, Balon 158); с.-хорв. *plotica* (Северин на р. Купа, Петриня, Слунь, Дубраве, Крняк, Глибоки Брод, Рибари, Ференцы, Залика, Заячко Село, Подбреже, Миркополе, Речица, Доне Стативе, Драганич, Храшче, рр. Свиница, Глина, Дубица, Неретва — Hirtz); словен. *platíca* 'плотва блестящая Leuciscus virgo Heck.' (Костаневица, Любляна — Pleteršnik, Škerlj); макед. *платица* 'крупная дойранская плотва R. rutilus dojranensis Kar. старше 3-х лет длиной свыше 30 см' (Апостол. и др. 34); ср. с.-хорв. *plòtica* 'Scardinius plotizza Heck.' (р. Неретва — Hirtz), болг. *пла́тица* 'една риба в Охридско езеро', *плотúца* 'един вид дребна риба в Охридско езеро' (Геров);

русск. *платичушка* (смол. — Добр.);

блр. *плотычычка* (р. Песчанка п. п. р. Сож Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122: «ласк. и уменьш.»);

русск. *плотинёнок* 'молодь плотвы' (р. Сясь — Герд ДД);

русск. *плотúчка* (Даль[2], III, стр. 128: под *плотва*; ССРЛЯ: «уменьш.-ласк. к *плотица*»,) *плотичка* (новг., горьк., урал. — Герд ДД; р. Сура — Варп. РС 11; Европ. часть России — Варп. ОПРЕР 88; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 49); укр. *плотúчка* (Жел., Гринченко: «уменьш.», Majew. II, 440, Заставн. р-н Черновиц. обл. — Прокоп.), *płotyczka* (р. Вешка п. р. Серет; Козлов — Now. 65); блр. *плотычка* (р. Песчанка п. п. р. Сож Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122: «уменьш.-ласк.»); польск. *płócicka* (Мазуры, Любельск. пов. — Karł. SGP IV, стр. 139: под *płocica*), *płociczka* (Linde: «dem.»; Куявы — Karł. SGP; вост. часть Мазуров — М.-К. 14: «dem.»; Мазуры — Zn.-Prüf. 1953, 231, рр. Шкло и Вишня — притоки р. Сан — ZR 26, Now. 48), *płociczki* мн. ч. (Куявы, Верх. Силезия — Karł. SGP IV, стр. 139: под *płocica*), *płoteczka* (SW), *plotečka* (оз. Арненис Литов. ССР — собств. наблюд.); кашуб. *płocéčka* (Ramułt: «zdrobn. od płocéca»), *płoczieczka* (Benecke 136); словин. *plùǝtěčkă* (Lor. SW); чеш. *plotička* (PSJČ: «zdrob.», SSJČ: «zdrob.»);

болг. *платúка*, *плотúка* (Геров);

русск. *плóтка* (псков. — Макс. 109; Йонав. р-н Литов. ССР, Прейльск. р-н Латв. ССР, Йыгевск. и Тартус. р-ны Эстон. ССР —

Говоры Прибалтики; бывш. Смолен. губ. — Добр.: «плотичка»; Зап. Брянщина, бывш. Покров. у. Владимир. губ. — СРНГ; Верх-Кетский, Каргасок., Молчанов. р-ны Томск. обл. — СРГБО), *плотка* (псков. — Герд ИГЗ 196; Псков.-Чуд. оз. — Стремб. 370, Кузн. РС; бывш. Псков. у. Псков. губ. — Вас. 1882, 312; бывш. Великолук. у. Псков. губ. — Вас. 1884, V); укр. *плíтка* (Жел., Гринченко, Majew. II, 440, Ш. и Т. 95; ниж. Поднестровье — Дзенд. КД), *плíтка* (Зап. Украина — Писк.; н. т. р. Припять — Ляш. 57; р. Десна от Новгород-Северского до Чернигова, р. Днепр под Киевом — Белінг 5, 14), *плитка* (XVIII в. — Тимч. КІС), *плйтка* (Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД), *плôтка* (Боретин — Врх. НЗн. 27; Ш. и Т. 95), *плотка* (начало XVII в. — Тимч. КІС), *плôтка* (Листвин, Полесское на сев. Житомир обл. — Никончук КД), *плу̂отка* (Ласки Овруч. р-на Житомир. обл. — Лысенко СЖ), *płotka* (бывш. Калуш. пов, — Janów 189); блр. *плóтка* (БРС, Плотница бывш. Пинск. у. Минск. губ. — Карский МСМГ 18; Краснополье Могилев. обл. — Бялькевіч; Сварынь, Заречка, Власовцы, Лопатин, Велута, Рубель, Хоромск, Ольманы, Боложевичи, Злодин, Шестовичи, Антонов, Конотоп, Довляды, Дерновичи — Крив. 171; Слуцк. р-н — Салян. 20; Витеб. обл. — Касп.), ∾ *корáва* 'крупная плотва с крупной чешуей — *корой*' (Рубель, Хоромск — Крив. 171), *плотка* (XV—XVII вв. — Купр. 1965, 152; Носович; Илья бывш. Вилейск. у. Вилен. губ. — Карский МБГ 48; р. Песчанка п. п. р. Сож Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122; бывш. Гроднен. у. Гроднен. губ. — Зограф 99, 174; р. Зап. Двина — Сап. 226), *płotka* (р. Словечна п. п. р. Припять — Tyszk. 91: из песни полесского люда), *płůtka* (Вост. Полесье, Княж-озеро на Витебщине — Mosz. PW 19); польск. *płotka* (Rostaf. 397, Linde: «dem.», SW, SDor, мазур. — Benecke 136, Zn.-Prüf. 1953, 231; Серадз — Dek. 1960, 141; Ленчиц. пов. — Dek. 1964, 88; Радомско на р. Варта — Dek. 1963, 115; р. Пилица — Mis. 8; Оструд., Нидз. пов., Помяны Августов. пов. — М.-К. 13; оз. Швакшта Швенчен. р-на Литов. ССР — Zawad. 69; оз. Тракай — Zn.-Prüf RT 6; Друскининкай Литов. ССР — Zn.-Prüf. RD 6; оз. Арненис Литов. ССР — собств. наблюд.; р. Пшемша л. п. р. Висла на границе Галиции и Прусской Силезии, рр. Сола, Скавинка, Раба, Кшеменица — правые притоки р. Висла, р. Сан с притоком Вислок; Черцы, Жешов, Кросно — Now. 26, 27, 34, 43, 44, 45), ∾ *biała* (SW: «gwar.»; Краков — Now. 22, 23), ∾ *czerwona* (Wyg. 458), *puotka* (Доманевек Ленчиц. пов. — Szym.) *potka*<*płotka* (р. Нотец — Tomasz. MMW 115); кашуб. *płotka* (Lor. PW, Ramułt, Sychta), *plòtka* (оз. Гардно и Лэба в Слупск. пов. Кошалин. воеводства — Jurk. 75), *płotk̆i* (Пуцкий и Вейхеров. пов. — Sychta II, стр. 7: под *hâxla*); словин. *plùǫtkă* (Lor. SW);

русск. *плотня́к* [платн'áк] (Гридино Новоржев. р-на Псков. обл. — СРНГ);

укр. *плотни́ця* (Жел., Гринченко), *плотниця* (Стар. Самбор — Majew. II, 440); с-хорв. *platnica* 'плотва блестящая Leuciscus

virgo Heck.' (р. Бедня — Hirtz; RJA); словен. *platníca* то же (Костаневица, Любляна — Pleteršnik);

польск. *płotniczka* (SW: «gwar.»), *płotnicka* (Karł SGP; Понигвода под Люблином — Lubicz 232: «płotka, płoteczka»), *płotnicki* мн. ч. (Karł. SGP);

русск. *пло́точка* (Йонав. р-н Литов. ССР, Прейльск. р-н Латв. ССР, Йыгевск. и Тартус. р-ны Эстон. ССР — Говоры Прибалтики: «уменьш.-ласк.»; новг., псков. — Герд ИГЗ 197; Печоры, Кулье — Храмцова 1968, 360; Верх-Кетский р-н Томск. обл. — СРГБО: «уменьш.-ласк. к плотка»); укр. *плі́точка* (Жел., Гринченко: «уменьш.», Ш. и Т. 95), *пліточка* (Majew. II, 440, Нік. 41), *плӯточка* (Ласки Овруч. р-на Житомир. обл. — Лысенко СЖ 42); словин. *płȍtäčka* (Lor. PW: «dem. zu płotka»);

кашуб. *płotkuška* (Sychta: «dem. od płotka»);

русск. *плотуша* (сред. Россия — РСР 67);

русск. *пло́тушка* (Верх-Кетский р-н Томск. обл. — СРГБО: « = плоточка»), *плоту́шка* (Даль[2] III, стр. 128: под *плотва́*; псков., твер. — Дополнение к Опыту; новг., рр. Ловать, Бол. и Мал. Тудер, оз. Уклеино, Валдайское — Герд ИГЗ 197, Выворотново Бесед. р-на Курск. обл. — СРНГ), *плотушка* (Зол.), *плотушки* мн. ч. (р. Псел в пределах бывш. Курск. губ. — Плетенев 43); кашуб. *płotušǩi* 'маленькая плотва' (Вдзыдское Приозерье — Sychta IV, стр. 144: под *poslåd*);

русск. *плоту́шечка* (новг., р. Ловать, Бол. и Мал. Тудер, оз. Вселуг — Герд ИГЗ 197), *плотушечка* (псков., калинин. — Герд ДД);

русск. *плотва́* (Рос. Цел., Даль[2], ССРЛЯ, р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ), *плотва* (1705 г. — Попова 1970, 173: «Описная книга рыбных ловель Енисейского уезда»; Лекс. 1731, р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 54, Домр. и Правд. 39, Берг 493; ленингр., новг., р. Сясь, Ловать, Бол. и Мал. Тудер, озера Уклеино, Валдайское, Вселуг, Стерж, Селигер, р. Сейм — Герд ИГЗ 194; Водлозеро, р. Сосна, Н. Любовша, Кривец — Герд ДД; Демянск Новгород. обл. — Никитин КД; Гдов, Козлов Берег, Себеж, Опочка, Глубокое — Храмцова 1968, 357. 358: «ловют летам платву»; Ростов — Волоцкий; Переславль-Залесский — Смирн. и Логин. 23; р. Сура — Варп. РС 11; реки в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 29: «редко»; бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 49; по всей Волге — Кес. 1870, 266; сев. берег Черного моря — Кес. 1860, 241; р. Терек — Кузн. ТРП 43); укр. *пло́тва* (Жел.), *плотва́* (УРС, басс. в. т. р. Днестр и в. т. *плотва́* р. Припять — Шило 67: «собир.»), *сплотва* (нач. XIX в. — Тимч. КІС); блр. *плытва* (р. Песчанка п. п. р. Сож Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 122: «собир.»); слвц. *plotva* (Ferianc 31: «из русского языка»); болг. *плотва* (РБР, Коев и др. 65);

русск. *плотви́на* (р. Волхов — СРНГ: «единич.»), *плотвина* (псков. — Герд ДД: «единич.»);

русск. *плотвúца* (Даль²III, стр. 128: под *плотвá*; ССРЛЯ; бывш. Онеж. у. — Подвысоцкий; р. Волхов — СРНГ: «уменьш.»; бывш. Боров., Мещов. уу. Калуж. обл. — СРНГ), *плотвица* (Лекс. 1762, Зол., Саб. 566); укр. *плóтвиц'а* (Закарпат. обл. — АУМ); полаб. *plütvaicə* (Machek);

русск. *плотвúчка* (Даль²III, стр.128: под *плотвá*; ССРЛЯ: «уменьш.-ласк. к *плотвица* и *плотва*»; бывш. Мещов., Боров. уу. Калуж. губ. — СРНГ; р. Сясь — Герд ДД), *плотвичка* (р. Волхов — Герд СА 23); укр. *плотвúчка* (УРС: «уменьш.»);

русск. *плоцвичушка* (Каргополь — Колосов 143);

русск. *плотвýшка* (р. Волхов, оз. Ильмень — СРНГ: «уменьш.»).

Ср. русск. *плотица* 'всякая мелкая рыба, необязательно плотва' (Катунки бывш. Балахнин. у. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 86), кашуб. *płocëzna* то же (Жарновец, Одаргово, Надоле, Любково, Картошино, Собенчице, Дембки, Карликово — Sychta: «coll.»); нем. *Plötze* 'плотва' (Vogt u. Hofer 429).

plotica см. plot'
plotičička см. plot'
plotička см. plot'
plotičuška см. plot'
plotika см. plot'
plotin'onok см. plot'
plotka см. plot'
plotkuška см. plot'
plotn'ak см. plot'
plotnica см. plot'
plotnička см. plot'
plotočka см. plot'
plotuša см. plot'
plotuška см. plot'
plotušečka см. plot'
plotva см. plot'
plotvica см. plot'
plotvička см. plot'
plotvičuška см. plot'
plotvina см. plot'
plotvuška см. plot'
plutica см. plot'

poddonica русск. *поддóница* 'самая крупная плотва' (брян.—Зельцер 154).

podorka см. bodorika

podpunica с.-хорв. *podpunica* (Дубровник — Hirtz).

podrapnica с.-хорв. *podrapnica* (Морач — Hirtz).

!podustva укр. *pidwustá* (р. Днестр; Чайковичи, Самбор, Спас — Now. 60); слвц. *podustva* (р. Орава — Ferianc 30).

podvusta см. podustva

podžarka русск. *поджáрка* (бывш. Смолен. губ. — Добр.).

popl'ovka русск. *поплёвка* (Глубокое бывш. Красн. у. Смолен.

губ. — Добр.); ср. русск. *поплевка* 'мелкая рыба' (бывш. Рыльск., Обоян. уу. Курск. губ. — СРНГ, Дополнение к Опыту, Даль[2]), укр. *плювáчка* 'Art Weissfisch' (Жел.), с.-хорв. *pļŭcavica* 'riba puna sitnih kostiju' (RJA).

potplatica макед. *potplatica* 'дойранская плотва R. rutilus dojranensis Kar. весом 100—150 г' (оз. Дойран — Hirtz).

pot'ka укр. *пóтька* (Жел.), *потька* (Закарпат. обл. — Влад. 45).

potorka см. bodorika

prazma слвц. *prazma*, *pražma* (Ferianc 30).

pražma см. prazma

prądovka польск. *prądówki* мн. ч. 'крупная плотва' (р. Пилица — Mis. 21).

rdečeoka словен. *rdečeoka*, *rdečeokica* (Ferianc 31); ср. словен. *rdečélka* 'neka rečna riba', *rdečuga* 'neka riba' (Škerlj 770).

rdečeokica см. rdečeoka

rumenica польск. *rumienica* (SWil. Jar. 62, Leś. 41. Ład., Linde, Wał. BW 547: «книжное название, введенное Клюком, у народа не слышал никогда, вероятно, перевод лат. rutilus»; Wyg. 458: «м. н.»); чеш. *ruměnice* (Orłoś 48: «заимствовано из польск. яз., на что указал И. Юнгманн»); ср. лтш. *rauda* 'плотва' (Laumane 60).

ryba укр. *bita ryba* (р. Верешица п. р. Серет, р. Ломница, р. Прут близ Коломыи — Now. 67, 76, 85); польск. *białe ryby* мн. ч. (Грыжлины Ольштын. пов., Русь Мала, Лива, Оструда Оструд. пов. — М.-К. 14); макед. *bela riba* 'плотва R. rutilus dojranensis Kar. в третьей стадии роста' (оз. Дойран, р. Вардар — Hirtz 303: под *platika dojranska*); ср. польск. *biała ryba* 'ogólna nazwa ryb z jasną łuską, jak np. jaź, płotka' (Тыкоцин. пов. — Karł. SGP, Gloger, SW), чеш. *bílá ryba* 'souborný název pro . . . menší drúhy kaprovitých ryb jako oukleje, perlíny, plotice' (NR стр. 11: под *bělice*), с.-хорв. *бѐла рѝба* 'врста рибе' (Вучитрнский срез — Ел. РКМД); польск. *płaskie ryby* мн. ч. (Станцлево Решельск. пов. — М.-К. 14).

salaga русск. *салáга* 'мелкая плотва' (бывш. Вытегор., Пудож., Петрозавод. уу. Олон. губ. — Куликовский, Погодин 57).

salpa русск. *сáлпа* 'тарань' (донск. — Даль[2], Наумов 33), *салпа* (р. Дон — Саб. 566).

sa(o)rga см. soroga

saroga см. soroga

sarožina см. soroga

sarožka см. soroga

sarožnik см. soroga

seroglazka русск. *сероглáзка* (Уральск — Михеева КД).

seruga русск. *серýга* (р. Урал — Клыков), *серуга* (р. Урал — Саб.); русск. *серуха* (р. Урал — Зол., Саб. 566, Аксак. 182), *serucha* (казаки — Pall. ZRA 317); укр. *serucha* (Pall. ZRA 317);

русск. *серушка* (р. Урал — Зол., Саб. 566, РСР 67, казаки — Аксак. 182; р. Вятка — Цех. 87), *серушка* 'речная вобла-серушка — промежуточная форма между речной плотвой и морской воблой — R. rutilus fluviatilis' (дельта р. Волга — Кис. 41), *seruschka* (казаки — Pall. ZRA 317); укр. *seruschka* (Pall. ZRA 317);

ср. русск. *серýшка* [сирýшка] 'мелкая речная рыба' (Паново Шахов. р-на Москов. обл. — Иванова), [сирýшка, сярýшка] 'рыба с серым оперением' (Богучар Романов. р-на Ростов. обл. — СРНГ).

seruxa см. seruga

seruška см. seruga

sin'avka русск. *синявка* 'маленькая плотва' (бывш. Мещов. у. Калуж. губ. — СРНГ);

русск. *синьгá* (Липовка Лопатин. р-на Пенз. обл., Рязан., Саратов. обл. — СРНГ), *синьга* 'мелкая плотва' (верховья р. Днепр в пределах бывш. Смолен. у. — Домр. 147); ср. русск. *синьгá* 'мелкая рыбка' (бывш. Порхов. у. Псков. губ. — Дополнение к Опыту);

блр. *синюха* (р. Зап. Двина и басс. р. Неман — Терл. 232).

sin'ga см. sin'avka

sin'uxa см. sin'avka

sipuga русск. *сипуга* (псков., твер. — Даль[2]: род небольшой плотвички).

soroča см. soroga

soroga русск. *саргá* (Бол. Чаган, Круглоозеро, Уральск, Чалов, Кушум — Михеева КД; уральцы — Берг 505), *сарóга* (Даль[2], Переслав. р-н Владимир. обл., Никольск. р-н Волог. обл. — СРНГ; Томск — Опыт; ср. т. р. Обь — СРГБО), *сбрга* (реки и озера Зимнего берега, бывш. Холмогор. и Шенкур. у. Арханг. губ. — Подвысоцкий) *сорóга* (Даль[2], Пудож, Вытегра, Каргополь — Куликовский; Холмогоры Арханг. обл. — Грандилевский; Каргополь, бывш. Олон. и Симбир. губ. — Опыт, СРНГ; бывш. Белозер., Череповец. у. Новгород. губ., Кадуйск., Харов. р-ны Волог. губ., Пошехон. у. Ярослав. губ., Колобово бывш. Нолин. у., Константиновское Малмыж. у., Индюк и Верх. Юры Елабуж. у. Вят. губ., Перм. обл. — СРНГ: «в буквальном значении с красными перьями, от санскрит. *asrz* 'кровь'»; колым. — Бог. 134; Кожевников., Шегар. р-ны Томск. обл. — СРГБО; рр. Печора, Кама — Клыков: «крупная плотва»; р. Летка в пределах бывш. Вят. губ. — Дрягин РЛ 4; н. т. р. Вятка — Лукаш 43), *сброга* (реки и озера Зимнего берега, бывш. Холмогор. и Шенкур. уу. Арханг. губ. — Подвысоцкий), *сорога* (Герд АДД 19: «одно из древнейших заимствований в новгородские диалекты из прибалтийско-финских языков; в памятниках письменности фиксируется с XVII в. (Расход. книги Ки-

рилло-Белозер. мон.)»; Каргополь — Колосов 131; р. Ковда — Ихт. набл. 132; Онеж. оз. — Пушк. 34; р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 54; Белоозеро, Лекшмозеро — Дан. 6, 20, 22, 39; р. Печора — Солдатов 50; р. Шексна в сев. части бывш. Ярослав. губ. — Балов 196; Коми АССР — РБК 8; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 8; басс. р. Вятка от г. Киров до устья р. Летка — Дрягин РБВ 120; р. Вятка — Берг 497: «подвид R. rutilus fluviatilis; бывш. Перм. губ. — Хлебн. 36; р. Сура — Варп. РС 11; бывш. Казан. губ. — Зол., Варп. ИФКГ 29; р. Кама — Меньш. 384, Цех. 82, Ревн. 214; р. Колыма — Берг РК 100; р. Лена — Берг 499; рр. Обь, Мал. Обь, Лозьва, Тавда, Тура и др. реки обь-иртыш. басс. — Ревн. 214: «крупная плотва»; оз. Байкал, рр. Лена и Ангара в пределах Иркут. обл. — Мишар. 5, 25), *soróga* (Pall. ZRA 317; от Ильменя до Сибири — L'Hermitte 78); ср. русск. *сорóга* (Савинско-Борисовская бывш. Сольвычег. у. Волог. губ., Буйск. р-н Костром. обл. — СРНГ: «название небольшой рыбы»; Верхне-Тоем. р-н Арханг. обл. — СРНГ: «маленькая рыбешка с красными глазами»; р. Тобол — СРНГ: «рыба из породы плотвы, имеет крупную чешую и красные глаза»), *сорога* 'мелкая рыбка' (яросл. — Гол. и Копор. 107);

русск. *сорóка* (Сольвычег. р-н Волог. обл. — СРНГ; Верх-Кетский р-н Томск. обл. — СРГБО; Вен. 109: «неправильно»);

русск. *сарóжина* (Даль[2] IV, стр. 139: под *сарóга*), *сорожина* (р. Колыма — Берг РК 100); ср. русск. *сорóжина* 'особая порода речных рыб' (сиб. — СРНГ);

русск. *сорожье* (Кадуйск. р-н Волог. обл. — СРНГ);

русск. *сарóжка* (Уральск, Чалов, Кушум — Михеева КД; ср. т. р. Обь — СРГБО), *сорóжка* (Пудож — Куликовский: «уменьш.»; Даль[2] IV, стр. 274: под *сорóга*; бывш. Симбир. губ. — Опыт: «уменьш. слова *сорóга*»; р. Обь — Клыков: «мелкая плотва»; Асин. р-н Томск. обл., Мариин., Юргин. р-ны Кемеров. обл. — СРГБО), *сорожка* (р. Печора — Солдатов 50; оз. Светлое, реки бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 77, 49; оз. Таир в басс. р. Мал. Кокшага — Варп. ИФКГ 57; бывш. Царевококшайск. у. — Варп. РМК 14; бывш. Казан. губ. — Зол.; р. Сулица п. п. р. Свияга, рр. Карла и Кубня л. п. р. Свияга — Рузский 48; р. Сура — Варп. РС 11; р. Кама и ее басс. — Меньш. 384, Ревн. 214; р. Урал — Навозов 266; уральцы — Берг 505), *сорошка* (водоемы камск. басс. — Ревн. 214);

русск. *сарожня́к* (сиб. — СРНГ: «мелкая *сарóга*»), *сорожня́к* (бывш. Симбир. губ. — Опыт; Зырян. р-н Томск. обл., Мариин. р-н Кемеров. обл. — СРГБО: «собир. к *сорожка*»; Шушенское Краснояр. обл. — СРГКК: «мелкая сорога, плотва»), *сорожняк* (оз. Светлое — Варп. РНГ 67, 77; р. Свияга и ее басс. — Рузский 48; средняя Россия — РСР

67; р. Урал — Навозов 266; рр. Обь, Мал. Обь, Лозьва, Тавда, Тура и др. реки обь-иртыш. басс. — Ревн. 214: «плотва средней величины 2—3 года»);

русск. *сарóжник* (Томск — Опыт: «сибир.»), *сорожник* (Онеж. оз. — Кес. 1868, 49); ср. *сорочня́к* 'верхоплавка, т. е. мелкая рыбка' (Любим. р-н Ярослав. обл. — Гол. и Копор. 126);

русск. *сороча* (Даль[2] I, стр. 135: под *бýблица*).

Ср. лат. *sargus*, алб. *saragε*, фин. *särki*, морд. *sářgä* (Миккола 278).

soroka см. soroga

sorožjo см. soroga

sorož(š)ka см. soroga

sorožn'ak см. soroga

sorožnik см. soroga

splotva см. plot'

sval с.-хорв. *sval* (н. т. р. Неретва; Гутово Блато в Герцеговине — Hirtz); ср. с.-хорв. *sval* 'vrsta ribe, koja živi u rijekama i jezerima' (Вргорское оз., р. Неретва — RJA), *svâl* (Чаплин — RJA), *svȁo* (Ябланица, Стоц в Герцеговине — RJA);

с.-хорв. *svalica* (Hirtz);

с.-хорв. *svelka* (Hirtz), *švelka* (Копривница — Hirtz; Самобор в Хорватии — Lang 48);

с.-хорв. *švelec* (Расини — Hirtz);

с.-хорв. *švêlica* (Самобор в Хорватии — Lang 48).

svalica см. sval

svelka см. sval

!šaran русск. *шаран* 'крупная плотва' (Зол.).

švelec см. sval

švelica см. sval

švelka см. sval

taran' русск. *тара́нь* (Даль[2]; ССРЛЯ: «разновидность плотвы, водящаяся в басс. Черного и Азов. морей»), *таранъ* (бывш. С.-Петербург. губ. — Кес. 1864, 117: «крупная плотва; название тарань будет иметь то же значение для плотвы, какое имеют название чебак и сазан для леща и для карпа»; рр. Сейм, Свапа в пределах Курск. обл. — Гладк. 48: «крупная плотва весом до 1 ф.»; р. Сура, Мокша, Хопер в пределах бывш. Пенз. губ. — Магн. 9: «иногда»; Бессарабия — Берг 1918, 28; донск. — Сол. 48; р. Дон — Бородин 46; Азов. море — Кес. 1870, 261: «крупная плотва», Кес. 1877, 252, Саб. 566; Черное и Азов. моря — Кузн. ОРР 17; устье р. Днепр, Дон — Кес. 1870, 266: «крупная плотва; р. Терек — Кузн. ТРП 43), *волжинская* ~ 'вобла с Волги' (Кузн. ПАБ 101); укр. *тарань* (ниж. Поднестровье — Берлізов 75; рр. Днепр, Юж. Буг, Днепровско-Буг. лиман — Амброз 90: «R. rutilus Heckeli (Nord.)»); блр. *таран* (р. Песчанка п. п. р. Сож Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 125),

тара́н 'тарань Rutilus Nordmann' (Червенщина — Шат.); болг. *тара́н* (Суворово Одес. обл. — П.-Зел. 121), *таран* 'R. rutilus heckeli Nordmann' (Силистра — Дрен. 65); ср. рум. *taran* (Vasiliu 227: «диал. назв. подвида R. rutilus carpathorossicus»);

блр. *тара́нчык* (Червенщина — Шат.: «уменьш.»);

русск. *тара́нка* (ССРЛЯ: «разг.»; запад. часть Брянск. обл., Липецк. р-н Воронеж. обл. — СРНГ: «м. н. воблы»; Багаевская, Елизаветинская в н. т. р. Дон — Миртов), *таранка* (устье р. Днепр — Кес. 1860, 243; Вен. 109: «крупная плотва»); укр. *тара́нька* (ниж. Поднестровье — Берлізов 75: «уменьш. от тарань»); болг. *таранка* (Коев и др. 65); ср. рум. *tărankă* (Vasiliu 227: «подвид R. rutilus carpathorossicus»);

блр. *таранок* 'маленькая тарань' (р. Песчанка п. п. р. Сож Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 125);

блр. *тараночак* 'маленький таранок' (р. Песчанка п. п. р. Сож Славгород. р-на Могилев. обл. — Яшкін 125);

русск. *тарашка* (волжск.-касп. — Герд и др. 31; р-н Баку — Саб. 566); ср. *тара́шка* 'мелкая рыбка' (касп. — Даль[2] IV, стр. 391: под *тара́нь*; поволжск. — Дополнение к Опыту: «уменьш. слова тара́нь»).

taranka см. taran'

taranoček см. taran'

taranok см. taran'

taraška см. taran'

tovstokora блр. *тоўстокóра* 'крупная плотва' (Шестовичи—Крив. 173).

t'apavka см. t'apka

t'apka слвц. *t'apka*, *t'apavka* (р. Орава — Ferianc 30);

русск. *тяпу́га* 'мелкая плотва' (олон. — Даль[2], Клыков); ср. русск. *тяпу́га* 'мелкая рыба' (петрозавод. — Куликовский).

t'apuga см. t'apka

vandrovka польск. *wandrówka* (Dzied. 81).

vdovki польск. *wdówki* мн. ч. 'мелкая плотва' (р. Пилица — Mis. 21).

verxovka польск. *wierzchówka* (Karł. SGP).

vobla см. obla

voblica см. obla

vopuška в.-луж. *čeŕwjena wopuška* (Pruhl 1061: под *čeŕwjeny*).

zlatoperka с.-хорв. *zlatoperka* (Hirtz).

žutookica с.-хорв. *žutookica* (Hirtz).

žutoperka с.-хорв. *žuta perka* (р. Чесма — Hirtz), *žutoperka* (Leks. 486; Сисак — Hirtz), *жутōпēрка* (Сербия — РСХКНJ).

Вырезуб Rutilus Friesii Nordmann

belorybica русск. *белорыбица* (р. Кама — Ревн. 214: «неправильно»).

karp'olešč польск. *karpioleszcz* (SW: «karp + leszcz»).

karp'olosos польск. *karpiołosoś* (SWil, SW: «karp + łosoś»); чеш. *kaprolosos* (Orłoś 50).

kutum русск. *кутýм* (юж. берег Касп. моря — Даль², ССРЛЯ; р. Терек — Кузн. ТРП 43, 187), *кутум* (р. Кама — Ревн. 214; р. Волга — Кес. 1870, 267; Прикаспий, р. Терек, Приазовье — Герд ДД: «в памятниках древнерусской письменности не отмечено»; волго-каспийский р-н — Гримм 1896, 113, Кис. 29; Закавказье — Кес. 1877, 253; р. Терек, Кура, Аракс — Саб. 593; р. Урал — Навозов 267; юж. берег Касп. моря — Зол., Саб. 592), *кутýн* (н. т. р. Дон — Макаров АКД 19, р. Терек — Кузн. ТРП 43, 187).

kutun см. kutum

losos'okarp польск. *łososiokarp* (Majew. II, 684).

lupavec болг. *лупавец* (рр. Велека, Резовска, Пиргопуло — Дрен. 66), *lupàvec* (Wak. 49); ср. болг. *лупáвица* 'една риба' (Геров).

verezub см. vyrezub

veriza см. vyrezub

vyrez см. vyrezub

vyrezub русск. *вы́рез* (Даль²; юж. Россия — СРНГ), *вырез* (юж. Россия — Зол., Кес. 1860, 237); укр. *ви́рiз* (Ш. и Т. 95), *ви́риз* (Жел.), *вириз* (русин. — Majew. II, 353);

укр. *вери́за* (ниж. Поднестровье — Берлiзов 33); польск. *wyroza* (Каменец-Подольский — Majew. II, 353);

русск. *верезýб* (р. Днепр и его притоки в бывш. Смолен. губ. — Добр.), *веризýб*, *виризýб* (ворон., донск. — СРНГ — в этом словаре ошибочно определяется как «род форели»). *вери́зуб* (Елизаветинская в н. т. р. Дон — Миртов), *вирезуб* (в. т. р. Днепр — Воронцов 1930, 140), *вири́зуб* (н. т. р. Дон — Миртов), *вы́резуб* (н. т. р. Дон — Миртов), *вырезýб* (рр. Дон, Днепр — Сл. АР, Даль²; н. т. р. Дон — Макаров АКД 14), *вырезуб* (в. т. р. Днепр в бывш. Смолен. у. — Домр. 147; р. Волга — Кес. 1870, 267; во всей южной России — Зол., Кес. 1860, 237; р. Дон, Сев. Донец, Оскол — Саб. 596; р. Дунай, Днестр, Прут — Берг 1918, 28; побережье Черного моря — Кузн. ОРР 17; Герд ДД: «В XVIII в. одним из первых зарегистрировал акад. Лепехин для наименования неизвестного вида рыб; все исследователи XVIII в. отмечают это слово только на юге и юго-западе России — Дон, Ока, Днепр»); укр. *веризýб* (р. Днестр — Гринченко; ниж. Поднестровье — Берлiзов 33; Ш. и Т. 95), *в'iрозýб* (буковин. — Прокоп. КД; в. т. р. Горынь — АУМ), *werezub*, *wirozub*, *wiryzub* (Now. 1889, 53), *вирезýб* (р. Днестр — Гринченко: Жел., Ш. и Т. 95), *вирезуб* (ср. т. р. Десна — Воронцов 1928, 70), *вирозýб* (Ш. и Т. 95; Василев на р. Днестр — КДА), *вири́зуб* (р. Буг в пределах Кривозер. р-на Николаев. обл. — Терешко КД), *виризýб* (Жел.), *виризуб* (русин. — Majew. II, 353), *вырезуб* (Днепровско-Буг. лиман — Амброз 98), *wyrezub* (Pall. ZRA 301), *wyryzub* (Now. 1889, 53), *i̯yᵉrozúb*, *vyrozúb* (Калуш — Janów 167), *wirzub* (р. Днестр при впадении р. Збруч — Now. 60, 62), *wyrozub* (Лопатин на р. Стырь,

Ёзополь, Ґалич, Станислав, рр. Зб̂руч, Серет, Ґнилая Ли̂па, Ломница, Быстрица Солотвинская — Now. 57, 60, 62, 63, 66, 77, 80, 81, 82; Солотвин, Галич, Станислав — Łom. 51); блр. *веразуб*, *віразуб* (рр. Сож. Друца, Проня — Яшкін 125: «теперь эта рыба не встречается, но ряд фамилий с корнем віраз — Вірязубінкувы, Вірязубіха и т. д. напоминают о ней»), *верезубъ* (Купрэенка 156: «слова, возникшие самостоятельно в языке восточных славян»), *верезуб* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 464; Романов БС 41), *вирезуб* (рр. Сож, Остер, Ипуть — Воронцов 1927, 22), *вирозуб* (Жуков РБ 171; «м. н.; живущий и питающийся на вирах, т. е. на глубоких омутах; в данное время полностью исчез из водоемов БССР»), *wierázub* (р. Мозырь — Mosz. PW 19); польск. *wieroząb* (Виленщина — Karł. SGP: «rodzaj jesiotra» — ошибочное определение), *wierozub* (SWil, р. Вилия — Tyszk. 88), *wiroząb* (SW: «gwar.»), *wirozub* (SWil, р. Прут — Majew. II, 353), *wyroząb* (SWil: «nazwa pochodzi z Ukrainy», SW), *wyrozub* (SWil, SW, SDor: «и. т.»; басс. Черного моря — Wał. BW 558: «Жончинский в 1723 г. впервые ввел это местное название в научную литературу»); чеш. *výrozub* (Orłoś 50: «из польск. wiroząb, wyroząb; не привилось, употребляется kaprolosos»).

Подуст Chondrostoma nasus L.

baluc с.-хорв. *baluc* (р. Дунай; Стар. Сланкамен — Hirtz 27: «pa nas sjeća na madžarsku riječ palnez»).

batuc с.-хорв. *batuc* (Ясеновац — Hirtz), *бäтуц* (Далмация, Босния, Герцеговина, Срем, Ясеновац — РСХКНЈ), *batust* (Hirtz).

bela ryba см. ryba

belka с.-хорв. *belka* (Молве — Hirtz стр. 44: под *blatnjak*);

с.-хорв. *bjèliš* 'молодой подуст' (Риечка нахия в Черногории и оз. Шкодер — Hirtz), *бjѐлиш* то же (оз. Шкодер — Јовић. 191), *бjѐлиш* то же (оз. Шкодер — РСХКНЈ); ср. с.-хорв. *bjèliš* 'neka riba' (Черногория — RJA);

с.-хорв. *bjelišan* 'молодой подуст' (оз. Шкодер — RJA XV, стр. 251: под *skobaļ*).

beliš см. belka

belišan см. belka

blatn'ak с.-хорв. *blatnjak* (Молве в Хорватии — Hirtz).

bl'akovka польск. *blakówka* (SW: «gwar.»; р. Дунаец п. п. р. Висла; Чхов — Now. 36: «молодой подуст»).

bletvač с.-хорв. *bletvač* (Кралевец, Чемековец, Просинец, Вулчилчево, Розго — Hirtz).

bojnik болг. *бо́йник* (БТР), *бойник* (РБР, Моров 49, Дрен. 78, 80: «Ch. nasus L. и Ch. nasus vardarensis Karaman»), *bojnìk* (Wak. 49); макед. *бојник* (РМЈ, Апостол. и др. 43), *bojnik* (Скопле, р. Вардар близ Гостивара, Гевгелия, Пирот, Скопска Котлина, Катлановское Езеро — Hirtz: «Wörtlich Krieger»);

макед. *бојница* (PMJ); ср. с.-хорв. *бојница* 'рыба, выскакивающая из воды' (р. Морава; Лесковац — Ђорђевић 30).

bojnica см. bojnik

cipelar с.-хорв. *cipelar* (Hirtz: «Wörtlich Schuhmacher»).

condra с.-хорв. *côndra* (RJA), *condra* (Заечар, Оролик — Hirtz).

cyrta блр. *цирта* (Новоселки Скидельск. р-на Гроднен. обл. — Жуков 1958, 86; р. Неман — Жуков РБ 222: «реже, чем сиг, сига»), *цитра* (Корелич. р-н Гроднен. обл. — Жуков 1958, 86: «очевидно, искаженное польск. cyrta); польск. *certa* (Rostaf. 398), *cyrta* (р. Любачевка п. р. Сан, р. Радава — ZR 26, Now. 47), *cytra* (р. Стырь; Лешнев — Małacz. 60).

černaja ryba см. ryba

černobr'ux русск. *чернобрюх* (камск. — Герд. и др. 31; верховья р. Кама, рр. Ныроб, Оса — Ревн. 216);

русск. *чернобрюшка* (р. Терек — Саб. 759: «Ch. oxyrhynchum»; Вен. 100; рр. Терек, Сунжа — Берг 625: «терский подуст Ch. oxyrhynchum Kessler»; ст. Галюгаевская на р. Терек — Кузн. ТРП 43).

černobr'uška см. černobr'ux

černokol блр. *чернокол* (р. Припять — Жуков РБ 222).

černopuz русск. *чернопу́з* (ССРЛЯ: «обл.»; р. Терек — Клыков), *чернопуз* (камск. — Герд и др. 31; верховья р. Кама, рр. Ныроб, Оса — Ревн. 216; р. Терек — Саб. 759: терский подуст); укр. *чорнопу́з* (р. Днепр — Ш. и Т. 82); блр. *чернопуз* (р. Неман и его притоки — Жуков РБ 222: редко);

русск. *чернопу́зик* (ССРЛЯ: «обл.»), *чернопузик* (р. Дон — Кес. 1877, 258, А. Ник. 674); укр. *чорнопу́зик* (р. Дон — Ш. и Т. 82).

Ср. нем. *Schwarzbauch* (Vogt. u. Hofer 441, Bauch 96).

černopuzik см. černopuz

česika с.-хорв. *česika* 'молодой подуст' (в. т. р. Босна — Hirtz)

čičula укр. *чічу́ла* (р. Буг — Ш. и Т. 82), *czyczuła* (в. т. р. Буг — Now. 51).

drstnica словен. *drstníca* (Зидани Мост — Pleteršnik).

dun'ka укр. *ду́нька* (Галиция — Врх. Нзн. 26, Ш. и Т. 82), *dunka* (Галиция — Now. 1889, 53).

duvandžija с.-хорв. *duvandžija* (Заечар — Hirtz 92; «Wörtlich Raucher»), *дувàнџија*, *духàнџија* (PCXKHJ: «покр.»).

frgal чеш. *frgál* (Dyk 1946, 209: «некрасивое название»).

frycovka польск. *frycówka* (Галиция — Now. 1889, 53).

fryšl'ak польск. *fryślo̧uk* (Стар. Селковицы — Zaręba).

gagan' слвц. *gagáň* (Погорела — Ferianc 43).

gjog болг. *гйог* (Моров 49).

glod'anky укр. *гло̂дянкы* мн. ч. 'подуст, который нерестится в апреле, когда цветет *гло̂д* — боярышник' (Закарпат. обл. — Влад. 59: «синоним спасянкы»).

xvat русск. *хват* (юж. — Даль[2]); укр. *хват* (р. Рось п. п. р. Днепр; Белая Церковь — Кес. 1860, 5, Саб. 759, Ш. и Т. 82).

xvizd укр. *хвизд*, *хвозд* (р. Рось п. п. р. Днепр; Белая Церковь — Зол.)
jalaj-alaj болг. *ялай-алай* (Моров 49), *алай* (Ниш. и Ореш. 70).
jalovka укр. *яловка* 'молодой подуст' (Закарпат. обл. — Влад. 59);
укр. *яловнык* 'молодой подуст' (Закарпат. обл. — Влад. 59).
jalovnik см. jalovka
jarky чеш. *jarky* мн. ч. 'молодые подусты' (р. Бечва — Dyk 1946, 209).
jataroš с.-хорв. *jataroš* (р. Дрина; Зворник — Hirtz);
с.-хорв. *jatnica* (р. Дрина; Баина Башта, Тузла — Hirtz);
с.-хорв. *jatnik* (р. Дрина; Ужице — Hirtz 138: «...putuje u jatima, pa ga zbog toga i zovu jataroš, jatnik, jatnica»); ср. с.-хорв. *jatnik* 'ńekakva riba' (RJA).
jatnica см. jataroš
jatnik см. jataroš
jovača с.-хорв. *jovača* (Двор, Врбовляне — Hirtz).
kakan' слвц. *kakaň* (Брезно — Ferianc 44: «насмешливое название; как образовалось, не знаю»).
kaluđerka с.-хорв. *kaluđerka* (Каменица на р. Дунай; Оролик — Hirtz 149: «Wörtlich Nonne»).
kara-ičlija болг. *кара-ичлия* (Моров 49), *караичлия* (Ниш. и Ореш. 70).
klenčić с.-хорв. *klȅnčić* 'Ch. Knerii Heck.' (RJA).
klevec русск. *клевец* (Ярославль — Зол., Кес. 1870, 269, Саб. 759).
kon' русск. *конь* (р. Цна — Зол., Саб. 759).
kotel'nik русск. *котельник* (верховья р. Кама, рр. Ныроб, Оса — Ревн. 216).
mart'anky укр. *мартянкы* мн. ч. 'подуст, который нерестится в марте' (Закарпат. обл. — Влад. 59).
mišolov с.-хорв. *mišolov* 'Ch. Knerii Heck.' (RJA).
mol'avka польск. *molawka* 'молодой подуст' (р. Дунаец п. п. р. Висла; Чхов — Now. 36).
monax русск. *монах* (Павлов на р. Ока — Варп. РНГ 46; р. Свияга — Зол., Варп. ИФКГ 32, Саб. 759; бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 47; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 67).
morunaš с.-хорв. *morunaš* (RJA, Hirtz).
mresnica с.-хорв. *mrijesnica* (Високо в Боснии — Hirtz); ср. с.-хорв. *mrijesnica* 'neka riba u Bosni' (RJA);
с.-хорв. *mrijesnjača* (Hirtz).
mresn'ača см. mresnica
mrn'a с.-хорв. *mrnja*, *mrnjača* (Стара Градишка — Hirtz).
mrn'ača см. mrn'a
nos польск. *nos* (мазур. — Benecke 142, Majew. II, 201); слвц. *nos* (Ferianc 44: «из-за рылообразно вытянутого носа»);
слвц. *nosáč* (Зволен — Ferianc 44);
чеш. *nosačka* (Бабице на р. Морава — Bě̌l. 180); слвц. *nosačka* (Тренчин — Ferianc 44);

в.-луж. *nósk* (Pfuhl 1093); чеш. *nosák* (Dyk 1946, 209: «местами»): слвц. *nosák* (Тренчин — Ferianc 44; н. т. р. Морава и реки Зап. Словакии — Mahen 1930, 42; Mahen 1927, 62: «обычным названием является podoustev или nosák»);

чеш. *nosál* (Костеланы на р. Морава — Běl. 180); слвц. *nosál* (Зволен, Тренчин, Сред. Словакия — Ferianc 44);

слвц. *nosatka* (Ferianc 44);

с.-хорв. *nostnica* (Hirtz);

русск. *носырь* (Герд ДД: «встречается в работах Блуменбаха, Теряева; в этом значении в русских говорах не зарегистрировано»).

Ср. нем. *Nase*, *Nasenfisch*, *Näsl* (Vogt u. Hofer 441), *Näsling*, *Blaunase* (Vogt u. Hofer 441, Bauch 96); англ. *nose-carp* (Vogt u. Hofer 441);

nosač см. nos

nosačka см. nos

nosak см. nos

nosal см. nos

nosatka см. nos

nostnica см. nos

nosyr' см. nos

nožikovan'a укр. *ножикованя* 'молодой подуст, который только на будущий год будет половозрелым' (Закарпат. обл. — Влад. 59).

ostromus блр. *ostromus* (р. Мозырь — Mosz. PW 19).

ostroretka чеш. *ostroretka stěhovavá* (PSJČ, SSJČ, NR 188, Dyk 237: «и. т.», Mahen 1927, 62: «очень подходящее название»); слвц. *ostroretka* (Ferianc 44: «заимствовано без изменения из чеш. яз.; название объясняется особенным строением рта подуста»), ∾ *st'ahovavá* (Dyk 1946, 209: «и. т.»).

oštroglav с.-хорв. *oštroglav* (Двор на р. Уна, Дивуша на р. Жировац — Hirtz);

с.-хорв. *oštroglavac* (Костайница — Hirtz).

patnica с.-хорв. *patnica* (Hirtz);

с.-хорв. *patoc* (Уштица, Ясеновац — Hirtz), *patuc* (Осиек, Вуковар, Ясеновац — Hirtz: «слово чужое, от венг. paducz»);

с.-хорв. *patuca* (RJA, Куряк, Смедерево — Hirtz).

pato(u)c см. patnica

patuca см. patnica

pečenka словен. *pečenka* (Ferianc 44).

pesčanka русск. *песчанка* 'мелкий подуст' (верховья р. Днепр в пределах бывш. Смолен. у. — Домр. 148);

польск. *piaskówka* 'молодой подуст' (р. Сола п. п. р. Висла — Now. 27).

p'askovka см. pesčanka

pisar с.-хорв. *pisar* (Сисак — Hirtz: «Wörtlich Schreiber»).

pl'askač чеш. *pl'askač* (морав. — Bart. DSM).

pliska с.-хорв. *pliska* (Hirtz).

podbost с.-хорв. *podbost* (Доне Стативе, Добра — Hirtz), *podbust* (Мура — Hirtz), *podmost* (р. Бедня; Свибовац, Тополовац — Hirtz).

podlask словен. *podlâsk* (Бистра, Любляна — Pleteršnik; Bajec IV, 32: «nar.»), *podlesk* (Ferianc 44).

podlest словен. *podlèst* (Pleteršnik), *podləst* (Bajec IV, 32: «nar.»); словен. *podlestèv* (Pleteršnik), *podləstəv* (Bajec IV, 32: «nar.»); словен. *podlestva* (Pleteršnik).

podlestev см. podlest

podlestva см. podlest

podluska словен. *podluska* (Bajec IV, 32: «nar.»; зап. часть Словенской Штирии по р. Драва — Pleteršnik).

podl'ust с.-хорв. *podljust* (Требинь — Hirtz); словен. *podlustva* (Pleteršnik, Bajec IV, 32: «nar.»).

podlustva см. podl'ust

podrudka слвц. *podrudka* (Стара Любовна — Ferianc 44: «правильнее podrutka, rety — ústa»).

podmost см. podbost

podovčest с.-хорв. *podovčest* (Кралевец, Чемековец, Просинец, Вулчилчево, Розго — Hirtz).

podus см. podust

podusnać см. podust

podusnica см. podust

podust русск. *подуз* (Коми-пермяцкий округ, р. Кунгур, Лысьва — Ревн. 216: р. Москва — Берг 622; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 67; р. Волга в пределах бывш. Казан. губ., р. Мал. Черемшан п. п. р. Бол. Черемшан — Варп. ИФКГ 32, 44, 47, 54; р. Сура — Зол., Варп. РС 12: «м. н.»; р. Пьяна л. п. р. Сура, р. Ветлуга л. п. р. Волга — Варп. РНГ 30, 40; рр. Сура, Мокша в пределах бывш. Пенз. губ. — Магн. 18: «волжский подуст Ch. nasus variabile (Jakowlew)»; р. Свияга и ее басс. — Рузский 53; басс. р. Вятка от г. Киров до устья р. Летка — Дрягин РБВ 123; Оренбург — Навозов 272); ср. русск. *подýзы* 'род рыб' (Дубровское Валд. р-на Новгород. обл. — СРНГ), *подýзд* (бывш. Покров. у. Владимир. губ. — СРНГ; н. т. р. Вятка — Лукаш 55: «м. н.»), *подузд* (Даль², бывш. Вятск. губ. — РСР 75; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 11: «м. н.»; р. Вятка — Зол., Кес. 1870, 269, Саб. 759), *подус* (Даль², Коми-пермяцкий округ, рр. Кунгур, Лысьва — Ревн. 216; реки Урала — Цех. 121: «м. н.»), *подýст* (Даль²: «название от того, что верхняя челюсть шире и длиннее»; урал.: волжский подуст Ch. nasus variabile Jakowlew; псков., Льгов. р-н Курск. обл., р. Сосна, Н. Любовша, Кривец: днепровский подуст Ch. nasus nasus natio borysthenicum Berg — Герд ДД; н. т. р. Вятка — Лукаш 55; р. Сура близ Пензы — СРНГ), *подуст* (1607 г. — Герд ДД; по всей Волге и ее притокам — Кес. 1870, 269, Саб. 759; р. Ока и ее притоки в пределах бывш. Орлов. губ. — Тарачк. 9;

р. Ока в пределах бывш. Нижегород. губ., н. т. р. Ветлуга л. п. р. Волга — Варп. РНГ 46, 30; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 67; р. Бол. Кокшага л. п. р. Волга, Йошкар-Ола, р. Меша п. р. Кама — Варп. ИФКГ 49, 50, 60; рр. Кама, Сылва, Чусовая, Белая, Уфа — Ревн. 216: «на большинстве водоемов — литературное название»; р. Летка — Дрягин РЛ 5; бывш. Перм. губ. — Хлебн. 36), *podust* (Güld. I, 100; Pall. ZRA 304; липоване в Добрудже — Antipa 193); укр. *пíдýст* (Жел., Гринченко, УРС, Ш. и Т. 82), *пiдвýсти* (ср. т. р. Стрый — АУМ), *пiдуст* (н. т. р. Припять — Ляш. 57), ∾ *звичайний* (М. и К. 101), ∾ *носатий* (Трет. 48: «и. т.»), *подустъ* (XIX в. — КIС), *podust* (р. Днепр — Majew. II, 201: «lud.»); блр. *падуст* (Аўчын. 190, Жуков РБ 222: «и. т.»; Слуцк — Салян. 20), *пóдуст* (БРС), *подуст* (р. Днепр — Жуков РБ 222; рр. Днепр, Сож, Припять, Случь в пределах бывш. Минск. губ. — Сулков. 84; бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 464; р. Сож — Воронцов 1927, 24); с.-хорв. *podus* (Храстовица, Петриница — Hirtz), *podust* (RJA: «происхождение неясное»; рр. Драва, Плитвица, Бедня, Уна; Костайница, Дубица, Сисак, Глибоки Брод, Рибари, Бания, Карловац, Дубраве на р. Добра; Лоня на р. Тревеж, Кобаш на р. Орлява, Нови Мароф, Железница на р. Бедня; Вараждин, Слуньски Котар, Видовец — Hirtz; Плавское оз., р. Лим — EJ II, 412), *podvozt* (Ференцы, Залука, Заячко Село, Мркополе на р. Купа — Hirtz), *podvust* (Северин на р. Купа — RJA, Загреб, Петриня, Северин, Крапе, Вирянски Конаци, Питомача, Молве, Речица, Карловац, рр. Чабранка, Купа, Драва, Блатница — Hirtz); словен. *podust* (Bajec IV, 32: «название неясного происхождения»), *podvəst* (Bajec IV, 32: «nar.; первоначальная форма *podvəst, по народной этимологии связано с usta, luska и может быть с lesti»), *podvist* (Bajec IV, 32: «nar.»);

русск. *подъýзда* (Чухлом. р-н Костром. обл. — СРНГ); укр. *pidusta* (в. т. р. Буг, Потужица, Бориня, Турка, р. Ломница в пределах бывш. Калуш. пов., Делятин, Коломыя, Устерики, Куты, рр. Белый и Черный Черемош — Now. 51, 71, 73, 77, 86, 90, 96), *pidwusta* (Галиция — Now. 1889, 53), *podusta* (р. Быстрица Надворнянская — Majew. II, 201: «lud.»); блр. *падýста* (Витебщина — Касп.), *подуста* (р. Зап. Двина — Терл. 203); польск. *podusta* (SW, SDor, Jar. 66, Staff 199; реки Галиции — Now. 1889, 53; р. Висла — Wał. 61: «иногда»; р. Дунаец п. п. р. Висла; Новы-Тарг — Now. 36; Majew. II, 201: «lud.»); слвц. *podusta* (Jungmann, Гуменни, Михаловцы — Feriane 44); с.-хорв. *podusta* (р. Неретва, Орлява, Лонджа, Црнац, Рудница — Hirtz), *podvusta* (Брод на р. Купа, Купица — Hirtz); ср. с.-хорв. *podusta* 'neka riba u Neretvi' (RJA);

с.-хорв, *podustać* (Бобовац, Стрмац, Црквени Бок и Ивански Бок на р. Сава — Hirtz);

с.-хорв. *podustić* (р. Црнац; Штивица, Старо Петрово Село;

Свиняр на р. Сава — Hirtz);

укр. *підýстка* (Жел.);

с.-хорв. *podusnać* (р. Сава; Раево Село — Hirtz);

с.-хорв. *podusnica* (Hirtz);

укр. *підýстов* (Жел., Гринченко), *підустов* (бойков. — Онишк.), *podustew* (р. Стрый и его притоки Ильничек и Яблонька — Now. 73, 74); чеш. *podoustew*, *podustew* (Jungmann), *podoustev* (Mahen 1927, 62: «обычное название»); словен. *podustev* (Ferianc 44);

укр. *падýства* (р. Ушица л. п. р. Днестр — АУМ), *підýства* (Жел., Гринченко, Галиция — Ш. и Т. 82; гуцульск. — Коб. 69; буковин. — Прокоп.; Борислав, Галич, Ивано-Франковск, р. Ушица — АУМ), *pidústva* (гуцульск. — Szuch. 30, бывш. Калуш. пов. — Janów 189), *pidustwa* (в. т. р. Днестр, рр. Стырь, Золочевка, Збруч, Серет; Лопатин, Чайковичи, Гордыня, Самбор, Розвадов, Нижнев, Галич, Гусятин, Тернополь, Микулинцы, Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка, Рогатин, Хиров, Бориня, Турка, Синевидское, Калуш, Полудники, Ангелово, рр. Стрыпа, Стрвяж, Быстрица — Now. 52, 57, 60, 62, 63, 66, 70, 73, 76, 77, 78, 80; р. Лукев п. р. Днестр; Беднарово, Сапогово — Barta 7, Now. 78; р. Днестр близ Галича — Barta RD 60; р. Прут; Черновцы — Kochan. 141, Now. 84; Делятин, Снятин, Коломыя, устье р. Черемош — Wierzb. 1880, 334; р. Черемош; Куты, р. Черный Черемош — Now. 90; Коломыя, Чортков — Majew. II, 201), *пôдуства* (Закарпат. обл. — Влад. 59), *podustwa* (Каменец-Подольский — Majew. II, 440, Бучач — Now. 65), *пудýства* (р. Боржава п. п. р. Тиса — АУМ), *пудыства* (Дубриничи, Кострина Закарпат. обл. — КДА); польск. *poduswa* (р. Дунаец п. п. р. Висла; Закличин — Now. 36), *podustwa* (Rostaf. 398, SW: «gwar.»; Галиция — Now. 1889, 53; р. Дунаец п. п. р. Висла, р. Бяла п. п. р. Дунаец, рр. Белый и Черный Дунаец; Чхов, Пильзно, Кросно — Now. 36, 39, 40, 41, 45); слвц. *podustva* (Jungmann, SSJ; Банска-Бистрица — Kálal; Крупина, Превидза, Гуменни, Михаловцы, Погронье — Ferianc 44: «Pôvod mena podustva je evidentný, utvorení je na základe postavenia úst, ktoré stoja ventrálne, súc svrchu krytě rypákovite predĺženým nosom»), ∾ *obyčajná* (RP 109, Šimek 1954, 76, Dyk 237: «и. т.»), ∾ *st'ahovavá* (Palko 36: «и. т.»); с.-хорв. *pȍdûstva* (Герцеговина — RJA), *podustva* (Дубица, Вилич-Село, Плетерница, Лонджа на р. Орлява; Слободинцы на р. Мрсуня; Кобаш на р. Сава — Hirtz).

Ср. венг. *vésettajkú paducz* (Влад. 59, Dyk 237), мар. *потус*, *падуза* (Ревн. 216), рум. диал., молд. *podeţ*, *poduţ* (Броштени в Олтении, Буковина — Antipa 193), рум. диал. *poduţ*, *poduşcă* (Vasiliu 158), нем. *Untermaul*, *Quermaul* (Vogt u. Hofer 441, Bauch 96).

podustać см. podust

podustić см. podust

podustka см. podust
podustov см. podust
podustrijač с.-хорв. *podustrijač* (Hirtz).
podustva см. podust
poduz(d) см. podust
poduzda см. podust
podvuštek с.-хорв. *podvuštek* (Якушевац, Мишевац на р. Сава — Hirtz).
poleskač чеш. *pol'eskáč* (морав. — Bart. DSM).
posranac с.-хорв. *posranac* (Осиек, Стара Драва — Hirtz: «Wörtlich der Beschiessene»).
prędovka польск. *prędówka* (Галиция — Now. 1889, 53), *prądówka* (Галиция — Dzied. 83).
rajtar с.-хорв. *rajtar* (Сисак, Тополовац — Hirtz).
rijač с.-хорв. *rìjač* (RJA), *rijač*, *rijać* (Костайница на р. Уна — Hirtz: «ovo je ime postalo po tome, što on kao da rije, skida hranu s kamenja, koje je po dnu vode»), *rujač* (Hirtz);
с.-хорв. *rijnica*, *rujnica* (Hirtz).
rijnica см. rijač
rujač см. rijač
rujnica см. rijač
ryba слвц. *biela ryba* (Kálal); русск. *черная рыба* (р. Сура — Зол, Варп. РС 12).
sig русск. *сиг* (р. Цна — Кес. 1870, 269, Саб. 759); блр. *сиг*, *сига* (р. Неман в пределах Гродней. обл. — Жуков 1958, 86); польск. *сиг* (Зол.).
siga см. sig
skobal' с.-хорв. *skòbâļ* (RJA), *skȍbaļ* (Риечка нахия в Черногории — RJA, Hirtz), *skobalj* (р. Босна, оз. Шкодер, Плавское оз. — Hirtz; оз. Шкодер — EJ II, 411: «Ch. Kneri», Franetović 405; Плавское оз., р. Лим — EJ II, 412: «Ch. nasus»), *скòбâљ* (оз. Шкодер — Јовић 191), *скобаљ* (Будимля, Дони Васоевичи в Черногории, Санджак — Филиповић 171; Лесковачка Морава — Ђорђевић 29; Черногория — Ровинский 532), *škòbâļ* (RJA), *škobalj* (Долина, Заечар, рр. Босна, Сава — Hirtz); болг. *скобал* (Моров 49); макед. *skobalj* 'маленький подуст' (оз. Охрид — Hirtz 375: под *skobust*); ср. болг. *скобале* 'вид риба' (оз. Охрид — СбНУ IV, 1, 52); молд. *scobai* (Antipa 193);
с.-хорв. *skobaljčić* (Hirtz: «dem. od skobalj»), *škobaljčić* (Hirtz: «dem. od škobalj»);
болг. *скобàр* (БТР), *скобар* (Геров, Моров 49, Дрен. 78, Ниш. и Ореш. 70: «и. т.»), *скобър* (Геров), *скубàр* (Троян — Ковачев 224), *скубар* (Моров 49), *skobàr* (Wak. 49); ср. болг. *ско́бар* 'една риба подходяща и тя на клен, . . а той стои по-широк, по-плосък от клена' (Плевен — АБС); рум. *scobar* (Мунтения, Олтения — Antipa 193);
макед. *скобуст* (оз. Охрид — РМЈ: «Ch. nasus ochridanum»; Апостол. и др. 43: «Ch. nasus vardarense Kar.»), *skobust* (оз. Ох-

рид, Преспа — Hirtz); ср. болг. *скòбуст* 'една риба в Охридското езеро' (Геров); алб. *skobusi* (Poljakov 86: «Ch. nasus ochridanus Kar.»).
skobal'čić см. skobal'
skobar см. skobal'
skobust см. skobal'
spas'anky укр. *спасянкы* мн. ч. 'подуст, который нерестится в апреле' (Закарпат. обл. — Влад. 59: «синоним глôдянкы»).
srednica польск. *średnica* 'молодой подуст' (р. Скава п. п. р. Висла — Now. 30).
strolka укр. *стролка* 'молодой подуст' (русин. — Зол.); польск. *srołka* то же (р. Висла от Освенцима до Неполомице — Now. 22).
strumek болг. *струмек* (Моров 49, Ниш. и Ореш. 70).
svinka укр. *свôнка* (Гуцульщина — Коб. 69), *свúнька* (Каменка Струмилова — Врх. НЗн. 26, Галиция — Ш. и Т. 82), *swynka* (р. Сан; Ярослав — Now. 44); блр. *свинка* (р. Неман — Жуков РБ 222: «очень редко»); польск. *swinka* (Ład. II, 248, Jar. 61, Leś. 40; р. Сан; Высоцк, Ветлин — ZR 26), *świnka* (SWil, Краков — Karł. SGP; SW, SDor, Staff 199: «и. т.»; р. Висла от Освенцима до Неполомице, устье р. Дунаец, Хрубешов, р. Пшемша л. п. р. Висла, правые притоки р. Висла Бялка, Сола, Скава, р. Скавица п. р. Скава, р. Скавинка, р. Раба, Гропка, Дунаец — п. п. р. Висла, Новы-Тарг, Марцинковичи, Стары-Сонч, Чхов, Заклинчин, Тарнов, Ярослав, Перемышль, Черцы, Фрыштак, Жешов — Now. 22, 26, 28, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 41, 44, 45; р. Вислок л. п. р. Сан, р. Любачовка п. п. р. Сан — ZR 26; Majew. II, 201: «lud»), *świńka* (SW: «gwar.»); слвц. *švinka* (р. Попрад — Ferianc 44);

польск. *świnia* (р. Вислок л. п. р., р. Любатовка п. р. Вислок — Now. 45, 46);

блр. *свинюк* (р. Неман — Жуков РБ 222: «редко»);

польск. *podświnka* (р. Вислок л. п. р. Сан; Кросно — Now. 45). Ср. нем. *Schweinfisch* (Vogt u. Hofer 441, Bauch 96).

svin'a см. svinka
svin'uk см. svinka
šafkul болг. *шафкул* (Моров 49, Коев и др. 59), *шавкул* (Ниш. и Ореш. 70).
škobal' см. skobal'
škobal'čić см. skobal'
šlivar с.-хорв. *šḷivar* (RJA), *šljivar* (Hirtz 470: под *zlotrbica*).
šlivonosa с.-хорв. *šḷivonosa* (RJA).
šmul'a с.-хорв. *šmulja* (Живике, р. Црнац — Hirtz).
švinka см. svinka
tentaš с.-хорв. *tentaš* (Брегана, Запрешич — Hirtz), *tintaš* (Загреб, Озаль, Яшково — Hirtz: «... što mu je trbušna šupljina obložena

kao tinta crnom mrenicom»); словен. *tintaš* (Ferianc 44);
с.-хорв. *tintač* (Селница, Мали и Велики Буковец, Капела, р. Драва, Бедня, Плитвица — Hirtz);
с.-хорв. *tintar* (Осиек, Босут — Hirtz).
tintač см. tentaš
tintar см. tentaš
tintaš см. tentaš
uglevka с.-хорв. *ùgl̥êvka* (RJA), *ugljevka* (Hirtz: «što je u nje trbušna maramica crna poput ugljena. Isp. tintaš, kaluđerka»).
!vyrozub укр., польск. *wyrozub* (р. Збруч — Now. 62).
zeml'an русск. *землян* (ССРЛЯ: в примере к *чернопу́зик*; ПР 372)
zlotrba с.-хорв. *zlotrba* (Hirtz: «Wörtlich Schlimmbauch»);
с.-хорв. *zlotrbica* (Земун — Hirtz).
zlotrbica см. zlotrba

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ РУССК. ДИАЛ. *СТЕНЬ* 'ЛЕДЯНОЕ САЛО'.

В дополнениях, сделанных редакцией в 3-ем издании словаря В. Даля, приводится сообщенное А. А. Алексеевым (Петербург) слово *стень* с пометами новг., петерб., олон. в значении 'ледяное сало'. «По реке *стень* плывé (плывет), знать скоро стáне (станет»)[1]. Слово до сих пор не встречалось в этимологической литературе. Представляется, что его этимологизация интересна для славянской лексикологии: хотя слово не отмечено в других славянских языках, есть основания видеть в нем древнее образование.

Кажется, что русск. диал. *стень* 'ледяное сало' можно реконструировать как **sъtьnь* и возвести к праслав. глаголу **sъtęti*, **sъtьnǫ* (< **tęti* 'резать'), поскольку последний представлен в отдельных славянских языках как в значении 'срубить, ссечь', так и 'сжать, сплотить'. Можно думать, что первичное значение **sъtьnь* было 'сгусток, комок'.

В русском языке *стять*, *стя́ти*, *стина́ти*, *сотну́ть* (стар. зап., сев.) значит 'срубить, ссечь, срезать, отсечь'[2]. Значения 'сжать, сплотить' нет. Укр. *стя́ти* — 'отрубить, отсечь, срубить', 'обезглавить, казнить'; *стяти зуби* — 'сжать зубы'[3]. В белорусском *сцяць I* — сов. 'срубить, ссечь, снести'; *с. галаву* 'срубить (ссечь, снести) голову', *сцяць* II сов. разг. 1) '(зубы) стиснуть, сжать', 2) '(губы) сжать', *сця́цца*, сов. разг. 1) '(о зубах) стиснуться, сжаться', 2) '(о губах) сжаться' 3) ('покрыться тонким слоем льда), подёрнуться льдом'[4], блр. гродн. *сця́цца* то же «Вадá зам'арзáйа на рéццы, *с'ц'áўс'а* л'óд на рацé. Вада *с'ц'áлас'а* на рацé, н'идáўно йашчé кры́г'и плыл'и́». Вострава. Слон[5]. *Сцина́ць*, сов. *сцяць*, однокр. *сотну́ць* — 1) 'срубливать, ссекать', 2) 'смыкать, стискивать'. «Зубы *сцинаёць*, *сцяв*ъ»[6]. *Сцінацца* I несов. страд. 'срубаться, ссекаться, сноситься', *сціна́цца* II несов. разг. 1) '(о зубах) стискиваться, сжиматься', 2) '(о губах) сжиматься', 3) '(покрываться тонким слоем

---

[1] Даль[3] IV, стб. 527.
[2] Даль[3] IV, стб. 610.
[3] Гринченко IV, стр. 204.
[4] Белорусско-русский словарь. Под ред. академика АН БССР К. К. Крапивы, стр. 907.
[5] Сцяшковіч, стр. 485.
[6] Носович, стр. 627.

льда) подергиваться льдом', 4) страд. 'стискиваться, сжиматься'[7].

Добровольский фиксирует в смоленских говорах глагол *стять* в значении 'сжать', что, возможно, белоруссизм. Правда, слово не отражено им в приводимом примере: «И губы сажмёшь, када горька» и поэтому вызывает сомнения[8].

В др.-русск. языке глагол *сътѧти*, *сътьнꙋ* представлен как в значении 'отрубить', так и в значении 'сплотить, сгустить'[9], *сътѧтисѧ* — 'сгуститься, сплотиться'. «ꙗко҃ ды҃ ѿ древа и ѿ огня изыиде҃ рѣдокь и слабь, таче ꙗко на высость възниде҃ аки облакъ ся състе҃ и оудебели҃, тако и во҃ное е҃ство и ро҃ Бъ҃ възвысивъ сътя и оудебели... Акы ледъ бяше нбо водами сътялося... то҃ся сътя҃» (ἀποπηγνύμενον), Іо. Экз. Шест., — 'создаться'» Бытью бо всѣхъ ѿ Ба҃, а тьлꙗ нашихъ дѣльма злии *сътꙗсѧ* на моучение или полъжьние»... Jo. Экз. 205[10]; *сътинатисѧ* 'сгущаться, сплачиваться' (В.): «Теплостію ѡгнѧ *стинаетсѧ* плоть». Дуб. сб. XVI в. 0 12 апл. 377[11].

Из других славянских языков значение 'сгустить(ся), сжать(ся)' для продолжений праслав. **sъtęti* представлено в польском и словенском.

В польском *ściąć*, *zetnie*, *ściął*, *ścinać* (несов.) имеет значения 'срубить, отрезать, отсечь', 'срезать, обрезать', 'стиснуть' — «Z gniewu zęby *ścina*», 'сгустить, заморозить' — «Mróz wodę w lody *ścina*». Warg.; «Słońce gorącem swoim sól morską *ścina*». Warg; *ściąć się* — 'сжаться, стиснуться' — «Zęby mu ś. *ścięły*», 'застыть, затвердеть, сгуститься, остановиться' «*Ścina* ś. woda, rzeka marznie»; «*Ścina* ś. krew w żyłach»[12].

В чешском языке *stíti*, *setnouti* — только в значении 'срубить, ссечь', 'срезать верх'[13], *stínati* 'лишать кого-либо жизни отсечением головы', 'срезáть сверху'[14], слвц. *sťat'*, *stne*, *stnu*, *sťal*, *sťatý* — 'что-либо отсечь, отрубить'[15], *stínat'* (несов.) 'рубить что, вырубать'[16]. В.-луж. *sćeć*, *sćinač* — 'срубитъ', 'обезглавить'[17]; н.-луж. *sćěś*, *sćeś*, *sćinaś* 'отбить, отсечь, отделить, отрубить, отрезать, срезать'[18].

В кашуб. *scïc*, *setną*, *zetną* 'срубить. обезглавить', *scənac*[19];

---

[7] Белорусско-русский словарь, стр. 905.
[8] Добровольский, стр. 877.
[9] Срезневский III, стб. 858.
[10] Там же.
[11] Там же, стб. 843.
[12] Варшавский словарь VI, стр. 709—710.
[13] PSJČ V, стр. 752.
[14] Там же, стр. 747.
[15] SSJ IV, стр. 231.
[16] Там же, стр. 250.
[17] Pfuhl, стр. 627.
[18] Мука II, стр. 713.
[19] Lorentz Pomor. I, стр. 96.

словин. *scãnãc* 'срубать, обезглавливать'[20], *scîc*, *s̯letńą* 'срубить, обезглавить'[21].

В сербохорватском, болгарском, македонском и полабском языках глагол не отмечен. Что же касается словен. *stę̂ti se*, *stámem*, *stmèm se* 'свертываться, створаживаться; (о крови) запекаться; застывать, твердеть'[22], то вероятно, что этот глагол можно отнести к нашему **sъtęti* 'срезать, срубить', 'сгустить, сплотить'.

Вызывает сомнения губное качество (*m*) носового в корне: ср. наст. вр. *stámem*, *stmèm se*. Ф. Безлай возводит этот глагол к праслав. **sъtęti*, **sъtьmǫ*, находя соответствие из славянских языков только в польском в выражении *ścięta krew*. Далее он связывает словенский глагол с лит. *tenéti*, *tumëti*, лтш. *tumêt* с аналогичными значениями, оговаривая, что последние, возможно, восходят к другой основе[23]. Но, во-первых, польск. *ścięta* (*krew*) — причастие страдат. залога, образованное от *ściąć* в значении 'сгуститься, застыть', а *ścinać* (несов. в. к сов. *ściąć*) указывает на *-n-* в корне глагола (как, впрочем, и весь славянский материал, рассмотренный выше). А лит. *tumëti* восходит к и-е. **teu̯ə-*, **tū̆-* 'набухать'[24].

Таким образом, ареал значений 'сжать(ся), сплотить(ся), сгустить(ся), застыть (о воде)' для праслав. **sъtęti* — польский, белорусский, украинский, возможно, и словенский языки. Ср. также и приведенный выше древнерусский материал.

Однако в именных производных эти значения отражаются весьма скупо.

Помимо рассмотренного выше русск. диал. *стень*, таким производным является, вероятно, и русск. диал. (яросл. твер. каляз., кашин., подмоск.) *сте(я)тиха* 'снятое молоко'[25], 'кислое молоко'[26], 'простокваша'. «*Стятихъй* квашэнъе мълоко звали, топерь пръстоквашъ. По-Киш.»[27].

Такое истолкование этого слова предложено Хостником, который упоминает русск. *стятиха* в словарной статье о словен. *stę̂ti*, *stmem*, *stamem*. По его мнению, слово *стятиха* связано с глаголом *стять*, не обнаруженным, впрочем, им в русских говорах[28]. Очевидно, что это производное от причастия прошедшего времени от глагола *стять*, возможно в значении (не сохранившемся в русских говорах) *'сжать, сгустить', или же в значении 'срезать'. Ср. болг. *пресéчено мляко* 'свернувшееся молоко'[29].

---

[20] L o r e n t z Sł. Wb. I, стр. 97.
[21] Там же I, стр. 124.
[22] P l e t e r š n i k II, стр. 574.
[23] F. B e z l a j. Eseji, стр. 130.
[24] F r a e n k e l 15, стр. 1139.
[25] Опыт, стр. 215, 219; Даль³ IV, стб. 532.
[26] М е л ь н и ч е н к о I, стр. 193.
[27] И в а н о в а. Подмоск., стр. 497.
[28] Х о с т н и к, стр. 152.
[29] С. Б. Б е р н ш т е й н. Болгарско-русский словарь, стр. 603.

Г. Ф. Одинцов

ИЗ ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ *ТУЛ, КОЛЧАН, САЙДАК* (И ЕГО ВАРИАНТОВ) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрение этих наименований, исторически взаимосвязанных в своем употреблении, представляет лексикологический и отчасти этимологический интерес.

Тул

Наиболее устаревшим и древним из них, отмеченным уже в Изборнике Святослава 1073 г. (л. 170)[1], является о.-слав. *tulъ* 'колчан, вместилище для стрел': «хранити... ѩко стрѣлоу в тоулѣ» (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 133 об. — КДРС). Как 'колчан' термин толкуется в русских лексикографических[2] и иных работах[3], в славянских словарях.

В XI—XV вв. он употреблялся на Руси как в церковно-книжных (см. пример выше), так и в народно-литературных памятниках: «луци у нихъ напряжени, тули отворени» (Сл. о п. Иг.); (1241 г.:) «тулы ихъ. бобровье раздра» (Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 267 об.).

В XVI—XVII вв. это название в книжных текстах представлено по-прежнему широко (Хронограф 1512 г.[4]; Пов. о Смутн. вр. XVII в., 206. — Картотека МДРС), а в деловых записях — лишь на Западе и Севере Московской Руси: а) «в тулцѣ полтретьятцать стрѣлъ» (Ивангородск., 1535—40 гг.[5] — Картотека МДРС. Интересно уменьшит. «в тулцѣ», отсутствующее в Словаре Срезневского); б) «восмь луковъ да пять тулов со стрелами» (Устюжск., 1632 г.[6]). Между тем в собственно московском документе (1589 г.) имеем *тул*, равнозначное польскому *tuleja* 'тыльная часть копья, расширяющаяся в форме воронки и служащая для защиты руки'[7]: «Рогатина...

[1] Срезневский III, стб. 1036.
[2] Там же; Поликарпов, л. 340; САР² VI, стб. 807; Сл. II Отд. 1847, т. IV, стр. 304.
[3] П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора... СПб., 1896, стр. 151; А. Ф. Вельтман. Достопамятности Московского Кремля. М., 1843, стр. 23.
[4] ПСРЛ, т. 22. СПб., 1911, стр. 44.
[5] Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894, стб. 69.
[6] Русская историческая библиотека. Т. 25. СПб., 1908, стб. 120.
[7] Słownik języka polskiego. Red. nacz. W. Doroszewski. Tom 9. Warszawa, 1967, стр. 348.

на тулѣ подпись» (Ор. Бор. Год.)[8]. Ср. случаи «обратного» спорадического использования ст.-польск. *tuleja* вместо *tuł* 'колчан': wyjmie strzałę z tuleje[9]. В цитированном московском памятнике в значении 'вместилище для стрел' имеем лишь *колчан*, а оттесняемое им *тул* (= 'польск. *tuleja*') претерпевает семантический сдвиг. Сходный процесс отражен в контексте: «тул с лукомъ и сайдак со стрѣлами»[10], где *тул* — 'вместилище для лука'.

Как видим, с XVI в. *тул* 'колчан' исчезает из деловой письменности Москвы. Оно трансформируется семантически, а порой — морфологически (Ср.: «...полно туло стрѣлъ». — Николев. Творения, ч. I. 1795. Ода 11. — Картотека Слов. XVIII в. Более ранних фиксаций русск. *туло* 'колчан' не обнаружено). Оно представлено как уже малопонятное, поясняемое название в выписке «тул—сайдак» («Алфавит иностранных речей». Рукоп. БАН, XVII в. Арх. д. № 446, л. 233. — Картотека МДРС). Изредка и в книжных текстах слово как будто утрачивает прежнюю семантику («тул во время расти избавляет от телесног оуязвленія». — Прещение о леності. Конец XVII в. — Картотека МДРС)[11], а в одном справочнике дано как синоним грецизма: «таркаси — тул, таркасия — тулы» («Алфавит...», л. 223).

Картина выпадения русск. *тул* под натиском заимствованных *колчан*, *сайдак* подтверждается судьбой термина в других славянских языках. Так, польское (с 1604 г., из восточнославянск.) *kołczan* «вытеснило хорошо засвидетельствованное в XVI веке *tuł*»[12], украинцы вместо *тул* употребляют *сагайда́к* и *сайда́к*[13], белорусы — *калча́н*[14]. Все активнее слово *колча̀н* у болгар, в ущерб исконному *тул*[15].

У остальных славянских народов, по словарям, *тул* сохранено как название, не вытесненное каким-либо другим. Восточнослав. *тул* 'колчан', по-видимому, употреблялось дольше в украинской (или староукраинской), а не русской речи, судя по данным конца XVIII — перв. половины XIX в. о родственных ему украинских образованиях, отсутствующих в русском: *ту́льник* 'делающий колчаны'; 'носящий колчаны и стрелы'; *тульникі́вна* 'дочь тульника'; *тульниче́нко* 'сын тульника', *тульни́чество* 'искусство делать колчаны

---

[8] П. Савваитов. Указ. соч. СПб., 1865, стр. 32.

[9] Brückner, стр. 584.

[10] Подлинник иконописный. Под ред. А. И. Успенского. М., 1903, стр. 94.

[11] В. В. Буш. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918, стр. 114.

[12] Sławski II, стр. 366.

[13] Гринче́нко IV, стр. 95, 96, 293.

[14] Беларуска-рускі слоўнік. Пад рэдакцыяй К. К. Крапівы. М., 1962, стр. 369, 929; Носович, стр. 643 (*тул* — 'зад, тыл').

[15] БТР, стр. 328, 924, РБЕ I, стр. 625; Немско-български речник. Съставители Ян Арнаудов, Анг. Димова, Г. Минкова, Л. Андреева, Л. Наумова. Под ред. на Ян Арнаудов, т. I. София, 1965, стр. 784 (*Köcher* переводится однословно: *колчан*); Ал. Милев, И. Братков, Б. Николов. Речник на чуждите думи в българския език. София, 1970, стр. 344.

и стрелы'; *тульничка* (без удар.) 'жена колчанника, стрельца'[16]. Только *тульник* представлено в Словаре Даля, но как старинное, иллюстрируемое лишь отрывком из Ипатьевской летописи[17]. (Старорусское сугубо книжное *тулоносцы* картины не меняет.) В соответствии с этим все народно-литературные памятники XI—XV вв., в которых упоминается *тул*, возникли на древнерусском Юго-Западе (Ипат. лет., Изб. Святослава, Сл. о п. Иг., если последний считать юго-западным памятником). И хотя термин все-таки обнаружен наряду с этим в вологодских и ивангородском документах XVI—XVII вв., на древнерусском Севере он был менее активным. В свете этих данных любопытно название южнорусского города *Тула*, этимологически связанное с *тулъ* 'колчан' и с глаг. *тулить*[18] юж., зап. 'скрывать, прятать'[19].

В литературном русском языке название не исчезает совершенно. Вытеснивший его тюркизм *колчан* (и отчасти *сайдак*) был только семантическим эквивалентом его и воспринимался книжниками-церковниками как слово низкое, избегался ими. Так в религиозно-назидательной литературе сохранился термин *тулъ*. Сначала преимущественно (в XVI—XVII вв.), затем почти исключительно становится он книжно-славянским архаизмом, как сказано уже в первых двух русских академических словарях. Действительно, *тул*, *туло* 'колчан' не представлено в русском фольклоре и народных говорах, по имеющимся (в 1973 г.) материалам Картотеки СРНГ[20]. Известны лишь *туло* 'туловище' (Кадн. Волог., 1896 г. и — без указания места — в пословице[21]); 'огонь' (Ветлужск., 1933 г.); *ту́лка* 'каждая половина распиленного надвое липового бочонка'; 'корыто для лошадей, сделанное из бочки'; 'брюхо' (Новг. у Новг. г.)[22] — родственное по отношению к *тул* 'колчан' образование. Ср. еще *ту́лка* 'втулка'[23], диал. *тюлька* 'чурбан, обрубок'[24].

У писателей XVIII—нач. XIX в. *тул* — возвышенный архаизм (Кантемир, Тредиаковский, Державин, Херасков, Жуковский, Гнедич, Батюшков, Катенин, Кюхельбекер и др.). Попытка П. А. Вя-

---

[16] Білецький-Носенко, стр. 358. — (Но уже Б. Д. Гринченко не приводит ни одного из этих названий).

[17] Даль³ IV, стб. 868.

[18] Фасмер IV, стр. 117—118.

[19] Даль³ IV, стб. 866.

[20] Таким образом, утверждение о наличии якобы диал. русск. *тул* 'колчан, трубка для стрел' (Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970, стр. 492), пока оно не подкреплено указанием на источник, принять нельзя.

[21] В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 474. — «Богатый без ума — туло (туловище) без головы». В форме предложного падежа в неясном значении это слово отмечено в загадке: «На поле, на туле мужику в брюхо надули» (Мешок с хлебом. Ставроп. губ. — Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1875, стр. 155. — Картотека БАС).

[22] Дополнение к Опыту, стр. 272, 98.

[23] Даль³ IV, стб. 866.

[24] Там же, стб. 893.

земского использовать *тул* не в качестве такого архаизма — в дружеском послании «К Батюшкову», 1816 г. («И ты, наследник тула // Опасных стрел глупцам // Игривого Катулла // О Блудов, наш остряк!»), — вызвала замечание В. А. Жуковского о неуместности термина, подобранного для рифмы со словом *Катулл.* Не случайно даже в нелексикографических справочниках XIX в. он толкуется как древнее название колчана (Вельтман. Указ. соч., стр. 23). В начале XX в. отмечалось: «Тул... в соврем. рус. не употребляется»[25]. Название не дается в Словаре Ушакова, а в «Словаре современного русского литературного языка» (том 15, стб. 1114) характеризуется как устаревшее и иллюстрируется, в частности, реминисценцией из «Слова о полку Игореве»: «(Гусляры:) Луки напряжены, тулы открыты». (Островский. Снегурочка. Д. II. Явл. 1). Бытование слова в недавнем прошлом в среде старообрядцев (Бонч-Бруевич. Матер. раск. и сект. II. 167. — Картотека БАС) вполне понятно.

Колчан

По материалам Картотеки МДРС и Словаря Срезневского, *колчан* впервые зафиксировано в 1589 г. (Ор. Бор. Год.). Приводим другое раннее употребление: «далъ... жеребца нагайского, да колчанъ нагайской» (Серпуховск., 1588 г.)[26].

Из фразы «у правой бедры колчанъ съ стрѣлами» (Забелин. Дом. быт I, 683. 1679 г. — Картотека МДРС) семантика термина ясна — 'вместилище для стрел'. Ср. тождественное толкование: 'the quiver' (в нач. XVII в.)[27]. В XVII в. термин хорошо известен: он имеет производные *колчанишка* (1633 г.)[28], *колчанной* (пояс) (1635 г.)[29], *колчаньць* «о крюковом знаке» (XVII в.)[30]; он упоминается в московских, воронежских, новгородских, холмогорском памятниках (см. сноски 26—28); ср. употребление его в былинах (Кирша Д. 9—10. — Картотека МДРС), в народных песнях (Песни Киреевск. III, 30. — Картотека БАС; Соболевск. В. н. п. I, 467. — Картотека МДРС; диал. *кóлсана* вм. *колчáны.* — Пудожск. Рыбник. Песни II, 95)[31].

Термин сохранился по сию пору, имеет семантически родственные образования: *колчан* 'высокая узковерхая кринка с дужкою

---

[25] Преображенский, выпуск последний, стр. 15.
[26] Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. Т. I. М., 1899, стб. 327.
[27] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, стр. 68.
[28] Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. I. Воронеж, 1887, стр. 210. — Картотека МДРС.
[29] Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. I, стр. 212. — Картотека МДРС.
[30] Срезневский I, стб. 1259.
[31] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. IV, вып. 6. СПб., 1912, стб. 1617.

сверху' (Весьегонск. — Картотека БАС; ср. болг. *тул* 'колчан', а также 'ваза, воронка, кувшин с остроконечным дном [знак зодиака]')[32], 'чаша для укладки теста, пред сажанием в печь хлебов' (Тверск. Вышневолоцк.)[33], 'выдолбленная из чурбана чашка' (Лобаново. Кокчет. обл. 1961 г. — Картотека СРНГ); *кольича́н* 'блюдо для покрошки мяса' (Яросл.)[34], *колчан* — 1) 'у электросварщиков: боковая сумка для стальных стерженьков' (Ажаев. Далеко от Москвы. Гл. 3), 2) 'вместилище для писчих гусиных перьев'[35]. Неизвестно, как сюда относится старинное название особой синей краски (Лепехин. Дневные записки путешествия, ч. I, 124. — Картотека БАС) и солнечных часов, изобретенных Аполлонием Пергийским в III в. до н. э. (Буняк.)[36], — *колча́н*.

Этимология русского *колча́н* из татарск. *kułdžan*, *kułczan* и сев.-тюркск. *колчан*[37] отвергнута И. Г. Добродомовым: слова *кулджан*, *кулчан*, *колчан* тюркам неизвестны. И. Г. Добродомов предполагает заимствование из булгарск. **kalčan*, соответствующего названию *кешен* (от *кеш* 'колчан') в других тюркских языках[38].

Но здесь возникают трудности. Из описания истории слова *тул* видны колебания в его употреблении в памятниках XVI в., как раз накануне появления в письменности слова *колчан*, которое в быту должно было появиться несколько раньше, но не позднее XV в., если учесть западностарорусскую форму *ковчан*[39], испытавшую изменение *л* в *в*[40] (оно проходило в XIV—XV вв.)[41]. Так как за целый век до появления в письменности русск. *колчан* стало употребляться семантически близкое ему *саадак* (и *сайдак*), то оно может дополнительно пролить свет на раннюю историю слова *кол-*

---

32 Д'ю в е р н у а, 2390.
33 Опыт, стр. 78.
34 Там же, стр. 88.
35 Поскольку в таком значении и употреблении слово не отмечено ни в одной из картотек Института русского языка и Института языкознания АН СССР, приводим контекст: «На другой день отъезда вашего получил я от Софьи Петровны колчан с перьями для тебя. Жуковский едва не завладел им; но, получив обещание в присылке для него другого, оставил тебе твою собственность. Пришлю ее с первою почтою». (Письмо А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому от 3 апреля 1816 г. — Остафьевский архив князей Вяземских, т. I. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819 гг. СПб., 1899, стр. 40).
36 Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, т. IV, вып. 6. СПб., 1912, стб. 1617.
37 L i n d e 2, стр. 1043, со ссылкой на А. Чарторыйского. A. M u c h l i ń s k i. Zródłosłownik wyrazów które przeszły, wsprost czy pośrednio, do naszej mowy z języków wschodnish. Petersburg, 1858, стр. 64; B e r n e k e r, стр. 543; B r ü c k n e r, стр. 247; Ф а с м е р II, стр. 298; стр. 365—366.
38 И. Г. Д о б р о д о м о в. Колчан. «Русская речь», 1974, № 4, стр. 115—119. (Чувашско-булгарские *a* и *lč* имеют инотюркские параллели *e* и *š*).
39 Лексикон славеноросьский Памви Беринди. Киев, 1961, стр. 134.
40 И. Г. Д о б р о д о м о в. Указ. соч., стр. 118.
41 Ф. П. Ф и л и н. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. М., 1972, стр. 331—334.

чан. Ввиду значительного совпадения судьбы этих терминов у русских и поляков, можно обратиться к польскому материалу. Отмеченная лишь в Словаре Фолькмара форма *kołczak* 'колчан' образовалась под влиянием *sajdak* из *kołczan*[42], и это произошло на первых порах утверждения последней формы, вообще очень устойчивой. Следовательно, не только в памятниках (польских и русских), но и в речевом обиходе термин *колчан* появляется, вероятно, позднее названия *саадак*. *Саадак* же известно в русской письменности с 1475 г. (а в живой речи, наверное, раньше), так что *колчан* заимствуется примерно в последней трети XV в., в эпоху свержения татаро-монгольского ига.

В это время в булгаро-татарском конгломерате, по единственно дошедшим до нас памятникам — эпиграфическим надписям, — господствовало татарское начало[43]. Булгарское же влияние на Русь имело место в более раннюю эпоху[44]. В связи с этим целесообразно сближать русское *колча́н* (и *калча́н* — форма, узаконенная как предпочтительная в XVIII в.[45] и как равноправная с *колча́н* в середине XIX в.[46]) не с булгарским, к тому же незасвидетельствованным **kalčan*, а с реальным татарским устар. *калчан*[47] и башк. *калъян* 'колчан'[48], если и считать оба их заимствованиями из булгарского, что, кстати, фонетически обосновано[49]. Ср.: «По всей вероятности, слово *колчан* было заимствовано не из булгарского, а из более поздних кыпчакских или огузских языков»[50]. Однако маловероятно сближение Н. А. Баскаковым термина с турецк. *kalça* ~ *qaldža* 'бедро, лядвея' + аффикс *-n*, образующий название соответствующей части снаряжения, т. е. 'набедренник, набедренное приспособление' > *колчан*, по аналогии с производной основой чагатайск. *quduruγ* 'хвост' + *н* > *qudurγun* 'подхвостник (часть сбруи лошади)'[51]. Семантически близкие к *тул* и *колчан* приведенные образования почти все указывают на иное исходное значение термина: 'вместилище'. Сомнительно также, чтобы русск. *колчан* было заимствовано, как утверждает Н. А. Баскаков, после взятия Казани: этому противоречит история слова.

Традиционная этимология термина (из **kułdžan*, **kulčan*) могла бы получить подтверждение в старорусской диалектной форме *cȣltchan*

---

42 Sławski II, стр. 365—366.

43 Г. В. Юсупов. Введение в булгарско-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 38—41.

44 Н. А. Баскаков. О происхождении слова *колчан*. — «Русская речь», 1974, № 4, стр. 119—120.

45 САР² III, стб. 29 и 256.

46 Сл. II Отд. 1847, II, стр. 154 и 192.

47 Р. Газизов, Н. Исанбет, Г. Ишмухаметов. Татарско-русский словарь. Казань. 1950, стр. 139; Татарско-русский словарь. М., 1966, стр. 217.

48 Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 120.

49 И. Г. Добродомов. Указ. соч., стр. 116—118.

50 Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 120.

51 Там же.

'the quiver', реконструированной Б. А. Лариным как *кулчан*, если бы *у* на месте неударяемого *о* не отражало здесь особенности холмогорского произношения.[52]

Термин отмечен, кроме восточных славян и поляков, у болгар и словенцев (*kolčan*)[53]. Это натолкнуло некоторых авторов на мысль о турецком источнике[54], определяемом и конкретно: *kolcu* 'сторож, надзиратель'[55], что сомнительно и фонетически, и семантически.

Сайдак (и его варианты)

Исконно у восточных славян могло употребляться для указания на стрелометное снаряжение (лука с налучием и колчана со стрелами) название *съсудъ*: «возми съсудъ свои тулъ и рожанецъ» (т. е. 'лук' — *Г. О.*). (Палея, 1406 г., л. 75а. — Картотека ДРС). Это др.-русск. слово было многозначно и часто употреблялось в значении 'вместилище, корабль, оружие вообще'; неудивительно, что иноязычн. *саадакъ* ~ *сагадакъ*, как более четкий и специфический термин, быстро вытесняет старое название.

Из основных вариантов термина — *сагадакъ*, *саадакъ*, *сайдакъ* и *сагайдакъ* — первые два отмечены в памятниках несколько раньше — приблизительно с 1475 г.: «сагадак (в другом списке *саадак*)[56] золот... да 3 сабли»[57].

Ф. Е. Корш приводит первую запись с формой *сагайдак*[58] (1568 г.): «Берездовцовъ... около сотъ чоловековъ... з ручницами, з сагайдаки, з луки» (памятник западнорусский, с формами типа «чотырохъ» и проч.)[59]. Примерно тогда же появляется в памятниках форма *сайдак*: «прибѣже чаусъ, сайдак на себѣ имѣя» (Х. Рад., к. XVI в., 37. Перевод с польского. — Картотека МДРС). Любопытна западная ориентация в употреблении этих форм с йотом. Семантика термина, признаваемая одинаковой для всех русских вариантов, определяется по-разному в справочниках энциклопедических и лингвистических. По толкованию вторых, это 'полный прибор вооружения луком и стрелами: лук с налучьем и колчан со стрелами, а также чехол для лука и стрел

---

52 Б. А. Ларин. Указ соч., стр. 68 и 39.

53 А. С. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным, ч. 2, вып. I. Киев, 1882, стр. 12 (со ссылкой: A. Janežič. Popolni ročni slovar Slovenskega in Němškega jezika. Celovec, 1851. На словенское *kolčan* обратил внимание автора статьи И. Г. Добродомов).

54 РБЕ I, стр. 625.

55 Ал. Милев, И. Братков, Б. Николов. Указ. соч., стр. 344.

56 Софийский временник. Издание П. Строева. М., 1821, стр. 157.

57 Афанасий Никитин. Хожение за 3 моря. М., 1948, стр. 24.

58 AfslPh 9, стр. 665.

59 Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 год, собранные и изданные под ред. Владимира Антоновича и Константина Козловского. Киев, 1868, стр. 120.

либо только для лука'[60]. По объяснениям первых, это военный снаряд **конных** (разрядка наша. — *Г. О.*), состоящий из лука, налучи и стрел с колчаном[61]. (Такое объяснение принимается лишь в одном русском лингвистическом академическом словаре)[62]. Обращение к текстам убеждает, что энциклопедическое толкование вернее, хотя изредка в них упоминаются пешие с сайдаками.

Так, часто слова *саадакъ* и *сабля* ('вид оружия конника') находятся рядом: «саадаки и сабли». (Духовная. 1560—61 гг.)[63]. Еще: Духовная. 1585—86 гг.[64]; в Картотеке МДРС: Кн. прих. Кир. мон. № 1, л. 8, 1568 г. Рукоп.; Гр. Хив. Бух. 99. 1585 г. и т. д. Иногда сабля считалась едва ли не частью саадака (что в литературе не отмечалось): «13 саадаковъ, 5 в нихъ безъ луковъ, всѣ безъ сабель» (Опись и продажа имения Татищева, 1608 г.)[65].

Ср. еще: «ѣздятъ на коня^х^ і в саадака^х^» (Астрах. а. № 16, стр. 4. 1614 г. Рукоп. — Картотека МДРС); «на лошади с луком, саадаком» (Гр. Башк. 1737 г., 310—311. — Там же) и проч. В одной грамоте упоминается *саадак ездовой*, т. е. 'походный', в отличие от парадного, богато отделанного, с саблей, — которым пользуется также всадник (Духовная, 1586 г.)[66]. Ср., наконец, типичные в исторических романах контексты: «Бросился Борис к коновязи, где стоял конь с саадаком». (А. К. Толстой. Князь Серебряный. VIII).

Саадак, действительно, включал в себя лук и стрелы: «а саадак с луком и стрелами» (Астрах. а. № 2838. Расспр. ст. 7. 1654 г. Рукоп. — Картотека МДРС).

По Срезневскому (III, 237), в контексте: «Саадакъ . . . шитъ . . . шолки разными» (Ор. Бор. Год.) — термин означает 'чехол для лука и стрел'.

До сих пор не отмечалось употребление термина для обозначения кобуры для пистолета: «Саадакъ пистольной, шитъ . . . серебромъ» (Заб. Б. I. 1663 г. 725. — Картотека МДРС).

Об усвоении на Руси этого заимствования можно судить по антропонимам («Станко Саадакъ, крестьянин». 1539 г.)[67], по произ-

---

[60] Срезневский III, стб. 238; Словарь современного русского литературного языка. Т. 13. М., 1962, стб. 32; Ушаков IV, стб. 20; САР[1], V, стб. 326; Даль[3] IV, стб. 126.

[61] А. В. Висковатов. Историческое описание одежд и вооружений российских войск. Том I, СПб., 1841, стр. 69; П. Савваитов. Указ. соч., СПб., 1896, стр. 120; Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXVIII. СПб., 1899, стр. 2.

[62] Сл. II Отд. 1847, т. IV, стр. 85.

[63] Н. П. Лихачев. Сборник актов и договоров, собранных в архивах и библиотеках, вып. I—II. СПб., 1895, стр. 54.

[64] Там же, стр. 62.

[65] Временник ОИДР. Кн. 8. М., 1850, стр. 15. — Картотека МДРС.

[66] Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 63—64.

[67] Тупиков, стр. 347.

водным: *саадачник*[68], *саадачныи* (Гр. Хив. Бух. 98. 1585 г. и проч. — Картотека МДРС) и по стяжению двух соседних гласных: *садак* (А. Юр. I № 421, 1568—70 гг. Гр. Башк. 310—311, 1737 г.; *sadách* у Рич. Джемса. Холмогорск., 1618—19 гг.); эта стяженная форма стала известна в фольклоре: «остегнѣтъ на себя. . .полныи садакъ (колчан и лук)» (XVII в. Сказка)[69] — и дала уменьш. производное: «*садачки* стрѣлами» (Новг. 2 л. 7080 г.)[70].

Несколько менее активна ст.-русск. форма *сагадак*, но дает самое раннее производное от этого многовариантного термина — *сагадачник*: «у сагадачника взяли . . . краски да два косяка фараузу» (Посольство к королю Казимиру, 1489 г.)[71]. Другие производные: отчество Сагадачниковъ (1500 г.)[72], прилаг. *сагадачьный* (Соловецк. мон., 1514 г.)[73]. В форме *сагодакъ* (А. Юр. 1547 г., стр. 50), вопреки предположению Ф. Е. Корша[74], скорее всего налицо не опечатка, а факт ассимиляции заимствованного названия (Ср. старорусск. написания в заимствовании той же эпохи: *аргомакъ*, *оргамакъ*).

Оба слова — *саадакъ* и *сагадакъ* — встречаются в деловой, не в книжно-церковной письменности. Уже в словарях XVIII в. они характеризуются как старинные, их нет в Картотеке Словаря XVIII в., как нет в народных говорах, по материалам Картотеки СРНГ.

В ущерб им постепенно активизируются формы *сайдак* и *сагайдак*, сосуществовавшие долгое время с первыми.

Наиболее жизнеспособным из всех вариантов термина оказался на русской почве *сайдакъ*. В ряде старорусских памятников, у писателей XVIII и XIX вв. он является эквивалентом устаревшего *саадак*: а) «будетъ кто есть въ сайдакахъ, собравъ съ людей тѣ саадаки, привесть на . . . дворъ» (Д. Мос. Колом. 1675 г. 12. — Картотека МДРС); б) «Расколот рыцарский сайдак, // И безобразными клоками, // Обрызган кровью, меж ногами // Висит разорванный чепрак» (Рылеев. Гайдамаки). Исключительно в виде *сайдак* термин употреблялся Пушкиным (Капит. дочка, Ист. Пугачева)[75].

Слово известно в старорусском делопроизводстве, в новой художественной литературе, в говорах. Сайдак имеет вид пояса с колчаном и луком, отсюда диалектизмы *сайдакú* 'ягодицы у че-

---

[68] Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М., 1930, стр. 6; Писцовые книги г. Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932, стр. 39. — Картотека МДРС.

[69] Ф. Буслаев. О народной поэзии в древнерусской литературе. Речи и отчет, произнесенный в торжественном собрании Московского университета. 12. I. 1859 г. М., 1859, приложение, стр. 16. — Картотека МДРС.

[70] Срезневский III, стб. 239—240.

[71] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. СПб., 1882, стр. 28. Здесь же — *сагадак*.

[72] Тупиков, стр. 735.

[73] Археографический ежегодник. М., 1970, стр. 371.

[74] AfsPh 9, стр. 665.

[75] Словарь языка Пушкина, т. 4. М., 1961, стр. 15.

ловека и животных' (Нерчинск. — Картотека БАС), *сайдакй наставлять* — 'руки в бока' (Восточносиб. — Там же). Возникают метонимические переносы: 'лук' («Против станицы Дон выгинается кабаржиной татарского сайдака». Шолохов. Тихий Дон), 'колчан' (Крашенинников. Описание Камчатки, 1755, т. II, стр. 247. — Картотека Слов. XVIII в.); ср. лит. (из вост.-слав.) *seidõkas* 'сайдак'[76] с этой русск. формой *сайдак*.

Редкое у русских, *сагайдак* предпочитается слову *сайдак* у украинцев[77]. В словаре М. Фасмера III, 543, русск. *сагайдак* не случайно помечено лишь как диал. донск. 'лук' и терск. 'колчан' со стрелами и луком. Известно оно и как курский диалектизм 'лук' с производным *сагайдачный* '(о дороге) окольный'[78].

Нетипичность формы *сагайдак* для русского языка, обычно замалчиваемая в словарях, наглядно иллюстрируется топонимически. В «Списках населенных мест Российской империи» обнаружены следующие названия.

I. От *са(а)дак*: 1) починок Садаковский (Вятск. губ. Вятск. у. — Том 10. СПб., 1876, стр. 22); 2) д. Садак-Камыш и д. Садак-Каратак (Самарск. губ. Бугурусл. у. — Том 36. СПб., 1864, стр. 1028 и 1025); 3) д. Садакова (Пермск. губ., Соликамск. у. — Том 31. СПб., 1875, стр. 425).

II. От *сагадак*: 1) дер. Сагадаковская (Вятск. губ. Вятск. у. — Том 10, стр. 28); 2) займище Сагадаковское (Там же, стр. 85).

III. От *сайдак*: 1) д. Сайдашев луг и д. Сайдашка (Пермск. губ., Осинск. у. — Том 31. СПб., 1875, стр. 426); 2) дер. (казачья) Сайдаки (Минеева) (Тобольск. губ. Тоб. у. — Том 60. СПб., 1871, стр. 188); 3) д. Сайдаковшина (Олонецк. губ. Вытегорск. у. — Том 27. СПб., 1879, стр. 225).

IV. От *сагайдак*: с. Сагайдачное (Курск. губ. Корочанск. у. — Том 20. СПб., 1868, стр. 199).

Данные по нерусским (как правило, украинским) административным районам — все только от апеллатива *сагайдак*: 1) Бессарабск. обл. Бендерск. у. (хут. Сагайдак. — Том 3. СПб., 1861); 2) Полтавск. губ. Миргородск. у. (хут. Сагайдашний. — Том 33. СПб., 1862, стр. 255); 3) Харьковск. губ. Лебединск. у. (хут. Сагайдак); Ахтырск. у. (хут. Сагайдачный). — Том 46. СПб., 1869, стр. 2618 и 202; 4) Херсонск. губ. Елисаветградск. у. (дер. Сагайдакова дважды, хут. Сагайдаков, хут. Сагайдак дважды. — Том 47. СПб., 1868, стр. 183); 5) Черниг. губ. Борзенск. у. (хут. Сагайдачий. — Том 48. СПб., 1866, стр. 221).

Единственное образование от *сагайдак* обнаружено на территории великороссов лишь в Курск. губ., где отмечены приведенные диалектизмы *сагайдак* и *сагайдачный*.

---

[76] F r a e n k e l, стр. 755.
[77] Украинско-русский словарь. Том V. Киев, 1962, стр. 242—243.
[78] Опыт, стр. 196.

Такой картине соответствуют антропонимы от апеллатива *са́гайдак*, зарегистрированные на территории не России, а Украины: мужск. имя Сагайдак (Shagaydak) любомльск. крестьянин. 1564 (Архив Юго-Зап. России, т. VII, 2, 331); Григорий Сагайдачный, гетман Запорожск. 1687[79]; «Петро Сагайдачній, славній гетманъ запорожскій», 1622 г. (Летопись Григория Грабянки, 1710 г.)[80]. Рассматриваемый термин известен многим народам. Обстоятельное описание данных по разным языкам у Г. Дёрфера[81] пополним лишь латышским *zaidaks* < лит. *zeidõkas* (*saidokas*) 'колчан'[82] и китайским *садай* 'налучник или налучник и колчан вместе'[83].

Несомненный монголизм[84] (монг. *saɣadaġ*, *sādak*), этот термин проникает в древнерусский язык в период татаро-монгольского ига. Форма *саадакъ* восходит как к широко распространенной тюркской форме *sādak*, так и к монгольской. Вариант *сагадакъ* лучше сближать с монг. *saɣadaġ*, ввиду отсутствия подобной тюркской формы.

Объяснение русск. *сайда́к* < тюркск. *sagdak*, принимавшееся до сих пор, сомнительно; у монголов и татар форма *сайдак* засвидетельствована в середине прошлого века[85]. К ней и восходит русск. *сайдак*.

Сагайдак могло возникнуть в результате контаминации из соответствия: *са(а)дак* — *сайдак*, *сагадак* — ? (*сагайдак*) — под влиянием формы *сайдак*. Ср. редкую старорусск. форму *саайдакъ* (Картотека МДРС).

---

79 Тупиков, стр. 347.

80 Омелян Огоновскій. Хрестоматія староруска для высших клясъ гимназияльных. Львов. 1881, стр. 408.

81 G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963, стр. 336—341.

82 Mühlenbach — Endzelin, стр. 703.

83 Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена, т. III. М.—Л., 1953, стр. 286; т. I, 1951, стр. 123, 348.

84 G. Doerfer. Указ. соч., стр. 337; M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 393.

85 Доржи Банзаров. О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений. — Собрание сочинений. М., 1955, стр. 163.

А. И. Толкачев

К ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ФОРМ СО ЗНАЧЕНИЕМ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ (КВАЛИТАТИВОВ) ЛИЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XV вв.

Образования от сокращенных основ

I. Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, посвященного словообразованию субъективно-оценочных форм (квалитативов) греко-христианских личных имен в древнерусском языке. Начало его—обзор образований от полных основ, публикуется в сборнике «Историческая ономастика» (изд. Ин-та языкознания АН СССР); в наших ссылках эта часть будет упоминаться как «Первая статья». В данной работе рассматриваются образования от сокращенных основ.

II. Рассмотренные в первой статье образования от полных именных основ представляют собой хронологически очень ранний слой в системе антропонимических квалитативов древнерусского языка. В принципе, по своей структуре они ничем не отличаются от квалитативных форм нарицательных имен. Одновременно или, по крайней мере, в эпоху очень близкую, кроме квалитативов рассмотренного типа, в древнерусском языке появились другие, образованные от сокращенных именных основ. Общая характеристика разновидностей сокращенных основ была дана в первой статье. В данной связи отметим лишь, что в процессе образования квалитативов в древнерусском языке складывается два типа сокращенных основ: основы самостоятельные и несамостоятельные.

Сокращенные самостоятельные основы

Будучи отдельными самостоятельными словами, то есть выступая в речи в сочетании с определенными словоизменительными аффиксами, эти основы представляют собой в системе квалитативов личных имен особый словообразовательный тип — сокращенных несуффиксальных имен. Они могут оканчиваться на твердый или мягкий согласный, что обычно соответствует твердости или мягкости того же согласного в составе полной нейтральной формы имени. В отношении склонения все основы распределяются следующим образом: твердые изменяются по типу ŏ- или ā-основ, а мягкие все относятся к склонению основ на ā.

Мужские имена

а) Твердые основы.

Приведем прежде всего имена, изменяющиеся по типу ā-основ.

1. Вава: Александра Вавина А I 504. Исх.: (Вавула = Вавюла) > Вав-ула.

2. Грига: Григоу (в. п.) 1189-99 сп. XIII, ГСЗР I в. Исх.: Григ-ории.

3. Ега: (пустошь) Егино А II 290 л. 4. Исх. неясно. Возможно, квалитатив имеет отношение к имени Ег-орий // Ег-ор, позднему, но уже существовавшему в XV в., варианту славяно-русского книжного имени Георгии[1].

4. Ера: у Еры у Дмитриевича А I 33 сп. Исх.: Ер-милъ или Ер-мола.

5. Коста: Костаньтинȣ Коста дѣлалъ Надп. втор. четв. XII, Рыбаков 17; Косту (в. п.) ЛН 120 (1236), с Костою ГрБ 141, 60—70 XIII [А I 287, А II 94, А III 473] Исх.: (Константинъ) > Кост-антинъ; ср. вариант с мягкой основой Костя — см. ниже.

6. Парфа: ва Парфѣ ГрБ 307, XV. Здесь личное имя употреблено в значении 'в селении'; современное название того же населенного пункта — Парфино — образовано от квалитатива Парф-а. Исх.: (Порфурии = Порфюрии > // Порфурии // Порфирии) > Парфурии. (см.: ЛН 73, 1207) или Парф-ении.

7. Перха: Перха ГрБ 161, XV. Исх.: (Порфурии) > . . . > Перх-урии.

8. Сама: Сама Шетенов сын А III 254. Исх.: (Самуилъ) > Сам-оило (-а) // Сам-уило(-а).

Кроме приведенных закономерных образований с твердой основой, известны и такие, в которых твердый согласный в квалитативной основе чередуется с мягким в основе нейтрального имени. В некоторых случаях эта твердость квалитативной основы находит фонетическое объяснение (Дем-а), а в других она, вероятно, результат влияния твердых основ других имен (Пент-а, Ерем-а).

1. Дема 1392—1427 сп., А I 10, (земля) Демино А I 522 [А I 385 а, 450, 560, А II 281, 290 л. 17, 296, А III 469]. Исх.: Демьянъ или Дементии (< Дометии). Твердость *м* в квалитативной основе объясняется, вероятно, тем, что, несмотря на соседство *j*, *м* в нейтральной основе Дем' / jан, находясь в конце слога, стало произноситься твердо; ср. тенденцию к отвердению этого звука в конце слога (или слова) в ряде категорий и форм древнерусского языка: в творительном и местном падежах ед. числа имен и местоимений (моимь > моим) и т. п. Таким образом, Дем-а образовано от Дем-jан, а не от Дем'-jан (< Дамианъ). Что же касается имени Дем'-ентий, то, вместо ожидаемой квалитативной основы Дем'-а, возник омонимический с первым квали-

[1] Подробности об истории этого имени см. в ст.: B. Unbegaun. Le nom de Georges en russe. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale et slave, t. VI. Bruxelles, 1938.

татив Дема, представленный в части из указанных примеров. Такое тождество квалитативов двух разных имен объясняется звуковой близостью начальных частей их исходных форм: Дем′-јан, Дем′-ентий.

2. Пента: Пента, от Пентины земли А I 20; в значении прозвища: Иван Пента, у Ивана Пенты А I 143. Исх.: (Пантелеимонъ) > Пент′-елей.

3. Сема (то есть С′ома): (деревня) Сомино 1286 сп., СГГД II 5 (*о*=′*о*, ср. Фодорка = Ф′одорка, там же), деревня Семино А II 290 л. 11 об.; АIII 144. Исх.: Сем′-он. Мена *м′* > *м* в основах неясна. Возможно, основа Сем-а (С′ом-а) с твердым *м* была выделена из Сем′-јун (одного из вариантов имени Семенъ), в котором *м′* в конце слога, как и в Дем′-јан, отвердело.

4. Юра: Юрина деревня А II 343, Исх.: (Георгии) > Гюр′-гии > Юр-гии > Юр-а. Основа Юр-, как видно из схемы, возникла в одном из произносительных вариантов данного имени — Юр-гии (с твердым *р*), существовавшем наряду с Юр′-г′ии, из которого, как известно, впоследствии получилось Юр′-ий.

Незначительное число квалитативов с твердой основой изменяется по типу ŏ-основ.

1. Кондр: у Кондра ГрБ 260, 70, XIV. Исх.: Кондр-атъ (// Кондр-атии).

2. Исходную форму именительного падежа Кюпръ (< Кюприанъ) следует предполагать в примере: Кюпре Конановъ сер. XV сп., ГВНП 116; сравн. современное фамильное имя Чупров (< Чупр- с меной *к* > *ч*). Конечное *е* в Кюпре (вместо исконного ъ) — вторичного образования и датируется уже XII веком: ср. Варламе вм. Варламъ в Гр 1192 (Древности, т. 24, 1914, стр. 13). Литература об этом явлении обширна.

3. Спирид: Старко Спиридовъ А I 119. Исх.: Спирид-он(ъ).

4. Спир: сын Спирова АФЗ I 7 сп. Исх.: Спир-идон(ъ).

5. Тим: (деревня) Тимово А II стр. 318. Исх.: Тим-офѣи.

6. Фед: Феда Якуновича ЛН 119 (1234). Исх.: Фед-ор > Фед- (= Ф′од).

7. Особо выделяется форма Харло: Харло, на Харла АФЗ I 125, л. 142 сп.; Харлово седѣнье ГВНП 323 сп. Оно, вероятно, не имеет отношения к имени Харл-ампии (< Харалампии), потому что тогда мы ожидали бы форму Харла или Харл, как выше приведенные имена. Скорее всего, здесь представлена квалитативная основа Хар- (< Хар-итон или Хар-лампии) и суффикс *-л-*, что имеет полную аналогию с другими именами: Юр-ло (< Юр′-ии, и др.)[2].

В отдельных именах квалитативные формы по типу сокращенных с твердой основой образуются с сохранением самых основ (только в некоторых из них мягкие согласные становятся твер-

---

[2] Об этом ср.: А. И. Соболевский. Из истории уменьшительных слов. — РФВ, т. 65 (1911), № 2, стр. 401—402.

дыми), но с изменением типа склонения: они переходят из ŏ- в ā-основы: Левъ (= Л'ов) > Лев-а (Л'ова)[3]. Эти новые формы приобретают экспрессивную окраску (Ерёма, Лёва, возможно — Калина), а некоторые из них впоследствии становятся семантически нейтральными (Олекса). Примеры:

1. Ерема: на Еремѣ А III 16, Еремин А II стр. 218 [А II 281, 290 л., 4, А III 276]. В старших славяно-русских календарных памятниках зарегистрированы усвоенные из греческих текстов имена Иеремия, Ермии, Ермеи. Впоследствии в народной речи на месте всех трех стало употребляться Еремеи (Еремѣи), параллельно которому возник квалитатив Ерёма, сохранивший это значение до наших дней.

2. Калина; Фарюта Калининъ А II 327. Исходная именная форма Калиникъ (< Каллиникъ) в результате морфологического переосмысления распалась на суффикс *-ик* и нейтральное имя Калинъ (ср. Калинь-царъ в былинах), а на основе последнего образовался квалитатив с ā-основой Калина.

3. Лева: Лева (и. п.) А I 542, А III 209, Леву конюха А I 612, у Левы I 211 сп., Левѣ Колосову А III стр. 218, Ивашко Левин А III 89. То, что Левъ и Лева были разными вариантами имени подтверждается и дериватами от них: Левъ > Лев-ко (см. материал в первой статье), Лева > Левка (см. ниже).

4. Олекса // Алекса: Олькcу ЛН 30 (1157), Олькса тж. 32 (1162), Алекса тж. 46 об. (1186), Ѡлькса ГрБ 142, XIII/XIV, (деревня) Олексино А I 71 [1393. А III 292 сп.: А III 35, ГВНП 106, ГрБ 389 и др.]. Исх.: Алексии // нар. Олексеи (Олексѣи). Учитывая дублетные пары Игнатии // Игнатъ и т. п. мы ожидали бы для данного имени усеченный вариант Олексъ, но, вместо него, в древнерусском языке широко распространяется форма Олекса[4], которая по своему значению была квалитативной, а впоследствии — нейтральной.

5. Олиса: Олиса Кривушинской АФЗ I 125 л. 143 сп. Исходной формой было Олисеи // < Елисеи. По аналогии с дублетными парами Игнатии // Игнатъ и т. п. возникла нейтральная усеченная форма Олис, напр.: Олис (и. п.), Олиса (в. п.) гр. к. XV, АФЗ I 114 сп., а затем квалитатив мужского рода Олиса.

6. Олупа: у Павлока у Олупина XV, СШД 116. Исходным было Олупии (< Алипии или Олимпии — эти имена в памятниках смешивались). Параллельно этой возникла форма Олуп, существование которой не подтверждается реальными примерами, но может предполагаться на основании входящих в продуктивный ряд

---

[3] Характерно, что изменение склонения существительных (*ŏ* > *ā*-основы) наблюдается иногда и в современном русском языке в нарицательных именах: так, при обычных квалитативах *сынóк*, *сынóчек* употребляются в тех же значениях также *сы́на*, *сы́нка*, *сы́ночка*.

[4] По мнению А. И. Соболевского, она связана с греческим Ἀλεξᾶς — см. его Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Сб. ОРЯС, т. 88, № 3. СПб., 1910, стр. 246.

образований: Окат АФЗ I 166 л. 201 (< Окатии < Акакии, $к' > т'$), Онос тж. 200 об. (< Оносии < Онусии. . .; история имени очень сложна), Онтроп тж. 201 (< Евтропъ // < Еутропии), Григор, Григоров АФЗ I 12 л. 24 сп. (Григории). Формы Олупии или Олуп послужили основой образования квалитатива Олупа.

7. Возможно, квалитативное значение могла приобретать нейтральная форма имени Мина, от которого образовался другой квалитатив Мин-ай; ср. совр. Мит'-а // Мит'аj, Мин'-а // Мин'-аj, Фед'-а // Фед'-аj, Кол'-а // Кол'-аj. Пример: Игнатии Васильевич Минина А II 347. Впрочем, образование неясно; исх. может быть: Мин-а или Ми-н'-а (< Ми-хаилъ).

б) Мягкие основы

Выделяется группа закономерных образований, в которых мягкий согласный конца квалитативной основы соответствует мягкому согласному в составе основы нейтральной.

1. Еля: Аристъ Ели*н* с(ы)нъ А II 481. Исх.: Ел'-исеи или Ел'-изар // Елезар (< Елеазаръ): менее вероятно (редкие имена с твердым *л*): Ел-пидии, Ел-адии (< Елладии).

2. Еся: Еся А II 81 сп., Есе А II 260 сп., Есину тж. Исх.: Ес'-ипъ (// Осипъ).

3. Изося: Изося АФЗ I 12 л. 22 сп. Исх.: Изос'-оимъ.

4. Костя: Костя витязь 1395, Уляницкий 10, Костя Ондреев 1397—1427, сп., А II 13, дияк Костя А I 113 [А I 18, 66, 251, 334, А II 263, 286; 414 стр. 443; 290 л. 7, А III 224, 477]. Исх.: Кост-янтинъ (очень распространенный вариант имени Константинъ); ср. Коста — см. выше.

5. Купря: Купря А I 559 сп. [АФЗ I 12 л. 22; 32]. Исх.: (Куприанъ = Кюприанъ) > . . . > Купр-иян.

6. Ларя: Ларя А II 181, Ларинскую (пустошь) А I 253 сп. Исх.: Лар-ионъ. Неожиданное образование: Кости Ларева (вм. Ларина; может быть, образовано от апеллатива?) 1501—05 сп., Корецкий, Приложение 2.

7. Меля: (деревню) Мелинскую 1500—01, А II 301. Исх.: Мел'-ентии (< Мелетии); возможно, от Мел'-jан (Мельян) < Омельян, ср. совр. Мел'-оша.

8. Омеля: Омеля, Омели А III стр. 242, (сельцо) Омелино 1585 сп., А III 84. Исх.: Омел'-jан.

9. Ортя: Ортя, Орти СШД 128. Исх.: Орт'-ом (< Ортема, Ортемии < Артема, Артемии).

10. Пантя: Пантѧ (и. п.) 1380—90, А II 1. Исх.: Пант'-елеи, ср. выше Пент-а.

11. Перя: Перя Парфенов, Пери (р. п.) АФЗ I 308 л. 353 сп., Пере (д. п.) тж. л. 352 об. Исх.: Пер-фурии (< Порфурии = Порфюрии).

В имени Перфурии согласный *р* в первом слоге произносился мягко Пер'фурии — по аналогии с исконно русскими нарицательными, напр., церковь, первыи (др.-русск. цьркы, пьрвыи), в которых

долго сохранялась мягкость *р*, о чем свидетельствует предшествующее *е*, не перешедшее в *о*.

12. Петеля (< Пятеля): Петеля А III стр. 85, Петелѣ (д. п.) тж. Исх.: (Пантелеи > Пянтелеи, межслоговая ассимиляция согласных) > Пятелеи; ср. к ПѦтелѣю ГрБ 382, XV в.; Пятелеи > Петел′-еи.

13. Селя: Селя А III 224, Селину с(ы)ну А III 100. Исх.: Силуанъ—Сильванъ. В древнерусских памятниках отражается несколько вариантов этого имени: Силиванъ, Селиванъ, Силуянъ, Селифанъ, Селифонтии и т. п. От основы одного из распространенных вариантов (Сел-иванъ) образован квалитатив Сел′-а.

14. Спиря: Спиря А III 288, з братом Спирею А I 320 сп. [А I 636, А II стр. 535]. Исх.: (Спуридонъ = Спюридонъ) > Спир′-идон.

15. Теря: Теря А II 86 сп., до Теринског(о) пути А II 284. Исх.: Тер′-ентии.

16. Филя: Филя, Филѣ (д. п.) А II 383 [СШД 117, А I 565, 595, А II 267, А III 192, АФЗ I 125 и др.]. Исх.: Фил′-иппъ.

17. Харя: Харя А III 210, АФЗ I 103 л. 116 об. сп., Ивашко Харин А III 89 [А I 465, А II 286, 290 л. 9, 371, А III 57]. Исх.: Хар′-итонъ.

Некоторые имена с точки зрения рассматриваемого типа словообразования квалитативов представляют собой явление незакономерное: в них нет соответствия качества согласного полного имени и сокращенной основы. Таковы квалитативы, в которых твердому согласному нейтральной формы соответствует не твердый, а мягкий согласный квалитативной основы, проникший сюда под влиянием тех квалитативов, в которых мягкий согласный их основ является структурно закономерным континуантом тождественного согласного нейтрального имени. В эту группу входят следующие образования.

1. Гридя: Гридя 1397—1410 сп., А II 3, Гриди Федотова ДДГ 17, Гридя А II 115, Гридю А II 167 [А I 216]. Некоторые исследователи: Ф. Миклошич[5], А. И. Соболевский[6] рассматривают имя Гридя как скандинавское заимствование. Нам такое объяснение представляется сомнительным. Скандинавское заимствование Гридь выступало в древнерусском языке в трех вариантах: а) гридь Рус. Правда по сп. 1280 г., л. 615 в; гридемъ ('слугам') ЛЛ 44 об. (1014), гриде(м) тж. 43 об. (996); гридь (собирательное) ЛН 33 об. (1166); б) гридінъ Рус. Правда по Акад. сп. XV в., л. 43; в) /гридьба/ (собирательное от гридь) в ЛН 56 (1195), 118 (1234), ЛЛ 128 об. (1174). Непонятно, каким образом

---

[5] F. Miklosich. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. Heidelberg, 1927.

[6] А. И. Соболевский. Заметки о собственных именах. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — Сб. ОРЯС, т. 88, № 3. СПб., 1910, стр. 255.

нарицательное строго терминологического характера имя стало употребляться в значении квалитатива при имени Григории. Мы предполагаем, что форма Гридя представляет собой или непосредственное квалитативное образование от нейтральной формы: Григории > Григ-а (см. об этой форме выше) > Григ'а > Грид'-а, или трансформацию уже существовавшей формы Григ-а > Григ'-а > Грид'-а, причем в обоих случаях конечная форма возникла под влиянием квалитативов с мягкой сокращенной основой: Еся, Спиря и т. п. Изменение *к'* > *т'*, *г'* > *д'* было хорошо известно в древнерусском языке: Окакии (Акакии) > Окатии: Окатьева свободка 1339, ДДГ 1, отсюда — Окат: Окату Иванову А I 586; Овдокия > Овдотья: от Овдотьины земли 1400—10 сп., А I 17; Оникии (Оникеи < Иоанникии) > Онитии: Онитиѧ СТ XIV—XV, 150 а; Лукьян > Лутьян: на Лоутьѧнь (*-нь* вм. *-нѣ*) ГрБ 162, к. XIV—XV; Полагея (Пелагия) > Поладья (Пеладья): Пеладью СТ XIV—XV, 120а Поладьица А II 168. Характерно, что один из ранних примеров перехода *г'* > *д'* в рассматриваемом имени: оу Гридшины(х) воротъ ЛИ 174 об. (под 1157 г.) представлен в той части летописи, в которой постоянно смешиваются *д* и *г* в формах другого имени: Гюргии — Дюргии. Итак, *д'* в квалитативе Гридя возникло фонетически на русской почве, а основа имени совпала с основой скандинавского заимствования Грид-ь (Грид-инъ).

2. Миня: Миня чернец 1410—27 сп., А I 28; ср. в грамоте А I 27 сп.; то же лицо названо Мина чернец.

3. Митя: Митя А I 306, 416, А II 165, 258, 290 л. 13, 463, А III стр. 219 и др. Фетко Митин А I 592; по грамотѣ ... по Митинѣ ГВНП 122. Исх.: Мит-рии.

4. Мотя: Иване Мотине (вм. Мотинъ) ШД 67 сп. Исх.: (Матфѣи) > Мот-феи (Мотвеи); возможно, *т* > *т'*: Мот'-фей (Мот'-вей).

5. Оря: Артемеи прозвищем Оря 1375 сп., ГВНП 287. Исх. указано в самом тексте.

6. Сася: Василеи: ... Сасинъ ШД 24, 83, 110, Василеи Сасиничь ШД 111, оу Сасинихъ ... дитеи ШД 110. Исх.: Сас-онъ.

7. Сатя: до Сати АФЗ I 31 сп. Сатя, Сати (р. п.) А III 364 сп.; ср. бортник Сота тж. Вариант—Сятя брат... Сятя А III 393 а сп., возник в результате межслоговой ассимиляции согласных *с — т'* > *с' — т'*; подобный тип ассимиляции был очень распространен в заимствованных личных именах. Исх. неясно.

Особую группу составляют квалитативы с конечным *-ня*: Ва-ня, Офо-ня и т. п. Происхождение этого элемента слова неясно. Его с равным успехом можно рассматривать: 1) как часть сокращенной основы имени: Офон-асии > Офон'-а (с меной *н* > *н'*); ср. Митрии > Мит'-а, Фил'-иппъ > Фил'-а; б) как суффикс *-н'а* (очень продуктивный в XV в.): Офо-насии > Офо-н'а; ср. Доро-фей > Доро-н'а, Иса-к > Иса-н'а и т. п. (см. ниже). К этой группе относятся следующие квалитативы.

1. Ваня: Ваня АФЗ I 12 л. 24 [АФЗ I 169 л. 207 об.; 259 л. 299 об.].

2. Зеня: Зене (д. п.), Зенину, Зенина 1519—20, А III 390 стр. 403. Исх.: (Зиновии) > Зен-овии.

3. Ивоня: Ивоня А I 120, (старец) Ивоня А II 481 [А II 409 стр. 427; 472, А III стр. 243; ГВНП 96]. Исх.: Иона.

4. Миня. Имеется целый ряд примеров: село Мининское 1253 сп. АЮБ I, 63/I. Миня Васильевъ ШД Прил. III, Миню Петрушина А I стр. 441 сп., Минѧ Чишнин А II 290 л. 13. Все эти примеры неясны и могут быть истолкованы или 1) как образования от основы Ми- (Ми-хаилъ, Ми-кола, Ми-кифоръ, а также Ми-на) при помощи суффикса -ня, или 2) как образование с квалитативной основой Мин′-. Есть примеры непосредственно связанные с именем Мина: Миня чернец 1410—27 сп., А I 28 (об этом примере см. выше).

5. Окиня: Окиня АФЗ I 22 л. 36 сп. Исх.: (Иакинфъ) > Окинфъ.

6. Офоня: Офоня А I 587 [А I 330, 594, А II 296 стр. 253; 327; 406, стр. 423; А III стр. 223]; вариант без начального *о*-: Фоня: (пустошь) Фонино А I 219. Исх.: Офонасии.

7. Паня: Паня Дешевцовъ А II 472 [А I 20, 439, 562 стр. 442; А II 288, АФЗ I 12 л. 20 об. сп.]. Исх. может быть: а) Панкратии, а также Пан-телей (параллельно с Пантя — см. выше); б) Па-велъ > Па-ня.

8. Саня: на Ольфимѣ Санинѣ А I 257, Саня А I 468 сп. Исх.: Олек-сан-дръ или Олек-са-ндръ.

9. Тереня: Тереня 1503—04, А III 469. Исх.: Терентии. Возможно, сюда же Треня АФЗ I 12 л. 24 об. Вариант Трентии в памятниках известен.

10. Тихоня: Прибыл Тихонин А II 260. Исх., вероятно, Тихонъ, а не прилагательное Тихыи > Тих-он-я.

Женские имена

В их образовании те же закономерности, что и в мужских именах.

а) Твердые основы

Фовра—Ховра (мена *ф* > *х*): и ты Фовро (зв. ф.) ГрБ 265, XIV/XV; Володимеръ... Ховринъ А II 347 [А II 150]. Исх.: Февр-онья // Ховр-онья.

б) Мягкие основы

1. Вася: женка Вася А III 400 сп. Исх.: Вас′-илисса > Вас′-а; менее вероятно (редкое имя): Вас-а (< Васса) > Вас′-а (с меной *с* > *с′*).

2. Гуля: дочь Гуля А III 394 сп. Возможно, первоначальной формой квалитатива было Уля от сокращенной основы Ул′-jана.

в) Особые образования: твердый согласный в нейтральном имени чередуется с мягким согласным в квалитативе: Настя: Настю А I 251. Исх.: Наст-асья > Наст′-а.

III. Несколько общих замечаний. Несуффиксальные квалитативы с конечным *-ъ*, *-а* от твердых и мягких (полумягких) сокращенных основ греко-христианских имен являются сами по себе сравнительно более поздними образованиями. Их образование можно по-разному объяснять.

Можно было бы допускать, что они образовались под влиянием известных в среднегреческом языке квалитативов с сокращенной основой, континуантами которых являются современные греческие формы типа: Κωνσταντῖνος — Κώστας — Κωστάκις, Σπυρίδων — Σπῦρος и т. п.[7]

Однако мы не знаем, насколько продуктивны были эти образования в среднегреческом языке вообще, насколько употребительны в его книжной (церковно-книжной) сфере и как широко распространились их транслитерированные рефлексы в древнерусской духовной среде, которая могла быть основным посредником при распространении греческой квалитативной антропонимики в древнерусском языке. Учитывая тот факт, что среди русского духовенства более поздней (а, следовательно, и ранней) поры господствовали в личном общении официальные формы греко-христианских имен, мы должны отрицательно ответить на вопрос о роли среднегреческих именных форм в процессе складывания интересующих нас типов антропонимических квалитативов в древнерусском языке.

По-видимому, рассматриваемые формы возникли самостоятельно в самом русском языке. Можно, например, предполагать, что они получились по определенным словообразовательным моделям дохристианских имен, именно по образцу несуффиксальных квалитативов с сокращенной основой. Однако в памятниках встречается незначительное число подобных форм, например, квалитатив от Володимиръ > Володя: Володя ДДГ 62, Володѣ А I 603, Володины земли (р. п.) А I 457 [А I 167, 328, 422, А II 93, А III 443]. Гораздо больше дошло до нас суффиксальных образований от разных основ: Мирошко, Станило, Милята, Ярьць и т. п. Поэтому есть основания предполагать, что именно суффиксальные квалитативы древнерусских дохристианских имен вызвали к жизни аналогичные образования от заимствованных греческих имен, а в последних выделились в результате обобщения конкретных суффиксальных образований их сокращенные производящие основы. Эти основы были двух типов: 1) с твердым конечным согласным без флексии: Спиридъ и т. п. 2) с мягким (реже твердым) согласным и с конечным *-а*: Федя, Костя, Грига и т. п. Среди этих образований больше всего внимание исследователей привлекали мягкие основы. Конечное *-а* в мягких основах (Кост′-я, Мит′-я) обычно связывают с историей имен существительных, обозначающих молодых животных и имеющих в своей основе суффикс *-ат-*,

---

[7] E. Kalitsunakis und A. Thumb. Grammatik der neugriechischen Volkssprache. Berlin und Leipzig, 1928, стр. 65.

восходящий к праславянскому *-ęt-: козля, р. п. козляте и т. п. Ниже мы будем специально говорить о квалитативах с суффиксом *-ат-* (Петрята и т. п.), и замечания о конечном *-а* в образованиях типа Мит′-я, Кост′-я и т. п. будут даны там же.

Суффиксальное образование квалитативов от сокращенных основ

IV. Рассмотренные в предыдущем разделе статьи безаффиксные квалитативы с сокращенной основой послужили базой образования множества разнообразных квалитативных форм. Последние образуются при помощи двух рядов суффиксов. В первый входят те же суффиксы, что и в квалитативах от полных основ: *-ъко (-ько)*, *-ъка (-ька)*, *-ьць*, *-ица*. Это группа общеквалитативных суффиксов. Ко второму ряду относятся суффиксы, образующие формы только от сокращенных основ *-уха*, *-уня*, *-ня* и т. п. (от полных основ подобные образования, по крайней мере в рассматриваемых памятниках, не встречаются). Из этого правила есть исключения. Односложные полные основы (напр., Петр-, Марф-а, Павелъ [Павл-а и др.]), приближающиеся по своему типу к односложным квалитативным основам (Мит′-а, Ван′-а, Кост′-а и т. п.) могут иметь квалитативы как со «своими», первой группы, суффиксами, так и суффиксами квалитативных основ; ср. Петр-: Петр-ьць, Петр-ъкъ (Петрокъ) и Петр-уша; Марф-а: Марф-ица и Марф-уша: но полные двусложные и многосложные основы обычно квалитативы с суффиксами второй группы не образуют; ср. Иван, Иван-ьць, Иван-ъко, но не Иван-уша; Макар: Макар-ъко, Макар-ьць, но не Макар-уша. Правда, в современном русском языке есть квалитативы Иванушка, Макарушка, но, вероятно, это были образования более поздней эпохи, когда простые, квалитативные суффиксы осложнились другим, обычно суффиксом *-к-*: *-уш-* > *-уш-к-*, а возникшие таким путем сложные суффиксы стали употребляться при образовании квалитативов как от сокращенных, так и от полных основ.

Итак, в соответствии с вышеизложенным мы квалитативы от сокращенных основ делим на две группы: 1) образования с общеквалитативными суффиксами и 2) образования с суффиксами сокращенных основ.

Квалитативы от сокращенных основ с общеквалитативными суффиксами

Суффикс *-ъко (-ько)*//*-ъка (-ька)*

V. Квалитативы этой группы образуются:

1) от твердых и мягких основ (правда, на письме мягкость согласного очень часто, обычно не отмечается); 2) от основ самостоятельных и несамостоятельных; при этом не всегда можно

с уверенностью сказать о характере основы в данном отношении. Напр., Мортко (< Мартинианъ или Мартынъ < Мартинъ): неясно, представлена ли здесь самостоятельная основа Морт-а или несамостоятельная Морт-.

Относительно самих суффиксов заметим, что наблюдается значительное колебание в употреблении *-ъко* и *-ъка*. Это проявляется как в склонении самих квалитативов с данными суффиксами, так и в образовании от них притяжательных прилагательных: ср. Васька — Васько, Лупка, в. п. Лупку — прил. Лупкин, Серко — прил. Серков, Семко — Семков и Семчин (< Семкин). Подробнее о квалитативах с *-ко* и *-ка* от сокращенных основ будет сказано ниже, здесь мы приводим материал в зависимости от основ: а) твердые ŏ-основы, б) мягкие ŏ-основы, в) мягкие ā-основы; группировку и разделение материала в зависимости от суффиксов *-ъко* и *-ъка* ввиду непоследовательности их употребления мы не производим. Что же касается производящей основы, то мы следуем принципу: указываем или самостоятельную основу или несамостоятельную в составе полного имени (если самостоятельная сокращенная основа данного имени нам неизвестна). Подобный принцип приложим к языку XV в., но в старший период русского языка отношения квалитативов к производящей основе были несколько иные. Первоначально они все образовывались, вероятно, от несамостоятельных сокращенных основ.

а) Квалитативы от сокращенных твердых ŏ-основ

Хотя эти квалитативы образовались, возможно, после падения редуцированных, мы даем суффиксы *-ъко*, *-ько*, *-ька* данных и других квалитативов в их исходной форме, которую имели дохристианские имена: ср. Дъмъка в приписках к Минее 1095, 1096 г.

1. Адъка: Петре Адкине (вм. Петръ Адкинъ) XV сп., ГВНП 323. Исх.: возможно, Ад-рианъ (книжный вариант имени); в народной речи бытовал Ондреянъ.

2. Аръко: Арко 1490—91, АФЗ I 12 л. 22. Исх.: Ар-кадии, Ар-тем(а).

3. Демъка: Демка, Демку (в. п.) А I 450 сп. [СШД 128, А II стр. 251, 252, А III 473]. Исх.: (Дамианъ > Демъянъ и Дометии > Дементии) > Дем-а; об *м'* > *м* в основе (Дем-а) см. выше, § 2.

4. Еремъка: Еремка А III 435 сп. [А II стр. 407]. Исх.: Ерем-а (об этой основе см. § 2).

5. Климъко: Климко 1392—1427 сп., А I 10 [А II 463]; вариант: Клемко А III 398 сп. Исх.: Клим-ъ (< Климентии) или Клем-ентии.

6. Конъко: Серко Ко*н*ков да Ярець Конъко*в* А I 340 [А I 456]. Исх.: (Кон-онъ > // Кон-анъ) > Кон-ъ (ср. фамилию Конов).

7. Коснятько: Коснѧтъко ЛИ 121 (1146). Исх.: Костантинъ > Ко-стянтинъ (ассимиляция *т-т'* > *т'-т'*) > Коснят-инъ (Къснятинъ) — сложный фонетический процесс: гаплологическое выпадение *т* и метатеза внутри вновь образовавшегося слога: -сян- > -сня-.

Иначе — А. И. Соболевский[8] и Э. Бернекер[9], а затем В. Симович[10], которые связывают эту форму с *закоснити* < **закостьнити*.

8. Костъко // Костько: в. п. Костка ГрБ 298, XV, Иванъ Костковъ ШД 34, у Костковы(х) дете(и) ШД 59 сп., д. п. Костке ГрБ 250, 30—60 XIII. Орфография примеров допускает чтение Костъко и Костько, поэтому можно предполагать разные основы: Кост-антинъ и Кост′-антинъ (оба варианта имени были известны в древнерусском языке).

9. Левъка: замужем за Левкою А III 399 сп., и. п. Левка, в. п. Левку А III 215, Митя Левкин А II 260 сп.

10. Лупъка: в. п. Лупку, Лупкино... место А I 590 сп. [А I 587]. Исх.: О-луп-ии (предистория сложна: в древнерусском смешивались Алипии и Олимпии).

11. Манъко: Манко АФЗ I 22 л. 35 сп. Исх.: (Ман-уилъ) > Мануило (-ла).

12. Матъко: Матоко (зв. ф., вм. Матько), селце Матковское А I 523. Исх.: Мат-феи.

13. Палъка // Палька: Палка 1455—57 сп. А I 258 а, от Палки от Савелова А I 269, пустошь Палкинскую А I 334 [А I 340, 372, 473, А II стр. 207, 208, 317, А III 50, 211 и др.]. Написания неопределенны, допускают чтение Палъка и Палька (ср. совр. квалитатив Паля и Палька). Оба варианта образованы от основ. Павл- // Павл′-, в которых *в* (>*у̯*) фонетически утратилось в закрытом слоге; ср. аналогичные образования Самулко, Измалко, Михалко с утратой *і* в тех же условиях. Подробности см. в первой статье.

14. Павъко: Павкова роду А III 420 сп. Исх. Пав-ел // р. п. Пав-ла.

15. Самъко: Самкова (пустошь) А I 81 сп., с Самком с Колцевским А III 164 сп. Исх.: (Самуилъ) > Сам-оило (-ла).

16. Семъко: р. п. Съмъка ГрБ 105, 30—50 XII, Данило Семков А II 187 сп., в Семцинском селѣ ДДГ 22. Исх.: Сем-а, Сем′-он (< Сумеонъ = Сюмеонъ). В первом примере, возможно, было: Съм-енъ (один из распространенных вариантов данного имени). В примере Семцинскии представлено образование от Сем-ьць — Семчинскии с *ч* // *ц* (цоканье).

17. Серъко: Серко, 1397—1427 А II 22 сп., у Серка, Серкова коса 1397—1427, А II 11 сп. [А I 456, А II 70, 72, 290 л. 19, АФЗ I 117 л. 132]. Исх. неясно. Возможны: Сергеи (Сергъ), Серапионъ, Серафимъ, скорее всего первое имя (более распространенное).

---

8 А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 145.

9 E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1908—1913, стр. 583.

10 В. Сімович. Українські іменики чоловічого роду на -о в історичному розвитку й освітленні. Праці Українського високого педагогічного інституту ім. М. Драгоманова у Празі. Науковий збірник, т. I. Прага, 1929.

18. Сидъко: Сидко ДДГ 71, за Сидком А III стр. 222 [А III 280]. Исх.: (Исидоръ) > Сид-оръ.

19. Степъко: д. п. Степкову А II 407. Исх.: Степ-анъ или Степ-а.

20. Тимъка: (деревня) Тимкино А II 290 л. 14 об. Исх.: Тимофеи или, менее вероятно, Тим-онъ (> Тим-ан) или Тим-а (подобный деминутив известен в современном языке).

21. Ходъко: Ходко Бобылскій 1361 сп., АЮЗР I, 1, Ходкови тж. Исх.: (Феодоръ > Федоръ) > Ход-ор.

22. Чуръка: сынъ Чуръкинъ А I 444. Исх.: (Куриллъ = Кюрила > Чурила) > Чур-а; возможно, связано с именем Киръ: (Куръ = Кюръ) > Чуръ [11].

23. Юръко // Юръка: а) Юрки ГрБ 357, XIII/XIV, и. п. Юрка 1390—1406 сп., АФЗ I 10, А II 104, съ Юркою А III 420 сп., Митя Юркин А II 165. [А I 185, 252, 487, А II 185, 238, 290 л., 30 об., А III 288]. б) у Юрка ГрБ 161, XV. Исх. для обоих вариантов Юр-а. Кроме того, существовал вариант Юрька: Юрька ШД 91, Юрька, Юрьку и Юрки А I 340 [А III стр. 218]. Исх.: (Георгии > Гюрь-ии) > Юр′-ии.

24. Яропъка: дети Яропкины А I 624 сп., у Ондрѣя у Яропкина ДДГ 71. Исх.: Ероф-еи (с меной *ф* > *п*, *je* > *ja*).

б) Квалитативы от сокращенных мягких ā-основ

1. Ванько // Ванька. а) (деревня) Ваньково 1463—78, А III 202. б) и. п. Ванка 1480—90 сп., А III 401. Исх.: Ван′-а.

2. Васько (Ваське, Васька): а) Васко 1361 сп., АЮЗР I 1; Васько А I 129, 240, АФЗ I 12 л. 23, ГВНП 265; р. п. Васка А II 383 [А I 61, 204, 549, А II 86, 287, 289 — стр. 208, А III 35, 67а, 213, 469].

б) Васка 1447, А III 465, А III 395 [А I 595 сп. — формы с *-ко* // *-ка*, А III 365 сп. — формы с *-ко* // *-ка*].

в) Васке (и. п.) ГрБ 161, XV.

3. Гридько // Гридька: а) Гридко А I 425 сп. б) Гридка А II 167, з Гридкою А II 84. [А I 238, 340, 635, А II 168, А III 163]. Исх.: Грид′-а. В написаниях Гридко было мягкое *д* (мягкость не обозначена), оно перед *к*, вероятно, не становилось твердым; ср. различение твердых и мягких фонем в положении перед *к* (сильная позиция) в современном русском языке.

4. Елька: Елько А II стр. 439, с Елкою тж. стр. 440, Елькин сын А III 43 [А II 408, 410, АФЗ I 22 л. 36 об.]. Исх.: Ел-исеи.

5. Енька (или Енъка). Енкиньскую (пустошь) А II 324. Исх. неясно. Возможны два варианта: а) (Ген(н)-адии) > Ген-ъко, но ср. в древнерусском народном языке было Гонадии, Ганадии, б) Евгении > Ген′-а (Ен′-а); ср. у Тургенева: Еня, Енюша (так называет Евгения Базарова его мать).

---

[11] Относительно изменения *к* > *ч* в именах Киръ, Кириллъ, а также Никифоръ существует обширная литература, рассмотрение которой не входит в задачу настоящей статьи.

6. Еська: оу Ѥски 1339, ДДГ 1а, Єска 1397—1427 сп. XV, А II 46 [А I 10, 204, 274, 340, 444, А II 264, А III 364, 474, ГВНП 111, 279]. Исх.: Ес′-ип // Осип (< Иосифъ).

7. Ирько: Симан Ирков А I 79 сп. Исх.: Ир′-инархъ.

8. Кирька или Киръка: Кирка з детми ГВНП 323. Исх.: Кир′-иллъ (или Кир′-jакъ) или Кир-а (ср. совр. Кириллъ > Кира).

9. Ларька: Ларка А II 290 л. 12. Исх.: (Ларионъ) > Лар′-а.

10. Митько, Митька, Митькя: а) пани Митковое Гр. нач. XIV, АЮЗР II 64 / II, Митко ДДГ 71; б) Митька АФЗ I 22 л. 36 об., с Миткою А II 293 сп., пожня Миткиньская А II 168 [А I 628, А III 469]. В формах не все ясно. Возможно, следует различать Митько (< Мит-рии) и Мит′ка, Мит′к′а (< Мит′-а).

11. Мортъка: Олексинъ дворъ Морткинича ЛН XIII—XIV, 148 (1270); Харламъ Мортка 1397—1427, А II 8, Харлам Мордка (*д* вм. *т*) 1473 сп., А II 223, стр. 144. Имя Мортка в последних двух примерах играет роль прозвища, но не является нарицательным Мордка (> Мортка, от Морд-а), а уменьшительным личным: подобные случаи употребления личных в роли второго имени (прозвища) в древнерусском языке, хоть и редко, встречаются. Исх.: Март-емьянъ (< Мартинианъ) или Март-инъ с меной *а* > *о*.

12. Обросько: Оброска (в. п.) 1511—12, А III 242. Исх.: (Омбросии) > Оброс′-им.

13. Омелька: Омелка А III 418а сп., Омелке (д. п.) 1504—05, А III стр. 242. Исх.: (Омельян) > Омел′-а.

14. Ониська: Ониска Есипов А II стр. 462 [А I 258а]. Исх.: Онис′-им. Ср. современная украинская фамилия Онисько, с сохранением мягкости *с*, но в русском женском имени Ониска (< Онис′-jа) *с′* > *с* наряду с сохранением *с′*.

15. Офонька: Офонка А III 398. Исх.: (Офонасии // Афанасии) > Офон′-а.

16. Панько (-ька): а) Панько, съ Панкомъ Гр. нач. XIV, АЮЗР II, 64/II, с Панковым (починком) 1410—27, А I 18 сп., Паньковскую землю 1428—32, А II 49 сп., (деревня) Панково А II 290 л. 11 об. б) Панка (и. п.) 1464—82, А III 364 сп. XVIII, Панкин (сын) 1483—1503, А III 323 а [А I 562 сп., А II 288, 492, стр. 534 — грамоты конца XV в.]. Исх.: (Пан-кратии, Пантелей) > Пан′-а.

17. Пенько: починок Пенков А III 214. Исх.: Пен-телей (в произношении Пен′-телей < Пан-телей).

18. Петька: Петка А III 429 сп. Исх.: (Пет-ръ) > Пет′-а.

19. Савостька: Савостка А III 422 сп. Исх: (Севастианъ) > Савост′-а или Савост′-jанъ.

20. Селька: Селка А II 244 сп., оу Иваша оу Селкина ШД 25 [ШД 23, А III стр. 241, АФЗ I 12—л. 21 об., 22—л. 35]. Исх.: (Сильванъ или Силуанъ) > Сел′-иван или (Сильвестръ) > Сел′-иверст.

21. Спирько, Спирька. а) (слобода) Спиркова 1401—02, ДДГ 17, (пустошь) Спирково А III 272 сп. XVIII; б) Спирка 1535—36, АФЗ I 21 сп. Исх.: (Спиридонъ) > Спир'-а.

22. Федько, реже Федька: а) Федко 1397—1427 сп., А I 8, д. п. Фетку 1393—1427, А I 11; т. п. Федкомъ нач. XIV, АЮЗР II 64/I [ШД Прил. III, АФЗ I 22—л. 35 об., 117—л. 133 об.].

б) Фетька 1465—66, А II 463, но там же Фетько [А I 108, 260, 361, 426, 589, 592, А II 379, А III 16—л. 30, 67а, 275, 281]. Исх.: (Федоръ) > Фед'-а.

23. Филька: Фи(л̑)а, оу Фи(л̑)кы ШД 33, А III 398 сп. [А I 562, А II 290 л. 10 об., 483, А III 399, 469 и др.]. Исх.: (Филиппъ) > Фил'а. Вариант: Пилка 1490—91, АФЗ I 12 л. 22 сп.

24. Харько, Харька, Хорько: а) Харка, Харкины дети А III 399, с Харькою 1503—04, А III 469, Харкю А I 581 сп. [А I 558 сп., АФЗ I 12—л. 24, 157—л. 177 об.]. б) Харко 1495—97, А I 581 сп. [АФЗ I 165—л. 195]. в) купи... оу Хорка ШД 84, за Хорком А III 395 сп. Исх. для варианта *а* и *б*: (Хар'-итонъ) > Хар'-а, для варианта *в*: Хор'-а (< Хоритон, Хоритан, Хоретан — все варианты известны в памятниках).

Суффикс *-ька* > *-ка*

VI. Рассмотрим его отдельно от двух предшествующих. Он образует квалитативы от мягких ā-основ женского (реже мужского) рода. Среди последних различаются две разновидности: а) односложные или двусложные основы, представляющие собой начальную часть полной нейтральной формы имени. Квалитативов с подобными основами в памятниках известно немного.

1. Катька: Катка А III 394. Исх.: (Кат'-ерина) > Кат'-а.

2. Настька: Наська, Наською (выпало *т*) 1521 сп., А III 391. Исх.: (Наст-асья) > Наст'-а.

3. Офроська: Офроска А III 428 сп. Исх.: (Офрос'-инья) > Офрос'-а.

4. К этой же группе примыкает мужское имя Кузька: Кузека (д. п., *-зе-* вм. *-зь-* или *-з-*) ГрБ 163, 60—90 XII. Исх.: Кузьма или Куз'-а.

5. Сюда же относится квалитатив Анька от имени Анна. Собственно от этого имени известны два квалитатива: Анъка и Анька (на письме в памятниках XV в. эти различия не отмечаются, обычно пишется Анка). Возникновение этих параллельных форм было связано с произносительными вариантами имени Анна. В соответствии с греческим Ἄννα в славяно-русских календарных текстах встречаются три именных варианта: Ана, Анна (Анъна) и Аньна. Первый вариант очень скоро утратился в языке, третий (Аньна) сохранялся довольно долго, а второй дожил до наших дней в качестве основного. Рассматриваемые квалитативы связаны с двумя последними вариантами имени Анна. Квалитативная форма Анька образована от сокращенной основы Ан'/-на имени

Анька, в котором произносился не один долгий согласный, а два различающихся твердостью и мягкостью *н*, а квалитатив Анка связан с вариантом Анна (Āнa), с его полной основой, причем во вновь образованной форме долгое *н* перед согласным, то есть в конце слога сократилось: Āнa (граф. Анна) > возможно, в др.-русск. Āн-ъка (ср. совр. Āн-ушка) > после падения редуцированных Ан-ка. Примеры в памятниках редки: Анка АФЗ I 12 л. 21 об. сп. (=Анка или Анька).

6. Особый случай образования с *-ьк(а)* представлен в квалитативе Варварька: с Варварькою 1455—75, А II 168. Возникновение мягкого *р* в этом квалитативе в соответствии с твердым *р* в нейтральной основе Варвар-а неясно. Возможно, здесь отражается влияние родственной формы с мягким *р* (Варвар′-ица или Вар′-ка).

б) Вторую группу основ образуют имена на *-ия*: Мария, Анастасия и т. п., в которых в результате переноса ударения суффикс -иј- изменяется в -ј: Ма́р′-иј-а > Ма́р′-ја, Анаста́с′-иј-а > Наста́с′-ја[12]. Как показывают нижеследующие примеры квалитативы с суффиксом *-ька* образовывались от сокращенных основ, возникающих в результате отбрасывания *-ј-* в формах с ударением не на *-и́я*, а на предшествующем слоге: Ната́л′-ј-а > Ната́л′-ька. Таких квалитативов, приближающихся по своему типу к образованию от полных основ, по памятникам известно значительное число.

1. Ануська // Оноська: дочь ... Ануска А III 399, Оноска А III 401 сп. Исх.: (Анусия = Анюсия) > Анус′-ја // Онос′-ја.

2. Дарька: женат на ... Дарке А III 409 сп. [А III 433 сп., 446]. Исх.: (Дария) > Дар′-ја.

3. Зеновька: дочь Зеновка А III 420 сп. [А III 454]. Исх.: (Зиновия) > Зенов′-ја.

4. Марька: с Марькою А III 67а. Исх.: (Мария) > Мар′-ја.

5. Настаська: Настаску А III 403 сп. Исх.: Настас′-ја.

6. Наталька: Наталка А III 419 сп. Исх.: Натал′-ја.

7. Овдотька: Овдотку А III 442 сп. [А III 428 сп.] Исх.: (Еудокия) > Овдот′-ја.

8. Офимька: Офимка А III 395 сп. [А I 450]. Исх.: (Еуфимия) > Офим′-ја.

9. Понарька: с Понаркою А II 168 сп. Исх.: (Аполлинария > Полинария > Понинария) > Понар′-ја.

10. Устинька: Устинку А I 562 сп. Исх.: (Иустиния) > Устин-ја.

11. Федоська: (дочь) Федоска А III 416 сп. Исх.: (Федосия) > Федос′-ја.

---

[12] Подробности об этом см.: Б. А. Успенский. Из истории русских канонических имен. М., 1969 (там же литература вопроса); Он же. Никоновская справа и русский литературный язык. — ВЯ, 1969, № 5.

12. Ховронька: Ховронка А II 168. Исх.: (Феврония) > Ховрон'-ja.

К этой же группе образований относятся квалитативы от мужских имен с ā-основой:

1. Илька: Илькинское село Гр. XIV в., Лопарев 173. Исх.: Ил'-ja.

2. Онанька: Онанка А II 117, А III 68, с Онанкою, на Онанку А II 387. Исх.: Онан'-ja. Добавим также, что от другого варианта того же имени Онан (ср. совр. Онанов) возник другой квалитатив Онанко с твердым *н* в конце производящей основы.

В заключение обзора форм с суффиксом *-ька* отметим, что в ряде приведенных квалитативов впоследствии произошло отвердение конечного мягкого согласного основы. Отвердели губные согласные (Зеновька > Зеновка, Офимька > Офимка, ср., совр. Химка), зубные: *л* (Наталька > Наталка), *с* (Ониська > Ониска), *р* (Марька > Марка, откуда впоследствии несуффиксальный квалитатив Мара) и т. п. Это отвердение согласных протекало в духе общих закономерностей развития древнерусского языка позднего периода: ср. отвердение губных в конце слова или слога (дамь > дамъ), отвердение зубных в середине слова (женьский > женский, январьский > январский и т. п.).

Суффикс *-ица*

VII. От квалитативов с сокращенной (суффиксальной или несуффиксальной) основой на согласный, изменяющейся по типу ā-основ могли быть образованы вторичные формы с суффиксом -иц-а: Наст-я > Наст-ица, Маш-а > Ма-ш-ица.

Подобного типа квалитативы могли иметь все женские имена:

1. Аница: Аница А III 398 сп. [А I 562]. Поскольку буква *н* в древнерусской письменности обозначала *н* и *н* долгое, то данное написание можно читать как Аница и Анница и, следовательно, предполагать две исходных основы квалитативов: сокращенную Ан'-на (граф. Аньна) и полную Анн-а.

2. Грушица: Грушица А III 473. Исх.: (Аграфена > Огрофена // Огрофѣна > Огруфена // Огруфѣна) > Огру-ш-а. Правильность предложенной схемы подтверждается данными из древнерусской письменности;

а) Огрофѣна 1432—45 А I 102, 103 и др. б) Огруфену СТ XIV—XV, 98 а (2 раза), 100 а, 110 а, б и др. (с другой графикой — тж. 22 а, 55 в, 59 а, 97 а, 124 г и мн. др.), Ѡгруфенью тж. 8 в. А. И. Соболевский [13] ошибочно видел в квалитативе Груша исходное нарицательное имя груша.

3. Дуница: Дуница А III 398 [А III 438, 450]. Исх.: (Евдокия > Овд-отья > Овд-уня) > Дун'-я. Подтверждающий материал:

---

[13] А. И. Соболевский. Груша и Дуня. Живая старина, I (1891), № 1, стр. 126 и след. (или Сб. ОРЯС, т. 88, № 3, 1910, стр. 252 и след.).

Овдуню СТ XIV—XV, 120 г. Иначе — А. И. Соболевский[14], который в качестве исходной основы предполагал нарицательное дуля 'груша' > дуня.

4. Маница: женат на Маньице А III 416 сп. Исх.: Ма-н′-а (Ма-рья или, возможно, Ма-н′-j-а (если ь в Маньице не описка).

5. Машица: Машица 1510, А III 473. Исх.: (Ма-рья) > Ма-ш-а.

6. Настица: Настица 1510, А III 473; А III 446. Исх.: (Настасья < Анастасия) > Наст′-а.

7. Огреница: Огреница А I 253 сп. Исх.: (Огр-офена) > Огр-ен-а.

8. Онтюшица АФЗ II стр. 19 сп. Исх.: (Евтухия = Евтюхия) > . . . > Онтюш-а (ср. § 18) или Онт′-уш-а (ср. § 28).

9. Парашица: Парашицу А I 394 сп. Исх.: (Параскева > Парасковья) > Пара-ш-а.

10. Саница: с Саницею А III 397 сп. Исх.: (Олек-са-ндра > Лек-са-ндра) > Са-н′-а (или Сан′-а).

11. Феница: Феница А III 398 сп. Исх.: (Феодосия > Федосья или Феодора > Фе-дора) > Фе-н′-а.

Вторичные квалитативы с суффиксом *-ица* могли быть образованы от сокращенных квалитативных основ, суффиксальных и несуффиксальных, многих мужских имен:

1. Гридица: Гридица, з Гридицею А III 100 [А I 394, А III 67, 393, 413]. Исх.: (Григ-ории > Григ-а) > Грид′-а (см. выше § 2).

2. Демица: (село) Демицино А I 185 (АФЗ I 169, л. 206 сп.]. Исх.: (Дамианъ > Демьянъ или Дометии > Дементии) > Дем-а.

3. Костица: Игнатьевы дѣти Костицыны XIV—XV, Мейчик, стр. 116а, на Костице 1510, А III 473. Исх.: Кост-а (. . . < Константинъ) или Кост′-а (< Кост′-антинъ, граф. КостАнтинъ); *т* и *т′* перед *и* не различались.

4. Митица: с Митицею А II 168, Митицу ДДГ стр. 345 [А I 253, А III 67]. Исх.: (Мит-рии) > Мит′-а.

5. Окиница: Окиницу А I 562 сп. Исх.: (Иоакимъ > Акимъ > Оки-м) > Оки-н′-а; менее вероятно: (Иакинфъ > Окин-ф) > Окин′-а, потому что в народной речи был распространен вариант Онкиф.

6. Офоница: сына Офоницу А III 409 сп. [А I 619]. Исх.: (Афанасии > Офон-асии) > Офон′-а.

7. Першица: Першица (и. п.) ГВНП 307. Исх. (Порфурии = Порфюрии > Пер-фирии // Перх-урии) > Пер-ш-а или Перх-а.

8. Полуница: Полуница 1501—02, АФЗ I 169, л. 206 сп. Исх. неясно, возможно, всякое имя, начинающееся с Полу- (< Полу = Полю-): Полу-карпъ, Полу-ехть и др.

9. Тереница: Тереница 1501—02, АФЗ I 169, л. 206 сп. Исх.: (Терен-тии, граф. Терентии) > Терен′-а.

10. Тимоница: купил . . . Тимоницу 1510, А III 460 сп. Исх.: (Тимо-феи) > Тимо-н′-а.

[14] А. И. Соболевский. Груша и Дуня.

11. Филица: Филицу... Володина ДДГ стр. 347. Исх.: (Филиппъ) > Фил′-а.

К представленному типу форм примыкают также образования от квалитативов Ерема, Лева, Олекса, которые представляют собой полные основы, приобретшие квалитативное значение в результате изменения типа склонения имени:

1. Еремица А III 262.

2. Левица: Левицу... сына А III 427 сп.

3. Олексица: (пустошь) Олексицино А I 444.

Суффикс *-ик-*

VIII. Образования с *-ик-* от сокращенных (квалитативных) основ, видимо, в древнерусском языке не существовали. Отметим лишь один, не совсем надежный пример: Пѧнтьликъ (и. п.). ГрБ 23, к. XIV — н. XV в. (чит.: Пѧнтелике с *е* вм. *ъ*). Подобные образования получили распространение позже: ср. совр. Толя — Толик, Тоня — Тоник (женское имя) и т. п.

Суффикс *-ець (-ьць)*

IX. Квалитативы от сокращенных основ с *-ець* образованы, вероятно, позже чем квалитативы с тем же суффиксом, но от полных основ, то есть, скорее всего, после падения редуцированных. Не все в их структуре нам ясно. Непонятно, почему однотипные основы, например Вася—Митя, образуют несходные вторичные квалитативы: Васець, но Митица, и почему не представлен лишь один из двух словообразовательных типов (Васець, Митець или Васица, Митица) или оба дублетных варианта (Васець — Васица, Митець — Митица). Тот факт, что одни имена имеют лишь формы на *-ець*, а другие на *-ица*, заставляет предполагать, что они представляют собой разные образования от различных основ. Формы на *-ица* образованы от сокращенных самостоятельных основ и соотносятся непосредственно с квалитативами: Мит′-а: Мит′-ица, а квалитативы на *-ець* непосредственно от полных основ, но усеченных лишь в данный момент словообразования и соотносятся непосредственно с полным нейтральным именем: Вас′-илии: Вас′-ець (а не Вас′-а: Вас′-ець), Степ-ан: Степ′-ець (а не Степ-а: Степ′-ець). Возникновение форм с *-ець* было связано с влиянием аналогичных образований от полных основ: Степанъ — Степан-ьць, Филип — Филип-ьць и т. п. Рассматриваемый тип образований был мало продуктивен.

1. Васець: с Васьцом А III 67 а. Исх.: Вас′-илии.

2. Елець: Онофрей Елцин А II 319 сп.; к Елцеву А III 329 сп. Исх.: Ел′-исеи. Форма Елцин вм. Елцев — новообразование более позднего времени.

3. Кюпрець: Кюпречево село (*ч* вм. *ц*) Гр XIV, Лопарев 173. Исх.: (Куприанъ = Кюприанъ) > Кюпр′-еян.

4. Семецъ: селце Семциньское 1353, ДДГ 4а. (в грамоте не отражается цоканье и поэтому нельзя читать Семчинское). Исх.: Сем′-он.

5. Степецъ: (деревня) Степци // (но). А I 446. Исх.: Степ-ан.

6. Федецъ: Федецъ 1328—40, А III 2 сп. XV; 1328—41 сп. XV, ГВНП 84; на Федцы Яробкине А I 562 сп. Исх.: Фед-ор.

7. Юрецъ: Юрцева (земля) 1510, А III 473. Исх.: Юр′-ии.

В редких случаях формы на *-ецъ* по аналогии с только что рассмотренными образуются не от нейтральных, а от квалитативных основ. Например квалитатив Рунецъ образован от Ру-н′-а сокращенной суффиксальной основы, связанной с именем Хрисанфъ. Заимствованное из греческого личное имя Хрусанфъ на русской почве пережило ряд изменений, отраженных в вариантах имени: Хрюсанфъ, Хрусанфъ, Хрисанфъ, Крисанъ, Крысанъ, Кирсанъ; Хрусанъ > Русанъ (АФЗ I 166, л. 201), откуда Ру-ня, Ру-н-ец.[15]

X. Выводы (по необходимости излагаем их кратко). Происхождение рассматриваемых квалитативов (в XII—XIII вв.) ввиду недостаточности материала можно объяснить лишь предположительно. Первоначально, видимо, образовались квалитативы от полных основ: Иванецъ // Иванокъ (*ъ*, *ь* уже утратились), Иванко (очень раннее изменение), Марфица (подробности в первой статье). Несколько позже возникли рассматриваемые образования от частей имени: а) суффиксальные: Вас-илий > Вас-ецъ, Вас-ько, Вас-ята, Степ-анъ > Степко и т. п.; б) несуффиксальные (самостоятельные основы): Вас-я, Вав-а, Перх-а, Фед и т. п. Поскольку греческие имена проникли в русский язык (в результате обряда крещения и книжным путем) в виде официальных полных форм, а сокращенные основы их в языке еще не были известны, то в начале по аналогии с квалитативами дохристианских имен возникли суффиксальные образования, в которых сокращенные основы были несамостоятельными, то есть не могли выступать как отдельное слово. Позже часть этих образований сохранилась в языке (о них нами подготовлена специальная статья), а из других морфологическим путем выделяются самостоятельные основы: Вас-я, Перх-а, Фед-я и т. п.

Особый вопрос — о суффиксах *-ко* // *-ка*. Относительно их происхождения существуют различные высказывания: 1) А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, С. П. Обнорский: сначала было *-ко*, позже *-ка*; 2) И. Э. Еселевич, М. А. Веселова, Г. А. Николаев: *-ко* и *-ка* параллельные, независимые образования [16].

По-видимому, первичным было *-ко* в полных формах; исходные образования с сокращенными, несамостоятельными основами тяготели к полным основам с суффиксом *-ко*; формы с *-ка* возникли

---

[15] Ср.: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, стр. 125.

[16] О литературе вопроса см.: А. Л. Мирецкий. К истории склонения уменьшительных личных имен мужского рода на *-ко(-ка)*. — Вестник Ленинградского ун-та, № 20, вып. 4. История, язык, литература. Л., 1960, стр. 118—124.

позже. Первичность *-ко* по сравнению с *-ка* подтверждается тем, что в некоторых, хорошо засвидетельствованных материалом, именах *-ко* датируется более ранними примерами, чем *-ка*. Мена *-ко* > *-ка* совершилась, видимо, раньше в сокращенных а-основах, чем в полных и сокращенных о-основах. Об этом свидетельствует достаточно последовательное употребление в грамотах XV в. форм на *-ко* от полных основ (см. первую статью) и колебания форм с *-ко* // *-ка* от а-основ сокращенных. В XVI в., как указывает Б. Унбегаун, квалитативные образования носят регулярный характер: *-ко* в о-основах, *-ка* в а-основах.

Несколько иначе объясняет *-ко* // *-ка* Г. Эриксcон[17], по мнению которого, в языке существовали независимые образования с *-шко* и *-ка* от разных основ: Ми-хаил > *Ми-шко*, *Ми-ш-а* > *Ми-ш-ка*. Такое противопоставление *-шк-о* // *-ш-к-а* нам представляется мало правдоподобным: в языке, видимо, была дублетность форм с *-ш-к-о* // *-ш-к-а*.

Источники и сокращения

А I, II, III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв., т. I, II, III. М., 1952, 1958, 1964.

АФЗ I, II — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I, II. М., 1951, 1956.

АЮБ I — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I. СПб., 1857.

АЮЗР I, II — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. I, II. СПб., 1863, 1865.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

ГрБ — Грамоты берестяные по изданиям: 1) А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№№ 11—83); 2) А. В. Арциховский и В. И. Борковский, то же загл. (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№№ 84—136); 3) То же (Из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№№ 137—194); 4) То же (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№№ 195—318); 5) То же (Из раскопок 1958—1963 гг.). М., 1963 (№№ 319—415).

ГСЗР — Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб., 1857.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.

Корецкий — В. И. Корецкий. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XVI вв. — Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969.

ЛИ — Летопись Ипатьевская, сп. ок. 1425 г., по изд.: ПСРЛ, т. 2. СПб., 1908.

ЛЛ — Летопись Лаврентьевская, сп. 1377 г., по изд.: ПСРЛ, т. I, вып. 1, 2. Л., 1926, 1927.

ЛН — Летопись Новгородская (первая) по синодальному списку XIII—XIV вв., по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.

---

[17] G. Eriksson. Über einige Diminutivsuffixe in mittelalterlichen russischen Eigennamen. — Scando-slavica, t. VII. Kopenhagen, 1961, стр. 193.

Лопарев — Х. Лопарев. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899.
Мейчик — Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского Архива Министерства юстиции. М., 1883.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Рус. Правда по Акад. сп. XV в. — Русская Правда по Академическому списку XV в., по изд.: Б. Д. Греков. Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, стр. 70—73.
Рус. Правда по сп. 1280 (1282) г. — Русская Правда по списку Новгородской кормчей 1280 (1282) г., по изд.: Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему из дошедших списков. М.—Л., 1930.
Рыбаков — Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.
СГГД II — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. II. М., 1819.
СТ XIV—XV — Синодик Типографский, XIV—XV вв., рук. бывш. Типографской библиотеки; хран.: ЦГАДА, ф. 381, № 141 (Тип., № 279).
СШД — М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV века. СПб., 1909 (Исследования по русскому языку, т. II, вып. 5).
Уляницкий — В. А. Уляницкий. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. — Чт. ОИДР, 1887, кн. 3.
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (Москва).
ШД — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I и II. СПб., 1903.

В. А. Никонов

ОПЫТ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ. III.

Предлагаемая часть Словаря (от Антоненков по Арсланов) продолжает публикации предыдущих сборников «Этимология. 1970» и «Этимология. 1971».

В ссылках на источники кроме сокращений, установленных в сборниках «Этимология», в публикуемой части Словаря приняты следующие:

АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. I—V, СПб., 1846—1853.
АИ — «Акты исторические», I—V, СПб., 1841—1842.
АЮ — «Акты юридические». СПб., 1838.
АЮЗР — «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», I—XV, СПб., 1863—1892.
Бірыла — БА — М. В. Бірыла. Беларуская антрапанімія. I. Мінск, 1966; II, Мінск, 1969.
Вукадинов: — Д. Вукадинов. Список от западнобългарски народни лични имена. «Сборник за народни умотворения», XV. София, 1898.
Гафуров — А. Г. Гафуров. Лев и Кипарис. (О восточных именах). М., 1971.
Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка — все ссылки только на 2-е изд.
ДАИ — «Дополнения к Актам историческим». I—XII. СПб., 1846—1875.
ДНУАК — «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XIII. Нижний Новгород, 1912; т. XV, в. 3. Нижний Новгород, 1913; в. 6, Нижний Новгород, 1915.
ДПК — «Десятни Пензенского края», СПб., 1897.
Евсевьев — М. Е. Евсевьев. Эрзянь-рузонь валкс. М., 1931.
Илчев — Ст. Илчев. Речник на личните и фамилни имена. София, 1969.
Магницкий — В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXI, Казань, 1905.
Масанов — И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов. I—IV, М., 1956—1960.
Мокшин—МДА — Н. Ф. Мокшин. Мордовская дохристианская антропонимия. — ОП I.
Мокшин — СМИ — Н. Ф. Мокшин. Старинные мордовские имена. Альманах «Литературная Мордовия». Саранск, 1961, № 25.
ЛИ — Сб. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., 1970.
НдП — А. Еремия, М. Косничяну. Нуме де персоане. Кишинев, 1968.
НЗКК — «Новгородские записные кабальные книги». М.—Л., 1938.
НПК — «Новгородские писцовые книги». СПб., 1862—1910.
ОП — «Ономастика Поволжья», I. Ульяновск, 1969; II. Горький, 1971.
Петровский — Н. А. Петровский. Словарь русских личных имен. М., 1966.

ПКТК — «Писцовые книги Тульского края», I—II. Тула, 1914—1915.
РГ — В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий: I—II. СПб., 1887.
Редько — ДУП — Ю. К. Редько. Довідник українських прізвищ. Київ, 1969.
Редько — СУП — Ю. К. Редько. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.
РК — «Разрядная книга 1475—1598 гг.». М., 1966.
СВІЛ — Словник власних імен людей. Київ, 1967.
Селищев — А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968.
СЛИ — «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965.
Суднік — М. Р. Суднік. Слоунік асабовых уласных імен. Мінск, 1965.
Там. кн. — «Таможенные книги Московского государства XVII в.», I—III. М.—Л., 1950—1952.
ТК — «Тысячная книга 1550 г.». М.—Л., 1950.
Тупиков — Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903.
Успенский — Б. А. Успенский. Из истории канонических имен. М., 1969.
ЭИ — сборник «Этнография имен». М., 1971.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов. Москва.
Bahlow — H. Bahlow. Unsere Vornamen im Wandel der Jahrhunderte Limburg—Lahn, 1965.
Beneš — J. Beneš. O českých příjmeních. Praha. 1962.
Brechenmacher — J. K. Brechenmacher. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Familiennamen. I—II. Limburg—Lahn, 1957—1962.
Bystroń — S. Bystroń. Nazwiska polskie. Lwów, 1936.
Dauzat — A. Dauzat. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénome de Franse. Paris, 1951.
Reaney — P. H. Reaney. A dictionary of British Surnames. London, 1958.
Rospond — St. Rospond. Słownik nazwisk śląskich. 1. Wrocław, 1967.
SSNO — Słownik staropolskich nazw osobowych (red. W. Taszycki) I — . Wrocław, 1965 — .
Svoboda — J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1965.
Unbegaun — 1951; B.-O. Unbegaun. Structure des noms de famille russes. — «III Congrès International de toponymie et d'anthroponymie (1949), v. 2. Louvain, 1951.
Unbegaun — 1966; B.-O. Unbegaun. La fréquence des noms de famille russes. — «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Htstoire Orientales et Slaves», XVII, Bruxelles, 1966.

Использованы следующие сокращения нарицательных (кроме общеупотребительных):

ж. л. и. — женское личное имя
л. и. — личное имя
м. л. и. — мужское личное имя
ф. — фамилия

Антоненков — дооформленная на почве русск. языка укр. ф. Антоненко с формантом *-енко*, от м. л. и. Антон (см. *Антонов*); ударение возможно на 2-м или 3-м слоге.

Анто́ничев — из Антонич (отчество от м. л. и. Антон или уменьшительная форма того же имени) и суффикса притяжательных прилагательных, т. е. «сын (потомок) Антона».

Анто́нкин — отчество из уничижительной формы Антонка от м. л. и. Антон (см. *Антонов*).

Анто́нников — при очевидной зависимости от м. л. и. Антон (см. *Антонов*) образование ф. пока не объяснено; возможно отчество от уменьшительной формы Антоник из того же имени — аналогичны, по-видимому, Иванников, Миронников (удвоение *нн* могло возникнуть по ошибочной аналогии с нередкими фамилиями, содержащими формант имени деятеля *-ник-*.

Анто́нов — отчество от м. л. и. Антон, вытеснившего каноническую форму *Антоний* (др.-римск. когномен Antonius). Ранее имя Антон было довольно частым, поэтому ф. А. нередка. У липован (старообрядцы, бежавшие от преследований царского правительства в Румынию) А. 2-я по частоте ф., после Иванов (данные В. И. Васченко). От других форм того же имени образованы ф. ф. Антониев, Антонкин, Антонников, Антонишин, Антонцев, Антонченков, Антоньев, Антосенков, Антохин, Антошев, Антошечкин, Антошин, Антошкин, Антюнин, Антюхин, Антюхов, Антюшев, Антюшов, Онтонов, Тошкин, в частности от краткой формы Тоня: Тонин, Тонюков, Тоньчуков; из отчеств — Антоничев, Антонович; в неясной связи — Антоновский; укр. и блр. Антоненко, Антонюк, Антощенко, Антошко, под польск. влиянием — Антухов, Антушевич, Антыков; вероятно, к тому же гнезду принадлежит Андонов (м. б. на почве молд. языка). В некоторых случаях возможна контаминация с производными из м. л. и. Антонин и Антиох.

Анто́но́вский — судя по форманту *-овск-* связь с м. л. и. Антон (см. *Антонов*) опосредствована, возможно, топонимом, т. е. первоначально А. означало приезжего из населенного пункта Антоново, Антоновка; или ф. служила подражанием «шляхетским» ф. ф. (Редько—СУП, 19—20).

Анто́нцев — отчество из деминутивной формы с суффиксом *-ец* от м. л. и. Антон (см. Антонов); та же ф. документирована в Белоруссии (Бірыла—Ба, 31).

Анто́нченков — из укр. ф. Антонченко, образованной от м. л. и. Антон суффиксом *-ченко*, с последующим оформлением господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Анто́ньев — стяжение из Антониев (отчество от канонической формы м. л. и. Антоний — см. *Антонов*).

Антопольский — первоначально обозначение приезжего из местечка Антополь, каких несколько на Украине (на Волыни, в Подолии), в Белоруссии и Литве, а также в Польше.

Антосенков — русск. передача укр. ф. Антосенко, которая образована из укр. и польск. Антось, Антося (уменьшительное из м. л. и. Антон — см. *Антонов*) и укр. суффикса *-енко*, обозначавшего потомка.

Анто́хин — притяжательное прилагательное с суффиксом *-ин* из просторечной формы Антоха от м. л. и. Антон (см. *Антонов*).

Антошев — отчество с суффиксом *-ев* из формы Антош от м. л. и. Антон (см. *Антонов*).

Анто́шечкин — отчество с суффиксом *-ин* из уменьшительной формы Антошечка от м. л. и. Антон (см. *Антонов*).

Анто́шин — отчество с суффиксом *-ин* из формы Антоша от м. л. и. Антон (см. *Антонов*).

Анто́шкин — отчество с суффиксом *-ин* из уничижительной формы Антошка от м. л. и. Антон (см. *Антонов*).

Антро́пов — отчество с суффиксом *-ов* из речевой русск. формы Антроп от канонического м. л. и. Евтропий (др.-греч. 'благонравный').

Антропя́нский — м. б. обозначение прибывшего из селения Антропяны (в Литве или смежной части Белоруссии)?

Антро́шин, Антру́шин — отчества, образованные суффиксом *-ин* из форм Антроша, Антруша от м. л. и. Евтропий (см. *Антропов*).

Антуга́нов — отчество с русск. суффиксом *-ов* из тюркоязычного м. л. и. Антуган (напр., у чуваш — Магницкий, 28), многократно у тат. и морд. мурз — 1669 г., Атемарская десятня: Уразмаметка А., видимо, еще отчество (ДПК, 409).

Антула́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из формы Антулай, происхождение которой неясно, м. б. тюрк. или из м. л. и. Антон (см. *Антонов*), от которого в болг. языке образовано Антул (Вукадинов, 193).

Анту́фьев (фонетический вариант — *Антюфеев*) — в основе м. б. одна из производных форм от м. л. и. Антон или Антипа, но наличие ее нигде не подтверждено и еще требует проверки.

Антушев — отчество из формы Антуш, производной от м. л. и. Антоний (см. *Антонов*), которая зафиксирована в Польше с 1404 г. (SSNO, II, 60); в Белоруссии местечко Антушов близ Рогачева.

Антыков, Антышев, Антюков — м. б. отчества из производных форм от м. л. и. Антон (см. *Антонов*), однако, никем не записанных, поэтому ф. ф. еще нуждаются в исследовании. В Чехии ф. документирована 1515 г.: Antykův, из м. л. и. (Beneš, 79).

Антю́нин — отчество из формы Антюня от м. л. и. Антон (см. *Антонов*).

Антюфе́ев (фонетический вариант — *Антуфьев*) — отчество с суффиксом *-ев*, предполагающее основу Антюфей, которая могла быть производной от м. л. и. Антип или Антон, не засвидетельствованной, однако, нигде. Против этого — сходная ф. Антюфриев (см. следующ.), если это не случайное совпадение. Возможно искажение к.-л. имени, напр., Евтихий→Антихей→Антюфей, в этой цепочке все изменения фонетически оправданы. Документированы крестьяне А. в Елецком уезде, 1858 г.

Антю́фриев — в качестве предварительного допущения можно предложить на рассмотрение возможность отчества из Анцифер — господствовавшая в новгородских и псковских землях форма от м. л. и. Онисифор (см. *Анциферов*). Возможно влияние имени Ануфрий.

Антю́фьев — см. *Антюфеев*.

Антю́хин — отчество из формы Антюха от Антон (см. *Антонов*).

Антюхов — отчество из формы Антюх от Антон (см. *Антонов*).

Антюшев, Антюшов — отчества из формы Антюш от м. л. и. Антон (см. *Антонов*); выбор *-ев* или *-ов* зависит от диалектного произношения предшествующего *ш-*.

Ану́лов — достоверной этимологии не найдено. Можно допустить отчество из канонического м. л. и. Анув (он же Анувий), притяжательное прилагательное *Анувов* «чей сын?» с естественной регрессивной диссимиляцией должно было дать *Анулов*. М. б., отыщется более надежное объяснение в тюрк. языках?

Ануре́ев, Ану́рин, Ану́ркин, Ану́ров, Ану́рьев — отчества из канонического м. л. и. Анурий и производных форм от него — Анурей, Ануря, Анур; напр., в г. Боровск 1621 г. записаны Микита Анурьев (отчество), Анур, Анурейко («Боровск. Материалы для истории города». М., 1888, 2).

Ану́фриев — отчество из м. л. и. Онуфрий в акающем произношении среднерусск. и южнорусск. говоров. В Молдавии есть ф. Онофрей (НдII, 95). Из различных форм того же имени — ф. Аноприев, Анофриев, Анушин, Анушкевич, Анушкин, Онуфриев, м. б. также Анопин, Анопов, Анопочкин.

Ануфриенков — из укр. или блр. ф. Ануфриенко от м. л. и. Ануфрий (см. предыдущ.) и суффикса *-енко*, обозначавшего потомка; ф. записана в Иркутске, 1969 г. (сообщение М. Б. Серебренниковой).

Ану́чин — притяжательное прилагательное с суффиксом *-ин* из *онуча* 'портянка' (могло быть и прозвищем) или из переосмысленной (по звуковому сходству с тем же нарицательным) формы Ануша от м. л. и. Ануфрий. Эта ф. служила псевдонимом писателю К. М. Станюковичу.

Ану́чкин — притяжательное прилагательное от уничижительной формы Анучка (см. предыдущ.); ф. документирована у крестьян с. Чиберчино, 1897 г. (ныне Дубёнск. р-н Морд. АССР).

Анушев — отчество из Ануш (возможно, краткая форма от Ануфрий (см. *Ануфриев*); ф. записана в Иркутске, 1969 г. (сообщение М. Б. Серебренниковой).

Ану́шин — отчество из формы Ануша, возможно, от Ануфрий (см. *Ануфриев*).

Анфе́ров — хотя «святцы» содержали м. л. и. Анфир, но оно оставалось крайне редким и вероятней ф. связана не с ним, а с более частым м. л. и. Елевферий в его обиходной форме Алфер (см. *Алферов*) с последующей диалектной заменой *лф→нф*. На это указывает и ф. Анфертьев (см. следующ.), не оправдываемая из Анфер.

Анфе́ртьев — отчество из формы Алфертий от канонического м. л. и. Елевферий (см. *Алферов*), мена *лф→нф* могла произойти на любой стадии (личного имени, отчества или ф.).

Анфила́рьев, Анфила́тов — этимологии неясны.

Анфи́лов — вероятно, отчество из м. л. и. Амфил, с регрессивной ассимиляцией соседних губных согласных *мф→нф*., м. б. под влиянием аналогии с именами Анфим, Анфимий и т. п.; форма Анфил могла произойти и из м. л. и. Амфилохий.

Анфило́гов, Анфило́тов, Анфило́фьев — отчества с суффиксом *-ов* из форм Анфилог, Анфилот, Анфилофий, возникших в результате

обиходного искажения канонического м. л. и. Амфилохий (см. *Амфилохиев*); ф. Анфилотов — в с. Залесье, Солигалич. у., 1914 г.; замена *мф→нф* диссимилятивна (расподобление двух соседних губных согласных).

Анфи́мов — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное от канонического м. л. и. Анфим (в русск. употреблении с ним слилось также м. л. и. Анфимий). Из той же основы произошли ф. ф. Алфимов, Алхимов, Анхимов, хотя в некоторых случаях возможны контаминации с формами от других м. л. и. (Евфимий, Амфилохий и др.). В XVII в. ф. А. нередка на Севере, например, в Устюге (Там. кн. I, 604). Населенные пункты Анфимово, Анфимовская были многочисленны в Костромской, Владимирской, Ярославской, Архангельской и Пермской губерниях.

Анфи́нников — отчество, м. б. из уменьшительной формы Анфиник от м. л. и. Анфим (см. *Анфимов*), удвоение *нн*, как и в ф. ф. Агафонников (от м. л. и. Агафоник), Антонников, Иванников (от предполагаемых русск. форм Антоник, Иваник), возможно под влиянием многочисленных ф. ф. от нарицательных с суффиксом *-ник*.

Анфиноге́нов — отчество из м. л. и. Афиноген (см. *Афиногенов*). Для исследователей русск. исторической и диалектной фонетики интересно вставное *-н-* (сравн. Анфицеров), — м. б. под влиянием ряда л. и. Анфим, Анфиса и др.?

Анфиноге́нтов — связано с м. л. и. Афиноген (см. предыдущ.); два вставных согласных могли появиться разновременно или одновременно, на любой стадии имени, отчества или ф.; ф. А. документирована многократно в с. Новониколаевское, Богдановской волости Самарского уезда, 1912 г. (Куйбышевск. обл. архив, ф. 359, оп I, № 13), а м. л. и. в формах Анфиноген, Анфиногенко — 1684 г. и 1688 г., крестьяне Алексинского уезда (ПКТК, I, 167 и 176).

Анфице́ров — притяжательное прилагательное с суффиксом *-ов* из нарицательного *анфицер*, испорченного из *офицер*; могло обозначать крепостного, принадлежащего офицеру, или могло служить отчеством от прозвища Анфицер. Однако вероятней изменение формы Анцифер (из м. л. и. Онисифор) по звуковому сходству. Решение возможно, если найти географический очаг распространения ф. А.

Анхи́мов — отчество из канонического м. л. и. Анфим (см. *Анфимов*). Мена *ф→х* нередка, т. к. др.-русск. язык первоначально не имел звука *ф*. Несколько населенных пунктов Анхимово, Анхимова — в зоне Белоозера, Тихвина, Лодейного поля, единично — у Меленок на Оке. См. также *Алхимов*.

Анху́шин — этимология неясна; ф. документирована 1816 г. — горожанин А. в Томске (Томск. обл. архив, ф. 321, оп. I, № 13).

А́нцев — м. б. из Анц, возможной краткой формы от Анцифер, в «святцах» Онисифор (см. *Анциферов*), однако, употребление формы Анц нигде не зарегистрировано.

Анци́перов — см. *Анциферов.*

Анциферовский — вероятно, означало прибывшего из с. Анциферово, это название нередко в Псковской, Новгородской и смежных областях (см. *Анциферов*).

Анци́феров — отчество с суффиксом *-ов* из речевой формы Анцифер от канонического м. л. и. Онисифор. Многочисленные населенные пункты с названием Анциферово распространены особенно в бывш. землях Пскова и Новгорода (проникали и в Сев. Поволжье, единичны в Смоленск. и Рязанск.), указывая на западное происхождение этой формы. Она связана с появлением мягкого *ц* из *т* в польск. языке, образуя соответствие зап. Анцифер, вост. Онтюфрий (см. *Антюфриев*). Из различных форм производных от Онисифор образованы ф. ф. Анисифоров, Анциперов, Анциперовский, Анцыферов, Анцыфоров, Анцыфров, Анцыхвиров, Анцышкин, Анчихоров, Анчишкин, Несиферов, Несифоркин, Онисифоров, Онциферов, Сифоров; кроме того не исключены контаминации с производными от м. л. и. Онисим, Анисий, Иосиф в ф. ф. Анисин, Анискин, Анисков, Анисов, Анисочкин, Анисьин, Аниськов, Осин.

Анци́фиров — фонетический вариант из Анциферов (см.); ф. зафиксирована в Иркутске, 1969 г. (сообщение М. Б. Серебренниковой).

Анцу́пов — отчество из формы Анцуп, вероятно, от м. л. и. Антипа; форма Анцып и Анцута неоднократны в старых блр. документах (Бірыла—БА, 30); не вполне исключено образование формы Анцуп от Анцифер (см. предыдущ.). Хотя ф. А. редка, удалось найти ее в нескольких документах: 1840 г. — с. Светлый Яр, Черноярского у. Астраханской губ. (Астрах. обл. архив, ф. 687, оп. 6, № 16), 1858 г. — с. Гвозды, Павловск. у. Воронеж. губ. (Ворон. обл. архив, ф. 18, оп. I, № 375), 1904 г. — с. Лютое, Ливенск. у., Орлов. губ. (Орлов. обл. архив ЗАГС), много А. в дер. Дубовое, Липецкой обл.

Анцы́феров, Анцыфоров, Анцы́фров, Анцыхвиров — притяжательные прилагательные с суффиксом *-ов* из различных фонетических вариантов м. л. и. Анцифер (см. *Анциферов*); Анцыхвиров — 1900 г., с. Благовещенский Сускан, Ставропольский у. Самарской губ.; Анцыфоров — 1763 г. в г. Устюге Великом.

Анцы́шкин — отчество с суффиксом *-ин* из уничижительной формы Анцышка из м. л. и. Онисифор через его обиходную форму Анцифер (см. *Анциферов*).

Анча́ров, Анча́рский — так как малайск. слово *анчар* не было распространено вне специальной литературы до стихотв. А. С. Пушкина «Анчар» и позже осталось лишь в литературном языке, это только литературные псевдонимы различных авторов под влиянием этого произведения о дереве с ядовитым соком, используемым для отравленных стрел (Масанов I, 104; IV, 8).

Анчиков — отчество с русск. суффиксом -ов из м. л. и. Анчик, зафиксированного, напр., у чуваш в 1802 г. (Магницкий, 9 и 22).

Анчи́хоров — см. *Анциферов.*

Анчи́шкин — отчество с русск. суффиксом *-ин* из русск. уничижительной формы Анчишка от м. л. и. Анчик (см. предыдущ.).

Анчу́гин — отчество с суффиксом *-ин* из основы Анчуга (см. следующ.).

Анчугов — отчество с суффиксом *-ов* из манс. прозвища или м. л. и. от нарицательного *ончуг* 'дед'. (Ср. Ончуков) Приведя эту ф., записанную в бывш. Кунгурск. у. Пермск. губ., А. Ф. Теплоухов указал значение *ончуг* 'медведь' («Кунгурско-Красноуфимский край», Кунгур, 1925, № 11—12, с. 10), — иносказательное в силу табу; в этом значении слово могло стать личным прозвищем или именем, с последующим возникновением отчества, затем закрепившегося в ф. Форма *ончуга* от той же основы дала ф. Анчугин.

Аншиков — возможно, фонетический вариант к *Анчиков* (см.)

Аншин, Аньшин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество, предполагающее основу Анша, Аньша. Эта основа могла быть производной формой одного из канонических м. л. и. (Онисим, Онисифор, Енох и др.) или нехристианским м. л. и. — напр., у чуваш в прошлом записано м. л. и. Аншей (Магницкий, 28); в форме Аньшин ф. документирована в др. Криуши, Калужск. у., 1913 г. (Калуж. обл. арх., ф. 33, оп. 2, № 2126).

Аню́тин — притяжательное прилагательное с суффиксом *-ин* из уменьшительной формы Анюта от ж. л. и. Анна, — литературные псевдонимы нескольких авторов (Масанов, I, 104—105).

Аня́кин — отчество с русск. суффиксом *-ин* из формы Аняка; м. л. и. Аняк (Оняк) засвидетельствовано в прошлом у татар и чуваш (Магницкий, 62). Из того же имени — название с. Аняково в Татарск. АССР.

Аня́мов — ф. обско-угорского происхождения из *аньянг* 'красивый' с русск. суффиксом *-ов* (З. П. Соколова. О происхождении обско-угорских имен и фамилий — ЛИ, 273).

Апа́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из старого морд. и мар. м. л. и. Опай (Мокшин—СМИ, 113; Магницкий, 68).

Апа́йкин — отчество с русск. суффиксом *-ин* из уничижительной формы Апайка от старого морд. и мар. м. л. и. Апай (см. предыдущ.). При наличии такой надежной основы менее вероятно происхождение ф. от нарицательного *апайка* (в русск. говорах означало: в казанских 'чувашка', в пермских 'татарка', в Башкирии 'башкирка', из тюрк. *апай* 'старшая сестра').

Апа́йщиков — происхождение ф. неясно.

Апа́кин, Апа́ков — вероятно, из старинного тат. или чуваш. м. л. и. (Магницкий, 28) — из тюрк. *апак* 'белейший'; еще до принятия мусульманства это м. л. и. существовало у волжских булгар, документировано, как имя булгарского феодала (Г. В. Юсупов. Антропонимы в булгаро-татарской эпиграфике. — ЛИ, 249); в Татарской АССР есть с. Аппаково. В русск. употреблении могла быть и форма Апака, от которой отчество и ф. образованы суффиксом *-ин*. Однако не вполне исключена и возможность возник-

новения ф. из диалектного *опак* 'наоборот, наперекор, наизнанку' (заимствов. из польск.).

Апа́лин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Опаля; например, 1524 г. — Опаля Кузмин, московский посол (Тупиков, 290); форма возможна от нарицательных *опальный* (в блр. живо слово *апалы* с тем же значением), 'опаленный, обожженный' или от канонических м. л. и. Апеллий, Аполлинарий, Аполлон и др.

Апа́лькин — отчество с суффиксом *-ин* из уничижительной формы Апалька, основа которой спорна (см. предыдущ.); ф. документирована в Николаевском у. Самарской губ., 1901 г.

Апа́льков — отчество с суффиксом *-ов* из формы Апалько (см. *Апалин*).

Апанасенко(в) — укр. и блр. отчество или непосредственно ф. с суффиксом *-енко*, означавшим потомка из формы, Апанас от канонического м. л. и. Афанасий (см. *Афанасьев*).

Апана́сов — отчество, образованное суффиксом *-ов* из укр. и блр. формы Апанас (укр. написание Опанас, Панас) от канонического м. л. и. Афанасий (см. *Афанасьев*).

Апа́нин — отчество, образованное суффиксом *-ин* из уменьшительной формы Апаня от Апанас (см. предыдущ.).

Апа́рин — образованное суффиксом *-ин* отчество от нецерковного русск. м. л. и. Опара, нередкого в XV—XVII вв., например, крестьяне Васка Опара, Ивашко Опара, Опара Логинов, Гаврилко Опарин, Микифор Иванов сын Опарин, пан Иван Григорьевич Опара, запорожский гетман Опара (Тупиков, 290 и 679), — от нарицательного *опара* 'квашня, взошедшее тесто'. В акающем произношении закономерна замена безударного *о* звуком, близким к *а* (См. также следующ.).

Апа́ров, Апа́рцев — этимологии неясны. Правильная разгадка их может отразиться и на этимологии ф. Апарин (см.).

Апа́рышев — отчество 'сын опарыша' (в акающем произношении безударное *о*→*а*) из *опарыш* 'ошпаренный, обожженный кипятком' или 'человек охочий до тепла' (Даль, II, 698), в этом значении слово вполне могло стать прозвищем, отчество от которого закрепилось для следующих поколений в качестве ф.

Апа́сов — отчество с русск. суффиксом *-ов* из м. л. и., записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 62, приводит как чувашское); от того же имени — названия селений: Апасово и Апасево в Башкирск. АССР, Апазово в Татарск. АССР. Имя, вероятно, из Аббас (см. *Абасов*).

Апа́тин — м. б. отчество из возможной, но не засвидетельствованной никем формы Апатя от канонического м. л. и. Ипатий; ф. документирована у крестьян д. Петровой Калужского у., 1913 г. (Калуж. обл. арх., ф. 33, оп. 2, № 2126).

Апа́тов — отчество с суффиксом *-ов* из формы Апат от канонического м. л. и. Ипатий.

Апа́шев, Апа́шкин — основа ф. неясна (м. б. фонетический вариант распространенного исламом ираноязычного м. л. и. Аббас?).

Апашня́нский — обозначало прибывшего из пункта Опошня (ныне в Полтавск. обл.). М. б. того же происхождения ф. Апошанский?

Апева́лов — отчество с суффиксом *-ов* из прозвища Опевал, Опевало от диалектного глагола *опевать* 'хулить, осуждать, бранить' (Даль., II, 712).

Апелле́сов — отчество из канонического м. л. и. Апеллес, очень редкого в России прежде и давно вышедшего из употребления.

Апелляцио́нин — ф. образована искусственно из термина *апелляция* 'обжалование' (употребительного в судебных делах) присоединением суффикса *-ин* в подражание внешней видимости русск. ф. ф., но вопреки их смыслу, в данном случае *-ин* использовано в значении, противоположном ему. Пародийное возникновение ф. отпадает — она была старой дворянской: «Алфавитный список родоначальникам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии», Казань, 1896, с. 7.

Апе́стин — м. б. связано с глаголом *опестовать* 'выняньчить, взлелеять, вырастить'?

Апе́тов — основа ф. неясна, м. б. опетый, в краткой форме *опет* — причастие страдательного залога от диалектного глагола *опеть* 'бранить, осудить, оклеветать'.

Апе́хтин — отчество с суффиксом *-ин* из прозвища Апехта (Опехта); диалектное нарицательное *опехтяй*, *опехтюй* — олонецкое 'обжора', сибирское 'неповоротливый' (Даль II, 700); замена безударного *о*→*а* закономерна при переносе прозвища или ф. в акающие говоры.

Апин, Апи́рин, Апла́вин — происхождение ф. ф. неизвестно.

Апла́ев — отчество из формы Аплай, производной от канонического м. л. и. Евпл через промежуточное Апл, или фонетический вариант из Аблаев (см.).

Аплета́ев — отчество с суффиксом *-ев* из прозвища Оплетай от диалектного глагола *оплетать* 'обманывать' (Даль II, 702), безударное *о*→*а* в акающем произношении закономерно.

Апле́тин — образованное суффиксом *-ин* отчество из прозвища *Оплета* 'обманщик, надувала' (Даль II, 702).

Апле́тов — образованное суффиксом *-ов* отчество из прозвища *Оплет* 'обманщик, надувала' (Даль II, 702).

Апо́кин — м. б. отчество из нецерковного м. л. и. Опока? Старопольск. м. л. и. Opoka (русск. Опока) документировано с 1166 г. (W. Taszycki. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków, 1926, 86).

Апо́ллов — отчество, образованное суффиксом *-ов* из канонического м. л. и. Аполл.

Аполло́нов — отчество, образованное суффиксом *-ов* из канонического м. л. и. Аполлон (др.-греч. имя бога солнца); также литературные псевдонимы нескольких авторов (Масанов I, 105). В документах закрепились ошибочные написания в качестве самостоятельных фамилий, например, Аппалонов (газ. «Красная

звезда», 1967, 22 февраля), Апполонов (9 ф. ф. в списке абонентов Московской телефонной сети, 1971 г.!).

Аполло́нский — ф. книжного происхождения; в основе — имя Аполлон, бог солнца в Древней Греции; формант *-ский* в данном случае указывает на польск. влияние, при языческой основе происхождение ф. из духовной семинарии менее вероятно, но не исключено.

Аполло́сов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Аполлос.

Аполо́вников — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное в функции отчества от одной из следующих основ: 1) *половник* — 'обрабатывающий чужую землю исполу, т. е. арендатор, платящий половину урожая владельцу земли', — в старину нередкий социальный термин, который на Севере (например, в Вологодской губ.) держался и во 2-ой половине XIX в.; начальное *а-* протетично; 2) *ополовник* от *половня* 'сарай для соломы, обмолотков'.

Аполо́зов — искажение из *Аполлосов* (см.).

Апо́стол — ф. пришла в Россию в XVII в. через Молдавию и Украину из стран Центральной Европы, где связана с культом так называемых апостолов, первых проповедников христианства (др.-греч. 'посланец'), отголоском позднесредневековой секты «апостолов» (самоназвание «апостольские братья»), известной в Германии и Чехии XIV—XV вв., иная возможность — из прозвища, которое получал исполнитель роли апостола в религиозных зрелищах позднего средневековья (H. Bahlow, 57). О ф. Apostol во Франции — см. у А. Доза (Dauzat, 11); в Германии она документирована в 1660 г. (Brechenmacher, I, 36); в Силезии ф. А. документирована в XVII — XVIII (Rospond—SNS, I, 9); рано появилась и в Молдавии, на Украину при Богдане Хмельницком перешел Павел А., его сын Данило А. стал гетманом Украины, их потомки — дворянская фамилия А. в России XVIII—XIX вв.

Апо́столов — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное от основы Апостол (см. предыдущ.), могло обозначать не только потомков носителя этого антропонима, а и крепостных помещика, носившего ф. Апостол.

Апоша́нский — см. *Апашнянский*; ф. А. зафиксирована в Петербурге, 1913 г.

Аппало́нов — см. *Аполлонов*.

Апполо́сов — см. *Аполлосов*.

Апра́кин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Апрака, от одного из канонических м. л. и. — Априк, Априкиан, Априон и т. п.

Апра́ксин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Апракса, Апраксия. Эта форма возможна от канонического м. л. и. Евпраксий, канонического ж. л. и. Евпраксия (в былинах — Апраксия, жена князя Владимира I), ж. л. и. несравнимо реже становились основами ф. ф. Родословная боярской семьи А., принадлежавшей к высшей знати, рассказывала, что в XV в. правнук выходца из Орды к рязанскому князю Андрей Иванович носил второе имя Опракса, от него и

пошли А. Но ф. А. была распространенной в различных социальных слоях: среди высшего дворянства, духовенства, крестьянства. Едва ли она могла возникнуть лишь однажды, вероятней она возникала многократно; Опракса вполне возможная форма из Евпраксий. Нет никаких оснований привлекать термин средневековой магии *абраксас*. Спорен поиск тюрк. основы: Н. А. Баскаков предложил сразу 3 — *абыраксу* 'вежливый, воспитанный', *опракса* 'лохматый, беззубый', *апраксак* 'хвастливый' («Известия АН. Отделение литературы и языка». М., 1969, № 4, с. 357). Распространение ф. А. у духовенства допускало бы предположить и возникновение ф. в духовной семинарии по наименованию церковной книги праздничных чтений *апракос*, но в этом случае неоправдан суффикс *-ин*.

Апра́ушев — вероятна связь со старинным глаголом *оправить* 'оправдать, поправить', *оправиться* 'оправдаться, выздороветь'; блр. *апрауш* 'оправдание, выздоровление'.

Апре́лев — образованное суффиксом *-ев* отчество из канонического м. л. и. Апрель: 1565 г. — Тимофей Федоров А., вотчинник в Обонежской пятине, 1595 г. — Семен А. в Новгородской земле (Тупиков, 465). Позже по готовой модели могла возникать и непосредственно ф. из названия месяца (например, литературный псевдоним).

Апре́ликов — образованное суффиксом *-ов* отчество из уменьшительной формы Апрелик от канонического м. л. и. Апрель (см. предыдущ.)

Апрелков — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Апрелко от канонического м. л. и. Апрель (см. *Апрелев*). Наличие ф. ф. Апрелев, Апреликов мешает допустить основу из диалектного *опрел* 'разлучник' (сравн. *опрел* — игра в разлучника, горелки) или из *опрелый* (от *опреть*).

Апре́сов — русск. оформление арм. ф. Апресян (отчество из арм. м. л. и. Апрес 'пусть живет'?).

Апро́дов — м. б. отчество из краткой формы Апрод от канонического м. л. и. Ефродисий? Историко-фонетически это вполне оправдано: сравн. хорошо известные Астах от Евстафий, Астрат от Евстрат и мн. др. Против — отсутствие случаев употребления этого м. л. и. в документах.

Апро́син — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Апрося от канонического м. л. и. Амвросий через обиходную форму Абросим (см. *Абросимов*) или от канонического м. л. и. Ефросин, но оно было очень редким в России; известна та же форма от канонического ж. л. и. Ефросиния, но наименования по имени матери несравнимо реже, чем по имени отца. См. также следующ.

Апро́сов — образованное суффиксом *-ов* отчество из краткой формы Апрос от канонического м. л. и. Амвросий через обиходную форму Абросим (см. *Абросимов*) или от канонического м. л. и. Ефросин, но в России оно было очень редким.

Апря́ткин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Апрятка (с русск. суффиксом *-ка*), по-видимому, от м. л. и. у одного из народов Поволжья.

Апсаля́мов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Апсалям у народов Поволжья от принесенного исламом араб. м. л. и. Абдусаллам (см. *Абсалямов*).

Апте́карев — образованное суффиксом *-ев* притяжательное прилагательное в функции отчества 'сын аптекаря'? Нарицательное *аптекарь* в русск. письменности с XV в., наиболее ранняя документация (очевидно, еще не ф., отчество): 1688 г. — Ерофий Степанов сын Оптекирев, слуга в Тихвинском монастыре (Тупиков, 465). В XIX—XX вв. ф. А. могла возникать из евр. ф. Аптекарь, встречающейся в Белоруссии и на Украине.

Апу́хтин — образованное суффиксом *-ин* отчество из нецерковного м. л. и. Опухта. На рубеже XV—XVI в. жил боярин Опухта (РГ I, 76—80), от которого пошел дворянский род Опухтиных; 1677 г. — стольник Опухтин (ПКТК I, 225, 1689 г. — Тимофей Опухтин, воевода в Твери (АИ V, 313). Позже в написании отразилось московское акающее произношение (в безударной позиции *о → а*). Имя не связано с русск. глаголом *опухать*, а иноязычно: и в XIX в. у народов Поволжья записано м. л. и. Абухта (Магницкий, 24), а нецерковные русск. имена исчезли задолго до того.

Апу́шкин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Апушка от м. л. и. Апуш, зафиксированного в тат. и башк. памятниках — из мусульманского м. л. и. Абдулла (Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., 1960, 110). Привлекать русск. *опушка* 'обшивка мехом' нет надобности.

Апфельбаум — ф. принесена из Германии: нем. Apfelbaum 'яблоня'.

Аравин — исходное этимологическое значение ф. трудно определить; среди возможных основ, например, могли быть: *орава* (в произношении — *арава*) со значениями 'рыбачья артель', 'большая семья'. 1621 г. — крестьянин Тимошка Микифоров сын Аравин, в Арзамасском у. (ДНУАК, XV, в. 2, 1913, 3) — это еще отчество.

Ара́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из м. л. и. Арай, в прошлом записанного у народов Поволжья: Орай — у чуваш (Магницкий, 62); в Чуваш. АССР есть д. Арай-касы 'деревня Арая'.

Аракелов — переоформленная господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов* арм. ф. Аракелян из м. л. и. Аракел (от канонических м. л. и. восточно-христианской церкви Иракл и Ираклий). 1870 г.: мещане А. в г. Астрахань.

Ара́кин — возможна связь с диалектным глаголом *аракать* 'говорить громко, крикливо' (Филин I, 267). Менее вероятно происхождение из тюрк. *арака* 'водка'.

Аракче́ев — ф. связана с тюрк. *аракчи* в к.-л. из значений: 'жнец' (Радлов I, 1050) или 'делающий водку', 'пьяница'; в русск.

или еще тюрк. употреблении могло принять форму *аракчей* (сравн. *казначей*), от которой образовалось с русск. суффиксом *-ев* притяжательное прилагательное в значении отчества: *аракчеев* (сын), закрепясь затем в качестве ф.; напрасно Ст. Илчев производит из араб. *харадж* 'дань' (Илчев, 51). В документах XV в. — Остафей А. (Тупиков, 465); 1602 г. — новокрещен Федор А. служил по Бежецку (НЗКК, 357), — вероятно, в обоих случаях еще не ф., а притяжательные прилагательные в функции отчеств (из наименований отцов). В XVII в. часто еще написание с инициальным О: в Темникове помещики Орокчеевы. В речи русск. крестьянства XVIII — XIX вв. ф. превратилась в Ракчеев.

Арамилев — могло возникнуть как обозначение прибывшего из поселка Арамиль на Урале. Из того же топонима произошло нарицательное *арамиль* — толстое сукно, которое там вырабатывали; человека могли прозвать за одежду из этого сукна, но все же вероятней, что ф. — из топонима.

Ара́нин — этимология неясна; ф. записана в Иркутске 1969 г. (сообщение М. Б. Серебренниковой).

Ара́пкин — образованное суффиксом *-ин* притяжательное прилагательное в функции отчества *арапкин* означало сына по отцу (Арапка — уничижительная форма от Арап) или матери (*арапка* — этническое наименование). В обоих случаях связано с нарицательным *арап* (см. следующ.).

Ара́пов — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное, например *арапов сын*, т, е. 'сын арапа'. Слово *арап* в России XVII—XVIII вв. означало негра и вообще человека с темным цветом кожи или перепачканного, перенесено с арабов, от которых узнали о неграх; значение 'плут' оно получило поздно. По законам русск. фонетики обязательно оглушение звонкого согласного (*б* → *п*) перед глухим согласным или в финальной позиции. Из дошедших примеров м. л. и.: 1646 г. — в переписной книге Казани Игнашко Игнатьев прозвищем Арап («Материалы по истории Татарской АССР». Л., 1932, 109), 1677 г. — мордовский мурза Арап Харитонов сын Нечасов в Пензенской десятне (ДПК, 67). Еще отчества или уж ф. ф.: 1668 г.: в Нижнем Новгороде ярыжный Федка А. (ДНУАК XV, в. 2, 87), 1678 г. — муромский дворянин Иван Федоров А., 1679 г. — приказчик в Верхотурском уезде Фролко А. (Тупиков, 365); многочисленны А. в Пензенских десятнях конца XVII в. (ДПК, 43—44, 113, иногда в написании Арабов — стр. 136).

Разветвлен дворянский род А. (родословная: «Всемирная иллюстрация», 1871 г., т. VI, № 138).

Арасла́нов — см. *Арсланов.*

Ара́хов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Арах, записанного, например, в XVIII—XIX в. у народов Поволжья (Магницкий, 29, по его данным — у чуваш).

Ара́цков — вероятно, из Аратсков — наименование приезжего из крупного с. Арать в Карсунском уезде Симбирской губ., как

раз в том уезде нередки ф. ф. на *-сков*. В предреволюционные десятилетия ф. А. известна именно в Симбирской губ.

Арба́ев — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Арбай, в прошлом записанного у народов Поволжья (Орбай у чуваш. — Магницкий, 62). От того же м. л. и. названа д. Арбайка (ныне в Удм. АССР).

Арбе́нев, Арбе́нин, Арбе́ньев — происхождение ф. ф. невыяснено; 1631 г. — Василь Арбенев, московский подьячий (Тупиков, 465). Арбенин — псевдонимы 4 различных авторов (Масанов I, 106), м. б. по фамилии главного персонажа пьесы М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

Арбу́зников — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное в функции отчества сын арбузника, т. е. торговца арбузами.

Арбу́зов — отчество с суффиксом *-ов* из прозвища или нецерковного м. л. и. Арбуз, известного очень рано; 1298 г. у половцев в Венгрии — Arbuz cumanum половец Арбуз, 1333 г. — Buzkan filius Arbuz (L. Rásonyi. Les anthroponymes comans de Hongrie, «Acta Orientalia», Budapest, 1967, f. 2, 136). В России м. л. и. Арбуз многократно документировано в XVI—XVII вв.: 1552 г. — Григорий Арбуз, землевладелец (НПК IV, 563); 1654 г. — могилевец Кондрашко Кузмин сын Арбуз Бурзиловский; тогда же и отец его — Кузма Левонтьев сын Гарбузы (АЮЗР XIV, 284 и 391); отчество или ф.: нижегородец Павел Семенов сын А. (ДНУАК XV, в. 3, 99). У тюркоязычных народов Поволжья м. л. и. Арбуз употреблялось и в XIX в. (Магницкий, 28).

Арва́тов — происхожд. ф. неясно (из иранояз. *арват* 'рабочий'?).

Арга́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из м. л. и. Аргай (Оргай, Оргей), документированного у народов Поволжья в XVIII—XIX вв. (Магницкий, 29 и 62); ф. записана в с. Б. Глушица, Николаевского у. Самарской губ., 1896 г. (Куйбышев. обл. архив, ф. 171, оп. I, № 125).

Аргама́ков — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из тюрк. м. л. и. и заимствованного русск. прозвища или нецерковного м. л. и. Аргамак, основа которых — татар. нарицательное *аргамак* 'рослая, быстрая, дорогая лошадь', переносное значение 'высокий, худощавый человек'. О ф. А. см. Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения — в сборн. «Этнография имен», М., 1971 г., 94—95. В результате перестановки звуков ф. иногда встречается также в записи Аграмаков (для русск. языка гораздо привычней позиция *р* после согласных, а не перед ними). Ранние документации: 1477 г. — холоп Микифорка А. (Тупиков, 465), дворяне А. — 1513 и 1586 гг. (РК, 49 и 364), в «Тысячной книге» их четверо — 1550 г. (ТК, 252), видимо, ф. А. закрепилась уж в XVI в., вопреки утверждению Н. А. Баскакова, что ф. А. в России только с 1627 г.

Арге́нтов — ф. книжного происхождения, создана в духовных семинариях, где со 2-й половины XVIII в. раздавали «пристойные»

ф. ф. будущим священникам, в том числе по наименованиям драгоценностей. Такова и эта, в основе которой лат. argentum 'серебро' с присоединением господствующего форманта русск. ф. ф. *-ов*.

Аргудя́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев*, м. б. из м. л. и. у одного из народов Поволжья или Сибири; в XVIII—XIX вв. записаны у чуваш или татар имена Аргалдей, Аргандей, Органдей (Магницкий, 29 и 62), из которых в русск. употреблении могло образоваться Аргудяй.

Аргунов — наиболее вероятно отчество, образованное суффиксом *-ов* из нецерковного м. л. и. Аргун, нередко у русских в XVI—XVII вв.: 1550 г. — Аргун Иванов сын Захарьина Кошкин (ТК, 330); помещики Аргун Митрофанов, Аргун Татьянин и др. (Тупиков, 32), 1541 г. — пятидесятник Лазарко Аргунов в Березове (Тупиков, 465) — вероятно, еще отчество, а не ф.; у народов Поволжья м. л. и. Оргун записано в XIX в. (Магницкий, 62). Видимо, оно заимствовано из тюрк. или фин.-уг. языков. Другая возможность — из диалектного нарицательного аргун плотник во Владимирских говорах. Поэтому напрасно привлекать кирг. аргун помесь яка и коровы, как у Н. В. Бирилло (Бірыла—БА, II, 23), едва ли возможно привлечь название реки и населенного пункта Аргун в Чечено-Ингушетии, входящее в обширный топонимический ряд.

Аргу́тин, Аргути́нский — этимологии неясны.

Арда́ков — отчество с русск. суффиксом *-ов* из тюркоязычного м. л. и. Ардак, которое можно предположить по документированным в XVIII—XIX вв. у народов Поволжья м. л. и. Ардекей, Ордяк (Магницкий, 29 и 62).

Ардальо́нов — отчество с суффиксом *-ов* из канонического м. л. и. Ардалион (предположительно из лат. ardalionis — родит. падеж существительного от глагола со значением 'хлопотать, суетиться').

Арда́матский, Ардама́цкий — этимология не выяснена.

Арда́сов — этимология не найдена; ф. документирована у крестьян Малоярославецк. уезда Калужской губ. в 1907 г.

Арда́тов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из морд. м. л. и. Ардат. От того же имени — названия нескольких населенных пунктов в Морд. АССР и Горьковской обл.: гор. Ардатов, с. с. Ардатово (И. К. Инжеватов. Город Ардатов. — В сборн.: «Исследования по истории Мордовской АССР», в. 40, Саранск, 1971, 261—272). 1629 г. — мордвин Одманка А. (ДНУАК XIII, с. 13).

Арда́товский — первоначально обозначало прибывшего из г. Ардатов или с. Ардатово (см. предыдущ.).

Арда́шев — отчество с суффиксом *-ев* из Ардаш, — это могло быть м. л. и. у народов Поволжья (от него, возможно, название д. Ардашева в Башкирск. АССР), по Н. А. Петровскому — производная форма от канонического м. л. и. Ардалион (Петровский, 249).

Арда́шкин — отчество с суффиксом *-ин* из уничижительной формы Ардашка от Ардаш (см. предыдущ.).

Арда́шников — этимология неясна; ф. зафиксирована в Петербурге, 1913 г.

Ардашо́в — отчество с суффиксом *-ов* из Ардаш (см. Ардашев, выбор суффиксов *-ов* или *-ев* обусловлен степенью мягкости произношения согласного *ш*).

Арде́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из м. л. и. А́рдей (Ордей), в прошлом засвидетельствованного у народов Поволжья (Магницкий, 62).

Ардема́сов — см. *Артамасов*.

Арде́нин — отчество с суффиксом *-ин* от основы Арденя, источник которой неясен: м. б. каноническое м. л. и. Ардалион; у народов Поволжья в документах XVIII—XIX вв. записана уничижительная форма Арденка (Магницкий, 29, относит ее к чувашам).

Арде́нтов — испорченное из Аргентов? Или ф., данная в духовной семинарии из лат. ardens, ardentis 'горячий, жаркий' по господствующей модели русск. ф. ф. с суффиксом *-ов*?

А́рдов — в разное время псевдоним нескольких авторов (Масанов I, 107).

Арды́нский — ф. Ордынский, но документированная в литературном (акающем) произношении.

Аре́кин — отчество с ру́сск. суффиксом *-ин* от м. л. и., записанного в прошлом у чуваш в форме Арекки (Магницкий, 29); ф. записана в 1929—1932 гг. в Астрадамовском р-не Ульяновской обл.; см., однако, еще *Аракин*.

Аре́нин — отчество с суффиксом *-ин* из уменьшительной формы Areня, возможной от канонических м. л. и. Арен, Арион, Арриан и др.

А́ренс — ф. нем. происхождения из в.-нем. и ср.-в.-нем. arn 'орел'.

Аренков — неизвестность места ударения затрудняет анализ, возможно отчество от формы Аренко от канонического м. л. и. (см. *Аренин*).

Аре́пьев — отчество из Арепий от Арефий (см. Арефьев), произношение п вместо ф, исконно несвойственного др.-русск. языку, было широко распространено. Привлекать прозвище из диалектного арепей 'репей' («Словарь Оби», I, 19) не позволяет место ударения.

А́рестов — см. *Аристов*.

Аре́фин — образованное суффиксом *-ин* отчество из канонического м. л. и. Арефа (предположительно — араб. происхождения). От различных форм того же имени образованы ф. ф. Арепьев, Арефьев, возможно — Арехов, Арешев, Арешенков, Арешин, Арешкин, Арин, Орешин, Орешкин, Решкин, Ржехин.

Аре́фьев — образованное суффиксом *-ев* отчество из гиперкорректной формы Арефий от канонического м. л. и. Арефа (см. предыдущ.), ошибочно принятого за просторечную русск. адапта́цию и «исправленную» на книжный манер «торжественным» *-ий* (Петровский, 249, ошибочно перевертывает их зависимость).

Аре́хов — отчество с суффиксом *-ов* из нецерковного м. л. и. Орех (в акающих говорах безударное *о* → *а*); не исключено из формы Арех от канонического м. л. и. Арефа (см. *Арефин*). В словаре

Н. М. Тупикова приведены 9 примеров имени Орех, Орешко, из документов XV—XVII вв.: крестьяне Орефка Орех — 1495 г., Орех Логинов сын — 1535 г. и др. (Тупиков, 291—292). 1816 г. — купец А. в Кадашевской слободе Москвы (Архив Москвы, ф. 51, оп. 8, № 149).

Арешев — отчество, образованное суффиксом *-ев*, возможно из формы Ареш от канонического м. л. и. Арефа (см. *Арефин*).

Аре́шин — отчество, образованное суффиксом *-ин*, возможно из уменьшительной формы Ареша от канонического м. л. и. Арефа (см. *Арефин*) или из нецерковного м. л. и. Орех.

Аре́шкин — отчество с суффиксом *-ин* из уничижительной формы Арешка, возможной от нецерковного м. л. и. Орех (см. *Арехов*) или от канонического м. л. и. Арефа, через промежуточную Ареша (см. *Арешин*); ф. записана в с. Лядец, Мещовского у., Калужской губ. (Калуж. обл. архив, ф. Р—79, оп. I, № 98).

Аре́шников — «сын орешника», образованное суффиксом *-ов* отчество из наименования отца по занятию: *орешник* — ‘продавец орехов’ (прозвище любителя орехов мало вероятно в качестве основы отчества). В акающих говорах безударное *о* → *а*.

Аре́щенко(в) — образованное блр. и укр. суффиксом *-енко* отчество из уменьшительной формы Ареша (см. *Арешин*), с последующим дооформлением господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Аржавитин — см. *Аржевитин*.

Аржа́ников, Аржа́нкин, Аржа́нников, Аржа́нов, Аржа́новский, Аржа́нцев, Аржа́ный, Аржаны́х — ф. ф. объединены общим для них протетическим А- к основе, начинающейся стечением согласных *рж* из слова рожь, но связь ф. ф. с этим словом не пряма, а сложна; почти все они (кроме укр. или блр. Аржаный) — отчества, непосредственные основы которых не удалось вскрыть (например, *аржанец*, *аржаник* известны только как наименования сорняков). Из географии этих ф. ф.: ф. Аржаных — в зоне скопления ф. ф. на *-их*, *-ых* на территории между Орлом, Курском, Воронежем, Тамбовом, 1858 г. — крепостные кр-не А. в Елецком у. (Орлов. обл., архив, ф. 780, № 75).

Аржеви́тин — наименование по месту прежнего жительства *аржевитин*, т. е. из г. Ржев. Формант *-итин* для обозначения жителей был особенно продуктивен в Московском государстве XV—XVI вв. Инициальное А- протетично (добавочно, чтоб избежать стечения согласных в абсолютном начале слова, как *аржаной* вместо *ржаной*). В функции отчества и ф. требовало дополнительно суффикса *-ов*, но при большом количестве отчеств и ф. ф. с *-ин* (от основы на *-а*) наличное в данном случае окончание воспринималось как оформление суффиксом отчеств и ф. ф. Существует и ф. Аржавитин, так как г. Ржев в старину называли Ржава; это название держалось долго.

Аржека́ев — образованное русским суффиксом *-ев* отчество, позволяющее предположить основу *Аржекай. В прошлом у наро-

дов Поволжья записаны м. л. и. Ардекей, Арзакай (Магницкий, 29, по его данным — у чуваш).

Арзама́зов — см. *Арзамасов.*

Арзама́кин — отчество с русск. суффиксом *-ин*, м. б. из формы *Арзамака от старого морд. м. л. и. Арзамас? 1656 г. — А. шуйский посадский человек (Тупиков, 465).

Арзама́нов — отчество, образованное русск. суффиксом *-ов* из м. л. и. Арзаман, записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 29, по его предположению — у чуваш).

Арзама́сов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из старого морд. м. л. и. Арзамас или Арземас (Мокшин—СМИ, 113; ошибочно отнесено к чувашским — Магницкий, 29). 1668 г. — мордвин Баженко А. — еще отчество (ДНУАК XV, в. 6, 179); ф. А. — крестьянин Ставровской вол. Владимирской губ. 1882 г. (Владимир. обл. архив, ф. 62, оп. I, № 3). Менее вероятно возникновение ф. из названия г. Арзамас (топоним из того же м. л. и. или одной этимологии с ним), — для такого значения обычней иные словообразовательные модели.

Арзама́ссков — ф. могла образоваться одним из следующих путей: 1) образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из русск. формы Арзамаско от старинного морд. м. л. и. Арзамас (см. *Арзамасов*; 1644 г. — мордвин Арзамаско Пурков (ДНУАК XV, в. 5, 122); 2) образованное тем же суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное в функции отчества, т. е. 'сын арзамасского' — от наименования отца по месту прежнего жительства; 3) непосредственно из прилагательного *арзамасский*, ставшего ф. и оформленного в этом ряду; ф. ф. на *-сков* нередки в XVII—XIX вв. в некоторых местностях, например, в среднем правобережье Суры, где русск. заселение шло со стороны Арзамаса.

Арзама́сцев — образованное суффиксом *-ев* отчество в значении 'сын арзамасца' из наименования отца по месту его прежнего жительства или по месту приписки на государственную военную службу (г. Арзамас), ф. возникла как помещичья в XVII в. — *арзамасец* означало приписанного в Арзамасе на пограничную службу и получившего за это землю в той местности; 1722 г. — рязанские помещики А. («Алфавит на именные книги». Рязань, 1897 г.)

Арзу́бов, Арзу́бьев — отчества из форм м. л. и., записанного в переписных документах XVIII — XIX вв. у народов Поволжья как Арзубай, Арзабай (Магницкий, 29), из этого и ф. Арзыбаев. 1891 г. — в с. Вохма, Никольского уезда Костромской губ. — ф. Арзубов.

Арзума́нов — переоформленная господствующим суффиксом русск. ф. ф. → *ов* арм. ф. Арзуманян.

Арзыба́ев — см. *Арзубаев.*

Арзю́тов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Арзют у народов Поволжья; в числе старинных имен у мордвы его указал Н. Ф. Мокшин (ОП I, 63), отметив, что этимология

утрачена, возможно, в результате изменений; однако, в том же самом виде оно записано в XVIII — XIX вв. (Магницкий, 9, по его предположению — у чуваш); Д. Т. Надькин безоговорочно связывает это имя с этнонимом эрзя (ОП II, 77—78).

Арзя́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из м. л. и. *Арзяй у народов Поволжья: в XVIII — XIX вв. записаны в документах Орзай, Орсей (Магницкий, 62). Связано с этнонимом эрзя? (см. предыдущ.).

Аридов — образованное суффиксом *-ов* отчество или от прозвищного м. л. и. Арид из нарицательного *аред* 'старый, злой, скряга', или с фонетическими изменениями из канонического м. л. и. Иаред, но неизвестно — употреблялось ли оно в России.

Ариду́ев — этимология неизвестна; ф. записана в Иркутске, 1969 г. (сообщение М. Б. Серебренниковой).

А́рин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Аря, которую Н. А. Петровский связывает со многими каноническими м. л. и. — Ардалион, Арефий, Ариан, Арий, Арикс, Арион, Арис, Аристарх, Аристид, Аркадий, Армений, Арнольд, Архипп, Варсонофий, даже Плутарх (Петровский, 251), не включив имен Арсений, Арист, Артамон, Арон и всех с окончанием *-арий*, от которых также возникала форма Аря.

Ари́ненков — укр. и блр. ф. Ариненко, образованная суффиксом *-енко* из основы Арина (см. следующ.), дополнительно оформленная господствующим в русск. ф. ф. суффиксом *-ов*.

Ари́нин — образованное суффиксом *-ин* притяжательное прилагательное в функции отчества от основы Арина — 'аринин (сын)', т. е. сын Арины. В XVIII — XIX вв. форма Орина (в московском и других акающих говорах произносится Арина) от канонического ж. л. и. Ирина, одного из самых частых, заслонила тождественную ей форму из канонических м. л. и. Ириней (святцы содержали 12 «святых» с этим именем), Ириний, Иринарх, Ирон, Ир, Иренион и проч., которые могли стать основами отчества *иринин* (-оринин, -аринин). Называли гораздо чаще по имени отца, чем матери, хотя это, конечно, не исключает случаев происхождения ф. А из производного и по имени матери (особенно — вдовы, несшей на своих плечах все хозяйство). У других народов Поволжья в XVIII — XIX вв. записано м. л. и. Орин и от него уничижительная форма Оринка (Магницкий, 62), но оно могло быть православным. Различные производные от рассмотренных основ отразились и в ф. ф. Ариненков, Ариничев, Аринкин, Аринушкин, Аринченко, Иринин, Орищенков и др.

Ари́ничев — отчество, образованное суффиксом *-ев* также из отчества, образованного суффиксом *-ич*, т. е. основа ф. нарицательное *ариничев* = сын Аринича = внук Арины (см. предыдущ.).

Ари́нкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Аринка из имени Арина (см. *Аринин*).

Ари́нушкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Аринушка от Арина (см. *Аринин*).

Ари́нченков — образованное укр. и белор. суффиксом *-енко* отчество (или непосредственно ф.) из формы Аринко от Арина (см. *Аринин*), с последующим оформлением суффиксом *-ов*, господствующим в русск. ф. ф.

Арипжа́нов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из составного м. л. и. Арипджан, принесенного мусульманской религией народам Средней Азии и Кавказа (араб. *ариф* 'знающий, проницательный', с последующим присоединением к готовому имени иран. компонента *джан* с исходным значением 'душа', позже — форма почтительного обращения со стертым лексическим значением).

Ари́пов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из мусульманского м. л. и. Ариф (см. *Арифов*), сменившего у ряда тюркоязычных народов окончание ф → п.

Ари́скин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Ариска из м. л. и. Арист (см. Аристов) или Арис (см. следующ.); ф. документирована у крестьян Николаевского у. Самарской губ., 1901 г.

Арисов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Арис, которое имелось в «святцах», но употреблялось ли в России фактически — неизвестно; тождественное м. л. и. записано у народов Поволжья в XVIII — XIX вв. (Магницкий, 29), но происхождение его неизвестно.

Аріста́рхов — образованное суффиком *-ов* отчество из канонического м. л. и. Аристарх (др.-греч. 'высший начальник'); редкость этого имени в России позволяет предположить книжное происхождение ф. по готовой модели (минуя стадию отчества) — из ставшего нарицательным *аристарх* по имени греч. критика 2 в. до н. э., знаменитого эрудицией, строгостью и педантизмом, — из этого литературный псевдоним А., например, у А. И. Введенского в 80-х гг. XIX в. (Масанов I, 90).

Аристи́дов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Аристид.

А́ристов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Арист (тождественна краткая форма от нескольких других канонических м. л. и. — Аристарх, Аристид и пр.), нередка контаминация с каноническим м. л. и. Арест (оно же Орест). 1566 г. — в Муроме Андрюшка А. сын, 1574 г. там же Ивашка А. сын (В. А. Кучкин. Материалы для истории русского города. — «Археографический ежегодник». М., 1969, 303 и 313) — еще отчества; многочисленны А. в десятнях XVII в. (ДПК, 4), повсеместны у крепостных в ревизских сказках: Москва 1722 г. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 1916, лл. 73 и 180), 1816 г. — Спасская волость Томского у. (Томск. обл. архив, ф. 231, оп. I, № 7), с XVII в. частая ф. казанских помещиков.

По гипотезе, которую выдвинул Г. В. Цулая, ф. груз. дворян А. в Астрахани XVII в. — адаптированная груз. ф. Эристави (этимологически означала привилегированное социальное положение), но

против этого — частота ф. А. у крепостных. О месте ударения — Б. А. Успенский, 145.

Ари́фов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из мусульманского м. л. и. Ариф (араб. знающий, проницательный), но не исключена и возможность той же формы из канонического м. л. и. Арефа. Та же ф. есть в Болгарии (Илчев, 52).

Арифу́лин — отчество с русск. суффиксом *-ин* из мусульманского м. л. и. Арифулла — из Ариф и Аллах.

Арихов, Аришев — происхождение ф. ф. неясно; м. б., отчества из форм Арих, Ариш от канонических м. л. и. Арефа, Арис, Арист или др.? У народов Поволжья в XVIII — XIX вв. записано м. л. и. Арише (Магницкий, 28).

Ари́шин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Ариша, которая обычна от канонического ж. л. и. Ирина (в прошлом произносилось Орина, Арина, но наличие ф. ф. Арихов, Аришев, Аришкевич побуждает предположить происхождение от м. л. и., тем более, что несравнимо чаще называние из имени отца, чем матери. Форма Ариш могла возникнуть от многих канонических м. л. и. — Арефа, Арий, Арист, Аристарх, Аристид и др. Кроме того у народов Поволжья в XVIII — XIX вв. записано м. л. и. Арише (Магницкий, 28).

Аришке́вич — образованное блр. и польск. суффиксом *-евич* отчество (или непосредственно ф.) из формы Аришко, производной от краткой формы Ариш, происхождение которой спорно (см. предыдущ.); аналогична укр. ф. Оришкевич (Редько—ДУП, 171).

Ари́шкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Аришка, производной от формы Ариш, происхождение которой спорно (см. Аришев, Аришин).

Аркада́ковский, Аркада́кский — первоначально служило обозначением приезжего из населенного пункта Аркадак (ныне в Саратовской обл.).

Арка́дин — или упрощение из Аркадьин или образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Аркадя от канонического м. л. и. Аркадий.

Арка́дов — происхождение ф. невыяснено. М. б. образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Аркад (от канонического м. л. и. Аркадий?), употребление которой неизвестно, или из тюрк. м. л. и. (например, известно татар. Аркат).

Арка́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из м. л. и. Аркай, многократно зафиксированного у морд. мурз в Саранской и Атемарской десятнях: 1669 г. — Аркай Атешев, Налеватко и Стенька А. (ДПК, 214—217).

Арка́дьин — образованное суффиксом *-ин* отчество из канонического м. л. и. Аркадий (др.-греч., означало жителя Аркадии — область на юге Греции).

Арка́нов — отчество с суффиксом *-ов* из м. л. и. Аркан или Архан, записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 29).

Арка́тов — отчество с русск. суффиксом *-ов* из м. л. и. Аркат у татар. От того же м. л. и. — название с. Аркатово в Татарской АССР.

А́ркин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Арка, возможной от многих канонических м. л. и. (Ардальон, Арефа, Аристарх, Аркадий и др.) или с тем же русск. суффиксом отчество от м. л. и. Арка, Орка, Орки, записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 28 и 62), в XVII в. у калмыков князь Арка. По сравнению с этими возможностями менее вероятна связь с диалектным глаголом *аркать* 'кричать, ругать, дразнить' в уральских говорах (Филин I, 275).

В позднее время — искусственное образование по частой модели русск. ф. ф.

Аркинов — отчество, возможно из м. л. и. Аркин, Архин или Орхин; в прошлом у народов Поволжья записана уничижительная форма Орхинка (Магницкий, 63, как он полагает — у чуваш).

Арлаза́ров — см. *Арлозоров.*

Арламенко (в) — образованное укр. и блр. суффиксом *-енко* отчество (или непосредственно ф.) из канонического м. л. и. Варлаам, в его просторечной форме с утратой начального согласного; дополнительное оформление суффиксом *-ов* под влиянием преобладающей модели русск. ф. ф.

Арла́нов — отчество с русск. суффиксом *-ов* из м. л. и. Арлан (Арлян), употребительность которого у народов Прикамья показывают названия селений: Арлан и дважды Арлян в Башкирской АССР, Арлан, Арланово, Арляново в Удмуртской АССР.

Арлозоров — если не будет найдено обоснованного объяснения этой ф., можно предположить — не связана ли она с гидронимом Аралсор (название озера в Нижнем Заволжье, Западно-Казахстанская обл.)? Фонетическая перестановка, как и озвонченье интервокальной согласной, допустимы, им могло подействовать на почве русск. языка переосмысление по отдаленной звуковой ассоциации с русск. словами. Возможен выбор гидронима для личного имени ребенка, рожденного возле этого озера (обычай кочевых народов) и последующее образование отчества с русск. суффиксом *-ов* или непосредственное образование ф. из этого гидронима по готовой модели русск. ф.

Арманд — принесенная из Франции ф. нем. происхождения: hard 'твердый, крепкий', man 'мужчина' (Dauzat, 320), по другому истолкованию 'солдат' из hari 'войско', man 'мужчина'.

Армашев, Армашов — отчество из тюрк. м. л. и. Армаш, известного в прошлом у татар или булгар Поволжья (Г. В. Юсупов. Введение в татаро-булгарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, с. 160), у чуваш — Армяж (Магницкий, 29).

Арме́ев — происхождение ф. неясно. М. б. отчество из старого морд. м. л. и. Армай (Мокшин — СМИ, 113), то же имя в написании Ормай встречается в документах XVIII — XIX вв., предположительно — у чуваш (Магницкий, 62).

Армянинов — образованное суффиксом *-ов* русск. притяжательное прилагательное в функции отчества: армянинов (сын), сын армянина или м. б. сын Армянина, т. е. отец мог и не быть армянином по национальности, а носить такое прозвище, побывав в Армении, ведя торговлю с Арменией или по к.-л. случайному поводу. Ранние документации (в написании Арменинов): 1511 г. — белозерский крестьянин Семен Ступа А., 1683 г. — московский рейтар Афанасий А. (Тупиков, 465).

Арнау́тов — образованное суффиксом *-ов* русск. притяжательное прилагательное в функции отчества *арнаутов* (сын), т. е. сын арнаута. Арнаут — тур. наименование албанца, но албанцы в России были исключительно редки и вероятней в ф. оно отразилось с одним из других своих значений: прозвище из диалектного *арнаут* 'злюка, изверг, басурман, разбойник' в бывш. Калужской и Курской губерниях (Филин I, 277), Ю. К. Редько связывает ф. А. с наименованием солдат—христиан в Турции (Редько—СУП, 42), в Румынии известно диалектное *арнаут* 'наемный солдат, слуга'. В документах ф. А: 1674 г. — болховитин Иван А. (АЮЗР XI, 595).

Арно́льди — ф. принесена в Россию из Германии или Италии; косвенный падеж от м. л. и. Арнольд (см. следующ.), обозначая 'сын Арнольда'.

Арно́льдов — т. к. православная церковь не допускала м. л. и. Арнольд (частое у католиков и протестантов), в России возможны 3 пути образования ф. А.: 1) принос ее поляками, переселившимися в Россию; 2) дооформление иностранной ф. (нем. Arnolt, итал. Arnoldi и т. п.) суффиксом *-ов* по преобладающей модели русск. ф.; 3) образование отчества из католического или протестантского м. л. и. Арнольд тем же суффиксом с последующим закреплением отчества в качестве ф. Любопытно отметить, что ф. А. неоднократна в среде православного духовенства.

А́ров — 1) отчество с русск. суффиксом *-ов* из существовавшего в прошлом у народов Поволжья м. л. и. Ар, косвенные следы которого встречаются в документах; 2) нередкий литературный псевдоним из различных комбинаций имени, отчества или ф. автора, их сокращений, инициалов и т. д. — например, сокращение из ф. А(лександ)ров.

Аро́нин — можно бы предположить образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Ароня, от канонических м. л. и. Аарон, Арон (см. следующ.) но, по сообщению С. К. Бушмакина, та же ф. могла возникать у удмуртов из отчества от удм. м. л. и. Аронь 'жатвенный', т. е. рожденный во время жатвы (ЛИ, 267).

Аро́нов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонических м. л. и. Аарон, Арон, почерпнутых из Библии; в России они были особенно часты в XVIII в., на протяжении XIX в. вышли из массового употребления, как и другие библейские имена.

Аро́сев — образованное суффиксом *-ев* отчество из формы Арось от одного из канонических м. л. и. — Аарон, Аростан, Арсений.

Арсе́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из формы

Арсей (производной от канонического м. л. и. Арсений) или из м. л. и. Арсей (Орсей), в прошлом записанного у народов Поволжья (Магницкий, 62).

Арсе́нин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Арсеня от канонического м. л. и. Арсений (см. *Арсеньев*).

Арсе́ничев — образованное суффиксом *-ев* притяжательное прилагательное в функции отчества также из отчества, образованного суффиксом *-ич*: *арсеничев* 'сын Арсеньича', т. е. внук Арсения.

Арсёнкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Арсёнка от Арсений (см. *Арсеньев*).

Арсёнков — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Арсёнко от Арсений (см. *Арсеньев*).

Арсёнов — образованное суффиксом *-ов* отчество из господствовавшей речевой формы Арсён от канонического м. л. и. Арсений (см. *Арсеньев*).

Арсе́нтьев — образованное суффиксом *-ев* отчество из просторечной формы Арсентий от канонического м. л. и. Арсений (в силу аналогии с частыми м. л. и. лат. происхождения на -entius: Лаврентий, Терентий и др.).

Арсе́нцев — образованное суффиксом *-ев* отчество из уменьшительной формы Арсенец от канонического м. л. и. Арсений (см. следующ.), аналогично ф. ф. Иванцев, Антонцев.

Арсе́ньев — образованное суффиксом *-ев* отчество из канонического м. л. и. Арсений (др.-греч. 'мужественный'). Из различных производных форм того же м. л. и. образованы ф. ф.: Арсеев, Арсенин, Арсеничев, Арсёнкин, Арсёнков, Арсёнов, Арсентьев, Арсенцев, Арсюткин, Арсюхин и др. (в некоторых случаях возможна контаминация с производными от других имен).

А́рский — 1) первоначально — обозначение прибывшего из г. Арск; 2) литературный псевдоним — например, сокращение из Архангельский.

Арсла́нов — отчество, образованное русск. суффиксом *-ов* из тюрк. м. л. и. Арслан ('лев', переносно 'богатырь'). На почве тюрк. языков Поволжья, где это нарицательное звучит близко к *арыслан*, возникала ф. Арасланов, а на Кавказе, где в некоторых языках оно произносится *аслан* — Асланов, наряду с А. Ранняя документация: 1633 г. в Вятке тат. Арасланов (Тамож. кн. I, 134).

Симас Каралюнас

К ЭТИМОЛОГИИ ЛТШ. *DÀRGS*

Происхождение лтш. *dàrgs* 'дорогой' еще не выяснено. Отсутствие семантически близких лексем послужило поводом для ошибочного мнения, будто данное латышское слово является заимствованием из славянских языков [1], или, в лучшем случае, для скептического взгляда относительно его происхождения [2].

В подобных случаях семантической изолированности целесообразно прежде всего задаться вопросом, что собой представляет семема 'дорогой'. В индоевропейских языках распространена модель образования семемы 'дорогой' из семемы 'цена' с прибавлением иногда лексем, обозначающих 'много', 'большой', 'великий', ср., напр., греч. τίμιος 'дорогой': τιμή 'цена, стоимость'; греч. πολυτελής 'дорогостоящий, дорогой': πολύς 'многочисленный, большой, обширный', τέλος 'платеж, подать, налог, пошлина'; др.-ирл. *lōgmar* 'дорогой': *lōg* 'цена', *mār*, *mōr* 'большой'; др.-инд. *mahā-rgha-* 'дорогой': *mahā-* 'большой, обширный', *argha-* 'цена'; др.-инд. *bahumūlya-* 'дорогой': *bahu-* 'много', *mūlya-* 'цена' и др. [3] В славянских языках обнаруживается семантическое развитие 'скупой'→ 'дорогой', ср. болг. *скъп*, с.-хорв. *ску̏п* 'дорогой, ценный' (ср. также славянское заимствование рум. *scump* 'дорогой') при соответствиях в других славянских языках со значением 'скупой'.

По-видимому, существуют и другие пути образования семемы 'дорогой'. Соответствие лит. *brangùs* 'дорогой' и лтш. *brañgs*, *breñgs* 'великолепный, пышный, прекрасный, превосходный, полный, дородный, жирный' указывает еще на одну возможность диахронической интерпретации семемы 'дорогой' (то, что это латышское слово может быть заимствованно из древних балтийских диалектов или из литовского языка, в данном случае является второстепенным). Мы можем и не придавать большого значения тому факту, что в речи латышей, живущих на Курской косе (в местностях

---

[1] A. Brückner. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877, стр. 170.

[2] K. Mühlenbachs. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Red. von. Endzelin. I. Bd. Riga, 1923—1925, стр. 448: «Нельзя с полной определенностью установить, родственно ли оно русскому *дóрог*, сербскому *дра̑г* 'дорогой', или же заимствовано из славянского».

[3] C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Langauges. Chicago, Illinois, 1949, стр. 826—827.

Nida, Preila), *brañgs* выражает 'дорогой', так как это может быть влияние литовского языка, но сосуществование сегментов плана содержания 'дорогой' и 'полный, дородный, жирный' в одном и том же сегменте плана выражения является несомненным. Сопоставление с родственными[4] лит. *brankùs* 'легко набухающий', *brankti* (без ударения) 'набухать' (при лит. *brangùs* 'дорогой'), лтш. *brèņģe* 'мокрое место; глубокая грязь', *brèņģêt* (*iês*)[5] 'болтать руками в жидкости' (при лтш. *breñgs* '. . .полный, дородный, жирный'), лит. *brinkùs* 'легко набухающий', *brìnkti*, *briñkti* 'бухнуть. набухать, разбухать', *briñgas* 'кряж, чурбан; колодка' (при лит. *brìngti* 'дорожать') показывает, что исходными значениями лтш. *brañgs*, *breñgs*, по-видимому, были 'полный, дородный, жирный', исторически восходящие в конечном счете к 'сыреть, влажнеть, бухнуть, набухать'.

В подтверждение того, что данное семантическое развитие представляется исторически реальным, можно привести одну параллель. Др.-прусск. *tēmpran* 'дорогой' (вин. п. ед. ч.) обоснованно сопоставляется с лит. *tamprùs* 'упругий', лтш. *tam̃prs* 'жесткий (о деревьях и земле)', лит. *tem̃pti* 'вытягивать, растягивать, натягивать', лтш. *tiept* (без ударения) 'вытягивать, растягивать; придавать жесткость'[6]. Искомые значения находим в данных родственных (ср. ст.-слав. *tąpъ* 'толстый, полный, крепкий, откормленный, жирный' (судя по греч. παλύς), др.-исл. *þambr* 'толстый, полный, пухлый') и самих балтийских языков (ср. лтш. *tèmpt* 'много пить, выпивать, долгими глотками пить, потягивать, чавкать').

При таком положении вещей представляется возможным сопоставить лтш. *dàrgs* 'дорогой' с лит. *dargùs*, *dárgus* 'ненастный, слякотный', *dargà*, *dárga* 'ненастье, слякоть, непогода', *dárgana*, *darganà* 'ненастье, слякоть, непогода', *dar̃gti* 'намачиваться; портиться (о погоде)', *dergùs*, *derganas* (без ударения) 'ненастный, слякотный', *dérgna* 'ненастье, слякоть', *dérgti*, *der̃gti* 'гадить, пачкать; чернить, порочить; осквернять' (ср. 3 л. ед. ч. наст. вр. *dérgia* 'идет дождь со снегом'), лтш. *dergtiês* 'претить, быть противным; коробить, корежить', *der̂dzêtiês* 'спорить, браниться, ссориться', лит. *dìrgti*, *dir̃gti* '(о погоде) портиться, ухудшаться, становиться ненастным; мокнуть, становиться мокрым; (о льне) подвергаться мочке, мокнуть'[7]. В данном контексте значений свое объяснение получает и лтш. *dàrga* 'жесткая трава, растущая на болотах', которое в отношении интонации и корневого вокализма является тождественным лтш. *dàrgs*. В установленной нами трансформации 'сыреть, влажнеть, мокнуть, становиться мокрым, бухнуть, набухать' → 'легко набухающий, пухлый; большой; полный, дородный, жирный' → 'дорогой' в случае с *dàrgs* отсутствует сред-

[4] См. F r a e n k e l, стр. 53—54.

[5] M ü h l e n b a c h — E n d z e l i n I.

[6] J. E n d z e l i n s. Filologu biedrības raksti. XII, Rīgā, 1932, стр. 171—2. О н ж е: Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, стр. 264.

[7] Об этих лексемах далее см. E. F r a e n k e l, стр. 103.

нее звено. Однако это обстоятельство, как кажется, ничуть не влияет на правдоподобность предлагаемой здесь этимологии в силу приведенных выше параллелей из балтийских языков и, кроме того, соответствующих славянских фактов.

Как известно, точное семантическое и морфологическое соответствие лтш. *dàrgs* существует в славянских языках, ср. ст.-слав. *dragъ* 'дорогой, ценный' [8]. По-видимому, перед нами образования, возникшие в каждой языковой группе параллельно и независимо, так как имеются некоторые основания полагать, что установленная здесь модель семантического развития действовала и в славянских языках. Дело в том, что слав. **dorgъ*, имеющаяся этимология [9] которого во многих отношениях является неудовлетворительной, обнаруживает историческую связь, с одной стороны, по-видимому, с др.-русск. *падорога* 'распутица, непогода' (ср. контекст: Т(о)го же дни изутра была падорога велика, замятна, снѣг, а в обѣдех было ведро [10]), словен. *sǫdraga*, *sǫdrag*, *sǫdrga* 'мелкозернистый град; комья замерзшего снега', уже давно сопоставленными [11] с балтийскими лексемами, имеющими корень *darg-/derg-/dirg-*. С другой стороны, сюда могут относиться др.-чеш. *dráha* 'толпа, множество, куча; величина, сила, мощь', *drahný* 'большой, крупный, значительный, обширный'. Таким образом, в древнерусских и словенских лексемах представлено начальное звено упомянутой выше семантической трансформации, а в древнечешских лексемах — среднее.

Итак, данную модель образования семемы 'дорогой' мы констатируем во всех трех балтийских языках (лит. *brangùs*, лтш. *dàrgs*, др.-прусск. *tēmpran*), а также в славянских языках. Экстралингвистическая сторона модели 'легко набухающий, пухлый; большой; полный, дородный, жирный' → 'дорогой' остается не вполне ясной, однако некоторые соображения можно высказать и по этому поводу. Обращает на себя внимание тождественная семантическая структура таких высказываний, как лтш. *dārgs gredzens* 'дорогое кольцо' и *dārga nauda* 'большие деньги', лит. *brangì kárvė* 'дорогостоящая корова' и *brángūs pinigaĩ* 'большие деньги'. Явление это может быть унаследовано от глубокой древности, когда, судя по данным языка, домашние животные, скот функционировали как единица обмена, предшествующая деньгам, ср. др.-русск. *скотъ* 'скотина, домашнее животное (преимущественно из рогатого скота)': 'деньги'; др.-сакс. *scat* 'деньги; имущество': 'рогатый скот'; др.-в.-нем. *fihu* 'рогатый скот': др.-сакс. *fehu*, др.-исл. *fē*, гот. *faíhu* 'имущество, деньги'; лат. *pecū* 'скот': *pecūnia* 'имущество; деньги'. Хорошо откормленное, дородное, жирное домашнее животное, по-видимому, и являлось дорогим, ср. лтш. *brangs vepris* 'жирный боров' и лит. *brangì kárvė* 'дорогостоящая корова'.

---

[8] Соответствия в других славянских языках см. Berneker, стр. 213.
[9] Фасмер I, стр. 531.
[10] Срезневский II, стб. 859.
[11] Berneker, стр. 212—3.

В. Пизани

ETYMOLOGICA PARERGA

1. О греческом и индоевропейском названиях ястреба

В словаре Эрну — Мейе в статье circus читаем: «circius m.: 1. северо-восточный ветер, мистраль. Ср. Gell. 2,22,30. Galli. . . circium appellant a turbine, opinor, eius et uertigine. Главным образом обозначает ветер, который дует в южной Галлии. Не восходит ли данное слово к грекам этого края? Дублет cercius приписывается Катону Авлом Геллием 2, 22, 23. 2. головокружение, вертячка (Gl.). Это слово осталось в той же сфере, в которой оно употреблялось в латинском; ср. M. L. 1945» [1].

«Romanisches etymologisches Wörterbuch» в указанном месте констатирует: «circius 'западный ветер', 2. cercius. 2. Прованс., катал. cers, исп. cierzo — Diez 541». Это подтверждает указание Геллия о «галльском» происхождении слова; что оно должно было опираться на *circus* — это уже мнение Геллия (собственно Фаворина, ср. a turbine. . . et vertigine), а что оно происходит из греч. κίρκος 'Kreis', откуда лат. *circus*, — это была также точка зрения Турнейзена, ср. в словаре Вальде — Гофмана: «Вероятно, по Турнейзену, из греч., возможно — через посредничество жителей Массилии («a turbine opinor eius ac vertigine» Favorinus Gell. 2, 22, 20; следовательно, от κίρκος circus, ср. κίρκιος, κιρκέας Gl., κίρκας Aristot.). Утверждению Геллия (см. выше, указ. соч.) о галльском происхождении слова (Dottin 246) мешает то, что этот ветер был характерен для Нарбонской Галлии» [2].

Возникает вопрос, не является ли этимология Фаворина народной этимологией, поскольку это название было возведено к значению 'круг' греческого κίρκος. Помогают две этрусские глоссы (806 и 807 по TLE Паллотино), а именно: 806. ἄνδας·βορέας ὑπὸ Τυρρηνῶν. 807. ἄντας·ἀετὸς ὑπὸ Τυρρηνῶν, где νδ и ντ, благодаря совпадению обоих сочетаний звуков в позднем греческом, вполне могут обозначать одно и то же, т. е. этр. *nt*; и не будет большой смелостью, если мы предположим, что в этрусском орел и северный ветер обозначались одним и тем же словом. Эта аналогия позволяет предположить, что *circius* не имеет ничего общего с *circus* = κίρκος 'круг' (вероятно, к κρίκος [3]), а скорее связано с κίρκος 'ястреб' или подобными.

[1] E r n o u t — M e i l l e t[4], стр. 123 (circus).
[2] W a l d e — H o f m a n n I, стр. 220.
[3] F r i s k I, стр. 857.

Это второе κίρκος появляется уже у Гомера (Р. 757. X. 139. ν 870. ο 526), откуда оно просочилось в более поздний поэтический язык; из указания грамматиков — κίρκος·ἵεραξ Θεσσαλῶν[4] — следует с полным правом заключить, что слово должно быть отнесено к эолийскому элементу гомеровского языка.

Фриск пишет о I. κίρκος: «Происхождение неясно; звукоподражательное?; ср. с κρέξ», что, однако, не очень вразумительно («Так как идентификация птицы очень неопределенна. . . все этимологии гипотетичны. Естественно, напрашивается предположение о звукоподражательном происхождении»). Что происхождение слова звукоподражательное — это может быть и верным; но хотелось бы из исторических источников узнать, где слово возникло, в самом греческом или еще где-то.

В этом отношении я склонен думать, что характерное для Южной Франции и, кажется, также для Пиренейского полуострова название ветра (при этом с колеблющимся вокализмом *i*/*e*) является не греческим заимствованием, а галльским и иберийским словом; если же оно появляется также в древней Греции, у Гомера и, может быть, у фессалийцев, то возможно, что в конечном счете мы имеем дело со средиземноморским словом. Подтверждение этому можно было бы видеть в этрусском названии для βορέας, которое тождественно названию для ἀετός или отличается от последнего лишь суффиксом (*-s* вместо *-r*): следовательно, существенна возможность калькирования. Приходит на ум глосса TLE 810 ἄρακος·ἵεραξ·Τυρρηνοί: не является ли предполагаемое средиземноморское **kurkos* редуплицированным образованием от этого слова, с перестановкой *k* из второго слога в начало и с *ir* (или er) вместо *ar* (*ara*?)?

Высадившись на этом Берегу Отчаяния, я хотел бы поставить следующий вопрос: как соотносится с вышеупомянутыми словами ἵεραξ? Мне не известно для него никаких индоевропейских соответствий: Фриск считает, что более позднее ἵεραξ по народной этимологии восходит к ἱερός[5] (так уже Бехтель[6]), однако у Гомера несколько раз представлено лишь ἴρηξ, с долгим ῑ, всегда без следов дигаммы: N 62, 819, O 237, П 582, Σ 615, Φ 494, ε 66, ν 86.

Об ἴρηξ Фриск говорит: «Хотя ἴρηξ у Гомера не обнаруживает дигаммы. . ., гомеровская глосса βείρακες·ἱέρακες (к чему βειράκη·ἡ ἁρπακτική) представляет древнее *Ϝῑρᾱξ с суффиксальным -ᾱκ-, как во многих других названиях животных. Следует исходить из прилагательного *Ϝῖρος, которое неожиданно присоединяется к (Ϝ)ίεμαι 'продвигаться вперед, устремляться' (Ebel KZ 4, 164 и след.)». Эта корневая этимология имеет ту же ценность, что и все корневые этимологии: не более как одна из возможностей. Тогда мы вправе спросить, не является ли Ϝ в βείρακες (которое, по Маасу[7],

---

[4] J. Bekker. Anecdota graeca. V. III. Berolini, 1821, 1095.
[5] Frisk I, стр. 712.
[6] F. Bechtel. Lexilogus zu Homer. Halle a. S., 1914, стр. 180 и след.
[7] E. Maas — IF I, стр. 158.

засвидетельствовано у Эпихарма Fr. 25 L. как ὕες τε ἱέρακες τε) результатом народной этимологии — возможно, по прилагательному Ϝῖρος 'проворный', которое поэт Одиссеи чувствовал в имени нищего Ἶρος (стихи σ 6 и след.) и которое, действительно, может быть вместе с βείριξ·ἔλαφοι связано с ἵεμαι. Если это так, то ἴρηξ могло бы представлять собой дальнейший вариант «средиземноморского» *arak-/kirk-, который до некоторой степени поясняется гомеровским текстом ν 86 и след.:

οὐδε κεν ἴρηξ
κίρκος ὁ μαρτήσειεν ἐλαφρότατος πετεηνῶν,

где ἴρηξ и κίρκος употреблены как синонимы и, согласно обычному толкованию, κίρκος обозначает разновидность ἴρηξ. При этом ἴρηξ представляет вариант с *i*, который мы предположили как основание для **k-irko-*.

Во всяком случае, эти слова заменили в греческом общее многим индоевропейским языкам название ястреба, которое реконструируется главным образом путем сравнения лат. *accipiter* — скр. *āçupátvan-* — русск. *ястреб*. Против этого сопоставления, вследствие неточности звуковых соответствий, были видвинуты различные возражения; однако по моему мнению оно является непоколебимым, а неточности звуковых соответствий должны объясняться двумя главными причинами, а именно — народноэтимологическими поправками и искажениями в связи с табу. Впрочим, общая индоевропейская праформа, вероятно, и невосстановима; и названные факторы могли уже в период праязыкового единства обусловить какое-то искажение недоступного для нас и, возможно, уже на индоевропейском уровне не этимологизируемого слова. Во всяком случае в лат. *accipiter*, или скорее в его предполагаемом ответвлении **acupetro-*, сочетание *acu-* могло появиться под влиянием, например, *acupedius*, а в слав. **astrębъ*[8] могло сказаться влияние прилагательного *rębъ* 'пестрый'; и санкритское слово выглядит как результат правки формы, первичный вид которой представлен в гомеровском ἴρηξ ὠκύπτερος; видеть в этом ὠκύπτερος ответвление индоевропейского слова, лежащего в основе *āçupátvan-*, т. е. синоним типа ἴρηξ κίρκος, кажется мне едва ли возможным.

Скорее я хотел бы обсудить, не представлена ли родственная с *accipiter*, *āçupátvan-* и *ястреб* форма в др.-в.-нем. *habuch*, англосакс. *heavoc*, др.-сканд. *haukr* 'ястреб' и русск. *кóбец* 'малый ястреб'. Германское слово встречается и в фин. *havukka*, *havikka*, *haukka*, которое указывает на **habuka* как на исходную германскую форму. Является ли славянское слово родственным ей или заимствованием ее (вторую возможность взвешивает де Фрис[9]), не существенно. Если правильно предположение о заимствовании, то мы можем говорить о прагерм. **kapuka-*, которое, правда, выглядит отлично от *accipiter* и прочих, но могло бы послужить исход-

---

[8] V a s m e r III, стр. 497.
[9] de V r i e s, стр. 214.

ной основой для предположенного выше народноэтимологического искажения в праиндоевропейский период. Это германо-славянское слово было связано Суолахти и Улашином[10] с лат. *capys*. Против этого высказывается Фасмер: «Лат. *căpus* 'ястреб', *capys* то же следует отделять от *кóбец*, т. к. для них доказано этрусское происхождение (ср. Walde — Hofmann I, 161)»[11]. И уже Сервий [Aen X 145 (TLE 821)] говорит: «falconis. . . qui Tusca lingua capys dicitur», и мы не имеем права сомневаться в этом свидетельстве; это не дает нам, однако, права отрывать этрусское слово от центральноевропейского. Как будто все германские или славянские слова должны были происходить из мифического индоевропейского и не может быть никакой языковой связи между доиндоевропейской Италией и индоевропейской или также доиндоевропейской Центральной Европой! И я думаю, что могу настаивать на прямой связи между прагерманским **kapuka-* (и под.) и этрусским *capys*; вариант **kabuk-* можно было бы предположить на основе славянского, если только соответствующее славянское слово не происходит из германского: о колебании произношении в палеоевропейских словах, заимствованных индоевропейскими диалектами, я писал в последнее время[12].

Правда, расстояние от этого **kapuka-* до варьирующегося индоевропейского выражения со значением 'ястреб', представленного в *accipiter*, *āçupátvan-*, *ястреб*, очень велико. Однако можно было бы предположить, что какой-то индоевропеец, скорее всего поэт, создал название для ястреба под влиянием заимствованного **kapuka-*. Подобные преобразования сплошь и рядом встречаются в области народной этимологии и создания поэтических выражений[13].

2. Нем. *Gerte* и т. п. и русск. *жердь* и т. п.

Еще в последнем издании Этимологического словаря Клюге нем. *Gerte* f. вместе с англосакс. *gerd*, *gyrd*, др.-фриз. *ierde*, др.-сакс. *gerd(i)a*, др.-в.-нем. *garte(a)*, *gerta*, ср.-в.-нем. *gerte*

---

[10] Цитируются в W a l d e — H o f m a n n I, стр. 164.

[11] V a s m e r I, стр. 582.

[12] V. P i s a n i. — «Studia Lingustica Slavica Baltica O. Falk sexagenario oblata», 1966, стр. 223 и след.

[13] Относительно толкования «индоевропейского» и связей его с «палеоевропейскими» не- или доиндоевропейскими языками Европы, лежащего в основе предшествующих рассуждений, я отсылаю к своей книге «Indogermanisch und Europa» (находится в печати, издательство Finck в Мюнхене). Если принять во внимание чередование *b(bh, v)/m*, которое часто встречается в упомянутых доиндоевропейских языках Европы и Южной Азии (например, лат. *fēlēs/mēlēs* 'кошка'; лат. *caballus* 'лошадь', слав, *kobyla*/ лит. *kumẽlė* 'кобылица', слав. *komonь*; греч. βόρμαξ, лат. *formīca*, скр. *vamrás* и т. д./ греч. μύρμηξ, арм. *mrǰiwn* и т. д. 'муравей'), то хочется спросить, не относится ли к нашему **kapuk/kabuk-* также тессин. *camaghè* (Поскьяво), *kamugé* (Беллинцона, Левентина) 'кобчик' (возможно, с *-g-* из *-k-*), см. об этом J. H u b s c h m i d. Die *asko-/usko*-Suffixe und das Problem des Ligurischen. 1969, стр. 76.

'прут, ветка' возведено к герм. *gazdjō, которое рассматривается как производное на -jō-, соотносительное с гот. gazds 'палка', др.-сканд. gaddr, др.-в.-нем., ср.-в.-нем. gart m. 'жало, шип'. Разумеется, фонетическая сторона этой этимологии безупречна, и с точки зрения семантики мало что можно возразить; разве только западногерманские лексемы могут быть возведены к *gardjō, которое сопоставимо со слав. *žьrdь (ст.-слав. жрьдь 'шест', русск. *жердь* 'то же' и т. д.) < *gr̥di- (следовательно, и.-е. *ghr̥dhi-/ *ghordhi̯o-). Значения были бы значительно ближе друг к другу. Траутман считает даже, что слав. *žьrdь связано аблаутом с *gordъ 'забор' [14], но это менее всего вероятно.

3. Нем. *Braut*

Относительно этого слова в Этимологическом словаре немецкого языка Клюге — Гетце — Мицки содержится следующее заключение: «внегерманские соответствия для него не надежны», и я могу лишь присоединиться к этому суждению. И последний, кто занимался германским *brūđi-, Вилли Крогман, у которого можно прочесть критику прежних толкований [15], не может предложить ничего более подходящего: возведение *brūđi- и сравниваемого с ним лат. *Frutis* к и.-е. корню *bhereu- 'быстро двигаться, бушевать' вряд ли является чем-то большим, нежели игрой.

У Клюге — Гетце — Мицки читаем; «старое значение 'новобрачная' сохраняло свою актуальность, по Брауне [16] и Кауфману [17], до тех пор, пока Лютер не ввел в обиход восходящее к западносредненемецкому диалекту литературного языка значение 'помолвленная' и не вытеснил из употребления в этом значении ср.-в.-нем. *gemahel*». *Neuvermählte*, как и *gemahel*, связано с др.-в.-нем., др.-сакс. *mahal*, англосакс. *mæđel*, др.-сканд. *māl*, гот. *maþl-* 'публичное собрание, обсуждение' и с глаголом гот. *maþljan*, англосакс. *maþelian* 'говорить', что указывает на о б е щ а н и е невесты, также как *die Verlobte*, франц. *la fiancée*, итал. *la fidanzata* (к *fiance*, resp. *fidanza* 'доверие, клятва верности'), лат. *spōnsa* (к *spondēre* 'торжественно обещать') и т. д.; и лат. *Frutis* — если правильно сопоставление *Frutis* и *brūđi- — следует рассматривать скорее не как богиню любви (подобную *Venus* и оск. *Herentas*), а как богиню законного супружества, — согласно толкованию Солина (II, 14): «Veneri matri, qual Frutis dicitur». Ср. также впервые установленное Керном значение *Matronae gavadiae* как связанного

---

[14] T r a u t m a n n, стр. 79.—Сближение слав. *žьrdь — нем. *Gerte* см. уже в кн.: О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 160 (Прим. ред.).
[15] W. K r o g m a n n. Frutis. — «Glotta» XX, стр. 175 и след.
[16] B r a u n e — BB 32, стр. 30.
[17] K a u f f m a n n — ZfdPh 42, стр. 129.

с гот. *wadi* 'залог', *gawadjon* 'помолвить'; соответственно этому Сковацци[18] признает здесь символ нерушимости договора, особенно брачного.

В соответствии с этим и я хотел бы видеть в нашем слове **mrūtis*, т. е. производное на *-ti-* от корня **mrū-* 'говорить', представленного в авест. *mraot* 'говорит', part. perf. pass. *mrū-tā-*, скр. *bráv-ī-ti* 'говорит', *brū-hí* 'скажи!' и т. д.: **mrū-tí-s* было бы тогда 'торжественное обещание' и отсюда произошло, как персонификация, герм. **brūđi-* 'невеста'.

Едва я набросал вышеизложенное, как узнал из словаря Майрхофера[19], что сравнение *mrū-/brū-* и **brūđi-* предложено уже давно (Уленбеком, затем Торпом и Хиртом[20]), но «оставлено по семантическим основаниям».

Я, надеюсь, показал, что семантических оснований нет. Что касается фонетических, то я ограничусь ссылкой на Бругмана[21]. Или, может быть, этот случай в конечном счете относится к чередованию, описанному в прим. 12 к первой из данных заметок?

4. Лат. *stīria, stilla* и скр. **sthīlā*

К. Гофман в своей статье[22] обсуждает отрывок из Jaiminīya-Brāhmaṇa III 360—361, который касается происхождения вселенной. В нем есть испорченное место, которое Гофман уже раньше[23] реконструировал так: tad abhavad yathā madhvaṣṭhīlā va svāsiktā syād dṛtir vaivam, то есть: 'это (tad, но asat/sat в Ригведе X 129,I, толкованием к которой должна служить Jaiminīya-Brāhmaṇa) было как будто бы madhvaṣṭhīlā svāsiktā или как бурдюк'. *Svāsiktā* восходит к *su ā-sik-tā* от *siñc-* 'лить', следовательно 'хорошо наполненный (точнее: налитый)', что согласуется также с надутым бурдюком; остается объяснить единичное *madhvaṣṭhīlā*. Гофман отклоняет перевод 'Honigklumpen' и считает, что в этом отрывке речь идет о том, что он называет 'Wabennest', т. е. гнездо лесных пчел в форме шара, образованного медовыми сотами; но я спрашиваю себя, не мог ли быть прав Бётлинк, предположивший большую каплю меда, которая отделяется, принимая сферическую форму шара или наполненного бурдюка.

К этому мнению приводит меня лингвистический анализ слова, в котором, между прочим, кажется проблематичной церебральная группа *ṣṭh* после *ā*: точнее выражаясь, я предполагаю, что в от-

---

18 M. Scovazzi. «Studi germanici» VIII, 2, стр. 170 и след.
19 Mayrhofer, статья brávīti.
20 Ср. Feist³, стр. 111.
21 K. Brugmann. Grundriß der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl. Straßburg, 1897. B. I, стр. 369 (относительно латинского) и 383 (относительно германского).
22 K. Hoffmann. «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 27, 1969, стр. 59.
23 K. Hoffmann. «Indo-Iranian Journal» IV, 1960, стр. 35.

рывке речь идет о древнем сложении *madhu-ṣṭhīrā*, с закономерным *ṣṭh* после *u*, соответствующем синтаксической конструкции *madhvas sthīrā* (*madhvas* является ведическим родительным от *madhu-*). А в таком случае *sthīrā* могло бы быть точным соответствием к лат. *stīria* и *stĭlla*, для которого я не знаю вероятных сопоставлений: то, что предлагают словари Вальде—Гофмана и Эрну—Мейе, не выходит за пределы туманных предположений, поскольку первый отсылает[24] ко второму, разве только объединяет *stīria* и *stilla*, а второй[25], признавая, что «не является очевидным, что *stĭlla* — это деминутив от *stīria*», предполагает корень **stei-* с суффиксом *-r-*, обнаруживаемым также в лит. *stýros ãkys* 'вперив взор, уставившись' с производными типа *styrstù*, *stỹrti* 'окоченеть, оцепенеть, застыть', др.-исл. *stria* 'окоченеть'. Со *stilla*, в котором удвоение было бы экспрессивным, в словаре Эрну—Мейе сопоставляется греч. στίλη (с *ĭ*) 'капля'. Это последнее равенство (*stĭlla* : στίλη) принято Фриском[26] и действительно имеет многое в свою пользу. Вследствие удвоения плавного можно думать о вариантности **stīla/stĭlla* типа *lītera/lĭttera* и, во всяком случае, о развитии слова по аналогии с деминутивами на *-ĭlla*, преимущественно со значением 'маленькая вещь', относительно чего обычно ссылаются на Марциала (XII 70, 3) или pauculae temporum stillae в Aug. ep. 140. Что касается сближения со *stīria*, то ср. определение Светония: gutta imbrium est, stilla olei vel aceti, что обусловило в словаре Льюиса—Шорта определение 'a dense, viscous, gummy, fatty drop'[27]. И вот *stīria* обозначает застывшую каплю в строке Виргилия (Georg. III, 366) stiriaque impexis induruit horrida barbis, и это значение подтверждается Фестом, когда он говорит (456,7): stiricidium quasi stillicidium cum stillae concretae frigore cadunt; затем грамматик добавляет: stiria enim principale est, stilla deminutivum, что является импровизацией, которую словарь Эрну — Мейе справедливо отвергает.

Тем не менее, я был бы склонен считать *stĭlla* и *stīria* словами, близко родственными между собой, а также и с греч.. στίλη и, как было сказано, с скр. *-ṣṭhīlā*. Что касается сближений в словаре Эрну — Мейе с литовским, то они отвергаются Френкелем[28], в словаре которого среди значений *stỹrti* нет 'застыть' (будет скорее 'стать жестким вследствие замерзания'). А выведение *stīria* и *stĭlla*, греч. στίλη от корня **stāi-*, которое предлагает Покорный[29], имеет такую же ценность, как и все подобные «корневые» этимологии, которые на тысячи миль удалены от жизни и истории.

---

[24] Walde — Hofmann II, стр. 595.
[25] Ernout — Meillet[4], стр. 651.
[26] Frisk II, стр. 799.
[27] A Latin Dictionary founded on Andrews' edition of Freunds' Latin Dictionary. Revised, enlarged and in great part rewritten by Charlton T. Lewis and Charles Short. Oxford, 1933, стр. 1759.
[28] Fraenkel II, стр. 909.
[29] Pokorny I, стр. 1010.

Поэтому, учитывая также вариантность *r/l*, которую мы находим в латинском и греческом, и разницу в просодии (которая, впрочем, напоминает различия между скр. *vīrás*, лит. *výras* и герм. **wĭra-*, кельт. **vĭro-*, лат. *viro-* и т. п.), а также географическое распределение слов, я был бы склонен признать в этом **stīr-/stĭl-* «индосредиземноморское» слово типа скр. *kalevara-*: лат. *cadāver* и т. д.[30]

5. Лат. *merenda*

Читая прекрасное исследование Элиа о двух названиях вечерней трапезы в Центральных Альпах, в котором собраны топонимы этой области, восходящие к лат. *merenda* 'послеполуденная еда', я встретил утверждение: «Этимологически *merenda* не связано поэтому с определенным временем дня; вместе с *merēre*, оно связано с греч. μέρος 'часть' и, следовательно, является образованием, параллельным δαίς — *daps* от корня **dā-p* 'разделять, распределять'; тип образования тождествен тому, который находим в *praebenda*. Мы не знаем, когда это слово возникло в латыни, несомненно — до Энния (fragm. var. 26 V). Во всяком случае, это собственно латинское новообразование», и т. д.[31] Здесь Элиа себе в ущерб повторяет этимологические словари Вальде — Гофмана и Эрну — Мейе, которые приписывают *merēre* значение 'разделять' только вследствие приверженности к сопоставлению с μείρομαι, что вовсе не достоверно (см. явный скептицизм у Фриска[32]) и во всяком случае относило бы образование *merenda* к очень древней эпохе, когда *merēre* еще имело бы такое значение.

Мне кажется гораздо более вероятным, что здесь перед нами переделка греч. μερίδα, следовательно, заимствование аккузатива, как *creterra crepida* (κρητήρ, κρεπίς) или, с этрусским посредничеством, *sporta taeda* (σπυρίς, δᾴς) и т. д. Дополнительный носовой (*mere-n-da*) представляется аналогичным носовому в *limpidus*, который Зольта совершенно справедливо считает оскско-умбрским соответствием для *liquidus*, а это заставляет думать, что греческое слово пришло в латынь через оскский, что оправдало бы древнее *e* вместо ι, в соответствии с лат. *ē* = оск. *í*. Далее, μερίς обозначает в основном 'часть', но это слово приобрело вполне определенное специальное значение в сакральном языке, обозначая части жертвы, которые распределяются между участниками обряда или принадлежат жрецу — важный момент в священной церемонии,

---

30 Ср. об этом мои статьи: Zu indisch-westeuropäischen Beziehungen — LP VIII, 1960, стр. 52; Sanskrit *kadamba-*: Greek *karámbas* — «Journal of the Oriental Institute» (Baroda) XIV, 1965, 315; Relitti «indomediterranei» e rapporti greco-anatolici — AION (Ling.) VII, 1966, стр. 41, перепечатано в V. Pisani. Lingue e culture, 1969, стр. 181—202.

31 Elia. «Archivio par l'Alto Adige» LIV, 1960, стр. 310.

32 Frisk II, стр. 197.

который превратился в распределение *íḍā* в брахманическом культе и в распределение *erus* в умбрском церемониале в Игувиуме[33]. Такое значение представлено в многочисленных надписях, кроме того — в литературных отрывках, как Динарх I 56 или в «Характерах» Теофраста, 30 или в «Агесилае» Плутарха 17 ,3; это значение перешло в греческую христианскую терминологию, в которой μερίς — это particula, т. е. освященная облатка[34]. И я думаю, что это греческое слово пришло в Италию главным образом через тайные обряды, которые греки в южной Италии совершали вместе с жившими там италиками. У римлян, если мое предположение справедливо, *merenda* потеряло свой культовый смысл и стало обозначать только легкую закуску, в результате такого же процесса, вследствие которого лат. *hostia* 'жертва', специализированное для обозначения хлеба, который в христианском культе представляет тело Христа, разделяемое между верующими в обряде причастия, пришло к обозначению лепешки из муки (тождественной той, которая используется у католиков в причастии), с которою вводят лечебные порошки или таблетки.

Перевела с немецкого и итальянского

Ж. Ж. Варбот

---

[33] См. об этом «Acme» I, стр. 315 и след., «Paideia» XVI, 1961, стр. 114 и след. и XXI, 1966, стр. 288 и след. = V. P i s a n i. Lingue e culture, 1969, стр. 218 и след.

[34] Ср. Du C a n g e. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. Lugduni, 1688, стр. 907.

Л. А. Гиндин

ФРАКО-АНАТОЛИЙСКАЯ ТЕОНИМИЧЕСКАЯ ОСНОВА **HEPTA-*

В надписях, обнаруженных на территории древней Фракии и Дакии, засвидетельствованы многочисленные антропонимы, содержащие основу Επτα-, лат. *(H)Epta-* с вариантами в качестве I компонента двусложных имен или ее непосредственных суффиксальных производных: Επτα-κενθος, Επτα-κεντος, Επτε-κε(ν)θος, Επτη-κενθος[1], Επται-κενθος, *Epta-centus*, *Epta-cens*, *Epte-centus*, *Epte-cens*, Ετει-κενθος, *Eti-cens*, *Efta-centus*, *Ffte-centus*, *Ipta-cens*; Επτα-κινθιανός; *Epta-per*, *Efte-pir*; Επτα-πορις, *Hepta-poris*, Επτη-πορις, *Epti-poris*, Επτη-πυρις f., Επτε-πυρις f.; Επτα-πυς, Επτη-πους; Επτα-τραλις, Επτη-τραλις, *Epta-tralis*, Επται-τραλις; *Epte-dius*; Επτε-ζενις, *Epte-zenus*, Επτει-ζενις; Επτε-συκος, Επτη-συκος m. f., Επτη-συχις f.; *Epte-tras*; Επτη-μενηκα; 'Ετα-ζέτα — вторая жена вифинского царя Никомеда II; *Eptala*, *Eptela*, *Eptula* (?), *Ettela;* Επτενις, Επτενης, *Eptenis*, ср. Βουρδ-επτω, *Burd-ipta* — топоним на левом берегу Гебра. Источниковедческая документация в целях экономии опущена: с необходимыми контекстами эти данные приводятся под соответствующими лексемами у Д. Дечева[2]; в отношении греческих надписей Болгарии полная ревизия, как и во всех прочих случаях, проведена Г. Михайловым[3].

Определенные соображения, опирающиеся, главным образом, на данные комбинаторного анализа, позволяют с большой долей уверенности постулировать теофорную природу подлежащих интерпретации антропонимов. Прежде всего обращает на себя внимание идентичность ряда вторых компонентов **(H)Epta-*

---

[1] Имеется, по всей вероятности, поздний вариант Απτε-κενθος (единственный случай начального *a* в данной основе) — G. M i h a i l o v. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, I². Serdicae, 1970, N 281 bis, ср. K. V l a h o v. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. — ГСУФ VII, 2, 1963, стр. 264; чередование *e* : *a* во фракийском распространено повсеместно. И. И. Руссу неверно сравнивает эту форму с дак. ЛИ Aptassa (I. I. R u s s u. Die Sprache der Thrako-Daker, Bucureşti, 1969).

[2] D. D e t s c h e w. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.

[3] См. G. M i h a i l o v. Указ. соч., I—IV, s. v. v.

композит и личных имен, содержащих в первой части сложения явно теонимическую основу или апеллатив с значением 'бог'[4], ср. Επτη-πους, -πυς при *Mau-pus*, *Deo-pus*, Πρία-πρς и т. д.[5]; Επτε-ζενις и т. д. при Δια-ζενις, *Diu-zenes* и т. д., II компонент, восходящий к и.-е. **g'en-* 'рождать, производить на свет'[6], семантико-типологически адекватен греч. -γένης от γένος 'род, отпрыск, потомок и пр.' в антропонимике, состоящей в значительной части из теофорных имен, ср. Διο-γένης[7]; Επτα/ε-κενθος и т. д. при Μα-κέντης, Διασ-κενθος, *Dias-cinthus* и пр., II компонент из и.-е. **ken-to-* в галльск. *Cintugnātus* и т. д. 'перворожденный', др.-ирл. *cēt-*, кимр. *cyn(t)*, брет. *kenta* 'первый и т. д.'[8] (и.-е. **ken-* 'происходить, начинать; также о молодых животных и детях'[9]); отсюда для фрак. -κενθος правомерно предположить значение 'первенец'[10]; Επτα/η-πορις, *Epti-poris* и т. д. при Διου-, Δι-πορις, *Deos-por* и пр., II компонент к и.-е. **per- : pr̥-* в лат. *pario*, perf. *peperi* 'рождать' и пр., *Propertius* букв. 'преждерожденный'[11]. Весьма показателен в теофорном смысле композит *Epti-dius* букв. '*Epti*-бог', если чтение, принятое Дечевым[12]: *Eptidi Modesti cent. leg. V Mac.* (CIL III, 14433) — правильно; Руссу, согласно Влахову (указ. соч., стр. 247), предлагает *Septidi Modesti*.

Существуют две ортодоксально-генетические этимологии основы **(H)Epta-*. Одна из них принадлежит Дечеву и разделяется Руссу[13]. Приняв за исходную форму *Epta-*, Дечев отнес ее к и.-е. **ep-* от и.-е. **op-* в др.-инд. *ápas-* = лат. *opus*, *-eris* 'труд, работа', лат. *optimus* букв. 'богатейший', греч. ὄμπνη 'пища, зерно', Ὄμπνια — эпитет Деметры 'Кормилица'. Помимо чисто корневого характера, данная этимология имеет другой важный не-

---

[4] Подробнее см. Л. А. Гиндин. Рефлексы и.-е. **d(e)i̯ēu-* в фракийских языковых реликтах. «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы». М., 1972.

[5] Об элементе -πο-ς, -που-ς, *-pu-s* в фрак. теофорных сложениях см. Л. А. Гиндин. К реконструкции фракийского. «I Симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные материалы». М., 1972, стр. 17 сл.: к и.-е. **bhū-* первоначально 'расти, урождаться, процветать', затем 'быть'.

[6] Pokorny, стр. 373.

[7] A. Fick. Griechischen Personennamen. 2 Aufl. Göttingen, 1894, стр. 84 сл.

[8] A. Holder. Alt-celtischer Sprachschatz, I. Leipzig, 1896, стр. 1022.

[9] Pokorny, стр. 563 сл.

[10] К реконструкции фракийской лексемы см.: P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896, стр. 239; Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952, стр. 7; D. Detschew. Указ. соч., стр. 239; I. I. Russu. Указ. соч., стр. 115.

[11] D. Detschew. Указ. соч., стр. 374; Pokorny, стр. 818.

[12] D. Detschew. Указ. соч., стр. 168.

[13] Д. Дечев. Указ. соч., стр. 30; I. I. Russu. Указ. соч., стр. 123.

достаток: среди реально засвидетельствованных рефлексов и.-е. **op-* отсутствуют лексемы с *e*-огласовкой; *e* германских примеров из прагерм. *a* < и.-е. **o*, ср. др.-исл. *efni* 'Stoff, Zeug für etw.' (прагерм. **afnija* < и.-е. *ópnijo-m*) при др.-исл. *efna* = англосакс. *æfnan* 'ausführen', 'wirken'[14]. Вторая этимология В. Томашека, будучи также корневой, более строга с формальной стороны, так как учитывает возможность исчезновения анлаутного *h* (греческое густое придыхание) фракийских форм в латинских и, как правило, греческих надписях Фракии и Дакии. Согласно Томашеку, фрак. *eptā* через ступень *hepta*, подобно др.-инд. *sápti* 'упряжка (коней)', к и.-е. **sep-* в др.-инд. *sap-* в частности 'запрягать'[15]. Редкая в указанном смысле транскрипция *Hepta-poris* — CIL XVI, Dipl. 108, a. 158: *ex gregale* ('рядовому') *Heptapori* (dat.) — и нам представляется реальным отражением первоначального облика фракийской туземной формы[16].

Противоречивость и малое правдоподобие с семантической и формальной стороны обеих этимологий, а также общий культурно-этнографический контекст побуждают искать в качестве потенциальной возможности прототип фракийской ономастической основы **(H)Epta-* за пределами Балканского п-ова, не упуская из виду выводы комбинаторного анализа относительно ее теофорного характера. Это намерение стимулируется, как и во многих других случаях, наличием исконно фракийского продолжения и.-е. **op-*, реализованного в теонимическом композите Δηλ-οπτη-ς, ср. приведенный выше эпитет Деметры Ὄμπνια[17].

Исследования теонимики и вообще ономастики сопредельных Фракии территорий вновь ведут нас к позднеанатолийскому (малоазийскому) пантеону, сохранившему имя богини-матери Ἵπτα : Εἴπτα, видимо, потерявшей ко времени засвидетельствования свою популярность, что отразилось в крайне ограниченном числе фиксаций (определенно всего, кажется, 3 раза): Μητρὶ Ἵπτα[18], Μητρὶ Ἵπτα καὶ Διεὶ Σα[βαζίῳ][19], Διεὶ Σαβαζίῳ καὶ Μητρεὶ Εἴπτα[20]; Кречмер с ссылкой на Кайля приводит еще один случай, когда

---

[14] Pokorny, стр. 780; Frisk II, стр. 391; Kluge-Mitzka, стр. 799.

[15] W. Tomaschek. Die alten Thraker, II, 2. «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Classe», CXXXI. Wien, 1894, стр. 9; кроме всего прочего, ценность интерпретации Томашека снижается тем обстоятельством, что начальное *s* перед гласными в фракийском сохранялось, см. Д. Дечев. Указ. соч., стр. 19.

[16] Ср. объяснение начального *h* в данной форме фракийской прейотацией и.-е. **e* (Д. Дечев. Указ. соч., стр. 31).

[17] D. Detschew. Указ. соч., стр. 129; I. I. Russu. Указ. соч., стр. 131.

[18] J. Keil, A. v. Premerstein. Bericht über zweite Reise durch Lydien. «Denkschriften der phil.-hist. Klasse der Akademie der Wissenschaften», 54, 1911, Wien, стр. 169.

[19] J. Keil, A. v. Premerstein. Указ. соч., стр. 188.

[20] W. H. Buckler в кн.: A. Heubeck. Lydiaka. Erlangen, 1959, стр. 63.

в лучших рукописях комментария Прокла к Тимею кормилица детей Диониса названа Ἵπτα вместо Ἵππα[21]; имеется также личное имя Ἵπτας f.[22] Надо отдать должное Дечеву, который вопреки собственной корневой этимологии (см. выше) в своем основном труде указывает на явное совпадение фрак. основы Επτα и пр. с именем м.-аз. богини-матери, упомянув цитированную работу Кречмера[23].

В этой небольшой заметке Кречмер тонко сопоставил вплоть до отождествления м.-аз. Ἵπτα : Εἵπτα с хетт. *Ḫepit* или *Ḫipit*, митанн. *Ḫepa* или *Ḫipa* — именем заимствованной у хурритов великой хетто-лувийской богини, жены бога грома *Teššup*[24]; современная обобщенная транскрипция хетт. теонима ᵈ*Ḫe-pát*[25], лув. иер. *He/Hi-pa-tu(s)*[26]; см. также продуктивную основу теофорных антропонимических сложений: хетт. ᶠ*Ḫé/Ḫi-pa-mu-(u)-wa-(aš)*, иер. лув. ᶠ*He-pa-pi-a*, иер. лув. (acc.) *Hi-pa+r-wa-ní-n*[27] и т. д.

Известную трудность составляет идентификация раннеанатолийского начального *H* и греческого густого придыхания, поскольку первому обычно в греческих передачах соответствует κ/γ/χ, например, лид. κιναροα — хетт. *Ḫinnaruwa-*; кил., догреч.-анат. Κασταλία — хетт. **Ḫ/ḫaštali-*; м.-аз. Κίλικες — возможно, хетт. *Ḫilakkai*[28]. Весьма правдоподобно нерегулярное отражение анат. *H* через греческое густое придыхание в данном случае объясняется сближением по народной этимологии иноязычного теонима с ἵππος, см. отмеченную выше субституцию в рукописях Прокла[29]. Пожалуй, здесь уместно упомянуть признаваемое многими очень раннее греческое заимствование ἄφενος 'богатство, изобилие' из анат. **hapina-* при хетт. *ḫappinant* 'богатство'[30].

Возвращаясь к фракийской ономастической основе **(H)Epta-*, тождественной рассмотренным поздне- и раннеанатолийским теонимам (Ἵπτα : Εἵπτα < He/Hipat) отметим сразу *e*-вокализм начального слога в подавляющем числе случаев (40 к 2 именам с *i*)[31],

---

[21] P. Kretschmer. Mythische Namen. «Glotta», 15, 1927, стр. 76.
[22] L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, § 481.
[23] D. Detschew. Указ. соч., стр. 167.
[24] P. Kretschmer. Указ. соч., стр. 77.
[25] E. Laroche. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947, стр. 48; Он же. Les noms des hittites. Paris, 1966, стр. 293, 348.
[26] A. Heubeck. Указ. соч., стр. 63 с ссылкой на Боссерта и Лароша.
[27] E. Laroche. Указ. соч., № 364—365.
[28] A. Heubeck. Указ. соч., стр. 62 сл., особенно примеч. 22; Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского п-ова. М., 1967, стр. 148 сл.
[29] Ср. A. Heubeck. Указ. соч., стр. 63.
[30] Ср. A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 70; Л. А. Гиндин. Указ. соч., стр. 167.
[31] Переход *e* в *i* мог осуществится уже на фракийской почве, см. G. Mihailov. La langue des inscriptions grecques en Bulgarie. Sofia, 1943, стр. 13.

что может говорить о более раннем, по сравнению с временем греко-малоазийских передач, проникновением этой основы в фракийский пантеон и соответственно антропонимику. Форма *Hepta-poris* свидетельствует о начальной аспирации типа греческого придыхания, подобно ударению, как правило не фиксируемого в греческих надписях за пределами Эллады. В зависимости от последнего обстоятельства необходимо из соображений гиперкорректности восстановить для фракийского теофорную основу в греческих передачах Ἑπτα- = лат. *Hepta-*.

Подвергнутые выше комбинаторному анализу антропонимы допускают следующую интерпретацию в семантическом плане: Επτη-πους f., -πυς m. 'проникнутый(ая), обладающий(ая) животворной силой богини **Hepta*'; Επτε-ζενις, *Epte-zenus* 'потомок, отпрыск богини **Hepta*'; Επτα/ε-κενθος, *Epta/e-centus* и пр. 'первенец богини **Hepta*'; Επτα/η-πορις, *Epti-poris* и пр. 'рожденный богиней **Hepta*' и т. д.

Х. Фенрих

ОБ ОДНОЙ КАРТВЕЛЬСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Многие древние слова из словарного состава языка вытесняются заимствованиями, неологизмами, эвфемизмами и пр. Гамкрелидзе и Мачавариани принимают для картвельского праязыка, что сванское слово *šdik* 'зуб' представляет собою отражение древнего общекартвельского названия зуба, в то время как остальные картвельские языки обнаруживают вместо этого новообразование: груз. *ḳb-il-i* 'зуб', занск. *ḳib-ir-i* 'зуб' при детальном анализе классифицируются как суффиксальные отглагольные имена[1].

Сходное положение вещей мы предполагаем для картвельских наименований глаза. Грузинское *tval-i* 'глаз', занск. *tol-i* 'глаз' вслед за А. Греном сопоставляется со сванским *te* 'глаз'[2]. Сванскую форму, которая так необычно отклоняется от других картвельских языков, можно объяснить только при установлении сложных звуковых изменений.

По нашему мнению, необоснованна мысль и о том, что сванское слово *te* 'глаз' с другими картвельскими словами, обозначающими глаз, никак не связано. Таким образом, надежным является только сопоставление груз. *tval-i* и занск. *tol-i*.

Грузинский и занский материал не позволяет выяснить, реконструировать ли в общекартвельском анлаут *t или *s_1t[3].

Если сопоставлять сванское *te* 'глаз' с грузинско-занскими словами, то можно было бы в анлауте принять общекартвельское *t. Но такая реконструкция маловероятна из-за необычно отклоняющейся формы сванского. Убедительным кажется сближение грузинских и занских слов со сванским *šdul* 'глазок, бойница, амбразура'[4], благодаря чему можно сделать вывод об общекарт-

---

1 T. Gamqreliʒe, G. Mačavariani. Sonanṭta sisṭema da ablauti kartvelur enebši. Tbilisi, 1965, стр. 14.

2 А. Грен. Сванетско-русский словарь. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 10. Тифлис, 1890, стр. 127. См. также Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 93.

3 Ср. G. Mačavariani. Saerto-kartveluri ḳonsonanṭuri sisṭema. Tbilisi, 1965, стр. 74.

4 Ср. K. H. Schmidt. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, со ссылкой на Г. Детерса.

вельском анлауте *s_1*t*. Отклоняющееся значение сванского слова можно понять как вторичное от первоначального 'глаз'.

При этом допущении возникает новая возможность объяснения картвельских слов. Кажется возможным видеть в этих словах образования от общекартвельского слова *s_1*taw-* со значением 'голова' (груз. *tav-i* 'голова', чан. (лазск.) *ti* 'голова', сван. *šda* 'колос')[5].

*s_1*taw-al* > *s_1*tw-al-* → | → груз. *tval-*
→ занск. **tvol-* > *tol-*
→ сван. **štwal-* > **šdwal-* > *šdul-*

В грузинском и занском *s_1, предшествующее в анлауте **t*, закономерно утрачивается. В занском исчезает *v* < **w* после изменения **a* > *o* (ср. **kwam-* > мегр. *ḳum-*, чан. *mḳom-* 'дымить'; *s_1*man-* > мегр. *šon-* 'сван' и т. д.). В сванском сибилянт *s_1 переходит в *š*, группа **št* в *šd* в то время как **wa* изменяется в *u* (ср. аналогичные примеры **wašl-* > *usgw-* 'яблоко', *s_1*xwa-* > > *ešxu* 'один').

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сванском не только *šda* 'колос' и *šdul* 'глазок' начинаются с группы *šd*, но также и другие слова, которые тесно связаны с обозначением головы: *šdik* 'зуб' и *šdim* 'ухо'. Отсюда возникает вопрос, не могут ли эти сванские слова быть производными от общекартв. *s_1*taw-* 'голова'. Ответ на этот вопрос требует дальнейших исследований.

Перевела с немецкого
Т. В. Горячева

---

[5] Ср. A. Čikobava. Ç̣anur-megrul-kartuli šedarebiti leksiḳoni. Tbilisi, 1938, стр. 43—44; Г. А. Климов. Этимологический словарь, стр. 175; T. Gamqreliʒe, G. Mač̣avariani. Sonanṭta sisṭema, стр. 136, 333.

А. К. Шагиров

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА *МАЦЕСТА*

Известный бальнеологический курорт на Черноморском побережье Кавказа получил свое название от долины, где расположен курорт, и реки, протекающей по этой долине. Возникло *Мацеста*, по всем данным, как название местности, а не реки.

Этимологию данного топонима, как кажется, пока нельзя считать твердо установленной. Предложенные в литературе разъяснения при внимательном рассмотрении оказываются недостаточно аргументированными и малоубедительными.

В 1964 году в «Ученых записках» Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института была опубликована статья Дж. Н. Кокова под названием «Заметки по топонимике». В статье этимологизируются топонимы *Адлер*, *Анапа*, *Сочи* и *Мацеста*. В первой части *Мацеста*, по мнению автора, абхазо-абазинское слово *а-мца/мца* ʻогонь'. Вторую часть гидронима (*Мацеста* берется в статье как обозначение источника) Дж. Н. Коков сближает с адыгским названием воды *псы*. «Черкесы, исстари использовавшие источник Мацеста в лечебных целях, — заключает автор, — в основу его метафорического наименования положили представление о высокой температуре воды — ʻогненная вода' (горячая вода)» [1].

Но каким образом *псы* могло дать *ста*? Дж. Н. Коков предполагает, что в иноязычном произношении здесь произошло выпадение *п* перед *с*, а после *с* появился зубной смычный *т*. Аналогичным образом Дж. Н. Коков разъясняет и *Хоста* — по автору, из адыгского *Кхъуэпс* ʻкабанья река'. В статье отмечается, что появление согласного *т* не всегда сопровождается выпадением *п*: *Кудепста*, *Лапста* и др. [2]

В географических названиях типа *Кудепста* элемент *пста*, вне всякого сомнения, восходит к абхазскому *а-пста* ʻущелье'. С адыгским *псы* ʻвода', ʻрека' генетически связана лишь первая часть этого слова; во второй части налицо известный абхазо-абазинский аффикс *-та* со значением места.

Как мы пытаемся доказать ниже, в топониме *Мацеста* элемент *ста* к адыгскому *псы* не имеет вообще никакого отношения.

---

[1] Дж. Коков. Заметки по топонимике. УЗКБНИИ, т. XX, серия филологическая. Нальчик, 1964, стр. 236.

[2] См. там же.

Предположение Дж. Н. Кокова о появлении неэтимологического *т* неприемлемо. Трудно допустить здесь и выпадение губного *п* (см. ниже). Ссылку на *Хоста* нельзя признать удачной: *Хоста* имеет, как кажется, надежную этимологию на абхазской почве — из абхаз. *Хъуаста*, букв. 'кривое место'[3].

Следует также отметить, что черкесы (адыги), давая наименование источнику Мацеста, не могли использовать в качестве одного из компонентов неизвестное им абхазо-абазинское слово *а-мца/мца* 'огонь'. А видеть в *Мацеста* родственное *а-мца/мца* адыгское *мафlэ/машlуэ* 'огонь' в старом произношении было бы весьма рискованно.

В топонимике вполне допустимы случаи, когда иноязычное название заимствуется не полностью, часть топонима заменяется исконным словом. Но к рассматриваемому названию не подходит и такое объяснение уже потому, что в этом случае за предполагаемым адыгским словом *псы* мы вынуждены были бы выделить абхазский аффиксальный элемент *-та* (см. ниже).

Указанную этимологию *Мацеста* в несколько измененном и дополненном виде Дж. Н. Коков повторяет и в своей книге «Кабардинские географические названия».

Здесь уже не говорится о появлении *т* после *с*. Предполагается, что исторически название воды могло содержать *т*. Для соответствия *пс : пст* автор ссылается на каб. *псори* при адыг. *пстэури* 'все'[4]. Можно отметить также каб. *гъэсын*, адыг. *гъэстын* 'сжигать', каб. *сыр* 'обжигающий', 'злой (о луке и т. п.)', адыг. *стыр* 'обжигающий', 'злой'; 'горячий'. Но это не дает основания реконструировать для *псы* согласный *т* (ср. абхаз.- абаз.- **псы*, убых. *бзы* 'вода', 'река').

Интересно приводимое Дж. Н. Коковым шапсугское название Мацесты (по автору, шапсугский вариант названия) — *МэшIупсы*, букв. 'огненная вода'. Однако, судя по всему, это название возникло самостоятельно на шапсугской почве и не имеет отношения к источнику топонима *Мацеста*.

Первую часть этимологизируемого топонима связывают с абхазским словом *а-мца* и другие исследователи, в частности Х. С. Бгажба.

Согласно Х. С. Бгажба, *Мацеста* следует рассматривать в числе названий рек и соответствующих ущелий, заключающих в качестве второго компонента основу *пста* 'ущелье'. *Мацеста* получено, по автору, из *Мацэпста*, которому в абхазском должно было соответствовать *Мацаrста*, толкуемое Х. С. Бгажба как 'огненная река' (абхаз. *а-мца* исторически из *а-маца*)[5].

---

[3] См. Х. С. Бгажба. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, XXVII. Сухуми, 1956, стр. 298.
[4] Дж. Н. Коков. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966, стр. 143.
[5] Х. С. Бгажба. Указ. соч., стр. 294.

Прежде всего необходимо указать на то, что географические наименования с основой *пста* во второй части автор этимологизирует здесь, опираясь на их вторичное значение. Совершенно очевидно, что *а-пста* 'ущелье' не могло быть использовано для образования гидронимов, что интересующие нас слова должны были появиться в языке как названия ущелий, речных долин. Неслучайно в монографии Х. С. Бгажба, опубликованной в 1964 г., *Мацеста* разъясняется уже как 'огненное ущелье'[6].

Этимология, предложенная Х. С. Бгажба, и в старой и в новой редакции нам кажется недостаточно убедительной.

Во-первых, остается необъясненным отсутствие *п* во второй части топонима. Ведь для его выпадения здесь нет фонетических условий, как, например, в гидрониме *Гумста* < *Гумпста* — от *Гум*[7].

Во-вторых, едва ли правильно объяснить гласный *а* первого компонента использованием старой формы* *а-мацa*, давшей в современном абхазском *ӑ-мца*. Абхазский гидроним *Мцага* (название одного из притоков реки Аапста) содержит основу 'огонь' (*Мцага* означает букв. 'огонь несущий'), однако здесь, как видим, гласный *а* внутри основы не представлен.

Мацеста известно абхазцам лишь в русском звучании. Абхазское произношение топонима, которое могло бы окончательно разъяснить слово, к сожалению, не сохранилось. Несомненным остается, однако, то, что перед нами топоним абхазского происхождения. По нашему мнению, *Мацеста* восходит к абхазскому *а-мацуыста* 'место молнии' 'место ударов молнии'. Так могли назвать абхазцы долину, где бывают сильные грозы и где хотя бы один раз произошел несчастный случай, связанный с ударом молнии. Топонимы подобного образования встречаются и у других народов Кавказа. В частности, у кабардинцев находим топонимическое название *Щыблэуап Іэ*, собственно 'место ударов молнии'. Это название хорошо известно, например, жителям села Второй Лескен Урванского района Кабардино-Балкарской АССР.

Абхазское *а-мацуыста* образовано от *ӑ-мацуыс* 'молния' с помощью локального суффикса *-та*. Здесь, в составе топонима, *-та* могло означать 'долина', ср. *Бзыпта* 'долина реки Бзыбь', *Кудырта* 'долина реки Кодор' и т. п.

Первая часть слова *а-мацуыс* увязывается с названием огня (во второй части имеем основу глагола *а-с-ра* 'бить', 'ударять')[8]. Но на этом основании в топониме *Мацеста* не следует выделять 'огонь' как самостоятельный компонент, поскольку в абхазском *а-мацуыста*, к которому мы возводим *Мацеста*, 'огонь' не является непосредственно составляющим.

---

[6] См. Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, стр. 256.

[7] Х. С. Бгажба. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии, стр. 293—294.

[8] См. К. В. Ломтатидзе. Об одной фонетической закономерности в абхазо-абазинских диалектах. Сообщения АН Грузинской ССР, т. III, № 8. Тбилиси, 1942, стр. 865.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

F. Sławski

Słownik etymologiczny języka polskiego.
T. IV, zesz. 3(18): liana — loden. Kraków, 1972, стр. 217—320

Продолжается публикация этимологического словаря польского языка Ф. Славского. В новом выпуске 18-ом, который, кстати, выходит в свет через двадцать лет после выхода 1-го выпуска (1952 г.), в полной мере проявляются все те хорошие качества, которые характеризуют работу Славского над словарем в течение по крайней мере последнего десятилетия. По-прежнему это — необычайно широкий для этимологического словаря отдельного славянского языка исследовательский кругозор (польские слова рассматриваются во все более тесной связи со славянской лингвистической географией, праславянской реконструкцией и праславянским словообразованием). Все это делает словарь Славского современным лексикографическим трудом в лучшем смысле этого слова. Добротность и обилие материала из других славянских языков делают этот польский этимологический словарь крупной славистической работой, внимательное, исследовательское отношение Славского к проблемам сравнительного славянского языкознания показывает правильность этой оценки. Так, говоря о слове *lice*, он не преминет отметить, что здесь наблюдается редкий пример третьей (бодуэновской) палатализации в корне, ср. реликтовые болг. диал. *лйко*, макед. *лико* ʽлицо' (стр. 224). Говоря об «исключительном, но хорошо засвидетельствованном в славянских языках» суффиксе *-man* (напр. польск. *liczman* ʽметаллическая счетная дощечка' и др., стр. 243), автор стремится проследить как можно полнее его активность в лексике и ономастике.

Праславянские реконструкции, понятие праславянского лексического диалектизма прочно вошли в рабочий репертуар Славского как этимолога-полониста. Некоторые праформы он вводит в научный обиход впервые, и это нужно специально отметить. Так, наряду с инфинитивом *lić* (*lić* 1.), он выделяет диал. *lić* 2., род. п. *lici*, ж. р. ʽливень, проливной дождь' с реконструкцией праслав. **litь*, отвлеченного существительного, на базе которого развился упомянутый инфинитив. Пожалуй, впервые в своем словаре Славский реконструирует в настоящем выпуске ударение праславянских форм: **lȉpa*, **lîsъ*, **lisȉca*. Правда, делается это без должной последовательности и, например, ряд праславянских производных от **listъ* он оставляет без акцентуации. Некоторые мелкие критические замечания относительно границ привлечения материала для заимствованной лексики в предыдущих выпусках мы вынуждены повторить и применительно к данному выпуску, полагая, что в статьях *lignina* ʽлигнин', *lincz* широкие сравнения соответствий по всем славянским языкам избыточны, поскольку речь идет о поздних заимствованиях из европейских языков, а также дополнительно — из одного славянского языка в другой.

Еще несколько замечаний этимологического характера на полях 18-го выпуска словаря Ф. Славского.

Анализируя слово *liszka* ʽлисица' (стр. 291—292) и его соответствия, главным образом в западнославянских языках, автор дает праславянскую реконструкцию **lišьka* и **licha*, наряду с **lisa*. Однако он оставляет невыясненным и даже незатронутым вопрос о природе этого *-ch-* (*-x-*), появление которого элементарно противоречит единственной фонетической закономерности, в силу которой регулярно сохраняется s в праслав. **lisъ*, **lisa* и его

продолжениях. Наличие *-x-* и производного *-š-* противоречит индоевропейской праформе **u̯leip-s-*, принимаемой и автором словаря (см. *lis*, стр. 277). По нашему мнению, единственное объяснение отклоняющихся форм типа зап.-слав. **lišьka* должно идти от семасиологии и мифологических воззрений: речь идет о животном, имя которого традиционно окружено суевериями, которые усилили созвучие названия животного **lisъ*, **lisъka*, **lisica* и прилагательного **lixъ* 'дурной, плохой' и вызвали к жизни формы вроде **lišьka*. В статье *liszka* 2. 'личинка насекомого, гусеница' (стр. 292) автор почему-то не упоминает близкого русск. *личи́нка*, которое делает возможным правдоподобное объяснение польск. *liszka* 'личинка' из **liczka*, причем отпадает необходимость в семантических натяжках вроде сближений с *lis*, *liszka* 1. 'лисица' «от волосатости» или с названием болезни **lišajь*. Значения болг. *лит* 'редкий (о ткани)', макед. *лит* 'порванный, ободранный' настолько выпадают из значений продолжений праслав. **litъ* 'литой, литый, пролитый и т. д.' в остальных славянских языках, образуя вместе с тем единый географический болгаро-македонский ареал, что поневоле возникает вопрос о возможности прямого влияния здесь со стороны формы и значения греч. λυτός, прич. страд. прош. от λύω 'распускать, делать жидким, уничтожать'. Ф. Славский проходит мимо этих характерных особенностей болгарско-македонского слова.

О. Н. Трубачев

K. Polański.

Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich.
Zeszyt 3 : *l'ǫdü — perě*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1973, стр. 349 — 504

Продолжается публикация полабского этимологического словаря, предыдущие выпуски которого уже получили отклики на страницах «Этимологии». Структура и характер словарных статей этого не совсем обычного по материалу и задачам этимологического словаря остатков языка полабян сохраняют свою стабильность и обнаруживают в полном объеме положительные качества, о которых здесь можно не говорить, отослав к нашим рецензиям на выпуски первый и второй.

Ограничимся поэтому обсуждением конкретного языкового материала. Наши замечания, сообщаемые ниже, — двоякого рода: одни из них содержат критику авторской трактовки полабских слов и форм, другие вызваны желанием обратить внимание на какой-либо малоизвестный или любопытный факт. Напр., на стр. 362 читаем статью, посвященную полабскому слову *mau̯rněk* м. р. 'каменщик', производному имени деятеля, образованному от глагола *mau̯ŕojě* 'мурует, кладёт стену' с суффиксом *-něk* (**-nikъ*). В других (главным образом западных) славянских языках представлены синонимичные образования от этого заимствованного корня с другим суффиксом: польск. *murarz*, словин. *mulåř*, н.-луж. *muŕaŕ*, в.-луж. *murjer*, *muler*, слвц. *murár*, укр., блр. *му́ляр*, приводимые также Полянским (точнее будет сказать, что всё это в конечном счёте заимствования из немецкого, включая суффиксальное оформление, ср. нем. *Maurer* 'каменщик'). Любопытно отметить, что ни один славянский язык, кроме полабского, не образовал формы **murnik*. Тем интереснее в данной связи обратить внимание на лит. *mūrininkas* 'каменщик', особенно лтш. *mūrniẽks* то же [1], которые представляют собой весьма полное соответствие полабскому слову с той, однако, существенной оговоркой, что балтийские имена деятеля по всем признакам самостоятельно произведены с помощью балтийского

[1] K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Ridiģējis, papildinājis turpinājis J. Endzelīns. XIX. burtnīca. Rīgā, 1926, стр. 678, 679.

суффикса от глагола немецкого происхождения. Здесь можно усматривать, разумеется, только свободный типологический параллелизм полабского и балтийского. Латышская форма, употребительная и как фамилия (*Murnieks*), проникла, между прочим, и в русскую региональную антропонимию, ср. фамилию *Мурникова* в Прибалтике.

Словообразовательно интересна аргументированная реконструкция формы **męsьje* на основе полаб. *mąse / mąsi* ср. р. 'мясо' (стр. 371). Производного с суффиксом *-ьje* от этого имени не знает ни один славянский язык, кроме полабского. К числу словообразовательных архаизмов, по-видимому, ещё индоевропейской поры принадлежит полаб. *müzdin* м. р. 'мозг', характерное производное **moždž-enь* (наряду с польск. *możdżeń* 'костяной нарост на лбу у полорогих животных в основании рога', н.-луж. *móržony* мн. ч. 'мозг', др.-русск. *мождени* то же), ср. др.-прусск. *muzgeno* ж. р. 'костный мозг', лит. *smãgens* мн. ч. (< **mazgen-*) 'мозг', *smãgenės* мн. ч. то же, др.-инд. *majján-* м. р. 'сердцевина'. См. об этом обстоятельно на странице 414.

Форму **vyšьnjь*, реконструируемую из полаб. *navoisnĕ* 'высший, наивысший', Полянский, как мне думается, неточно определяет как первоначальный суперлатив (стр. 425). Подобно слав. **vysьšьjь* (русск. *высший*, польск. *wyższy* и т. д.) слав. **vyšьnjь* или **vyšьn'jь* (ст.-слав. вышьнь҃) развило значение суперлатива вторично из компаратива, выраженного в обоих случаях с помощью исконно компаративного форманта *-ĭs-* [2]. Рассматривая образование **nedъno*, **nedъnovъ* 'бездна, бездонный', не имеющие за пределами полабского соответствий в других славянских языках (стр. 428), естественно было бы поставить вопрос о наличии здесь кальки с нем. *Ab-grund* 'бездна'. В случае с полаб. *nəpüvodĕ* 3 л. ед. ч. наст. 'запрягает', вместо приводимого сближения с «точным формальным соответствием» в русск. диал. *наповáдить*, *наповáживать* 'приучать к чему дурному' (Даль) (стр. 436 словаря Полянского), уместно сравнение с семантически более близким русск. *пóвод* (мн. ч. *повóдья*) и словосочетанием *на поводý*. На стр. 448 автор сообщает о своих колебаниях в связи с реконструкцией праформы **načęlo* (или **-dlo*), откуда ст.-слав. начало, русск. *начало*, причем он подчеркивает, что «это слово не отмечается в западнославянских языках». Сейчас это мнение в сущности устарело, потому что стало известно кашубско-словинское *čǫdło* ср. р. 'малое количество' (B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej I, 177), которое восходит к древнему **čędlo*, бесспорно лежащему в основе праслав. **načędlo* и снимающему всякие сомнения относительно суффиксальной природы последнего.

Интересен каузативный характер полаб. *nopĕt* (**napiti*) 'напоить' (стр. 453). Полаб. *pau̯cenə* в выражении *pau̯cenə pąskə* 'кровяная колбаса' автор характеризует как слово, не имеющее надёжной этимологии (стр. 488). Может быть, связано с праслав. **plъtь* (ст.-слав. плъть σάρξ, русск. *плоть*)? Ср. вокализм полаб. *påu̯n* 'полный' < **pьlnъ*. Так же («надёжная этимология отсутствует») определяет Полянский и полаб. *pąpil* м. р. 'жук, шмель' (стр. 495). Здесь он, к сожалению, не упоминает даже своей вполне реальной реконструкции древней формы этого слова как **pępelь* [3]. Последнее восходит к классической редупликации **pelpelь* [4].

О. Н. Трубачев

---

[2] Форма **vyšьn'ь* в таком случае — из **vyšьxn'ь*, где *-ьx-* (с утратой *-x-* перед *-n-*) восходит к тому же суффиксу сравн. степени в нулевой огласовке. См. об аналогичных образованиях: В. М. Иллич-Свитыч. Чеш. *první* 'первый' — инновация или архаизм? — «Этимология». М., 1963, 84.

[3] K. Polański and J. A. Sehnert. Polabian-English dictionary. The Hague — Paris, 1967, стр. 108.

[4] Подробнее см. О. Н. Трубачёв. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 61—62.

Petar Skok

Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga druga: *K — poni*. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1972

Югославская Академия в Загребе прилагает немало усилий для того, чтобы этимологическое наследие Скока в полном виде как можно быстрее стало доступно широкой общественности. Обширный второй том этимологического словаря объемом в 700 страниц в две колонки петитом (*k—poni*) вышел следом за первым в относительно короткое время. Хотим надеяться, что не будет ощутимой задержки с изданием третьего тома этого на сей день самого большого этимологического словаря, который к тому же является делом только одного исследователя. Естественно, мы должны надеяться на издание четвертой книги индексов, которая должна быть необычайно обширной по причине особого подхода Скока к обработке заглавных слов. Многие слова, которые читатель, просматривая вышедшие два тома, не находит, он обнаруживает у Скока потом совершенно случайно в самых неожиданных местах вплетенными как бы попутно в живое изложение, напоминающее манеру эссе. Это, конечно, затрудняет систематическое обозрение, и исчерпывающая оценка достоинств словаря Скока станет возможна только после издания индексов. Поэтому пока можно остановиться лишь на некоторых проблемах, которые более или менее случайно определились за несколько месяцев изучения нового тома.

Как я уже подчеркнул в рецензии на первый том [1], Скок заканчивал словарь в последние годы своей жизни в драматической борьбе со смертью. Было бы странно, если бы это обстоятельство не отразилось на его работе. Когда Скок переписывал начисто свои, по большей части, стенографические записи, которые за сорок лет накопились в его картотеке, он не имел времени на размышление и контрольную проверку, потому что очень спешил. Иначе трудно было бы себе представить, чтобы языковед уровня Скока мог связать *klánec* [2] с лат. *callis* и не совсем ясным нов.-в.-нем. (у Скока ошибочно др.-в.-нем.) *Helle*, *Hölle*, также лит. *kálnas*, лтш. *kalna* 'гора, берег', хотя намного ближе лат. *collis*. Эта идея Миклошича [3] и Ягича [4] была отвергнута уже Бернекером [5], но более широкая сравнительная научная литература никогда серьезно ее не обсуждала. Долг издателей наследия Скока состоял бы в том, чтобы тщательно выправить такие очевидные промахи. Югославская академия исключительно из пиетета к автору решила издать текст Скока без существенных изменений, за исключением ранее собранной библиографической документации, которая не всегда согласуется с материалами Скока. Если бы не потребовалось подвергнуть материал тщательной и всесторонней проверке, издание не затянулось бы на целое десятилетие. К сожалению, перед научной критикой огромного текста Скока стоит трудная и неблагодарная задача выявить, какие ошибки следует приписать самому Скоку, а какие отнести за счет небрежности издателей.

Так, например, я серьезно сомневаюсь, чтобы Скок мог в статье на *múnja* 'fulgur' [6] допустить такую грубую ошибку с лит. *mulna* 'молот Перкуна'. Оригинальный текст Скока, видимо, гласил: «лтш. *milna*».

---

[1] Ф. Безлай. Рец.: P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I, A—J. Zagreb, 1971. — «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 373—383.
[2] Skok II, стр. 88.
[3] Miklosich, стр. 111.
[4] V. Jagić. Zum litoslavischen Sprachschatz—AfslPh II, 1877, стр. 397.
[5] Berneker I, стр. 547.
[6] Skok II, стр. 480.

В свое время Миккола реконструировал его как *mildna[7] и связывал с др.-прусск. *mealde* 'молния'. Из-за лтш. *milna* 'рукоятка мельницы' балтисты сомневаются в правильности этой реконструкции[8]. На основании ц.-слав. *mlъniji* Траутман[9] предполагал в качестве исходной формы * *mūlnī*, между тем как русск. диал. *молонья* указывает на обычную ступень *e* основы **meldni*. Ошибка Скока в том, что он связал *mlъniji* также с с.-хорв. *mûnjen* 'stultus', *mùnjera* 'дурак', *munjásati*, *munjetati* 'делать глупости, сходить с ума'. Эта лексическая группа, употребительная лишь в западной части сербохорватского, как будто бы известна также словенскому: прил. *mólnjav*, *mólnjen* 'ошеломленный, глупый', диал. также *mûnjen*; *mólnjenost*, *munjenost* 'безрассудство, безумие'. Но при этом трудно себе представить, чтобы словен. *molnjena goba* 'Amanita muscaria' могло развиваться из метафоры «убит, поражен молнией». В «Очерках по словенскому языку»[10] я сравнивал эти слова с лтш. *mùlsa* 'запутанный, путаница', *mùldêt* 'заблуждаться', лит. *pasimùldyti* 'ошибаться', др.-лит. *neaptmulnay* 'безошибочный'. Несомненно, к этой основе относится также с.-хорв. *mùnitva*, *munítva* 'обман, коварство' (Далмация, Лика, Срем, Бачка), которое у Скока дается как заглавное слово без всякого объяснения. С другими ступенями чередования эту основу находим у славян в н.-луж. *moliś* 'errare', польск. *omelśniony* 'запутанный' и, возможно, словен. *mlâmol* 'путаница, хаос' (с редупликацией).

В словарной статье на *plésati*[11] Скок сначала утверждает: «без балтийских и других и.-е. соответствий», но на следующей странице подробно анализирует праслав. *plęsati* в отношении к лит. *plę̂šti* с тем же значением. Было бы нетрудно исправить такие погрешности. Достаточно материала для дискуссии оставил нам Скок, когда связывал *plęsati* с *plesno* 'подошва (ноги)'. При этом он опирается на тот факт, что и.-е. основа **plet-* 'широкий' иногда появляется с инфигированным назальным элементом, ср. лат. *planta* 'подошва (ноги)', лит. *plętas* 'земля, дно'. Для словен. *plęsati* он предполагает исходное значение 'идти, топтать' и приводит в доказательство с.-хорв. *poplesati* 'побить', напр. Turci *poplesali* sirotinju. Эту идею Скока следует признать новой и смелой. При этом я хотел бы обратить внимание, что в «Трудах Словенской АН»[12] я связал словен. нареч. *óplet*, диал. *óplat* (< **o-pletь*) с лит. *į plę̃ntą*, оба в значении 'ко дну, вниз, полностью'. Представляется, что на основании таких фраз, как с.-хорв. kod nje sam *opleo* 'пропал' или словен. midva sva *oplela* 'кончили', можно реконструировать некий праслав. глагол **plęsti*, **plętǫ*, который не отмечен ни в одном словаре. Он затерялся в омонимичных основах. Поскольку на большей части сербохорватской территории *plęsati* вытеснил синоним *igrati*, то *poplesati* 'побить' могло стать результатом переноса значения или продуктом смешения слов. Семантический разрыв между **plęsti* и **plęsati* становится трудно преодолимым.

Точно так же в статье на *pol*[13] трудно согласиться с привлечением с.-хорв. *polovan* 'бывший в употреблении, подержанный'. Если бы Скок попытался найти эту основу в других славянских языках, то он должен был бы обратить внимание как на словен. *polóvna obleka* 'неполная одежда' и макед. *polovan* 'подержанный', так и ц.-слав. *vъlovьnъ*, *vьlovьnъ* 'tardus,

---

[7] J. Mikkola. Zur slavischen Etymologie—IF XXIII, 1908, стр. 123.
[8] Mülenbach—Endzelin II, стр. 627; K. Būga. Rinktiniai raštai, t. I. Vilnius, 1958, стр. 463; t. III, стр. 682.
[9] Trautmann, стр. 177.
[10] F. Bezlaj. Eseji, стр. 126.
[11] Skok II, стр. 681.
[12] F. Bezlaj. Etyma slovenica — Razprave VII/2. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in litararne vede. Ljubljana, 1970.
[13] Skok II, стр. 696.

segnior, modestus', чеш. *polovný* 'скромный'. Махек[14] оставляет эту лексическую группу без объяснения. В «Очерках по словенскому языку»[15] я предполагал основу **ləu̯-/*lēu̯-* 'оставлять'. При изучении сербохорватских словарей мне не посчастливилось определить ареала этой лексической группы, но уже из ссылок Скока видно, что она представлена в словенском и сев.-зап. части сербохорватского, а с другой стороны, известна в Космете и Македонии. И это следует признать положительной стороной словаря Скока. Таких слов неожиданно много, и Скок был в числе первых, кто уже в период между двумя войнами обращал внимание на особенности ареалов лексики и топонимики у южных славян. Это явление требует более систематического исследования. О том, что это не такое простое дело, свидетельствует статья, посвященная *mälje* 'тончайшие волокна на теле человека и животного, растение'[16]. Скок утверждает, что это «неизвестный на западе грецизм» и удовлетворяется решением Бернекера[17] и Фасмера[18], которые видят в этом слове заимствование из нов.-греч. μαλλία 'пучок, клочок'. В этом можно усомниться из-за македонских форм *mòvliv*, *movlivost* и с тем же значением. Совершенно невероятно, чтобы новогреческое заимствование снова появилось на словенском западе, где засвидетельствованы *mâvec* 'клочок, пучок хлопка', *mâvček* 'Eriphorum', *mâvka* 'пушистые головки отцветших одуванчиков; растительный пух; Anemone montana', *mâvčica* 'сережки на дереве; Stipa pennata'. Словенские формы следует реконструировать как праслав. **mъlьcь*, если при этом принять во внимание макед. *movliv*, которое, возможно, нерегулярно развилось из **mъlnivъ*. Поскольку др.-греч. μαλλός из **ml̥no-*, южнославянские формы образуют только праязыковое родство, как думали Миклошич[19] и Прельвиц[20]. Такие балтийские рефлексы, как лит. *mìlas* 'драп', лтш. *mils* 'шерстяная ткань', *milna* 'сукно', др.-прусск. *milan* 'одежда', современные балтисты больше не связывают с греч. μαλλός[21].

Интересный ареал имеет также словен. *kômpolja*, обычно во мн. ч. *kompolje*, 'плоскогорье, плато', часто встречается как топоним на юге Словении. Появляется этот топоним также в Лике, и Скок приводит его в статье на *kom*² 'крутой, отвесный' и объясняет как славянское сложное слово. Научная литература о топониме (Breznik, Razprave SAZU II, 61; Ramovš, Zgod. Čas. VI—VII, 56) в статье Скока не приведена. Тогда как на другой стороне Югославии, в Неготинском крае, засвидетельствованы валашские микротопонимы *Kъmpol Mare*, *Kъmpol Mika*, сербы называют это *Veliko*, *Malo polje*[22]. Вопреки славянскому объяснению, это, видимо, дославянский субстрат, который средствами романской фонетики не можем удовлетворительно объяснить.

В связи с балканским ареалом для русского читателя особенно интересен топоним *Псков*. Скок мимоходом касается его в статье на *pleso*[23]. Из «Этимологического словаря польского языка» Брюкнера он принимает, что оба имени в немецкой форме *Pleskau*, латинизированное *Plescovia*

[14] M a c h e k², стр. 477.
[15] F. B e z l a j. Eseji, стр. 125.
[16] S k o k II, стр. 365.
[17] B e r n e k e r II, стр. 12.
[18] М. Ф а с м е р. Рец.: W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1905. — РФВ LVIII, 3—4, 1907, стр. 420; M. V a s m e r. Die griechischen Lehnwörter im serbokroatischen. Berlin, 1944, стр. 94.
[19] M i k l o s i c h, стр. 185.
[20] W. P r e l l w i t z. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, 2. Aufl. Göttingen, 1905, стр. 280.
[21] См. об этом: F r a e n k e l, стр. 452.
[22] F. B e z l a j. Eseji, стр. 91.
[23] S k o k II, стр. 682.

родственны. Так как о Пскове у нас писали Погодин [24], а также Миккола [25] в период наибольшей творческой активности Скока, то его подход нас несколько удивляет. Др.-русск. *Пльсковъ* [26] имеет единственную вполне надежную параллель в вост. болг. πλίσκοβα, πλίσκονβα, πλίσκα. В Словении также топ. *Polskava*, засвидетельствовано впервые 1164 *Pulzka*, как гидроним 1207 *flumen Pulzcau* [27]. К этому могли бы добавить еще топ. *Pulst* в австрийской части Каринтии, записано 961 *Bulczisc*. Слав. **pьlskovъ* фонетически совершенно точно соответствует гидр. нем. *Fils*, 841 *Filiwisgawe*, 1142 *Philiskowe* и в Швейцарии *Wilisau*, 998 *Vilwesgewe*. По мнению Шварца [28], эти два имени представляют венетский субстрат из и.-е. основы **bhel-*. По обе стороны Балкан мы имеем отражение того факта, что славянская миграция принесла основу гидронима, полученную на севере. Древнейший иллирийский рефлекс представляет, видимо, словенский гидроним *Bolska*. Русскую народную форму *Опсков* объясняют из *во Псков*, тогда как в Словении представлен топ. *Optuj* и *Ptuj* дославянского происхождения, в античное время засвидетельствована форма *ad Petovio*.

Так как русская форма *плёсо* исключает метатезу плавных, нельзя реконструировать **plesko* [29], сомнительно также **pletso* [30]. Новый подход к проблеме открывает Махек [31], который, частично опираясь на Шнетца и Эйхлера [32], связывал с ср.-в.-нем. *vlosch*, алеман. *Flosche* 'яма, в которую просачивается вода' и лтш. *plesa*, *plēsa* 'неподвижное глубокое место в реке'. Связь с позднеантичным *lacus Pelsonis*, 796 *lacus Pelso*, позднее с неиндоевропейским суффиксом *Pelissa*, совр. венг. *Balaton* (<**bolto*) привлекала внимание многих лингвистов, хотя большинство отклоняло это сопоставление. Из южнославянских авторов об этом писали Оштир [33], Барич [34], Майер [35], Нахтигаль [36] и др. Из зарубежных укажем Краэ [37], Шварца [38], Розвадовского [39], Рудницкого [40]. К сожалению, из приведенной в статьях Скока литературы нельзя приблизительно или с какой-то степенью вероятности

---

[24] А. Погодин. Родина славянства и начало русского государства. — Belićev zbornik. Beograd, 1921, стр. 171.

[25] J. Mikkola. L'avance des slaves vers la Baltique. — RES I, стр. 200.

[26] Об этом: Vasmer II, стр. 457.

[27] F. Bezlaj. Onomastika in leksikologija. — «Onomastica Jugoslavica», I. Ljubljana, 1969, стр. 14.

[28] Schwarz — BNF IV, стр. 317.

[29] Скок по Матценауэру, см.: A. Matzenauer. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. — LF XIII, 3. Praha, 1886, стр. 163; Holub—Kopečný, стр. 278.

[30] Vasmer II, стр. 370.

[31] Machek², стр. 458.

[32] Schnetz, Eichler — BNF VII, 23.

[33] K. Oštir. Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft. Wien—Leipzig, 1921, стр. 47; Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju II, стр. 358; Он же: Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen. Ljubljana, 1930, стр. 6.

[34] Barić. Ilirske jezičke studije. JAZU, 1948, стр. 10.

[35] H. Mayer. — Glotta, XXXII, стр. 62.

[36] Nahtigal — WSlJb V, 15.

[37] H. Krahe. Die alten balkanillyrischen geographischen Namen. Heidelberg, 1925, стр. 111.

[38] E. Schwarz. Die Frage der slavischen Landnahmezeit in Ostgermanien. Ein kritischer Überblick des derzeitigen Forschungsstandes — MIöG, XLIII, стр. 211.

[39] J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, стр. 182.

[40] M. Rudnicki. Рец.: J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948. — LP I, 1949, стр. 273.

определить, на основе каких работ Скок сформулировал свое, до конца еще не продуманное мнение.

От исследователя, который в течение нескольких десятилетий занимал ведущее место в южнославянской лексикологии и ономастике, мы, естественно, надеемся получить, если не окончательный ответ, то, по крайней мере, всестороннее освещение трудных научных проблем. Но Скок избегает этого, когда ему представляется, что проблема имеет для сербохорватского только пограничное значение. В статье на *ȍpica*[41] он кратко сообщает, что слово хорватско-кайкавское, известное только западным славянам, несомненно, представляет заимствование из др.-в.-нем. *affo* и, по всей вероятности, отражает доиндоевропейский субстрат. Это, возможно, первая информация для обычного читателя, но она является слишком общей и недостаточной для языковеда, желающего найти у Скока продуманную и трезвую оценку противоречивых взглядов, которые он встречает в научной литературе об этом слове. Например, можно было бы привлечь словенскую фразу *opek biti* 'Bete im l'Hombre Spiel', которая семантически соответствует вестфальск. *ēpsken* 'насмехаться, дразнить' из герм. **apen*[42] или лит. *ermótis* 'насмехаться, шутить' при лтш. *ęr̃ms* 'обезьяна'. Можно было бы заметить, что ряд германистов сомневается в том, что праслав. **apъ* представляет германское заимствование. Фонетически возможно и обратное. В русск. ц.-слав. формах *opyni* и *opica*, видимо, не случайная замена суффиксов. Поэтому мы были бы признательны Скоку, если бы он в таком трудном случае занял какую-то объективную позицию в отношении Оштира. Оштир в работе, посвященной алародскому языкознанию[43], пытался объединить группу слов для понятия 'обезьяна' на основе их общего происхождения: от этр. ἄριμος, перс. *abuzine*, др.-инд. *kapiḥ* и *māyū-*, перс. араб. *maimōn* до греч. κῆρος, κῆβλος. Алародская фонетика Оштира пока еще также не доказана, как и пятьдесят лет тому назад. Не трудно примириться с тем фактом, что серьезная научная литература молча проходит мимо таких очевидных открытий Оштира, как указание на античное название предгорья Атласа в Африке напротив Гибралтара Ἀβίλη, Ἄβιλιξ, совр. *Ximiera*, что значит 'обезьянья гора'. Всеми регулярно цитируемое кельт. ἀββάνας 'хвостатые обезьяны' по глоссе Гесихия представляет исключительно важный факт, о котором умалчивают. Славист также не может уйти от решения таких вопросов, как, например, еще не объясненное окончательно и бесспорно взаимоотношение праслав. **raměnъ* 'impetuosus, vehemens', греч. ὅρμανος 'движущийся сильно вперед'[44], с одной стороны, и лтш. *ęr̃ms*, этр. ἄριμος, с другой[45], и, возможно, сюда следует привлечь даже этноним *Germani*[46].

Надо отдать должное Скоку в том, что он в некоторых статьях, как, например, на *jästrēb*[47], *kӓnja*[48], *lunj*[49], признал вероятность того освещения проблем, которое дал Оштир. По сей день из славянских этимологических словарей вообще Оштира упоминает только Славский обычно в конце своего рассуждения как наименее вероятное объяснение. Это, конечно, взгляды только определенной лингвистической школы. Всю свою жизнь Скок интенсивно вторгался в трудные и острые проблемы субстрата, и мы благодарны

[41] Skok II, стр. 560.
[42] Holthausen. — PBB XLIV, стр. 478.
[43] K. Oštir. Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft. Wien—Leipzig, 1921, стр. 77.
[44] F. Solmsen und E. Fraenkel. Idg. Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg, 1922, стр. 10.
[45] J. Schnetz. Über die Verbindung von lettisch *ęr̃ms* 'Affe' mit etr. ἄριμος. — «Studi etruschi» IV, стр. 217.
[46] Schnetz. — AfslPh XV 70.
[47] Skok I, стр. 720.
[48] Skok II, стр. 36.
[49] Там же, стр. 331.

ему за ряд ценных сведений (см., например, статьи на *grič* и *griža* [50]). Он был до конца второй мировой войны в курсе научной литературы, и легко можно бы доказать, что он использовал Оштира даже там, где прямо не упоминает его ни в тексте, ни в приложенной библиографии, за которую, однако, Скок не несет никакой ответственности, как, например, в статье на *blȁvōr* 'serpens'. В связи с этим, несомненно, балканским субстратом, в числе первых авторов следует указать Оштира [51]. Кроме Скока [52], об этом писали еще Тромбети, Рибеццо, Алессио, Йокль и другие. Подробный анализ текущих публикаций этих авторов, которые Оштира вообще не упоминают, дал бы интересные результаты. Скок вообще не рассматривал послевоенной литературы, поэтому у него отсутствует греческий материал, который привел Дуранте в журн. «Ricerche linguistiche» I, 270.

Но, с точки зрения словенского языка, можно сомневаться, что формы типа *mramor* относятся к той же лексической группе. Словен. *blávor*, *bávor*, *mlávor*, *moláver* и даже *babilon* 'волшебная змея с алмазной короной' следует строго отделять от *bramor*, *bramorka*, *mramor*, *mramorka*, *mramorica*, *ramor* 'Gryllotalpa vulgaris , 'опухшие железы, болезненные нарывы'. Эти слова легче было бы связать с ц.-слав. *izmrъmъrati* 'грызть, глодать', русск. ц.-слав. *изморомрати* 'источить, изъесть' и др.-русск. *замарьнъ* 'fertilis' со ступенью *ō*. В пользу такого объяснения говорят также словен. топ. *Mramorovo*, *Zamarkova* и в Сербии микротоп. *Mramor*, *Mramori*, *Mramorje* [53]. Из *nora* 'дыра' образовано др.-русск. *поноровъ* 'земляной червь' и *норица* 'опухоль на шее лошади'; кроме того, имена животных часто используются для обозначения опухоли [54]. Так как с.-хорв. *blȁvōr* значит также 'вид черепахи', то с определенностью можно утверждать, что имело место смешение субстратного *blavor* и слав. **mormorъ*.

В статье на *mláva* [55] Скок обращает внимание на то, что с.-хорв. гидроним *Mlava* реликт фракийского (Dacia maluensis) и сравнивает его с макед. оронимом *Mlav* (м. р.) и польск. топ. *Mlava*, все они, возможно, восходят к и.-е. основе **mel-* 'молоть'. Но вопрос в том, является ли с.-хорв. *mláva* 'река, вода, которая стоит или быстро течет' (Босния) тем же словом, что и чакавское *mláva* 'прут, розга; нежная отрезанная ветка; скалка, валек, кол'. Словенские словари приводят *mláva* 'ореховый прут для обруча' (Плетершник; Муне в Истрии) и *mljáva* 'палка' (Янежич). При этом следовало бы привлечь для сравнения чеш. диал. *mlov* (ж. р.), *mlovi*, *mlovina* 'шест для ограждения поля' и *vlov*, *vlovina* 'толстый кол из ограды' [56] неизвестного происхождения. Штокавский глагол *mlȁviti* 'бить, колотить, ударять' (Лика) еще не доказывает, что *mlava* также некогда было штоковским словом. Словенский знает *mláviti* 'качать головой', а Тентор добавил чак. *mjavit* 'дремать' [57]. При всем том Скок исходит из **mel-* 'молоть' и обращает внимание на интересный семантический параллелизм: словен. voda *melje* breg, с.-хорв. (р-н Тимока) voda *melje* obalu. Уже Бернекер сомневался в праслав. **molva* [58].

---

[50] Skok I, стр. 616, 620.
[51] K. Oštir. Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft. Wien—Leipzig, 1921, стр. 68; его же. Alarodica I. — «Razprave ZDHV» I, стр. 298.
[52] P. Skok. Zum Balkanlatein III. — «Zeitschrift für romanische Philologie», I, 4—5, Halle, 1930, стр. 512.
[53] F. Bezlaj. Рец.: E. Dickenmann. Studien zur Hydronymie des Savesystems. I—II, Heidelberg, 1966. — «Onomastica Jugoslavica» I. Ljubljana, 1969, стр. 205.
[54] K. Štrekelj. Slovanski elementi v besednem zakladu štajerskih nemcev. — ČZN VI, 1909, стр. 62.
[55] Skok II, стр. 441.
[56] Machek², стр. 369.
[57] M. Tentor. Leksička slaganja. — «Razprave» I. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Ljubljana, 1950, стр. 78.
[58] Berneker II, стр. 64.

Но лит. *mulvinti*, как и *malvyti* 'приручать, укрощать' [59], имеет другую этимологию [60], Майрхофер отверг индийские параллели Шарпантье [61]. Глагол *mláviti*, несомненно, представляет ступень чередования *o* по отношению к словен. *mleviti* 'качать головой, беспрерывно точить' (Прекмурье), и его можно сравнить с греч. μέλλω 'медлю, колеблюсь' [62]; но *mlava* 'прут' остается необъясненным.

Южнославянские лингвисты, принадлежащие к поколению Скока, предполагали полное праславянское языковое единство. Поэтому, они не чувствовали потребности во всестороннем иссследовании лексических особенностей, известных только на ограниченном географическом пространстве. Скок,например, в связи с хорв. кайк. апел. *plĕšina* 'племя, род, порода,' не зарегистрированным ни в одном стандартном сербохорватском словаре, привлек словен. диал. *plȅh* (м. р.), *plešȋna* то же (ю.-в. Истрия), также *plȍha* (ж. р.), род. п. *plohȅ*, вин. п. *plohȍ* то же (Каринтия и сев.-зап. Штирия). При этом он исходит из **plodъ* 'fructus' со ступенью чередования в **pled-men* > *plemę* и отвергает мнение Ильинского, который связывал с *ploh* 'assis' [63]. Несмотря на двойственность *-g-* :*-ch-*, которая, несомненно, вторична, все же следовало бы принять во внимание также западнославянскую лексическую группу: слвц. *upľahnuc se* 'родиться (о животных)', польск. *plątc się*, *plęgnąć się*, *plagować* 'воспитывать, приводить в порядок', чеш. диал. *pléhnút sa*, *plehnut sa* 'плодиться, размножаться', в.-луж. *plahować*, н.-луж. *plagowaś*, *zblagnuś* 'воспитывать, приводить в порядок'. Они как будто свидетельствуют о первоначальном **plęg-*. Шустер-Шевц только для лужицких исходит из **s-pl-egh-* [64]. В этом сомневается Махек [65], который предполагает смешение слов. Я же в Razpr. SAZU VII, 158 даже думал, что это дославянский реликт. Семантически родственно лит. *splìsti*, *splintù*, наряду с *plìsti* 'шириться, толстеть; зачать', *splė̃sti* 'распространять, продолжать воспитывать', *išplendu* 'распространяюсь, ширюсь'. Френкель выводит из **pel(ā)-* 'распространять' [66].

К сожалению, в таких примерах мы только догадываемся о старом родстве корней, но не об общем регулярном словообразовательном развитии. Все же мы можем констатировать такие расхождения даже при сравнении только южнославянских языков. Так, Скок в статье на *olūja* 'tempestas' отверг старое мнение Даничича, согласно которому это заимствование из греч. 'αελλατος < 'α(*F*)ελλα 'ураган', хотя его объяснение из библейского *hallelūjah* 'славьте бога' не кажется более вероятным [67]. Слав. **o-chluja* с оглушением начального *-ch-* ближе к ц.-слав. *chlujati* 'течь, лить, брызгать', ср. болг. *дъжд хлуйва*. Это *chlujati* Махек [68] объясняет как новое образование от основы презента *chlujǫ* с первоначальным инфинитивом **chlu(p)ti*. Также макед. *luna*, *lunja* 'tempestas' из **chlu(p)-n(j)a* и к тому же с чередованием: ср. макед. *дожд луна*, ср. словен. диал. *hlȋp* 'ураган'. Расширение интенсивным элементом *-st-* дало словен. диал. *hlȋšč*, *ohlȋšč* 'tempestas', чеш. диал. *chľušče*, слвц. *chľus(t)*,

---

[59] У Скока оба смешаны в *malvinti* 'мучить'.
[60] F r a e n k e l, стр. 471.
[61] M a y r h o f e r II, стр. 666.
[62] P o k o r n y I, стр. 720.
[63] Г. И л ь и н с к и й. Славянские этимологии. — «Изв. ОРЯС» XXII, 2, 1918, стр. 223—4. См. также: Výtahy z časopisů. — «Slavia» V, 2, 1926, стр. 413.
[64] H. S c h u s t e r - Š e w c. Fragen der etymologischen Forschung im slawischen. — Zfsl VIII, 6, 1963, стр. 864.
[65] M a c h e k², стр. 457.
[66] F r a e n k e l, стр. 624, 875.
[67] S k o k II, стр. 554.
[68] M a c h e k², стр. 200.

укр. *хлюща* 'ливень'. Ономатопоэтические образования **chlyp-*, **chlup-* претерпели, таким образом, некоторые изменения экспрессивного характера (**chl'ust-*), и начальное *-ch-* утратилось также в слвц. *lupkat'*, чеш. диал. *lupati*, *lupotat* 'течь, лить'. Но следует обратить внимание, что для с.-хорв. *lȕpiti* 'бить, толочь' Скок[69] принял объяснение Махека[70] из ономатопоэт.

Также для с.-хорв. диал. *bȅo mlak* 'вид дуба' (Косово) Скок[71] удовлетворяется замечанием, что оно не относится к с.-хорв. *mlâk* 'теплый, тепловатый'. На словенском западе известно *mȇl* (м. р.) 'вид дуба' (Горишка Брда, Крас), которое точно так же, как и алб. *malenë* 'ulmus' или греч. μελίη 'Fraxinus', из и.-е. **(s)mel-* 'темный', ср. лит. *pasmẽlti* 'темнеть'. Так как Покорный[72] различает три разные основы **mel-* (6), **smel-* (1) и **smel-* (2), которые невидимо переплетаются между собой, нет надобности искать для с.-хорв. *mlak* 'вид дуба' и *mlak* 'теплый, тепловатый' два различных исходных корня. Словен. *mlačen* 'тепловатый' соответствует лит. *smal̃kas* 'дым, чад, пар'[73], но словен. *mlahav* и с.-хорв. *mlak* 'слабый, вялый, мягкий' из основы **melə-k*[74]. В сравнении с.-хорв. *mlâk* 'тепловатый' с ирл. *malcaim* 'гнию', которое впервые установил Strachan[75], также сомневается Френкель[76].

В статье на *pčela*[77], с точки зрения словенского, особенно важно обратить внимание на то, что на сербохорватской территории также засвидетельствованы формы *čmȅla*, *čmalȍ* (Бедня, хрв. кайк.), *čmelȇinjok* (Бедня). По мнению Скока, здесь поздний переход *čb-* > *čm-* при с.-хорв. *žbȅla* (Водице), которому соответствуют словен. *čebȇla*, *čbȇla*. Однако в словенском на северо-западе и крайнем западе засвидетельствован ряд форм типа *čmȇla* (вост. Штирия), *čemȇla* (Горишка Брда), *čmiȇla* (Крас.), *šmenják* (Баньщица), *čmȇlec* 'рой' (не локализовано). В XVI в. Далматин пишет *zhmele*, тогда как у Трубаря *shbele*, и в начале XVII в. Аласиа да Соммарипа приводит *cmella* наряду с *cella*. Это свидетельствует о древности формы **čьmela* в словенском. При этом следует отметить, что в верхнем Посочье словен. диал. *bečȇla*, *bəšela*, *bušȇla* значит не только 'Apis mellifica', но также 'Bombus terrestris' (Кобарид). Это удивительно точно соответствует предположению Махека[78] о том, что праслав. форма **čьbela* происходит из более древней **čьmela* и является женским родом к **čьmelь* 'Bombus'. Но все исследователи сравнивают эту основу с лит. *kamane*, лтш. *kamene*, др.-прусск. *camus* и н.-в.-нем. *Hummel*, хотя нет соответствия в вокализме. Группа славистов, балтистов и германистов[79] оспаривает сравнение с фин. *kimalainen*, эст. *kimalane*, вотск. *čima*[80], хотя до сих пор еще никто не попытался объяснить формы с неорганическим *-r-*: словен. *čmȓlj*, *črmȇlj*, польск. диал. *trzmiel*, чеш. диал. *čmrláň*. Только для с.-хорв. *stȑmelj* 'Vespa crabro' признается смешение слов **čьmelь* и **sьršьńь*. Однако славист должен поразмыслить и над тем фактом, что лит. *kamẽnė* фонетически точно соответствует чеш.

---

[69] Skok II, стр. 332.
[70] V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im slavischen. — «Slavia» VI, 1938—1939, стр. 210.
[71] Skok II, стр. 440.
[72] Pokorny I, стр. 720, 969.
[73] Fraenkel, стр. 840.
[74] Pokorny I, стр. 719.
[75] У Скока ошибочно G. Meyer, IF II, 370.
[76] Fraenkel, стр. 639.
[77] Skok II, стр. 626.
[78] Machek², стр. 679.
[79] Berneker I, стр. 167; Fraenkel, стр. 212; Kluge—Götze, стр. 319.
[80] Miklosich, стр. 419; Collinder FUV, стр. 132; Machek², стр. 319.

komonice, польск. *komonica*, укр. *комониця*, болг. и макед. *комоника* 'Melilotus', как отметил Мошинский[81]. На том основании, что это растение имеет немецкие названия *Honigklee*, *Hummelklee*, *Immenklee*[82] наряду с другим названием *Pferdeklee*, предполагают праслав. *komonь* 'equus'[83], а наличие *Steinklee* привело Преображенского[84] к исходной форме **kamenь*. Но Младенов[85] предполагал **komъ*. Ниеминен[86], опираясь на лит. *kamuolỹs* 'глыба, ком', также связывал балтийские слова со слав. **komъ*. Скок[87] обошел всю эту проблематику, хотя она для исследователя представляет острый интерес. В словенском, сербохорватском и частично также в болгарском это название перенесено на другие растения. Словен. *komónika*, *komônjica* значит только 'Artemisia vulgaris' точно так же, как и с.-хорв. *komȍnika*, *komonjika*, *komunika*. Другие сербохорватские источники и формы, которые Скоком не приведены, указывают на то, что произошло смешение со словом *komomilja* 'Matricaria chamomilla', что породило целую группу новых форм, которые перешли на другие растения.

Лексическое смешение является слабым местом Скока. В статье на *ȍbjest* Скок на основании форм типа *obistje* 'обгладывание, прожорливость,' а также 'распущенность, разнузданность, надменность' принял старое объяснение Миклошича[88] из **ob-jedъ*. Следует согласиться с ним, когда он отказывается от мнения Остен-Сакена[89], согласно которому это и.-е. основа **eis-* 'течь'. Однако нас удивляет, что в связи с этой только словенско-сербохорватской лексической группой он привлек также древнее с.-хорв. *obida* 'injuria' (Франкопан), которое замещено в большинстве славянских языков и которое соответственно осторожно выводят из **ob-vida*[90]. С.-хорв. формы *ȍbljid*, *obid* в тех же значениях, что и *obijest* и *obida*, свидетельствуют о лексическом смешении, аналогичным образом на части сербохорватской территории, по всей вероятности, произошло смешение *obijest* и **ob-jěsti*, **ob-jědǫ*. Словен. *objȇst* 'резвость, задор, дерзость, распущенность' и др.-русск. *ѥстесѣ* 'testiculi' показывают то же семантическое отношение, что и др.-исл. *eista* 'testiculi' при *eitr* 'надменный, высокомерный'[91]. И.-е. основа **oid-* общепризнана для праслав. *isto*, род. п. *istese* 'почка', которое в словенском засвидетельствовано как *obîst* (ж. р.), род. п. *obîsti* с преобразованием в *objȇst*, а в с.-хорв. как *ista* (ж. р.), *isto* (ср. р.), *obista* (ж. р.), *obisto* (ср. р.). В этой статье Скок[92] ограничился объяснением, что омонимичность с.-хорв. икав. *obist* 'обжорство, распущенность' и прил. *isti* повлияла на развитие этих слов.

Рядом с *ȍbijest* у Скока статья на *ȍbga* 'слой теста' с единственной параллелью в болг. *обга*, *олга* то же. Скок удовлетворяется старым объяснением Миклошича[93] и Бернекера[94], согласно которому эта основа произошла по метатезе из **o-gъba*. В этом сомневался уже Ягич[95]. Глагол

---

[81] V. Moszyński. Jeszcze o nazwach koniczyny i niektórych innych roślin. — «Slavia» XXXV, 4, стр. 295—297.
[82] На этом основывается Махек. См.: Machek², стр. 272.
[83] Miklosich, стр. 126; Berneker I, стр. 555; Vasmer I, стр. 609, 691.
[84] Преображенский, стр. 411.
[85] Младенов, стр. 248.
[86] E. Nieminen. Indoeuropäische und ostseefinnische Ausdrücke für Hummel. — LP III, 1951, стр. 187.
[87] Skok I, стр. 332; II, стр. 134.
[88] Miklosich, стр. 12.
[89] W. v. d. Osten-Sacken. Etymologien. — IF XXIII, 1908, стр. 376.
[90] Например, Vasmer II, стр. 239.
[91] F. Bezlaj. Eseji, стр. 15.
[92] Skok I, стр. 732.
[93] Miklosich, стр. 82.
[94] Berneker I, стр. 366.
[95] V. Jagić. Kleine Mitteilungen. — AfslPh VII, 3, 1884, стр. 483.

**bъgati*, кроме того, засвидетельствован только у восточных славян, ср. русск. *бгать*, укр. *бгати*, блр. *бгаць*, а на западе словенского представлены формы *begânica*, *begânja* 'пирог' наряду с *báža* 'террасообразная часть виноградника' из **bъgja*, и, возможно, сюда же относится также словен. *óga* 'ограда'. Следует привлечь также др.-русск. *обьжа* 'определенный участок пахотной земли', совр. *óbga*, *óbža*, *vobzá*. Новейшие авторы [96] больше не сомневаются в славянских рефлексах и.-е. основы **bheug-* 'гнуть'. К болг. *буга* 'влажное место, болото' [97] можно бы добавить также макед. *бугав* 'бедный', словен. *búžav* 'слабый', *búža* 'кретин', ср. русск. диал. *бужать* 'скончаться, быть при смерти' [98]. Но сомнительно с.-хорв. *budj* (ж. р.), *budja* 'плесень, пот, роса' [99], которое по Даничичу и Скоку [100] является заимствованием перс. *buj* 'вонь, смрад'. Недостаточное внимание Скока к славистике и балтистике — несомненно слабое место словаря. Но следует подчеркнуть, что очень мало слов из области романского и балканского адстрата, об их происхождении ученый мог бы высказать интересные и глубокие мысли. Исключительно богатый материал, который он собрал не только из сербохорватских словарей, но также из других диалектных и исторических публикаций во многом облегчит дело будущим исследователям. Но, естественно, исчерпывающая полнота здесь трудно достижима. Так, например, Фасмер [101] приводит интересный с.-хорв. локализм *mùstać* 'ono zemlje što se uvuklo u vodu', который исторически засвидетельствован и как топоним в устье Неретвы. Напрасно будем искать этот аппеллятив у Скока.

Однако мы были бы несправедливы к Скоку, если бы не обратили внимание также на его оригинальные удачные славистические решения. Так, в статье на *kaniti* [102] он не следует мнению Бернекера [103] и Махека [104], что этот южнославянский глагол, который не совсем ясно засвидетельствован также в старочешском, родственен др.-инд. *can-* 'радоваться чему-либо' [105], но, по всей видимости, представляет ступень удлинения *o* от праслав. **čęti*, **konati*. Это подтверждает также словен. диал. *okonjati* 'обманывать' (Сеножече) при *ukaniti* то же. Глаголы с определенной начальной модальной функцией, к которым также относится с.-хорв. *lati* 'valle' [106] и *latiti se* при словен. диал. *lotiti se* 'desiderare', еще недостаточно исследованы, чтобы о них можно было сказать что-то окончательное и определенное.

Ф. Безлай

Перевела со словенского
Л. В. Куркина

---

[96] Vasmer I, стр. 66; II, стр. 239; Sadnik-Aitzetmüller, стр. 109.
[97] R. Bernard. Le vocabulaire du dialecte de Razlog. — «Балкан. езикозн.» III/2, 1966, стр. 73.
[98] Иначе Vasmer I, стр. 137.
[99] БЕР I, стр. 87.
[100] Skok I, стр. 227.
[101] Vasmer II, стр. 152.
[102] Skok II, стр. 34.
[103] Berneker I, стр. 231.
[104] Machek², стр. 239.
[105] Mayrhofer I, стр. 372.
[106] Skok II, стр. 255.

B. O. Unbegaun.

Russian surnames. Oxford, 1972, XVIII+529 стр.

Скончавшийся недавно на 75-ом году жизни крупнейшей зарубежный русист, историк языка, лексики и ономастики Б. О. Унбегаун незадолго до своей смерти выпустил книгу, которая привлекает и еще долго будет привлекать внимание всех тех, кто интересуется составом, происхождением и этимологией русских фамилий. Эта по сути дела первая монография, посвященная названной проблеме, обращает на себя внимание своими качествами весьма фундаментального, всестороннего и оригинального исследования. Руководство по русским фамилиям Б. О. Унбегауна должно быть в связи с этим охарактеризовано как крупное научное достижение. К этому важному итогу своей исследовательской жизни ученый пришел после ряда известных в науке о русских именах и фамилиях конкретных работ о типе русских фамилий, их структуре, частотной характеристике, социальной стратиграфии и т. д. (см. стр. 423—424 книги, библиография). Его наблюдения, не во всем бесспорные, опирались в этих работах на добротный фактический материал, его метод анализа всегда привлекал своей логичностью, стройной и наглядной аргументацией. Русские фамилии — важное явление общественной жизни русского народа в его истории, поэтому весьма существенно, что за их исследование взялся человек, чьи воззрения (наряду, впрочем, с отдельными неверными акцентами) отличались объективностью и гуманизмом, что связывает его труды с лучшими традициями русской науки. Сказанное выше может быть целиком отнесено и к рецензируемой книге.

Книга о русских фамилиях выполнена как достаточно популярное пособие, в общем доступное широкой массе англоязычных читателей. Об этом свидетельствуют и специальные замечания по транскрипции, и скупость библиографических ссылок и указаний на источник, и упрощенная трактовка таких специфических проблем как этимологии фамилий. Некоторое представление о содержании книги может дать ознакомление с ее оглавлением: Часть I. Общая. Гл. I. Происхождение и история. Гл. 2. Форма, ударение, склонение. Часть II. Фамилии русского происхождения. Гл. 3—4. Фамилии, производные от крестных имен. Гл. 5. Фамилии, производные от названий профессий. Гл. 6. Фамилии, производные от местных названий. Гл. 7—8. Фамилии, производные от прозвищ. Гл. IX. Искусственные фамилии. Часть III. Фамилии нерусского происхождения (славянские фамилии). Гл. 10. Фамилии украинского происхождения. Гл. 11. Фамилии белорусского происхождения. Гл. 12. Фамилии из других славянских языков. Часть IV. Фамилии нерусского происхождения (неславянские фамилии). Гл. 13. Фамилии европейского происхождения. Гл. 14. Фамилии неевропейского происхождения.

Достоинства книги мы видим, с одной стороны, в необыкновенной широте сравнительного фона. По-видимому, только так и только с такой степенью осведомленности в материале множества контактирующих языков должен вести работу исследователь генезиса русских фамилий. Особенно богаты по содержанию главы 10 и 11, трактующие о признаках фамилий украинского и белорусского происхождения (как наиболее удачную мы выделили бы главу о белорусских фамилиях, стр. 297—321). С другой стороны, наряду с богатством фактического материала (здесь приводится свыше 10 тысяч фамилий, см. стр. V, «Предисловие»), к важным достоинствам книги как исследования надо отнести постоянные разыскания автора в области типологии русских фамилий; тип русской фамилии изучается в сопоставлении с типами других славянских фамилий, европейских и прочих фамилий, во взаимоотношениях с апеллативной лексикой. Отличительные признаки типа русских фамилий — это строгая формализация отношений фамилий к апеллативам и производящим именам, подавляющая патронимичность, преобладание словообразовательных формантов *-ов*, *-ин*. Книга дает хорошее представление о чрезвычайном разнообразии кратких, экспрессивных и т. п. форм крестных имен, послуживших производящими основами для фамилий.

Словообразовательная, а подчас и этимологическая характеристика этих фамилий, особенно — темных случаев среди них, удачно раскрывается автором на большом количестве примеров, что делает соответствующие разделы книги интересными равно в лингвистическом, как и в культурно-историческом отношении тем более, что свое изложение автор щедро снабжает иллюстрациями и ссылками на историю фамилий лиц, известных в русской истории, в истории русской (и советской) культуры.

Можно сказать, что ни один из аспектов ономастического исследования не оставлен автором книги без внимания; словообразовательные, семантические и лингвогеографические характеристики русских фамилий освещаются на обширном доступном автору материале. Разумеется, после чтения книги Б. О. Унбегауна мы получим ответы не на все вопросы; естественно, далее, что не все ответы автора при этом могут нас удовлетворить, поскольку не все авторские решения правильны. Можно признать справедливость вступительных слов самого Унбегауна («Предисловие», стр. V), о том, что «книга, однако, не имеет ни малейшей претензии быть историей русских фамилий». Монография Унбегауна — это по преимуществу анализ существующего состава русских фамилий с избранными историческими комментариями к ним. Основные наши критические замечания коснутся как раз вопросов словопроизводства и этимологии, т. е. истории. Впрочем, это не значит, что фиксация существующих современных форм фамилий у Унбегауна безукоризненна. К сожалению, в книге приводятся неточные ударения: *Коно́нов*, *Коно́н* (стр. 47), надо *Ко́нонов*, *Ко́нон*, ср. и греч. Κόνων; *Миха́лков* (стр. 73), надо *Михалко́в*; *Колёсов* (стр. 201), надо *Ко́лесов*; *Фа́минцын* (стр. 357), надо *Фами́нцын*. Существенными недостатками страдает семантическая характеристика производящих основ и имен. Фамилия *Маштако́в* ошибочно объясняется от *ма́стер* (стр. 118), но автор явно спутал *маста́к* и диал. *машта́к* 'маленькая, крепкая лошадка', 'крепыш', калмыцкого происхождения, от которого в действительности произведена фамилия. Основа фамилии *Быкадбров* вовсе не означала мясника, как полагает Унбегаун, производя ее от *бык+драть* (стр. 123); на самом деле здесь, по-видимому, скрыт один из вариантов восточного заимствования, давшего слово *богатырь*, ср. известный нам вариант фамилии *Быкадыров*. Фамилию *Сигалов* автор толкует как 'прыгун' (стр. 151), видимо, полагая, что она произведена от *сига́ть*, но это руссифицированная форма (*-ов*) еврейской фамилии *Сига́л*, *Сега́л*. Фамилия *Водохлёбов*, производная от прозвища *водохлёб* 'хлебающий, пьющий в изобилии воду', ошибочно объясняется в книге из сложения *вода+хлеб* 'bread' (стр. 167). Фамилию украинского происхождения *Украды́женко* автор производит от неизвестного нам укр. *укради́га* 'вор' (стр. 286), в то время как это — украинское глагольно-именное императивное сложение *Укради-жiнка* 'укради жену', ср. другую украинскую фамилию того же типа *Загуби-жiнка*. Фамилия *Петлева́ный*, конечно, не имеет ничего общего с *петля*, как можно было бы понять автора (стр. 293), но тождественна укр. *питльований* 'крупичатый' (сюда же русск. *пеклева́нный*). К ошибочным семантическим характеристикам тесно примыкают ошибки словообразовательного порядка. По непонятным причинам фамилия *Сутулов* попала в число прилагательных с суффиксом *-л* (стр. 180).

Звуковая сторона фамилий и вопрос ее письменной фиксации в историческом плане представляет собой не менее интересный материал, который не везде освещен достаточно полно. Говоря на стр. 56 о спорадической передаче греч. υ в русских фамилиях также в виде *у* (*Акулов*, *Фурсов*, *Упатов*, *Перхуров*, *Труфанов*), автор не касается роли письменного образа при этом. В форме *Фу́рцев*, которую автор без видимой надобности объясняет из *Фу́рсцев* < *Фу́рсец* (стр. 88), наличествует спорадический звуковой переход *с* > *ц* после согласного (ср. *Фурсов*, *Фирсов*). Тот же переход мы наблюдаем в форме *Анцы́феров* < *Анцы́фер* < *Они́сифор* < греч. 'Ονησιφόρος. Весьма поучительны следующие ряды фонетических вариантов: *Ману́йлов*, *Ману́йло*, *Маны́лов* (стр. 52, 55), *Само́йлов*, *Само́йло*, *Самы́лов* (там же). Кажется, при исследовании проблемы дифтонгической природы *ы* эти наглядные примеры вариантности *ой*/*уй*/*ы* еще не использовались.

В заключение — два однотипных этимологических замечания также с фонетическим уклоном. Автор, например, считает этимологически неясной фамилию *Нарышкин*, допуская связь с *Ярышкин* от *ярыжка* 'прислужник' (стр. 25), что просто неубедительно. Вероятно, развитие форм шло таким образом: **Нарычкин* < **Норичкин* < *норица* 'болезнь лошадей'. Другая параллель такого же формально-фонетического развития скрывается в фамилии *Курышкин*, которую мы объясняем от известного (диал. и простореч.) *курышка* < **куричка* < *курица*, в отличие от автора, предлагавшего объяснение *Курышкин* < *Кур-* < *Курил*, имя (стр. 99).

Книга Б. О. Унбегауна имеет обширный алфавитный указатель фамилий (стр. 425—525), что превращает ее в удобный и незаменимый справочник. Имеется также особый указатель окончаний (или исходов) фамилий (стр. 526—529). Важность этого руководства по русским фамилиям для русского читателя столь очевидна, что было бы весьма уместно и своевременно поставить вопрос о переводе книги на русский язык и издании ее с необходимыми поправками и дополнениями.

О. Н. Трубачев

В. И. Абаев.
Историко-этимологический словарь осетинского языка
том II, L—R, Издательство «Наука», Ленинградское отделение. Л., 1973, 448 стр.

Со времени выхода в свет первого тома рецензируемого словаря прошло 15 лет, и все эти годы иранисты, индоевропеисты, представители смежных гуманитарных дисциплин с нетерпением ожидали его продолжения. Историко-этимологический словарь В. И. Абаева — явление выдающееся и новаторское не только для иранистики, но, вероятно, и для других областей индоевропейского языкознания. Как подчеркивается в самом названии словаря и в предисловии к первому тому, автор не отделяет задач этимологического исследования от задач историко-лексикологических в широком смысле этого слова. Объединяя в одном труде словарь собственно этимологический и словарь исторический, автор подразумевает под последним не традиционный филологический исторический словарь, фиксирующий и прослеживающий значения слова по письменным памятникам (что для такого младописьменного языка как осетинский вообще было бы невозможно), а словарь, в котором история слова вскрывается на основе сравнительно-исторического метода, внутренней реконструкции, на основе соотнесения лексического факта с реалиями исторической жизни народа [1]. Еще полнее раскрывается целевая установка Словаря в предисловии к второму тому: «. . . нами сделана попытка, — пишет автор, — впервые в лексикологической практике — совместить в одном словаре элементы пяти разных словарей: двуязычного (осетинско-русского), документированного, этимологического, исторического и реального». Все эти элементы действительно в полной мере присутствуют в Словаре: и передача на русский язык всех оттенков значения и употребления осетинского слова, и обильная документация, и этимологические сопоставления и реально-исторический комментарий. Можно добавить, что это еще и словарь диалектологический, ибо в каждой словарной статье последовательно приводятся формы и их значения по двум основным

---

[1] См. также В. И. Абаев. О принципах этимологического словаря. — ВЯ, 1952, № 5, стр. 56—69; [В. И. Абаев] О принципах этимологического исследования. В кн.: «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956, стр. 286—307 (гл. VI).

осетинским диалектам (иронскому и дигорскому), а в случае необходимости — и по другим осетинским говорам.

Принципиальная установка В. И. Абаева на изучение языка в неразрывной связи с историей и историей культуры народа, подход к языку, к его лексике как к источнику и орудию познания истории народной жизни («от истории языка к языку истории») лейтмотивом проходят через оба тома Словаря и делают его незаменимым пособием не только для лингвистов, но также для историков, историков культуры, археологов, этнографов, фольклористов и представителей других гуманитарных специальностей. По существу, Словарь представляет энциклопедический свод сведений по истории материальной, социальной и культурной жизни осетинского народа — сведений, представленных и поданных читателю через историю осетинского слова. Не случайно поэтому уже первый том Словаря вызвал широкий интерес и длинный ряд откликов в лингвистической и историко-культурной литературе [2]. Материалы этого тома сразу стали использоваться в многочисленных трудах по иранистике, индоевропеистике, кавказоведению, истории, археологии, этнографии, фольклору, и можно не сомневаться, что материалы второго тома приобретут столь же широкое значение.

В ходе работы над рецензируемым томом, автор продолжал пополнение картотеки Словаря, доведя роспись осетинских текстов вплоть до изданий 1969 г. (стр. 3). Последние два десятилетия были периодом интенсивного развития иранистических исследований, и во втором томе тщательно учтены как обширные новые материалы по иранским языкам и диалектам, так и многочисленные труды по иранской (и индоевропейской) этимологии, появившиеся после выхода в свет первого тома [3]. Достаточно сказать, что только список дополнительных сокращений в названиях языков и диалектов, научных трудов и осетинских источников составляет во втором томе 5 страниц убористого шрифта. Особенно важное значение имело пополнение Словаря новыми лексическими материалами, извлеченными из хотано-сакских, бактрийских, согдийских и парфянских текстов, а также из работ по бесписьменным иранским языкам и диалектам.

В собственно этимологическом плане второй том отличается от первого, в частности, бо́льшим вниманием к некоторым специфическим явлениям, сближающим осетинский (resp. скифский) с другими индоевропейскими языками древней Европы — славянскими, балтийскими, германскими и т. д. (см., напр., s. v. mal, mingi(j), mīt/met, molun, p'aræ, ræǧ и т. д.). Это направление исследований, нашедшее наиболее полное выражение в книге В. И. Абаева «Скифо-европейские изоглоссы» (М., 1965) [4], формулируется в Словаре следующим образом: «в тех случаях, когда то или иное осетинское слово не находит отклика на индоиранской почве и притом не является позднейшим заимствованием, ориентация на европейский материал, как правило, себя оправдывает. Существование «сепаратных» (т. е. не разделяемых другими иранскими языками. — *И. О.*) ареальных лексических связей осетинского с языками древнеевропейского круга (славянскими, балтийскими, тохарскими, германскими, италийскими, кельтскими) подтвердилось

---

[2] Из известных мне рецензий на т. I назову следующие: М. И. Исаев (ИСОНИИ, т. XXI, вып. 4, 1959, стр. 109—110); E. Benveniste (BSL, t. 56, fasc. 2, 1961, стр. 69—72); L. Zgusta (AOr, 28, N 2, 1960, стр. 333—335). См. также: М. Я. Немировский. Из вопросов истории осетинского языка, разъясняемых в историко-этимологическом словаре В. И. Абаева. — ИСОНИИ, т. XXII, вып. 1, 1960, стр. 91—101 и др. работы.

[3] К сожалению, автор не успел, по-видимому, включить в свой труд материалы нового и во многих отношениях весьма важного сравнительного словаря индоарийских языков (R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966).

[4] Частично напечатано также в итальянском переводе: V. I. Abaev. Isoglosse Scito-Europee. — AION, IV, 1962, стр. 27—43.

десятками новых этимологий и может считаться прочно установленным» (стр. 4).

В ряде статей Словаря содержится обоснованная критика этимологий, предложенных другими авторами (В. Ф. Миллер, Chr. Bartholomae, G. Morgenstierne, E.Benveniste, H. W. Bailey, I. Gershevitch и др.) и не учитывающих часто реального исторического фона, на котором протекает жизнь слова (см., напр., статьи mæk’$_{0}$ystæg, medæggonæ, næmyn, nostæ, pernæ, pyrx, qast, [1]qom и т. д.). Глубокие познания автора в языках и истории культуры народов Кавказа позволяют ему в ряде случаев отказаться от натянутых индоевропейских этимологий в пользу сближения тех или иных осетинских слов со словами соседних кавказских языков (см., напр., s. v. læg, lyvzæ и т. д.). Отчетливо наблюдается критический подход В. И. Абаева и к некоторым собственным, ранее выдвинутым этимологическим построениям (см., напр., s. v. naj, rætæn и т. д.).

Каждая статья Словаря представляет — в большей или меньшей степени — самостоятельное исследование и, как и во всяком этимологическом словаре, не все предложенные решения могут считаться окончательными, что, разумеется, отчетливо сознает и сам автор (см. т. I, стр. 5). В отношении некоторых сопоставлений могут быть, вероятно, высказаны сомнения, но в рамках настоящего краткого отклика нет места для обоснованной аргументации. Однако даже предварительные (под вопросительным знаком) или спорные решения дают импульс для новых этимологических разысканий, и польза их в этом смысле несомненна.

Ознакомление с первыми двумя томами Словаря убеждает в том, что в значительной мере уже осуществлен и осуществлен весьма успешно замысел В. И. Абаева о создании такого этимологического словаря нового типа, который был бы интересен не только узким специалистам, но и более широкой читательской аудитории, словаря, в котором «должен забиться пульс истории, должны выступить живые черты быта, культуры данного народа, отраженные в истории слов его языка» [5].

Как это ни парадоксально, но научное иранское языкознание, с самого своего зарождения развивавшееся в рамках сравнительно-исторического метода, небогато этимологическими и сравнительными словарями. Иранистами не создан пока ни этимологический словарь иранских языков, ни сравнительный словарь такого примерно типа, который создан недавно для языков индоарийских (см. прим. 3). Опубликованные в конце прошлого века и весьма важные для своего времени этимологические труды по осетинскому, персидскому, белуджскому и афганскому языкам [6] уже не удовлетворяют, конечно, требованиям иранистической науки наших дней. Сохраняет всё свое значение (особенно в отношении авестийского материала) древнеиранский словарь Хр. Бартоломэ [7], однако Бартоломэ не ставил перед собой в этой работе собственно этимологических или компаративистических задач, ограничиваясь, как правило, краткими указаниями на родство древнеиранских слов с соответствующими словами новоперсидского или древнеиндийского [8]. Известный афганский этимологический словарь Г. Морген-

---

[5] В. И. Абаев. О принципах этимологического словаря. — ВЯ, 1952, № 5, стр. 68.

[6] H. Hübschmann. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887; P. Horn. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893; H. Hübschmann. Persische Studien. Strassburg, 1895 ; W. Geiger. Etymologie des Balūčī. München, 1890 (Aus den Abhandlungen der k. bayer. Akademie der Wiss. I. Cl. XIX Bd. I Abth.); W. Geiger. Etymologie und Lautlehre des Afghānischen («Abhandlungen der bayer. Akademie der Wiss.» I Cl. Bd. XX, 1894, стр. 167—222).

[7] Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (2. unveränderte Auflage: Berlin, 1961); Id., Zum altiranischen Wörterbuch. Strassburg, 1906.

[8] Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, стр. XXII—XXIII.

стьерне [9] охватывает относительно небольшую часть афганской лексики и тоже имеет уже почти полувековую давность. Из новых больших историко-этимологических работ по иранским языкам может быть назван, пожалуй, только весьма важный «Prolexis» Х. Бейли [10], вводящий в иранскую этимологию значительный хотано-сакский материал. Всё остальное представлено небольшими этимологическими заметками, разбросанными по многочисленным, часто малоизвестным и труднодоступным изданиям. Между тем, обширные лексические материалы, извлеченные в последние десятилетия из вновь открытых памятников древнеиранской письменности и многочисленных новоиранских (особенно бесписьменных) языков и диалектов, настоятельно требуют своего этимологического осмысления, включения их в контекст будущего этимологического словаря иранских языков. Указанные обстоятельства еще больше повышают ценность историко-этимологического словаря осетинского языка, ибо, являясь важным этапом на пути к созданию общеиранского этимологического словаря, он в то же время может — впредь до создания такого словаря — служить ему в известной мере некоторой заменой.

Второй том Словаря (как и первый) превосходно, можно сказать, изящно издан. Всяческой похвалы заслуживает полиграфическое его оформление, стоящее на уровне самых высоких стандартов. То же относится и к редакторской работе, хотя в отдельных словарных статьях ощущается несколько «разговорный» характер изложения, не свойственный словарному труду.

Последующий том (тома?) этого замечательного труда будут с нетерпением ожидаться всеми специалистами и заинтересованными читателями, и хотелось бы выразить надежду, что сроки их выхода в свет будут во много раз меньше, чем срок, истекший между выходом в свет первого и второго тома. Забегая немного вперед, хотелось бы пожелать, чтобы к Словарю (по завершении его печатания) был приложен полный индекс, группирующий весь привлеченный к сравнению материал по языкам. Такой индекс еще более повысит ценность Словаря, облегчая пользование им как сравнительно-этимологическим собранием лексики не только осетинского, но и других иранских (и не только иранских) языков.

И. М. Оранский

E. Çabej.
Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe I — XXVIII [1]

Первый этимологический словарь албанского языка был составлен в конце прошлого века видным албанологом и балканистом Г. Мейером [2]. Этот словарь практически не потерял своей ценности и сейчас. И тем не менее частичный пересмотр старых материалов, а также необходимость

---

[9] G. Morgenstierne. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.

[10] H. W. Bailey. Indo-Scythian Studies Being Khotanese Texts, vol. VI. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambridge, 1967.

[1] «Исследования по этимологии албанского языка» выходили с 1960—1964 гг. в журнале «Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranes. Seria shkencat shoqërore». С 1964—1968 гг. в новом журнале «Studime filologjike». Ожидается выход названной работы отдельным изданием. Рецензию О. С. Широкова на первые три выпуска см. «Этимология». М., 1963, стр. 303—306.

[2] G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.

новых этимологических разработок, которые бы соответствовали современному состоянию лингвистической науки, стали настоятельной необходимостью.

Большая подготовительная работа в этом направлении была проделана Н. Йоклем, Х. Педерсеном, М. Ла Пьяна, А. М. Селищевым, М. Фасмером. Заметно пополнилось число новых этимологий благодаря работам самого Э. Чабея, а также В. Пизани, Э. Хэмпа. За последние 10—15 лет широко проводились исследования албанских диалектов как в самой Албании (Д. Шутеричи, М. Тотони, М. Челику, И. Дьинари, Э. Ляфа и др.), так и за ее пределами (В. Цимоховский, А. В. Десницкая, М. Цамай, К. Хэблер) [3], которые подготовили почву для фундаментальных этимологических обобщений. Существенную роль сыграло также издание ряда важных словарей, среди которых следует особо выделить словарь Ст. Мэна и толковый «Словарь албанского языка» [4], составленный группой албанских лингвистов в числе которых был и Э. Чабей.

Непреходящее значение для успешного развития дальнейших изысканий по истории языка приобрело издание и широкое изучение памятников староалбанской литературы и литературы арберешей. Особенно важным было критическое издание «Служебника» Дьона Бузуку [5], ценнейшего памятника староалбанской литературы XVI века, который был подготовлен Э. Чабеем. Это позволило ему широко использовать данные памятников староалбанской литературы. В каждом случае он прослеживает ареальную дистрибуцию слов, при этом особое внимание уделяется истории исконных слов. Албанский язык — единственный продолжатель исчезнувшей древнебалканской речи. Поэтому Чабей часто при объяснении исконной лексики прибегает к сопоставлению с реликтами иллирийского, мессапского, фракийского языков. Не менее важным подспорьем в этимологических изысканиях Чабея служит диалектология. Он постоянно обращается к лексике албанских колоний вне Албании. Наиболее разработана, на наш взгляд, лексика арберешей, албанской диаспоры в Италии, а также соседних албаноязычных территорий в Югославии. В меньшей степени привлекается материал албанцев Украины.

В плане методики Э. Чабей считает важным для этимологических исследований придерживаться принципа «Wörter und Sachen» и сам широко пользуется данными смежных дисциплин — истории, этнографии, текстологии и т. д. В работе над словарем автор не ставит перед собой задачи исчерпать словарный запас языка. Она мыслилась как дополнение к уже известным трудам в этой области. В самом деле, у него отсутствуют этимологии таких важных для истории языка слов как *dhe* 'земля' или *zëmër* 'сердце'. И несмотря на это, «Исследования по этимологии албанского языка» можно без преувеличения назвать словарем, так как этот труд представляет собой не собрание разрозненных этимологий, а одно целое, в котором воплотились единство замысла, последовательность проводимой методики исследования, преемственность и чувство перспективы. Все здесь подчинено главной цели — показать современное состояние албанской этимологии и наметить пути дальнейших исследований. В конце каждого выпуска имеется краткое резюме словарных статей на французском или английском языках.

По ряду дискуссионных вопросов индоевропеистики Э. Чабей придерживается традиционных воззрений. Э. Чабей сознательно игнорирует ларингальную теорию, считая невозможным доказать существование ларин-

---

3 W. Cimochowski. Le dialecte de Dushmani. Poznań, 1951; А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. Ленинград, 1968; M. Camaj. Albanische Wortbildungsweise. Wiesbaden, 1966; K. Haebler. Grammatik der albanischen Mundart von Salamis. Wiesbaden, 1965.

4 S. Mann. An Historical Albanian and English Dictionary. London, 1948; Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954.

5 «Meshari» i Gjon Buzukut (1555). Tiranë, 1968.

гальных в албанском [6]. Это однако не означает, что он не пытается разрешить спорные вопросы. Напротив, одним из главных достоинств работы Чабея следует считать убедительное разъяснение многих слов со спорной этимологией. К таким словам, например, относятся *agër* 'осел', которое М. Ла Пьяна считал заимствованием из тур. *aygır* 'жеребец'. Чабей реконструирует праалб. **gvor-*, *gwr̥-*, исходя из староалб. *gare* (Бузуку) от и.-е. **gverú-s* 'тяжелый'. Значительная группа слов, ранее считавшаяся заимствованием из латинского, получает у Чабея объяснение из внутриалбанского развития. Для алб. *ajkë* 'сливки', по Г. Мейеру из лат. *alica* 'полба' [7], Чабей восстанавливает праалб. **olkā* < и.-е. **ol-*, **el-* 'гнить, портиться', лат. *alga* 'водоросли', н.-в.-нем. *alken* 'волочить по грязи', арм. *alt* 'грязь'.

Принципиальное значение для расширения наших знаний о древнейшей фазе развития албанского языка и в связи с этим для разрешения спора о его происхождении имеет обращение к палеобалканскому языковому материалу. Отказавшись считать алб. *arë* 'пашня, нива' заимствованием, Чабей вслед за А. Торпом сопоставил его, как исконное, с мессапск. *aran* из надписи *veinan aran* «*suum agrum*». Другим важным источником, используемым Чабеем для объяснения автохтонного слоя языка служат палеобалканские глоссы, зафиксированные у античных и ранневизантийских авторов и лексикографов. В первую очередь здесь следует назвать словарь Гесихия, в который наряду с богатой греческой диалектной лексикой составной частью входит значительный палеобалканский вклад. Весьма удачным кажется сближение алб. *bark* 'живот, чрево' с мессапск. βάρ(υ)κα· αἰδοῖον παρὰ Ταραντίνοις у Гесихия, лат. *equae bardiae* — ἱππὰς φοράς (bardia заимствовано у иллирийцев), алб. *barsë*, *mbarsë* 'беременная' — у Гесихия βαρδῆν· τὸ βιάζεσθαι γυναῖκας; алб. *bërrakë*, *brrakë* 'болото' — βράγος· ἕλος у Гесихия и др.

Ряд новых оригинальных решений находит автор словаря для спорных и запутанных проблем отражения индоевропейского наследия в албанском языке. К их числу относится проблема гуттуральных. До сих пор не затихают споры о количестве рядов заднеязычных. Показательно в этом плане объяснение алб. *dergjem* 'лежать, будучи больным', *dergje* 'чахотка'. Чабей выдвигает совершенно новую этимологию, реконструируя праформу **darg-*, связывая ее с лит. *darga*, *dargana* 'непогода'. В таком случае формы типа *dergjem*, как и *ergjez*, *gjej*, *heq*, *keq* противоречат тезису Педерсена о сохранении в албанском простых и.-е. велярных в виде палатальных *q*, *gj* перед *e* или *i*. Чабей вслед за Германном (KZ 41, 46 ff.) допускает здесь действие аналогии. Вместе с тем сохраняет силу тезис Педерсена о том, что чередование *k/s* основ свидетельствует о первичности на этом месте лабиовелярного. Это положение хорошо подкрепляется у Чабея новой этимологией слова *des*, *vdes* (*v* — префикс) 'умирать' от **das* < **darqu̯-* англосакс. *deorc* 'тёмный', 'закрытый', англ. *dark* 'темный'.

Существенную поправку вносит Чабей в этимологию слова edh 'козленок', которое Г. Мейер считал заимствованным из лат. *haedus*. В новом истолковании алб. *edh* выступает как сингуляризованная форма мн. ч. от и.-е. **aĝ-*, др.-инд. *ajá-ḥ* 'козел', лит. *ožỹs* 'козел' и т. д. Попутно разъясняется форма *kedh* 'козел', как контаминация двух семантически тождественных основ *edh* и *kec*. После этого становится ясно, что привлечение Фасмером алб. *kedh* для объяснения слав. *коза* ошибочно (Фасмер, II, 277).

---

[6] Рефлексы ларингальных в албанском пытался восстановить Э. Хэмп: E. P. H a m p. Evidence for the Laryngeals in Albanian. «Evidence for Laryngeals». Austin, 1960, стр. 54—92. — Критику Хэмпа см.: H. M. Ö l b e r g. Einige Überlegungen zur Laryngaltheorie. An Hand des Albanischen. — KZ, Bd. 86, H. 1, 1972, стр. 121—136.

[7] Латинские заимствования в албанском специально исследованы в основательной работе Х. Михэеску. H. M i h ă e s c u. Les éléments latins de la langue albanaise. — RESEE, т. IV, N 1, стр. 5—35, II, стр. 323—355.

Значительный интерес представляют этимологические статьи, в которых устанавливается ряд ареальных изоглосс албанского с другими и.-е. языками. Наличие связей албанского языка с северным и.-е. ареалом убедительно доказано в работах Н. Йокля, В. Порцига и др. Большим вкладом в установление албано-германских ареальных связей явилась работа А. В. Десницкой [8], в которой выявлен целый ряд лексических соответствий и общих черт в развитии грамматических явлений. Приходится сожалеть, что работа А. В. Десницкой не была учтена Э. Чабеем. Что же касается албано-кельтских изоглосс, то они заслуживают самого пристального внимания, в связи с дальнейшей разработкой проблем членения и.-е. языковой области [9]. Чабей предложил новое, на наш взгляд убедительное, сравнение алб. *dardhë* 'груша' с кельтской группой слов: др.-ирл. *draigen* 'prunus spinosa', кимр. *draen*, новобрет. *dréan* 'кустарник' от и.-е. **dhorg-*. Весьма важна этимология алб. *mat* 'берег реки, моря', которое Чабей сближает с др.-ирл. *math* 'песок'. В северных диалектах алб. *mat* также означает 'речной песок'. Уже Фасмер сравнил древнее название Дуная Μάτοας с алб. гидронимом *Mati*. Это дает основание Чабею считать Μάτοας — алб. *mat*, *Mati*, др.-ирл. *math* кельто-иллирийским и кельто-албанским соответствием. Неясным, правда, остается вопрос, является ли древний гидроним Μάτοας иллирийским или же кельтским. Ответ на него не так прост, если учесть многочисленные параллели в кельтской и палеобалканской ономастике [10].

Интересно сопоставление алб. ndal 'останавливать', с кимр. *dal* 'держать', корн. *dalchen* 'a taking hold of', брет. *dalin* 'собственность'. Однако дальнейшее сближение его с ΔΑΔΑΛΕΜΕ фрак. надписи из Дуванлы, которую Э. Чабей, как и В. Георгиев, читает по-албански, не может считаться убедительным. Более того, если В. Георгиев последователен в попытке связать албанский с фракийским, (дако-мизийским), то попытка Чабея в данном случае плохо увязывается с его иллирийской концепцией происхождения албанского. Саму же фракийскую надпись вслед за ее первооткрывателем Б. Филовым и Д. Дечевым вероятнее всего надо рассматривать как имя личное.

Длительную историю изучения имеет алб. слово *sy*, *syni* 'глаз'. В противоположность всем предшествующим этимологиям Чабей реконструировал для *sy* основу **syn* — из более древней **sūn-* и связал ее с названием солнца в некоторых и.-е. языках: гот. *sunnō*, *sunnin*, ср. авест. *xᵛəng* 'солнце'. Семантическое развитие в албанском подобно др.-ирл. *súil* 'глаз', греч. ἥλιος, лат. *sōl* 'солнце' и т. д. Прозрачна эта связь и в алб. клятвенной формуле, *për ate sy dielli*, где *sy dielli* означает солнце.

Морфологический тип алб. *sy* — древний ср. род, в гот. *sunnin* наряду с жен. *sunnō*. В связи с этим необходимо было дать новое объяснение для *s-* в позиции перед *ū* в основе **sūn-*, которая дала в алб. *sy*. Вслед за Педерсеном (KZ, 36, 277) принято было считать, что в такой позиции *s* в алб. всегда должно давать *h-*, Чабей однако полагает, что *sy* одно из тех слов, которым предстоит оказать помощь в пересмотре устоявшихся мнений о рефлексе и.-е. *s* в албанском. По его мнению, **sūn-* > *sy* относится к группе слов, где *s-* сохранялось или развивалось в позиции перед *ū-* даже если оно представляло собой рефлекс и.-е. палатального или лабиовелярного как в словах *sup*, *sullem*. О сохранении долготы *y* свидетельствуют формы: ст.-алб. *syy*, арбереш. *sii*.

---

[8] А. В. Десницкая. Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики. — ВЯ, 1965, 6, стр. 24—43.

[9] E. Ç a b e j. Keltisch-albanische Isoglossen. Studi linguistici in onore di V. Pisani. Brescia, 1969, I, стр. 167—186.

[10] В. П. Нерознак. Палеобалканские и кельтские ономастические параллели. «Кельты и кельтские языки». М., 1973.

Из общеиндоевропейского наследия особый интерес вызывает алб. слово *thi*, которое связано с греч. ὗς, лат. *sūs* ‘свинья’ и т. д. У Чабея приведен богатый материал диалектных вариантов этого слова, однако отсутствуют предположения о его возможных ближайших связях. А между тем для алб. *thi* < **si* промежуточной ступенью от и.-е. **sūs* можно считать палеобалк. (Гесихий) σίκα·ὗς, ср. греч. σίαλος ‘жирная свинья’, микен. *si-a$_2$-ro* (Frisk, GEW, 699), ср. также фин. *sika* ‘свинья’. На возможность контактов иллирийцев с угрофиннами указывал уже Н. Йокль. Расширение *-k-* встречается в балтийских языках, ср. лтш. диалект. *ciuka*, а также *sukis* ‘подсвинок’, неясное русск. диалект. *жижка*, *жишка* ‘поросенок’ (Фасмер, III, 54).

В связи с разработкой вопросов ареально-генетических отношений палеобалканских (термин наш. — *В. Н.*) и балтийских языков необходимо отметить ряд албано-балтийских изоглосс, установленных Чабеем. Алб. *blej* ‘торговать, покупать’ с первоначальным значением ‘смотреть, видеть, выбирать’, лтш. *apblendēt* ‘смотреть’; алб. *bli* ‘липа’ — палеобалк. (Гесихий) βλινὸν·δαλόν, лит. *blindė* ‘Salix caprea’; алб. *loqe* ‘penis’, *loqet* ‘testiculi’, лит. *liauka*, мн. ч. *liaukos*, лтш. *laukas*. Большое значение имеют также этимологии, свидетельствующие о связях албанского с греческим и армянским, которые за недостатком места мы опускаем.

В албанском, как известно, представлено большое число славянских заимствований. Некоторые из них сохраняют архаичные черты, которые в славянских языках претерпели определенные изменения. Одной из таких черт является сохранение носового в гегском диалекте. Вслед за Йоклем Чабей высказывает мнение, что в гегской назализации принимали участие древнейшие славянские элементы. Важным аргументом в пользу этого можно считать наличие в алб. диалектах слова *shtëpâ*, *shtëpani*, древнейшей формы общебалканского слова *stopan* ‘хозяин’, в алб. ‘старший пастух’. Опираясь на эту форму, Чабей оспаривает точку зрения М. Цамая, датирующего появление назализации в гегском и ротацизма в тоскском временем, предшествующим славянскому влиянию в албанском. В то же время нельзя согласиться с Чабеем в том, что алб. *Varibob*, зафиксированное в именах личных и в целом ряде топонимов является автохтонным *Varri* (*i*) *Bobit* ‘могила Боба’. В алб. сложных топонимах показатель род п. *-it* обязателен, поэтому отпадение *-it* здесь мало вероятно. Ср. приводимый здесь же Чабеем топоним *Varri i Çobanit*. Остается в силе отождествление этого названия со слав. двуосновным ироническим прозвищем [11]. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что во всех случаях оно засвидетельствовано в местах славянских поселений.

В работе имеется ряд мелких технических погрешностей. Так в резюме имеется досадная опечатка: вместо *daltë* стоит *thadër*, в ряде случаев вместо греческих примеров — пустые места. Однако недостатки эти не имеют существенного значения и надо надеяться будут исправлены в отдельном издании словаря.

В целом выход в свет «Исследований по этимологии албанского языка» Э. Чабея следует рассматривать как событие большой важности. Теперь уже, по справедливому замечанию К. Ольберга [12], любая попытка в области албанской этимологии, не учитывающая исследований Э. Чабея, не будет иметь большой ценности. К этому следует добавить, что без них не смогут обойтись и исследователи по индоевропейской этимологии в широком смысле этого слова.

В. П. Нерознак

---

[11] А. М. Селищев. Славянское население в Албании, стр. 269—270.
[12] K. Ölberg. Op. cit., стр. 136.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I—II. М.—Л., 1958, 1973.
Байкоў—Некрашэвіч.	М. Байкоў и С. Некрашэвіч. Беларускарасійскі слоўнік. Менск, 1925.
БД	Българска диалектология, I—VI. София, 1962—1971.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, И. Заимов, Ст. Илчев. Св. I—VIII, 1962—1971.
Білецький-Носенко	П. Білецький-Носенко. Словник українськоі мови. Київ, 1966.
Варшавский словарь	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Геров	Н. Геров. Рѣчникъ на блъгарский языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904.
Говоры Прибалтики	В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль²	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 2. М., 1880—1882 (1955).
Даль³	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 3. М., 1903—1909.
Даль⁴	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 4. М., 1912.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (с. Деулино). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
ДТС	Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Наделяев и др. Л., 1969.
Дювернуа	А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, I—IX. М., 1885—1889.
Егоров	В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Иванова. Подмоск.	А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
И-С	Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963.

Караџић	Вук. Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека БАС	Картотека Словаря современного русского литературного языка (Ленинград).
Картотека ДРС	Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV в. (Институт русского языка АН СССР)
Картотека МДРС	Картотека Малого Словаря древнерусского языка XI—XVIII в. (Институт русского языка АН СССР)
Картотека Словаря XVIII в.	Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград).
Картотека СРНГ	Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Мука	Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка, I—II. Пг., 1921—1928.
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Поликарпов	Ф. П. Поликарпов. Лексикон треязычный. М., 1704.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I—II, М., 1910—1914; Окончание — «Труды ИРЯ», I. М., 1949.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей, 1—15, М., 1962—1965.
РСА	Речник српскохрватского књижевног и народног језика, I и сл. Београд, 1959 и сл.
САР[1]	Словарь Академии Российской, I—VI. СПб., 1789—1794 г.
САР[2]	Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, I—VI. СПб., 1806—1822.
Сл. II Отд. 1847	Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, I—IV, СПб., 1847.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II. Свердловск, 1964, 1971.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
Сцяшковіч	Т. Ф. Сцяшковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Тупиков	Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Ушаков	Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, I—IV. М., 1935—1940.
Фасмер	М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, I—IV. М., 1964—1973.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина, I—IX. Л., 1966—1972.
Хостник	М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901.
Bartholomae	Cr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (Berlin, 1961).

Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A—моrъ. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj. Eseji.	F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Collinder FUV	B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm, 1955.
Ernout—Meillet[3]	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire etymologique de la langue latine, I—II. 3 éd. Paris, 1951.
Ernout—Meillet[4]	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire etymologique de la langue latine, I—II. 4 éd. Paris, 1959.
Feist	S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3 Aufl. Leiden, 1939.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—22. Heidelberg, 1954—1970.
Holub—Kopečny	J. Holub, F. Kopečny. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Iveković—Broz	F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Jungmann	J. Jungmann. Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Kálal	Mir. Kálal. Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
Kluge—Götze	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 15. neubearb. Aufl. von. A. Götze. Berlin, 1951.
Kluge—Mitzka	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 19. Aufl. bearb. von Walther Mitzka. Berlin, 1951.
Kotnik	J. Kotnik. Slovensko-angleški slovar. Ljubljana, 1959.
Kott	F. St. Kott. Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Linde	S. Linde. Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.
Lorentz Sl(ovinz) Wb.	Fr. Lorentz. Slovinzisches Wörterbuch, I—II. St. Petersburg, 1908, 1912.
Lorentz Pomor.	Fr. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch, I—III. Berlin, 1958—1971.
Machek[1]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek[2]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.
Mayrhofer	M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—22. Heidelberg, 1953—1970.
Miklosich	F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP	F. Miklosich. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Muka	E. Muka. Słownik dolnoserbskeje rěcy, I—II. Петроград, 1921, 1928.

Mühlenbach—Endzelin	K. Mühlenbach. Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns, burt. I—XLV. Rīga, 1923—1932.
Pfuhl	Dr. Pfuhl. Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik	M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
Polański	K. Polański. Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich, zeszyt 1—3, Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1962—1973. (zeszyt 1 — в соавторстве с Т. Лер-Сплавинским).
PSJČ	Příruční slovník jazyka českého, I—IX. Praha, 1935—1957.
Ramułt	S. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.
Räsänen	M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinski, 1969.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XV — Zagreb, 1880—1956—.
Sadnik—Aitzetmüller	L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1—6. Wiesbaden, 1963—1973—.
Skok	P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I—II. —. Zagreb, 1971—1972—.
Sławski	F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. 1—17—. Kraków, 1953—1971—.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied, I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Sychta	B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—IV —. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1970—.
Trautmann	R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Trávníček	Fr. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Vasmer	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III. Heidelberg, 1953—1958.
de Vries	J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957—1961.
Walde—Hofmann	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.
ВЯ	Вопросы языкознания
ГСУФ	Годишник на Софийския университет, ист.-филол. фак-т.
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИСОНИИ	Известия Северо-Осетинского Научно-исследовательского Института
КСИС	Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
РФВ	Русский Филологический Вестник
Сб. НУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
УЗК БНИИ	Ученые записки Кабардино-Балкарского Научно-исследовательского Института

AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AION	Annali del Istituto Orientale di Napoli. Sezione linguistica.
AJPh	American Journal of Philology
AOr	Archiv Orientalní
BB	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen herausgeg. von A. Bezzenberger
BNF	Beiträge zur Namenforschung
ČZN	Časopis za zgodovino in narodopisje
IF	Indogermanische Forschungen
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LP	Lingua Posnaniensis
LF	Listy Filologické
MIO	Mitteilungen des Institutes für Orientforschung
MIöG	Mitteilungen des Institutes für österreichische Geschichtsforschung
PBB	Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
Razprave ZDHV	Razprave, izdaja Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani
RESEE	Revue des études sud-est européennes
WslJb	Wiener slavistisches Jahrbuch
ZfdPh	Zeitschrift für deutsche Philologie
Zfsl	Zeitschrift für Slawistik

Языки и диалекты

абаз.	абазинский	волог.	вологодский
абхаз.	абхазский	ворон.	воронежский
авест.	авестийский	вотск.	вотский
адыг.	адыгский	вят.	вятский
аккад.	аккадский	галльск.	галльский
алб.	албанский	герм.	германский
алеман.	алеманский	гольд.	гольдский
анат.	анатолийский	гомер.	гомеровский
англ.	английский	горьк.	горьковский
англосакс.	англосаксонский	греч.	греческий
араб.	арабский	груз.	грузинский
арбереш.	арберешский	гуцул.	гуцульский
арх.	архангельский	далм.	далматинский
арм.	армянский	дат.	датский
башк.	башкирский	донск.	донской
блр.	белорусский	др.-англ.	древнеанглийский
бойков.	бойковский	др.-булг.	древнебулгарский
брет.	бретонский	др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
брян.	брянский		
буковин.	буковинский	др.-греч.	древнегреческий
булг.	булгарский	др.-инд.	древнеиндийский
бур.-монг.	бурят-монгольский	др.-ирл.	древнеирландский
валаш.	валашский	др.-исл.	древнеисландский
венг.	венгерский	др.-польск.	древнепольский
вестфальск.	вестфальский	др.-прусск.	древнепрусский
влад.	владимирский	др.-русск.	древнерусский
в.-луж.	верхнелужицкий	др.-сакс.	древнесаксонский
волжск.-касп.	волжско-каспийский	др.-сканд.	древнескандинавский

др.-фриз.	древнефризский
др.-чеш.	древнечешский
занск.	занский
зап.-слав.	западнославянский
и.-е.	индоевропейский
ирл.	ирландский
исп.	испанский
итал.	италийский
каб.	кабардинский
кайк.	кайкавский
калинин.	калининский
калм.	калмыкский
каляз.	калязинский
камск.	камский
касп.	каспийский
катал.	каталонский
кашин.	кашинский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кил.	киликийский
кимр.	кимрский
колым.	колымский
корн.	корнуэльский
курск.	курский
лазск.	лазский
лат.	латинский
ленингр.	ленинградский
лид.	лидийский
лик. Б	ликийский Б
лит.	литовский
лопар.	лопарский
лтш.	латышский
лув. иер.	лувийский иероглифический
м.- аз.	малоазийский
мазур.	мазурский
макед.	македонский
маньчж.	маньчжурский
мар.	марийский
мегрел.	мегрельский
мекленб.	мекленбургский
мессапск.	мессапский
микен.	микенский
митанн.	митаннийский
молд.	молдавский
морд.	мордовский
нар.-лат.	народнолатинский
н.-брет.	новобретонский
н.-в.-нем.	нововерхненемецкий
нем.	немецкий
н.-луж.	нижнелужицкий
новг.	новгородский
общекартв.	общекартвельский
олон.	олонецкий
оск.	оскский
о.-слав.	общеславянский
осташ.	осташковский
палеобалк.	палеобалканский

перм.	пермский
перс.	персидский
петрозавод.	петрозаводский
печор.	печорский
поволжск.	поволжский
подмоск.	подмосковный
польск.	польский
праалб.	праалбанский
прагерм.	прагерманский
праслав.	праславянский
прованс.	провансальский
псков.	псковский
родоп.	родопский
рум.	румынский
русин.	русиновский
русск.	русский
русск.-ц.-слав.	русский церковнославянский
ряз.	рязанский
сван.	сванский
сиб.	сибирский
скр.	санскритский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ст.-алб.	староалбанский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
тамб.	тамбовский
татар.	татарский
твер.	тверской
тессин.	тессинский
тох.	тохарский
тульск.	тульский
тур.	турецкий
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
укр.	украинский
урал.	уральский
фин.	финский
фрак.	фракийский
франц.	французский
хет(т).	хеттский
хорв.	хорватский
ц.-слав.	церковнославянский
чагатайск.	чагатайский
чак.	чакавский
чан.	чанский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
эст.	эстонский
этр.	этрусский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Этимология. 1973

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *А. М. Сатарова*

Сдано в набор 13/VIII 1974 г. Подписано к печати 22/I 1975 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 13.
Уч.-изд. л. 14,9. Тираж 3200. Тип. зак. 1436. Цена 99 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12